

КРЫМ = РОССИЯ НАВСЕГДА

Михаил Владимирский

КРАСНЫЙ КРЫМ 1919 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЛЕГА ПАХМУТОВА

Москва, 2016

УДК 82-311.6
ББК 84 (2Рос=Рус)
В-57

Владимирский М. В.

В-57 Красный Крым 1919 года / М. В. Владимирский. — М. :
Издательство Олега Пахмутова, 2016. — 304 с.

ISBN 978-5-9908031-2-1

Впервые предпринята попытка объединения под одной обложкой разрозненных материалов, относящихся ко второму периоду красной власти в Крыму (апрель-июнь 1919 года). Подробно рассмотрены военные и политические события данного периода, а также то, как эти события отражались на повседневной жизни крымчан. Автор использует как опубликованные данные, так и обширный пласт архивных документов. Книга может служить справочным пособием для профессиональных историков, а также будет полезна для широкого круга читателей, интересующихся периодом Гражданской войны в Крыму.

УДК 82-311.6
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9908031-2-1

© Владимирский М. В., текст, 2016
© Пахмутов О. А., издание, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
1. Военная панорама	
Глава 1. Как красные в Крым входили	9
§ 1. События в Севастополе и вокруг него	23
§ 2. События в Ялте	31
§ 3. Наступление на Восток. образование Ак-Монайского фронта	34
Глава 2. Красные военные в Красном Крыму	60
§ 1. КСА — «Крымская советская армия»	60
§ 2. Армия и обыватели, армия и гражданская власть	63
§ 3. Бои на Ак-Монайском фронте	71
Глава 3. Участие Крымской армии П. Дыбенко в подавлении мятежа Н. Григорьева ...	77
Глава 4. Белые возвращаются в Крым	90
§ 1. События в Севастополе	104
§ 2. События в Ялте	107
2. Панорама Политическая	
Глава 1. Предыстория — нелегальный период деятельности большевиков	113
Глава 2. Большевики выходят из подполья	123
Глава 3. Небольшевистские партии Крыма во время второго красного режима	130
Глава 4. Ревкомы	136
Глава 5. Правительство	162
§ 1. История создания правительства	162
§ 2. Окончательный состав правительства	169
Глава 6. Формирование советов депутатов	192
§ 1. Симферопольский горсовдеп	192
§ 2. Севастопольский горсовдеп	195
Глава 7. Национальный вопрос	198
§ 1. Татары	198
§ 2. Греки	201
§ 3. Евреи	204
Глава 8. Крымские чека 1919 года	209
Глава 9. Сводки, доклады и отчеты из Крыма для ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У	217
3. Панорама повседневности	
Глава 1. Проблемы личной свободы	240
Глава 2. Продовольственный вопрос	255
Глава 3. Экономика и денежное обращение	265
§ 1. Экономика	265
§ 2. Финансы и денежное обращение	270
Глава 4. Культура и образование	281
Глава 5. Медицина и социальное обеспечение	296
Вместо заключения	301

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если не вдаваться в подробности, то суть явления под названием «Красный Крым 1919 года» можно изложить в нескольких строках. В начале апреля 1919 года некие красные полки через перешейки вошли в Крым, вытесняя деникинцев на восток. В конце апреля белые части закрепились в основании Керченского полуострова. «Красные» органы власти сначала организовывались в виде ревкомов. Затем в первых числах мая было сформирован Временный совнарком Крыма. Тогда же прошли выборы в местные советы депутатов. Предполагалось, что полнота власти перейдет от совнаркома к съезду Советов Крыма, но съезд собраться не успел, поскольку во второй половине июня белые начали активные боевые действия и в течение десяти дней вытеснили красных военных и их сторонников из Крыма.

Вряд ли такая упрощенная фабула может кому-то показаться интересной. К тому же смущает краткость явления: считается, что от «пришли» до «ушли» прошло всего 75 дней. Но за этот краткий период имело место столько событий и парадоксов, на которые в других случаях потребовались бы годы. Кстати, о парадоксах, ведь именно они и заинтересовали меня и побудили заняться этой темой. Например, замечу, отбросив подробности, что председатель Симферопольского ревкома убежденная большевичка Е. Р. Багатурьянц («Лаура») вела себя в красный период настолько безукоризненно, что при деникинцах военно-полевой суд её оправдал! Еще один парадокс: оказывается, у большинства крымских наркомов (все они были большевиками) в качестве заместителей работали меньшевики. Выходили в тот период газеты социалистических партий (я имею в виду меньшевиков и левых эсеров). Отталкиваясь от этих примеров, соблазнительно представить Крымскую ССР 1919 года как образец гуманного решения, как некий красный режим «с человеческим лицом». И хотелось бы понять, какова же степень такой мягкости, каковы предпосылки, причины и последствия такого феномена.

Чтобы определиться с местом, которое занимает анализируемый нами период во время Гражданской войны в Крыму, перечисляю укрупнено все периоды той эпохи.

НОЯБРЬ 1917 – АПРЕЛЬ 1918. Первый красный период, как следствие Октября. Основные движущие силы: анархисты, за ними левые эсеры и большевики. К концу периода — недолгое существование Республики Таврида.

АПРЕЛЬ – НОЯБРЬ 1918. Немцы в Крыму. Прогерманское правительство С. Сулькевича — Первое Краевое правительство.

НОЯБРЬ 1918 – АПРЕЛЬ 1919. В связи с окончанием Первой Мировой войны немцы покидают Крым. Им на смену в портах Черного моря появляются корабли Антанты. Второе Краевое правительство С. Крыма, которому военную поддержку оказывали страны Антанты и армией А. Деникина.

АПРЕЛЬ – ИЮНЬ 1919. Интересующий нас второй красный период.

ИЮНЬ 1919 – НОЯБРЬ 1920. В Крыму распоряжаются деникинцы, а с апреля 1920 — правительство П. Врангеля.

НОЯБРЬ 1920. Под напором Красной армии сторонники Врангеля покидают Крым. Последний — третий приход красной власти.

Тесно примыкает к периоду Гражданской войны полоса голода в Крыму (**ЛЕТО 1921 – ЛЕТО 1922**).

Что касается источников работы, то прежде всего хочу заметить, что богатый фактический материал, содержащийся в некоторых работах советских историков, несомненно, очень ценен и был мною использован. Но полностью доверять их выводам и обобщениям по понятным причинам не приходится. Кстати, слишком беглое освещение в советских работах исследуемого мною периода тоже стимулировало мой интерес к теме. Для историков зарубежных (в том числе и эмигрантов) эта тема по-видимому интереса не представляет. Историки современной России почему-то брезгливо отворачиваются от этой темы. Здесь не могло не сказаться и то обстоятельство, что с 1954 до весны 2014 года Крым находился под юрисдикцией Украинской ССР, а затем и независимой Украины. Значительных работ современных украинских историков по данному периоду практически нет. Единственным исключением являются работы на украинском языке Т.Б. Быковой, затрагивающие без детализации период Красного Крыма 1919 года. Но они отражают лишь одну сторону событий — политическую.

Несколько слов о структуре книги. В порядке эксперимента, книга сформирована в трех направлениях, которые автор назвал «панорамами». Такая искусственная сепарация конечно имеет свои плюсы и минусы. В защиту своего подхода замечу, что каждая из трех панорам является самостоятельным массивом, формально независимым от остальных двух, что позволяет читателю, интересующемуся нужной темой, обращаться только к соответствующей панораме, не читая всю книгу. С другой стороны, неизбежны повторы и неудобство при получении общего представления. Но мнение остается за читателем. Три панорамы, дают возможность читателю найти нужную ему часть материала, использовать ее не только для самообразования (впрочем, и для него тоже), но и для последующей исследовательской работы.

Рассматривая крымскую историю 1919 года, автор сознательно не употребляет слова «советский» и «советская» ни к власти, ни к армии, считая, что этот термин в привычном для нас понимании никак не соответствует реалиям того времени. Но оговоримся, что свою армию крымчане называли «Крымская советская армия» (мы будем ее для краткости именовать КСА).

Свою задачу автор видел не в том, чтобы доказать, насколько правы были белые или красные в борьбе за Крым, а в том, чтобы максимально подробно показать — что же представлял собой крошечный по времени кусок крымской истории — Красный Крым 1919 года. Хотелось бы отметить сознательное стремление автора давать сведения по максимуму (нередко излишнему), но не домысливать ситуацию в тех случаях, когда сведений найти не удалось. Не будучи профессиональным историком, автор стремился быть максимально сдержанным в выводах и обобщениях, оставляя большую часть этой работы профессионалам.

М.В. Владимирский
Москва, 2016

1

**ВОЕННАЯ
ПАНОРАМА**

КАК КРАСНЫЕ В КРЫМ ВХОДИЛИ

После отхода немецких и австрийских войск из Северной Таврии¹ осенью 1918 г. города и крупные железнодорожные станции были заняты деникинскими отрядами, а в черноморских портах высадились отряды Антанты. План деникинцев состоял в том, чтобы пробиться южнее Екатеринослава на соединение с союзниками, высадившимися на Черноморском побережье.

В противовес им в сельской глубинке сформировались многочисленные повстанческие отряды, которые начали борьбу с деникинцами партизанскими методами. Новый импульс повстанческому движению придало приближение к районам Северной Таврии регулярной Красной армии. В связи с высадкой войск Антанты на Черноморском побережье постановлением Реввоенсовета республики от 4 января 1919 г. был создан Украинский фронт. Командующим его был назначен один из военных руководителей Октябрьского восстания 1917 г. в Петрограде В.А. Антонов-Овсеенко². Регулярные войска Украинского фронта включали лишь

1 «Таврию оккупировали немцы, а Екатеринославскую губернию австрийцы. Граница проходила по реке Берда, в 18 км от Брянска. У моста с одной стороны дежурил немецкий часовой, с другой — австрийский. Немцы не заставляли никого выполнять продрозверстку, как это делали большевики. А платили деньги, и крестьяне сами везли им и охотно продавали все, что у них было для продажи. Австрийцы, как бы нарочно [уходя] бросили много оружия, которым воспользовался Махно. Он хорошо вооружил свою шайку и провозгласил Анархию. Круг его действий был от Мариуполя до узловых станций Пологи». [С. Скорик. Воспоминания // Архив Дома Русского Зарубежья имени А.И. Солженицына (АДРЗ), ф. 1, оп. 1, д. Ав-18, л. 3].

2 **В.А. Антонов-Овсеенко.** *Версия официальная:* С 4 января по 15 июня — командующий Украинским фронтом.
Версия неофициальная: «Против [назначения] Антонова Украинское ЧЕКА, правительство, партия, массы, командный состав, а также Вы и главком [И.И. Вацетис]», — писал 6 января 1919 г. В.И. Ленину председатель правительства и РВС Украины Ф.С. Сергеев (Артем). К этому протесту также присоединились М.Л. Рухимович, К.Е. Ворошилов, В.И. Межлаук и члены ЦК КПУ. Тем не менее, В.А. Антонов оставался на этой должности вплоть до ликвидации Украинского фронта. [Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. — М. РОССПЭН. 1999, с. 263.]

12 тыс. штыков и сабель при 20 орудиях, что было явно недостаточно для ведения активных боевых действий. Резервом регулярных войск стали многочисленные разрозненные повстанческие отряды, объединенные к тому времени в три основные группы под началом П. Дыбенко, Н. Григорьева³ и Н. Махно⁴. Объединением этих трех групп в единый военный механизм занялся соратник В. Антонова-Овсеенко

- 3 **Григорьев Никифор (Ничипір) Александрович** (1878–1919). Настоящая фамилия Серветный. Во время 1-й Мировой войны дослужился до звания штабс-капитана. Служил в войсках Центральной Рады, затем у гетмана П. Скоропадского, а с декабря 1918 г. — в армии С. Петлюры. После изгнания петлюровцев с правобережья Днепра в г. Знаменка образовалось левозерсовское правительство под названием Центроревком. Атаман Н. Григорьев возглавил вооруженные силы Центроревкома, штаб его находился там же в Знаменке. В начале января 1919 г. между Григорьевым и представителем правительства Х. Раковского С.И. Петренко-Петриковским — начальником штаба Особой группы войск, было достигнуто соглашение. 15 (2) января Петренко докладывал В.Х. Ауссему, в тот момент командующему Харьковской группой войск: *«Атаман Григорьев принял наше условие признать высшую власть Временного Рабоче-крестьянского правительства и военное командование в лице Реввоенсовета, оставив возможность дальнейших переговоров между его центром, т. е. левозерсовским правительством»* — *Центроревкомом...*. Об этом соглашении Раковский доложил и в Москву. Характерно, что Григорьев в ходе дальнейших переговоров с Петренко заявил, что его объединение с красным верховным командованием он считает лишь оперативным. Эту оговорку Григорьева пришлось вспомнить в начале мая, когда начался григорьевский мятеж. [Рубач М. К истории Гражданской войны на Украине (переход Григорьева к советской власти), Летопись революции (Харьков), 1924, № 3 (8), с. 175–188]. Несколько позже (13 марта) назначение Григорьева командующим 1-й Заднепровской бригады было официально санкционировано приказом № 1 Временного правительства Украинской ССР [Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 4. 1933. М., с. 70].
- 4 **Махно Нестор Иванович** (1889–1934). Как сообщают советские источники, «один из главарей мелкобуржуазной контрреволюции на Украине». Первый вооруженной отряд создал в апреле 1918 г. и вел борьбу с австро-германскими оккупантами и гетманскими властями. Опирался на зажиточные слои крестьян, среди которых приобрел большую популярность. Литература о Н. Махно огромна, считаем необходимым упомянуть один из интересных источников: *Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно.* — Киев: РВЦ «Проза»: 1993. Присоединение махновцев к Заднепровской дивизии, действовавших до этого против «белых» независимо, было обусловлено ухудшением для них военной ситуации после 20 января 1919 г. *«С Кавказа в Приазовье прибыли части Добровольческой армии. Из Бердянска, Геническа, Мариуполя в направлении Гуляй-Поля выступило около 20 тыс. белогвардейцев. Они захватили ст. Орехово, Пологи, села Туркеневку и Воскресенку. Повстанцы были прижаты к Гуляй-Полю, которое в ожесточенных боях переходило из рук в руки. В конце концов пришлось сдать и Гуляй-Поле. Положение было настолько критическим, что оставалось надеяться только на Красную Армию»*, — вспоминал начальник штаба Н. Махно В. Белаш [Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно. — Киев: РВЦ «Проза». 1993]. Поэтому 26 января по заданию Н. Махно один из его помощников А. Чубенко встретился в Нижнеднепровске с П. Дыбенко и попросил помощи. В середине февраля после взятия махновцами станции Пологи туда приехал Дыбенко, *«который объявил Махно о том, что он, Махно, назначен командиром 3-й Заднепровской бригады, а все войска должны развернуться в бригаду. Тут же были присланы политкомы...»*.

по Октябрьскому перевороту в Петрограде П. Дыбенко, которому помогал молодой большевик С.И. Петренко-Петриковский.

13 января в составе Украинского фронта была создана группа войск харьковского направления. Согласно приказу № 1 по этой группе, командиром группы войск харьковского направления назначен В.Х. Ауссем. Но Ауссем возглавлял группу недолго: в приказе № 20 от 22 февраля указано⁵, что «Ауссем по болезни освобождается от должности и увольняется в отставку с 11 февраля». Временным, а затем и постоянным, командиром харьковской группы становится А.Е. Скачко⁶ (до этого — начальник оперативного отдела штаба этой группы). Более четкую структуру харьковская группа получила 19 февраля, когда А.Е. Скачко подписывает приказ⁷ о создании Заднепровской Украинской Советской дивизии:

«Войска входящие во вверенную мне группу, приказано свести в дивизию, а посему приказываю: из частей, находящихся под командой тт. Дыбенко, Махно и Григорьева, образовать одну стрелковую дивизию, которой впредь именоваться Заднепровской украинской советской дивизией.

Начальником этой дивизии назначается т. Дыбенко».

Иными словами, ядром харьковской группы сначала была Заднепровская дивизия, точнее 1-я Заднепровская, поскольку предполагалось, что затем в группе будут сформированы и другие Заднепровские дивизии, но этого не произошло. Несколько позже в харьковской группе появились новые соединения: 2-я отдельная бригада, 3-я бригада и Крымская бригада.

Далее в приказе говорилось: *«Из отрядов атамана Григорьева образовать 1-ю бригаду, в составе которой должны образоваться 1-й, 2-й и 3-й Заднепровские пехотные стрелковые полки».* Произошло не совсем так: 1-й Заднепровский полк был назван Н. Григорьевым «Первым Верблюжским», 2-й — «Вторым Херсонским», 3-й — «Третьим Таврическим». Далее в приказе А.Е. Скачко говорится: *«Из 13-го, 14-го, 17-го и 18-го полков образовать 2-ю бригаду, в составе которой должны образоваться 4-й, 5-й и 6-й Заднепровские пехотные стрелковые полки».* Заметим, что именно 2-я бригада нас и интересует как основная сила, вскоре вошедшая в Крым.

Далее: *«Из 19-го и 20-го полков образовать 3-ю бригаду под командой т. Махно, в составе которой должны образоваться 7-й, 8-й и 9-й Заднепровские пехотные стрелковые полки.*

После этого Махно возвращается в Гуляй-Поле в очень хорошем настроении: *«Думал ли я, что буду командиром бригады, если я не был ни одного дня на военной службе, а теперь я — командир бригады. Да помимо того еще и такое уважение ко мне...».* И стал говорить, что, по словам Дыбенко, он на самом лучшем счету у большевиков-коммунистов, и если и бывают неприятности, то только благодаря того, что просто хотят подтянуть его, чтобы особенно не распускались». [Чубенко А. Дневник адъютанта Махно Алексея Чубенко // РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 525, л. 41, 42, 45].

5 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 1022, л. 1, 49.

6 См. приложение 1–1.

7 РГВА, ф. 103, оп. 1, д. 50, л. 11.

Кроме вышеозначенных частей в состав этой дивизии входят бронепоезда № 8 и «Грозный», авиаотряд, броневой дивизион и артиллерия в количестве 15 орудий и 1-й Екатеринославский кавалерийский дивизион.

Приказываю все это формирование произвести в кратчайший срок вышеуказанным начальникам, относительно же вспомогательных частей, которые в данный момент не могут [быть] сформированы своими средствами, в кратчайший срок войти в сношение со мной для представления комфронту и через него Нарокомвоену Украины для соответствующих заданий военным комиссариатам в деле создания таких частей.

Врид командующего группой Скачко

Врид начштаба Карташев».

К 23 февраля был полностью сформирован штаб заднепровцев. Это видно из приказа⁸ А.Е. Скачко № 22 от 28 февраля (§ 2), который написан в совершенно нехарактерном для приказов стиле — не приказ, а прямо-таки зарисовка с натуры! Как тут не вспомнить, что А.Е. Скачко «в прошлой жизни» — военный корреспондент...

«23-го февраля я осмотрел штаб Заднепровской дивизии. Штаб начал формироваться всего несколько дней тому назад, причем начальнику дивизии тов. Павлу Дыбенко по случаю переезда полевого казначейства группы до сих пор не было выдано денег на формирование. Несмотря на это я нашел штаб окончательно организованным. Личный состав весь подобран, штабная работа вполне налажена. Во всех отделах я получил исчерпывающие доклады о положении дел. В штабе царит идеальный порядок, все начиная с безупречной внешней чистоты и подтянутого вида людей, говорит о строгой организованности и твердой воинской дисциплине. Товарищу Дыбенко до сих пор не было отпущено ни копейки денег и к нему не было прислано ни одного человека на помощь из центра, тем не менее, тов. Дыбенко сумел найти дельных знающих помощников и в кратчайший срок сумел организовать штаб, по порядку и налаженности работы стоящий выше любого наилучше поставленного штаба корпуса старой армии. Создав такой штаб в тех условиях, в каких находится тов. Дыбенко блестяще доказал организационные способности Пролетарской Революции и ее деятелей, вышедших из глубины пролетарских масс.

От лица службы Пролетарской Революции и Красной Армии объявляю н-ку 1-й Заднепровской дивизии Павлу Дыбенко, начальнику его штаба Петренко⁹ и его ближайшим сотрудникам глубокую благодарность.

Приказ этот прочесть по всем частям Харьковской группы войск».

К этому времени был не только сформирован штаб, но и определен состав Заднепровской дивизии.

Но обстоятельства сложились так, что воевать всей Заднепровской дивизии совместно не пришлось. Первая бригада Григорьева отошла от 1-й Заднепровской дивизии и составила основу группы войск Одесского направления (командующие Скачко, затем Худяков), т.е. была нацелена на освобождение от белых Одессы, 3-я

8 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 1022, л. 24.

9 См. приложение 1–2.

бригада Махно — на оборону от деникинцев, наступавших со стороны Донбасса. Для второй бригады была поставлена другая задача.

В начале февраля войска Деникина стремились пробиться южнее Екатеринослава на соединение с силами Антанты. В качестве ответной меры командующим Украинского фронта В.А. Антоновым-Овсеенко и командующим войсками Харьковского направления А.Е. Скачко были даны указания командиру 1-й Заднепровской дивизии П.Е. Дыбенко «ограничиться надежным заслоном», т.е. закрыть деникинцам выход из Крыма и не дать им прорваться к Херсону, где находилась часть десанта Антанты.

Однако П.Е. Дыбенко имел в виду другой план: быстрый захват Крыма и прорыв к Керчи, откуда можно было бы развернуть операцию против деникинцев на Северном Кавказе. План этот не выдерживал никакой критики хотя бы потому, что даже пробившись к Керчи, красные не смогли бы преодолеть пролив между Крымом и Кавказом, поскольку флот союзников полностью господствовал на море. Но Дыбенко сумел заинтересовать этим планом командующего Украинским фронтом В.А. Антонова-Овсеенко: «Фантастическая мечта — прорваться в Керчь, откуда создать угрозу тылам добровольческой армии, фантастическая, благодаря господству на Черном море враждебного нам союзного флота, увлекла и командукра [т.е. самого В.А. Антонова-Овсеенко — *М.В.*]. Конечно в вырисовавшейся обстановке следовало во всяком случае отказаться от активных операций в Керченском направлении и две трети сил П. Дыбенко (до 10 000 штыков) перебросить в Таганрогское направление». Но в своих «Записках...» ответственность за вход в Крым он перекладывал¹⁰ на П. Дыбенко: «Мы располагали решающим перевесом сил в Крымском направлении. П. Дыбенко, не выполняя указанной директивы, [ограничиться надежным заслоном] перешел в решительное наступление к югу». Начальник харьковской группы А.Е. Скачко тоже впоследствии всячески откешивался от своего содействия этому, заявляя, что никогда не давал П. Дыбенко приказаний войти в Крым. Между тем 26 марта он сам дал¹¹ однозначные указания П. Дыбенко по этому поводу: «Главный удар на Перекоп с целью выйти на Джанкой. Частями, действующими на Чонгарском полуострове, производите усиленную демонстрацию. № 0571». Тогда же А. Скачко справедливо сетует¹² в телеграмме П. Дыбенко: «Прошу сообщить о скольких головах тов. Петренко, ибо он у вас состоит начальником штаба дивизии, командует второй бригадой, и он же предназначен к командованию Крымской бригадой...». Он же так объяснял¹³ 16 апреля командующему фронту Антонову-Овсеенко причину, по которой бойцы 2-й бригады вошли в Крым: «... Дыбенко, на упрек, что он не исполнил оперативного приказа и увлекся самовольно в глубину Крыма, отвечает, что сделал это по необходимости, ибо после взятия Сиваша и Перекопа в полках 2-й бригады оставалось всего по 500, 600 человек,

¹⁰ Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 4. 1933. М., с. 88, 94.

¹¹ РГВА, ф. 936, оп. 1, д. 3, л. 67.

¹² Там же, л. 58.

¹³ Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч., с. 57.

и только вид разбитого и бегущего противника повлек полки в дальнейший бой в глубину Крыма. Будь тогда сделана попытка перебросить части на другой участок фронта, люди сочли бы это предательством и не исполнили бы приказа...». Бои на подступах к стратегически важному пункту Северной Таврии — Мелитополю с переменным успехом длились целый месяц. В первой половине марта части 2-й Заднепровской бригады заняли станции Пришиб и Федоровка севернее Мелитополя, а 14 марта освободили Мелитополь. Через два дня красные продвинулись еще на 35 верст южнее Мелитополя — до ст. Большой Утлюг. Тем самым были предотвращены попытки войск Донского фронта белых соединиться с силами Антанты в Херсоне и портах Таврии.

В 20-х числах марта войска 2-й бригады подошли к укрепленным позициям белых на Чонгарском и Перекопском перешейках.

На Перекопском перешейке находились 2500 деникинских и 600 греческих солдат. На Чонгарском перешейке укрепился Мелитопольский офицерский полк и другие части 5-й пехотной дивизии под командой генерала Матвеева. На флангах — со стороны Черного и Азовского морей — расположились военные корабли Антанты¹⁴.

О настроении оборонявшихся деникинцев свидетельствует¹⁵ дневник рядового бойца Добровольческой армии, находившегося в то время в Симферополе:

«11 марта. Атмосфера сгущается. На фронте видно дела крайне плохи, да и в тылу не лучше. Сегодня наш капитан собрал нас всех и объявил, что в Севастополе рабочие потребовали удаления Добровольческой армии из Крыма и восставления Советов; затем, что железнодорожники отказываются наотрез перевозить грузы и снаряжение для Добровольческой армии.

12 марта... Сегодня вторая годовщина Русской Революции. <...> Был в городе. Все тихо. Хотя чувствуется что-то роковое. Видел двух матросов в форме, но без погон, первый предвестник наступающей грозы. Передают, что в железнодорожном депо сегодня митинг рабочих и, конечно, будут говорить большевики. Я удивляюсь только, почему наше командование смотрит на все это так сквозь пальцы. <...> Мелитополь эвакуируется. Беда, да и только. Неужели дело дойдет до того, что наши на смогут сдерживать напор красных на Крым. Что ж спят союзники?...».

Практически о том же пишет¹⁶ начальник штаба севастопольской крепости Ф.П. Рерберг: «Пока была надежда на успех, Екатеринодарское и Симферопольское начальство весьма хладнокровно относилось к нашим предложениям об укреплении и вооружении пушками Канэ Перекопских и Чонгарских позиций; над нами смеялись, наши предложения отвергали...». Похоже, такая беспечность верхов Добровольческой армии в отношении обороны Крыма объяснялась уверенностью в скором взятии Москвы. Такое же мнение высказывал¹⁷ и Д.С. Пасманик.

14 РГВА, ф. 103, оп. 1, д. 5, л. 37.

15 А.В. Дневник обывателя//Архив русской революции № 4, с. 274.

16 Рерберг Ф.П. Записки и воспоминания...//АДРЗ, ф. 1, оп. 1, д. М-86, (Т. 9), л. 1418–1419.

17 Пасманик Д.С. Революционные годы в Крыму. Париж. 1926, с. 191.

* * *

В направлении Чонгара важную победу красные части одержали 25 марта, когда была взята первая линия обороны деникинцев под ст. Сальково, захвачены значительные трофеи. Тогда же был освобожден г. Геническ¹⁸.

Политком 5-го Заднепровского полка Б. Дашевский по горячим следам событий вспоминал¹⁹ об этом этапе наступления Заднепровской дивизии: *«Блестящим ударом ею был взят укрепленный пункт добровольцев у станции Пришиб и неудержимым натиском докатилась красная волна до Сальково. С гармонией, за отсутствием оркестра, наступали роты 5-го [Заднепровского] полка, и немало крови попортили себе батальонные и полковой командир, требуя, чтобы наступление велось перебежками и с применением окапывания. «Душа кипит, когда видишь близко кадетов, хочется поскорее штыком достать, как тут лежать будешь», — отвечали красные бойцы и не останавливаясь шли вперед...»*. 26 марта командование группы войск Харьковского направления приказало²⁰ направить «главный удар на Перекоп с целью выйти на Джанкой. Частям, действующим на Чонгарском полуострове, проводить усиленную демонстрацию».

* * *

На Чонгарском направлении²¹ под командованием руководителя Крымской группы С.И. Петренко (Петриковского) воевали все три Заднепровских полка²² 2-й бригады:

- 4-й Заднепровский полк, (командир Квотченко, комиссар Васильев; в полку числилось 2700 человек, из них вооруженных бойцов 2000).
- 5-й Заднепровский, командир Лунев, комиссар Кан; в полку числилось 13400 человек, из них 600 имели винтовки, в полку было 4 пулемета.
- 6-й Заднепровский, командир Шишкин, комиссар Ступаков; из 800 человек личного состава вооружено винтовками 500 человек, в полку имелось 8 пулеметов.

18 РГВА, ф. 103, оп. 1, д. 110, л. 62.

19 Б. Дашевский. Заднепровская дивизия // Известия (Симферополь), № 21, 11 мая, с. 2.

20 РГВА, ф. 103, оп. 1, д. 100, л. 187.

21 Единственная в то время железная дорога в Крым проходила через Чонгарский полуостров по маршруту: Сальково – Джимбулак (Новый труд) – Чонгар – Сиваш – Таганаш (Соленое Озеро) – Мамут – Джанкой. На этом пути находились два железнодорожных моста на бетонных дамбах до 8 м шириной и протяжением до 5 км: Сальковский и Сивашский, расположенные вблизи соответствующих станций [Перекоп и Чонгар. Сборник статей и материалов под общей редакцией А.В. Голубева. Гос. военное изд-во. М., 1933. с.26]. Шоссе от материка в Крым проходило и сейчас проходит несколько иначе: до станции Джимбулак (Новый труд) шоссе шло близ железной дороги, затем уходит от нее влево. После чего оно минует поселок Чонгар и Чонгарский мост (т.е. мост через Чонгарский пролив Сиваша). В то время мост был деревянным. Далее — через поселки Тюп-Джанкой (Предместное), Медведевку и Столбовое. Максимальное удаление шоссе от железной дороги составляет около 10 км. Между станцией Мамут и современным поселком Ветвистое шоссе опять приближается к железной дороге и идет вдоль нее до Джанкоя. Старый мост через Чонгарский пролив (но не деревянный а бетонный, построенный после Гражданской войны) еще сохранился, он находится правее современного моста.

22 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 374, л. 47.

Кроме того на этом направлении действовал кавалерийский дивизион²³ (командир Маркозашвили, 560 человек, 450 сабель, 450 лошадей) и взвод тяжелых 48-линейных мортир²⁴.

28 марта эти части с боем подошли к Чонгарскому мосту, а на следующий день форсировали Чонгарский перешеек. Командир 2-й бригады С.И. Петриковский (Петренко) в тот же день сообщил²⁵ из Новоалексеевки: «...Бой шел четверо суток день и ночь как артиллерийский, так и пулеметный и ружейный... На четвертый день боя вверенная мне бригада разбила противника <...>. Захваченные нами бронепоезд «Сокол» и броневая площадка «Муромец» взяты в рукопашном бою <...> На деревянном Чонгарском мосту нами установлены уже пулеметы, так что переход в Крым открыт».

Иными словами, вместо заданной «усиленной демонстрации» группа С. Петренко прорвалась через Чонгар в Крым. 9 апреля этой группой после боя с греческими войсками был взят Джанкой. До Симферополя оставалось 160 верст.

Чтобы хоть на некоторое время задержать дальнейшее наступление красных войск по Арабатской стрелке, интервенты в ночь на 1 апреля направили к Геническу два французских миноносца, которые начали обстрел города и окрестных сел²⁶. Со стороны Чонгарского перешейка Крым обороняли главным образом части 5-й дивизии генерал-лейтенанта Н.Н. Шиллинга. Основные силы дивизии составляли уже довольно потрепанные Бердянский и Перекопский пехотные батальоны. В дивизию также входили остатки Сводно-гвардейского и 1-го Сводного полка, а также три артдивизиона и небольшое количество кавалерии. Под давлением трех Заднепровских полков группировка белых отошла к Джанкою, который после тяжелых боев 5 апреля пришлось оставить. Затем Чонгарская группа стала отходить в сторону Керчи по железной дороге на Владиславовку и далее на Ак-Монай. Преследовал эту группу только один из Заднепровских полков (6-й), поскольку два других Заднепровских полка (4-й и 5-й) направились к Симферополю. Поэтому отступление Чонгарской группы белых от Джанкоя в сторону Керчи было сравнительно спокойным. Инженерные части группы успели разрушить за собой железнодорожные пути. На Ак-Монае эта группа оказалась на неделю раньше группы, отступавшей с Перекопа. Это позволило подготовить оборонительные позиции на Ак-Монае.

После взятия Чонгарской группой красных Джанкой решающие боевые действия разворачивались на Перекопском перешейке.

* * *

О Перекопском перешейке разведка давала²⁷ следующие сведения.

«Узкая полоса земли около 12 верст в ширину и приблизительно такой же длины, лежащую между Сивашом и Перекопским заливом. Северо-восточный берег

23 РГВА, д. 361, л. 4.

24 Там же, ф. 936, оп. 1, д. 12, л. 6.

25 Гражданская война на Украине (сборник документов и материалов). Т. 1, кн. 2, Киев, 1967, с. 270.

26 РГВА, ф. 174, оп. 3, д. 39, л. 79.

27 РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 858, л. 1.

перешейка изрезан, имеет несколько небольших полуостровов и длинный залив в районе Перво-Константиновки. Местность совершенно открытая, ровная без командных высот за исключением незначительных высот в северной и северо-восточной части перешейка. Дороги хорошие, во всякое время пригодные для передвижения войск всех родов оружия, сходящиеся в общем направлении на юг в г. Перекопе — единственном крупном населенном пункте этого района; основная дорога — тракт Чаплинка — Армянск (через Перекоп)».

Тактическими выгодами топографических условий местности для обороны является незначительная ширина перешейка, позволяющая сконцентрировать на небольшом пространстве все виды фортификационных построек и развить в глубину полосу обороны, имея фланги прикрытые заливами²⁸.

Современный Перекопский перешеек существенно отличается от того, каким он был в 1919 г. Тогда не было железной дороги из Симферополя на Киев (она построена в 1930-х годах). Не было Северо-Крымского канала, поставляющего воду в засушливые районы полуострова (создан в 1961–1971 годах). Город Перекоп уже не существует; его «наследник» — Красноперекопск находится в 17 км от прежнего Перекопа. Длина Перекопского перешейка — 30 км. Ширина — 7 км в самом узком месте, 9,2 км в южной части.

Теперь узнаем мнение об укреплениях Перекопского перешейка руководства обороняющейся стороны — Симферопольского офицерского полка²⁹. Обследовав местность, командиры убедились, что существование Перекопских укреплений, да еще с несколькими рядами проволочных заграждений, оказалось мифом. «Лишь на левом фланге у «Кордона» нашли сомкнутый окоп для стрельбы стоя с тремя рядами проволоки и несколько восточнее другой окоп. Больше ничего по всей линии». Командир полка тотчас же секретно донес об этом начальнику 4-й пехотной дивизии генералу Корвин-Круковскому и начальнику штаба полковнику Дубяго. Те были «более чем поражены».

Наступательную операцию на Перекопском участке возглавил некто Иван Котов³⁰, любимец П. Дыбенко, фигура явно неоднозначная. На этом направлении действовали три повстанческих полка, численностью до 3 000 бойцов, сформированных

28 Штаб Харьковской группы со своей стороны предупреждал о трудностях преодоления Турецкого вала: «В двух-трех верстах к югу от Перекопа по Евпаторийской дороге находится старинное укрепление: сильные профили опоясанные рвом до 3-х саженой глубины, весной наполненные водой. Это укрепление удачно замаскировано [и] держит под огнем Перекопский перешеек и запирает вход в Крым с севера. Во избежание засады и напрасных жертв следует избегать лобового удара на Перекоп, а попытаться не доходя 10 верст до Перекопа свернуть на запад к Перекопскому заливу в обход укрепления [вне] достижения неприятельской артиллерии. Предварительно необходимо произвести тщательную конную и воздушную разведку в окрестностях Перекопа. Харьков 21 марта № 0751». [РГВА, ф. 936, оп. 1, д. 3, л. 40].

29 *Альмендингер В.* Симферопольский офицерский полк в Крыму // Вооруженные силы на Юге России/сост. С.В. Волков. — М., 2003, с. 523.

30 См. приложение 1–3.

главным образом из крестьян Екатеринославщины и Таврии. После нескольких неудачных попыток штурма Перекопа, 3 апреля было предпринято более тщательно подготовленное наступление. По сведениям историка и краеведа Перекопа Л.П. Кружко³¹, штурм начался одновременно по всей линии Перекопского вала силами двух полков. Общее наступление началось от Первоконстантиновки, поселка находящегося к континентальной части Перекопского полуострова. Там сгруппировались основные силы красных для взятия Перекопа.

На северо-западную часть Перекопского вала (от Перекопского залива до дороги Джанкой-Каховка) наступал 3-й Таврический полк под командованием Всеволода Павловского. Инспекторы Заднепровской дивизии были не слишком высокого мнения³² относительно политического уровня бойцов 3-го Таврического полка: «Полк имеет определенно партизанский характер и резко противится комиссарам по назначению. Лезовосеровщина в полку сильна, есть даже бывшие петлюровские солдаты». Однако это не помешало полку блестяще выполнять задачи командования. Полк этот оказался в гуще событий на Перекопе в связи с тем, что первоначально штаб Украинского фронта планировал проводить крымскую операцию силами 1-й (григорьевской) бригады заднепровцев. Как остаток этого плана в крымской группе помимо 2-й бригады и оказался 3-й Таврический полк из 1-й бригады.

На северо-восточную часть Перекопского вала — от побережья Сиваша и до дороги Джанкой-Каховка — наступал 1-й Резервный полк 2-й Заднепровской бригады под командованием И.С. Моисеенко (впоследствии получивший название 1-го Особого полка).

Третий полк, который участвовал во взятии Перекопа — сводный полк из 2-го и 3-го Резервных полков (командир — Григорий Чайка; в более ранней работе Кружко указано, что командиром этого сводного полка был В.П. Поливанов), позже этот сводный полк получил название 1-го Ударного полка³³. Этот полк вместе с приданной ему группой разведчиков («Отрядом особого назначения») атаковал Перекопский перешеек с востока, т.е. со стороны Сиваша. Наступление началось из Строгановки — села, находящегося напротив Чувашского (ныне Литовского) мыса Перекопского полуострова, там расстояние до Перекопского полуострова через Сиваш минимально. Бойцы этого полка перешли Сиваш вброд к селу Григорьевка, сбив сторожевое охранение белых на Чувашском мысе и устремились на Армянский Базар (Армянск³⁴), отрезая тылы оборонявшихся белых. И это при том, что около бродов через Сиваш были установлены проволочные заграждения, а в воду была опущена сеть решеток с гвоздями³⁵. Произошло это уже после успешного прорыва в Крым группы Чонгарского направления.

31 Кружко Л.П. Северные ворота Крыма, ЗАО «Крымский ТИТАН», [Красноперекопск], 2009.

32 Гражданская война на Украине..., т. 1, кн. 2, с. 329.

33 Вскоре (16-го апреля) А.Е. Скачко докладывал В.А. Антонову-Овсеенко об этом полке: «...Ударный полк, который был брошен Дыбенко из Крыма на Волноваху в районе Пришиба, весь разошелся по домам, хотя на фронте он был одним из лучших полков».

34 Кружко Л.П. Указ соч., с. 135–136.

35 Винавер М.М. Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928, с. 206.

Резервные полки оперировавшие на Перекопе состояли почти целиком из тавричан — жителей Таврической губернии. Их уровень военной подготовки был существенно ниже, чем у немало воевавших заднепровцев, состоящих из жителей Екатеринославщины и района Пологи-Пришиб. Резервные полки тавричан были лишь недавно сформированы, не обучены, хуже вооружены и экипированы. Их преимущество состояло лишь в небывалом энтузиазме и жажде победы, что и сыграло немалую роль в успехе: *«Мы под Перекопом даже не ложились, окопов не было. Так прямо шли. Они жарят из пулеметов, а нам ни о чем. Да разве им выдержать напор войск, воодушевленных революционным энтузиазмом»*³⁶.

Кроме того, с запада — со стороны Черного моря, наступление поддержал повстанческий отряд Порфирия Тарана из Херсонщины, который на трех катерах высадился десантом из Хорлов на побережье Перекопского перешейка. Таким образом, наступление на Перекопские укрепления происходило с трех сторон и на этот раз увенчалась успехом.

Заметим, что единого мнения о том, чьи же действия оказались решающими и привели к победе, так и не было сформулировано. Так по воспоминаниям П.И. Тарана³⁷, роль своего десанта он вообще считал определяющей:

«Ночью... мне удалось на катере «Пчелка» незаметно подъехать к Крымским берегам и высадить возле Сарабулата десант в 12 человек, который вызвав панику, заставил бежать белых из Сарабулата.

Захватив телефонную и телеграфную станцию, я начал давать распоряжения по несуществующим в Крыму войскам, «наступающим со стороны Сарабулата на Перекоп и Бакал», что вызвало чрезвычайно большую панику и замешательство. Еще больше вызвало панику, когда стоявшие в Бакале миноносцы Антанты открыли ураганный огонь артиллерии по Крыму; гул артиллерии подтвердил и еще больше усилил панику. Слыша такую канонаду белые, защищавшие Перекоп, бросили фронт и в панике бежали в глубь Крыма...».

По версии оперативной сводки штаба 2-й бригады главную роль оказал десант из бойцов, осуществивших переход вброд Сиваша и наступавших на деникинцев с востока, т.е. бойцы полка Григория Чайки и разведчики из Отряда особого назначения. Этот сводный полк в сводке штаба дивизии назван³⁸ «полком Котова»:

«В боях [на] Перекопском перешейке необычайную доблесть проявил полк Котова. Полку была дана задача перейти вброд Сиваш, зайти [в] тыл неприятелю [в] районе Армянска. Несмотря [на] отвратительную погоду, задача была выполнена. Доблестные красноармейцы прошли по пояс в воде 2 версты [в] полном вооружении, таща пулеметы на плечах под ожесточенным обстрелом. Их появление в тылу произвело панику [и] послужило сигналом [к] очищению врагами Перекопа, Армянска».

36 Известия (Симферополь), № 1, 13 апреля. Цит. по: Загородских Ф.С. Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму, с. 60.

37 РГАСПРИ, ф. 70, оп. 3, д. 733, л. 46.

38 Гражданская война на Украине..., т. 1, кн. 2, с. 314.

А вот что свидетельствует³⁹ о событиях 4 апреля сторона противника: днем 22 марта (4 апреля) «красные, переправившись из Строгановки через Сиваш на Чувашский полуостров, опрокинули стоявшие там остатки Перекопского батальона (около 40 человек) и угрожали Армянску». Для нейтрализации этого десанта пришлось использовать весь резерв 4-й дивизии — 2-й Конный полк и два броневика. Но десант оказался удачным отвлекающим маневром — в два часа дня красные перешли в наступление по всему фронту, подойдя к Перекопскому валу на участке между «Кордоном» и городом Перекоп.

Белый офицер-артиллерист С.Н. Шидловский констатировал, что у белых просто не хватило людей и артиллерии, чтобы препятствовать наступлению и в основном направлении, и со стороны Сиваша⁴⁰. По данным В. Альмендингера, преимущество красных на Перекопе было примерно пятикратным. Этот же автор отмечал «многоначалие» на стороне обороняющихся: белыми подразделениями во время боя одновременно командовали командиры полка, бригады и дивизии⁴¹. Все эти факторы не могли не сказаться на исходе сражений.

Итак, 4 апреля в 16 часов Перекопские укрепления были взяты красными. Белогвардейцы в спешке отступили к Армянскому Базару, бросив неповрежденную артиллерийскую батарею, располагавшуюся сразу за Перекопским валом. Вечером того же дня завязались бои за Армянский Базар. Деникинские части восточного фланга под напором бойцов 1-го Ударного полка в панике покинули Армянский Базар, оставляя на симферопольской дороге пулеметы, орудия и раненых. Красным доставались в Армянском Базаре крупные склады обмундирования, продовольствия и вооружения. Выставив охрану, красноармейцы там заночевали, а утром 5 апреля были атакована последняя линия обороны белых — Ишуньские позиции.

Из сводки⁴² от 8 апреля следует: «В Крымском направлении наши войска заняв Армянский базар проходят район соленых озер...». Здесь уместно упомянуть⁴³ свидетельство Д.С. Пасманика: «Труссон обещал оказать помощь добровольцам, если они удержат вторую линию обороны (у озер), но после сдачи этой линии Труссон отказался впредь поддерживать добровольцев...». С этого момента французское руководство оставило добровольцев без поддержки. Причем в соответствии с директивой французского командования деникинцы отступали от Перекопа не к Севастополю, а на восток — в сторону Керчи⁴⁴ и закрепились на Ак-Монайском перешейке Керченского полуострова.

Отходившие с Перекопского полуострова части белых (главным образом 4-й дивизии генерал-майора А.В. Корвин-Круковского) 8 апреля полностью оставили Перекопский полуостров. Эти части отступали проселочными дорогами по коридору между Джанкоем и Симферополем. Оба этих города к тому времени уже

39 Альмендингер В. Указ. соч. с. 525.

40 Шидловский С.Н. Записки белого офицера. — СПб., 2007, с. 26.

41 Альмендингер В. Указ. соч., с. 526.

42 РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 1074, л. 38.

43 Пасманик Д.С. Революционные годы в Крыму. Париж. 1926, с. 185.

44 Рерберг Ф.П. Указ. соч. // АДРЗ. ф. 1, оп. 1, д. М-86, (Т.9), л. 1404.

контролировались красными. На отдых и ночлег останавливались в небольших деревнях и колониях. В Карасу-Базаре 9 апреля Перекопская группа белых встретилась с частями, отходившими из Симферополя по феодосийскому шоссе. 14-го группа дала бой близ колонии Н. Цюрихталь (в переводе «Цюрихская долина», ныне — с. Золотое Поле), 17-го перешла в район деревень Петровки и Тамбовки. 19-го был получен приказ спешно отходить на линию железной дороги Владиславовка-Феодосия. В ночь на 20 апреля части этой группы «зашли за проволоку» Ак-Монайских позиций. Таким образом отход с Перекопа до Ак-Моная занял две недели.

Благодаря узкому участку этого фронта английские военные корабли огнем морской артиллерии полностью прикрывали позиции деникинцев со стороны Черного и Азовского морей, не давая возможности красным войскам продвигаться в сторону Керчи.

* * *

После прохождения Перекопа все резервные полки сразу же были отправлены в распоряжение Н. Махно по железной дороге через Джанкой в Волноваху. Но там бойцы 1-го Ударного разбежались по домам, а 3-й резервный (комполка Киреев) был основательно потрепан белыми 7 апреля в боях под Новониколаевском, после чего остатки полка пришли к Махно в Пришиб⁴⁵.

3-й Таврический полк направился после Перекопа на Евпаторию, а оттуда на Симферополь⁴⁶.

4-й Заднепровский из Джанкоя проследовал на Симферополь. Известно, что в ночь с 10 на 11 апреля 4-й Заднепровский полк заночевал в Сарабузе (Гвардейское), где железнодорожные пути разветвляются — на Евпаторию и Симферополь⁴⁷.

Часть полка направилась в Евпаторию, другая — в Симферополь.

Утром 11 апреля передовой отряд красных появился в Евпатории, скорее всего это был 3-й Таврический полк, а к вечеру передовой отряд 4-го Заднепровского вошел в Симферополь. Эти города были оставлены белыми без боя. Казалось бы, сухие и примитивные сводки все же позволяют представить ликование по этому поводу большей части горожан.

«Сего 11 апреля 11 ч. 30 м. передовой отряд советских войск с делегацией от города вступил в Евпаторию. За городом по Перекопскому шоссе [отряд] был встречен делегатами Ревкома, консулами французским и другими, всеми профессиональными союзами и левыми социалистическими партиями со знаменами при многотысячном количестве народа. Весь народ был выстроен двумя колоннами, в центре которых был отряд профессиональных союзов и партий. Первыми встречали ревком, партия коммунистов-большевиков. После речей произнесенных делегацией Ревкома и...». Далее телеграмма⁴⁸ обрывается.

45 Гражданская война на Украине..., т. 1, кн. 2, с. 363.

46 Известия ВЦИК (Москва), № 79, 12 апреля, с. 3.

47 Загородских Ф.С. Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму. Симферополь, 1940, с. 60.

48 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 5.

В тот же день к вечеру отряд тавричан проследовал из Евпатории в Симферополь по Евпаторийскому шоссе⁴⁹.

«11 апреля около 5 час. вечера в Симферополь прибыл первый отряд советских войск. С часа дня около окружного суда начали группироваться делегации профессиональных союзов с красными знаменами. Гоголевская ул. от угла Пушкинской до поворота к мечети на Бетлинговской ул. была густо запружена народом: шествие направилось к вокзалу, имея в голове и в середине по оркестру музыки. Тротуары, окна, трамвайные столбы и заборы — все было усеяно гражданами и гражданками города. Вблизи вокзала на площади, прилегающей к Евпаторийскому шоссе, вооруженными отрядами было построено каре. Правая сторона Вокзальной ул. была предоставлена для делегаций, которые выстроились шпалерами; в центре каре были размещены два автомобиля с представителями Военно-революционного комитета и политических партий. К 5 час. на Евпаторийском шоссе показались конные солдаты Красной Армии. Громкое «ура» заглушало «Интернационал». Первая сотня советских войск, салютуя профессиональным союзам и населению, восторженно встречавшим их, остановилась рядом с автомобилем. Прибывшему отряду были принесены приветствия и поздравления от коменданта города, Военно-революционного комитета, совета профессиональных союзов, амнистированных политических, Областного комитета коммунистической партии. Все приветствия покрывались восторженным «ура» и «Интернационалом». После приветствия автомобили с делегациями направились мимо профессиональных союзов, за ними ехали раненые солдаты Красной Армии, отряд советских войск и, в строгом порядке, делегация профессиональных союзов. Шествие тянулось по Вокзальной и Екатерининской улицам. После прибытия в город отряду был предложен обед и квартиры. Все время, пока продолжалась встреча советских войск, соблюдался полный порядок и организованность. Рабочие города Симферополя показали, насколько они сильны своей внутренней спайкой и проникнуты стремлением к порядку».

Итак, 4-й Заднепровский полк и 3-й Таврический полк собралась в Симферополе, после чего снова разделилась: один батальон 4-го Заднепровского полка под командованием командира этого полка Н. Квотченко пошел на Алушту и Ялту, которые были без боя взяты 13 апреля⁵⁰; два других батальона этого полка и 3-й Таврический полк под командованием начальника штаба 4-го Заднепровского полка М.А. Петровского через Бахчисарай пошли на Севастополь.

Заметим, что сам командир 1-й Заднепровский дивизии П.Е. Дыбенко лично в крымской операции не участвовал, в тот период он координировал бои под Мариуполем, который был взят 2 апреля. В своем донесении Совнарком УССР от 2 апреля он писал⁵¹: «Взятие Мариуполя велось под моим командованием. В боях отличились 8-й и 9-й полки [это полки 3-й бригады Махно]... Наши части подошли вплотную к Таганрогу». Затем Дыбенко приезжает в Волноваху (7 апреля),

49 Известия (Симферополь), № 1, 13 апреля.

50 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 374, л. 47.

51 ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 115, л. 14–21.

после чего он в Екатеринославе до 13 апреля. И лишь 13 или 14 апреля оказывается в Крыму — в Симферополе.

Далее нам предстоит рассмотреть военные действия и сопутствующие им события происходившие в трех направлениях: на Севастополь, на Ялту и на Керчь. События в Севастополе настолько специфичны, что придется посвятить им отдельный параграф. Обращаю внимание на то, что почти вся документальная база этого параграфа вынесена в приложении к нему.

§ 1. СОБЫТИЯ В СЕВАСТОПОЛЕ И ВОКРУГ НЕГО

Что же представлял собой Севастополь перед приходом красных в апреле 1919 года? «... Главным злом города является страшная безработица, которая по целому ряду условий не может уменьшиться раньше, чем будет открыт порт, открытие которого без всяких оснований заводоуправление задерживает. Безработица толкает рабочих на преступления и на путь большевизма; хороших работников превращает в ярых большевиков. Среди рабочих говорят, что на днях в Севастополь вернулись делегаты, посланные в Москву к Советскому правительству за помощью. Делегаты привезли рабочим 35 миллионов рублей»⁵². По словам министра Крымского краевого правительства П.С. Бобровского⁵³, правительство мало надеялось на то, что Добровольческая армия сама отстоит Крым. По мнению правительства, «большое количество офицеров упорно отклонялось от отправки на фронт, предпочитая околачиваться вокруг штабов. На фронте, по нашим сведениям, были ничтожные силы». И, несмотря на «беззаветное мужество» малочисленной армии, она медленно, но неуклонно отступала. Поэтому надежда оставалась лишь на помощь союзников. Со своей стороны, глава оккупационных сил Труссон заявил членам правительства, что «в Крыму давно бы были значительные французские военные силы, если бы не противодействие Деникина». Судя по беседам с членами правительства, к самому Деникину Труссон относился враждебно, а к самой армии якобы сочувственно. Но дела Труссона заметно расходились с его словами. После взятия красными первой линии сивашских укреплений, министр М.М. Винавер пытался добиться от Труссона отправки на фронт французских частей. В ответ на это Труссон заявил, что вторую линию укреплений Добровольческая армия должна отстоять сама. «Если она это сделает, он пошлет на помощь французские войска. Добровольческая армия не отстояла второй линии. Судьба Крыма была решена...»

Красные части подошли к Севастополю 15 апреля. Наступление на Севастополь осуществляли 3-й Таврический полк (301 бойцов при 1750 штыках) под командованием Вс. Павловского⁵⁴ и часть 4-го Заднепровский полка под командованием

52 Из сводки осведомительного бюро от 8 марта (23 февраля) при ставке Деникина // ЦГА ВМФ, ф. р-332, д. 41, л. 43 об.; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. (Ноябрь 1917–1920). Киев. 1963. сост. В.И. Александрова, Т.С. Федорова, с. 173.

53 Бобровский П.С. Второе крымское правительство // ГАРФ, ф. р-6400, оп. 1, д. 7, л. 107–108.

54 См. приложение 1–4.

начальника штаба полка М.А. Петровского⁵⁵. К сожалению, численность бойцов 4-го Заднепровского, участвовавших во взятии Севастополя мы не знаем, поскольку часть этого полка во главе с командиром полка Н. Квотченко направилась из Симферополя на Бахчисарай и Ялту. Общая численность этого полка — 2700 бойцов, из которых вооружено было 2000 человек⁵⁶. Но в любом случае ясно, что на подходе к Севастополю «тавричан» было едва ли не вдвое больше чем «заднепровцев».

Вечером того же дня на пароходе «Надежда» Севастополь покинули члены Краевого правительства. В тот же день в Известия Севастопольского ВРК опубликовали⁵⁷ декларацию ВРК с четырьмя ультимативными требованиями к французскому командованию: 1) остановить вывоз Добровольческой армией ценностей, продуктов и оружия; 2) переход власти временно в ВРК; 3) принятие все мер к скорейшему занятию Севастополя Красной армией; 4) немедленный созыв Севастопольского Совета Рабочих депутатов, «которому ВРК передаст всю власть и даст отчет о своих действиях».

А незадолго до этого — 10 апреля — происходила паническая эвакуация из Севастополя имущих слоев и тех, кто опасался кары от большевистской власти — судейских чинов, полицейских, тюремных стражников и т. п.: «У Графской пристани в течение всего вчерашнего дня [10 апреля — М. В.] творилось нечто неопишное. Сюда стекались со всех концов горда подводы с вещами, ехали на автомобилях, на экипажах, везли домашнюю рухлядь, солидные, дорогой желтой кожи чемоданы. Все это сваливалось здесь, переносилось на катера, на военные транспорты. Здесь ярче, чем где бы то ни было, проявлялась паника. Чувство чисто животного страха обуяло всех уезжающих: будто не верят они, что они уже в безопасности, что еще час другой, и они простятся с родной землей. <...> Лишь к трем часам... несколько утихла паника, уже все, кому выпало с их точки зрения счастье уехать, находились на своих местах...» — писал севастопольский «Крымский вестник» 11 апреля (29 марта). Ф.П. Рерберг оценивал число беженцев, прибывших в Севастополь из Симферополя в две тысячи человек⁵⁸. А вот характерная сценка⁵⁹ получения пропусков на пароходы: «Перед зданием, где помещался т.н. Base Navale (военно-морская база), стояли с утра до вечера тысячи русских людей, ожидая своей очереди на получение пропуска на пароход. У дверей стояли французские матросы, которые относились к нам отвратительно». Сам автор (Д.С. Пасманик) добивался пропуска 4 дня.

В чем же причина столь панического отношения к приближающимся красным войскам? Ответ однозначный: прошел ровно год после кровавой резни под однозначным лозунгом «Смерть буржуям!». Поэтом естественно, что паника среди определенных кругов населения была неимоверно сильна⁶⁰.

55 См. приложение 1–5.

56 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 374, л. 47.

57 Известия (Симферополь), № 2, 15 апреля, с. 2.

58 Рерберг Ф.П. Указ. соч. // АДРЗ. ф. 1, оп. 1, д. М-86, (Т.9), л. 1423.

59 Пасманик Д.С. Указ. соч., с. 186.

60 См. приложение 3–1.

Что уж говорить о страхах «настоящих буржуев», когда даже вполне аполитичный писатель С.Н. Сергеев-Ценский, проживавший в ту пору в Алуште, опасался за свою жизнь. Он писал⁶¹ редактору одной из крымских газет А.Б. Дерману 11 (24) марта: *«Мне, побывавшему уже в переплете не о писании «Севастопольских рассказов» приходится думать, а об эвакуации из Крыма. Должно быть, явятся вновь прежние наши совдеписты, а хотя бы и один из них явится, — все равно: в проскрипционном списке нашего старого совдепа я стоял на первом месте».*

16-го апреля, т.е. на следующий день после подхода красных войск к Севастополю, прошли переговоры Труссона с городской делегацией Севастополя. В делегацию входили Я. Городецкий от Ревкома, городской голова В.А. Могилевский и представитель профсоюзов меньшевик П. Шевченко. На этих переговорах Труссон заявил делегации, что французский контингент будет защищать Севастополь до распоряжения высшего французского командования об эвакуации. Он сообщил также об уходе добровольческих частей из города, о чем было проинформировано командование красных. По версии Ф.П. Рерберга, французы оказались в двойственном положении: с одной стороны, они остерегались, что их союз с добровольцами скомпрометирует их в глазах французской общественности, с другой стороны, они имели обязательства перед другими странами Антанты. Городская администрация Севастополя стремилась освободиться от добровольцев, принимая во внимание их поведение в последние дни пребывания в Севастополе и особенно бессудные расстрелы. Городской голова Могилевский старался убедить французов, что с уходом добровольцев прекратится гражданская война и и французам тогда не будет никакой надобности продолжать занимать Севастополь. По мнению Рерберга⁶², *«будучи же человеком не кровожадным, Могилевский решил впустить большевиков не раньше того, как будет вывезен последний доброволец. Вот этот план спасения Севастополя и от добровольцев и от союзников и проводил Могилевский, встретивший полное сочувствие в лице полковника Труссона, а перед политиками всего мира надо было разыгрывать отстаивание Крыма от большевиков до последней крайности, вплоть до применения морской артиллерии для оказания поддержки сухопутным войскам. Когда мы были еще в Севастополе, нам сообщали, что в промежутки между двумя канонадами г. Могилевский садился в автомобиль и смело ехал в Симферополь для переговоров с большевиками; оттуда возвращался и ехал прямо в морские казармы к Труссону, а также на адмиральский корабль к адмиралу Амету, от которых ехал вновь в Симферополь».* В ходе переговоров французов с городской делегацией Севастополя выяснилось, что Труссон остерегался двух вещей: подводных лодок, базирующихся в Севастополе, которые могли бы действовать против кораблей Антанты, а также возможности удара красных войск в тыл эвакуирующимся французам⁶³. На последовавших затем переговорах с военными французское командование выдвинуло условия, предотвращающие исполнение этих угроз.

61 Степанов Г.Г. Дорогой длинною. 1978, с. 193.

62 Рерберг Ф.П. Указ. соч.//АДРЗ. ф. 1, оп. 1, д. М-86, (Т.9), л. 1437.

63 См. сообщение Я. Городецкого — приложение 3–2.

17-го начались переговоры французов с делегацией военных, в которую вошли политработник Визерман, редактор фронтовой газеты «Борец за коммунизм» Астахов, политком кавалерийского полка Дмитров и командир кавалерийского полка Маркозашвили⁶⁴. Но сразу же в тот день переговоры были сорваны⁶⁵ «частями 3-го Таврического полка, самовольно перешедшими в наступление⁶⁶, после чего противник открыл ураганный огонь по нашей позиции, но не причинил большого ущерба нашим войскам. В 10 часов утра нашей воздушной разведкой установлено, что противник со своим флотом ушел из бухты Севастополя в море и через час открыл орудийный огонь по расположению наших войск. Огонь продолжался до 4 часов дня. Наши части занимают позиции: 3-й [Таврический] полк правым флангом — Инкреман, левым флангом Малахов курган. 4-й [Заднепровский] полк по линии 50 сажен (?) от города...».

В тот же день вечером переговоры были продолжены, и утром следующего дня было заключено перемирие. Об этом Петренко докладывал своему военному начальству и в Киев Раковскому 18 апреля⁶⁷.

Интересно свидетельство корреспондента московских «Известий» Зинаиды Рихер-Дуровой, написанного по горячим следам событий⁶⁸.

«...Говорят, когда генералу Труссону донесли, что большевики подходят к Севастополю, он не верил: их слишком мало здесь, не посмеют!

Однако большевики посмели и стали наступать со стороны Бельска, Лабораторной балки, Стрелецкой бухты. Все рабочее население с радостью встретило советские войска и оказало им всякое содействие.

Английские и французские суда открыли огонь, но снаряды падали за городом и больше потревожили мертвых (вспахав кладбище), чем причинили вреда живым — убитых почти не было, раненых немного.

Всю ночь шла ружейная перестрелка между греками, французами и повстанцами, которые дошли почти до вокзала. Повстанцы неохотно ушли из города, получив приказ об отступлении. Начались мирные переговоры...».

Вот ее же зарисовка в дни перемирия:

«Повстанцам, взявшим Перекоп, Сиваш, и неохотно подчиняясь приказанию, оставить Севастополь, в который они было вошли с боем, надоело томительное бездействие, сидение на голых камнях под осажденным городом. Сильно подносившись, напудренные крымской лечебной пылью, красноармейцы (повстанцы) по одиночке и группами бредут по Балаклавскому шоссе по направлению города.

Позади — живописная Байдарская долина, кругом — голая каменистая степь, и только на самом горизонте синее узкая, глубоко вдавшаяся в желтый низкий берег полоска моря — Севастопольская бухта.

64 Гражданская война на Украине..., т. 1, кн. 2, с. 348.

65 Из вечерней оперативной сводки от 17 апреля//РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 324, л. 10.

66 «До переговоров наши сняли первую заставу французов из 75 человек, но наступление пришлось приостановить в ожидании результатов переговоров». Известия (Харьков) № 96, 24 апреля, сообщение от 19 апреля.

67 См. приложение 3–3.

68 Полный текст см. приложение 3–4.

Военный комиссар, с которым я еду в Севастополь, каждый раз, поравнявшись с такой компанией, приказывает шоферу замедлить ход: — Стой! Куда идешь? Назад! — В город... Сапоги починить. — А фронт на кого оставил? Греки и французы не ушли еще из города, заберут вас, потом выручай! С чернокожими сцепитесь! Тарабам устройте... Назад! Без разговоров!»

19 апреля С.И. Петренко (Петриковский) сам отправился в Севастополь на переговоры к французам. Он был представлен французским военным как «парламентер от генерала Котова» и был принят вице-адмиралом Аметом. В ходе беседы Амет изложил⁶⁹ основные планы союзного командования по поводу ухода их войск из Севастополя:

*«— К 30 апреля союзные пехотные части будут эвакуированы из города;
— Все подводные лодки, которые находятся в порту, будут потоплены в глубокой воде;
— Все [русские] миноносцы и крейсера будут приведены в боевую негодность и даже на некоторых из них будут взорваны цилиндры и части машин сняты.
— Союзникам должна быть предоставлена возможность наблюдать за тем, чтобы ни в Одессе, ни в Николаеве суда, которые там остались, не были употреблены против союзников».*

В тот же день Петренко вернулся из Севастополя в Джанкой и доложил о результатах своих бесед с контр-адмиралом командарму-2 А.Е. Скачко, а тот, в свою очередь — в штаб Украинского фронта В. Антонову-Овсеенко.

Приводим телеграмму Петренко⁷⁰ от 19 апреля, предназначенную для прессы:

«После трехдневных переговоров [с] союзным командованием делегацией достигнуто соглашение [и] заключено перемирие [на] 8 дней до 25 апреля. Власть в Севастополе передается Ревкому, который принимает все дела, 19 апреля готовится избрание Совета. Вывоз имущества из города французами воспрещается. По истечении восьми дней, если решение союзных правительств относительно дальнейшей судьбы Севастополя не выяснится, срок перемирия может быть продлен; в городе вводится красная милиция. К-р группы Крымск. направл. Петренко».

Более детально ход переговоров и условия французского командования изложены в телеграмме А.Е. Скачко⁷¹.

Параллельно с переговорами в Севастополе шла переписка между французским командованием и наркомом Украины Раковским. Первое письмо от 21 апреля Раковский адресовал «главнокомандующему союзными силами». Текст письма не известен. В ответном письме от 24 апреля французский контр-адмирал Кобе потребовал гарантий безопасности для судов союзного флота⁷². В ответ на это Раковский дал соответствующие гарантии от имени Украинской ССР, отметив, что «остается лишь взаимным соглашением установить практические нормы и выработать условия»⁷³.

69 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 396, л. 21, 21об., 22, 22 об., 23, 23 об.

70 Там же, д. 324, л. 39.

71 См. приложение 3–5.

72 См. приложение 3–6.

73 См. приложение 3–7.

Позиция Раковского видна из сообщения⁷⁴ его секретаря Мирра начальнику оперативного отдела 2-й Украинской армии Черниговскому-Сокол в Екатеринослав: «...По мнению Раковского, союзники хотят переговорами выиграть время для лучшей эвакуации. Поэтому вы должны считаться исключительно военными интересами. Тов. Раковский хочет знать, является ли перемирие неременной необходимостью с военной точки зрения. Если союзники будут уничтожать флот, заявите заранее протест и отметьте, что все убытки, причиненные ими должны быть возмещены. Телеграмму же в Севастополь передайте немедленно. Держите в курсе всех переговоров.

Секретарь предсовнаркома Мирра».

Оба письма командарм-2 А.Е. Скачко переслал 26 апреля командиру 2-й бригады Заднепровской дивизии Петренко «для сведения и руководства при переговорах с французским командованием». Но поскольку переписка эта запоздала, то 23 апреля и произошла договоренность союзников с красными о выведении из строя кораблей и береговых орудий. Договор была скреплена подписями М.А. Петровского и Б. Астахова. Остается невыясненным, почему известный текст договора датирован 20-го, а не 23-го апреля. Возможно, он подготовлен французами 20-го, а подписан только 23-го. Скорее всего, С.И. Петренко из осторожности не присутствовал на переговорах 23-го апреля, а перепоручил подписать договор М.А. Петровскому и Б. Астахову.

* * *

Сравнивая два документа — донесение Скачко в штаб Украинского фронта и письмо французского контр-адмирала Кобе Раковскому — можно заметить изменение позиции французского военного руководства к правительству Раковского после известных событий 20 апреля (демонстрация французских моряков и расстрел ее). Если сначала французское военное руководство заявляло, что с представителями советской власти никаких переговоров вести не будет, поскольку советская власть союзниками не признана, то затем французы согласились на уход сухопутных войск из Севастополя при условии предоставления гарантий правительства Советской Украины о безопасности плавания союзнических судов в Черном море. Раковский в ответном письме дал такие гарантии, сообщив, что «остается лишь взаимным соглашением установить практические нормы и выработать условия». Но это письмо Раковского опоздало — военные представители сами, не имея никаких полномочий на это, подписали договор с французами.

Таким образом Труссон обыграл и посредника — городскую делегацию, и противника — делегацию военную. Не нужно было Труссону никаких консультаций с руководством. Труссон, как и планировал (см. беседу с Власовым 12 апреля) затягивал переговоры с посредником — городской делегацией. Он тянул время только для того, чтобы успеть вывезти дорогие грузы. Напомним, что по выражению Труссона в порту находятся «колоссальные запасы — на 5 млрд франков». После того, как часть дорогого оборудования была отправлена в Константинополь (для этого понадобилось

74 РГВА, л. 74 об.

31 судно⁷⁵), а другая часть его была передана добровольцам и вывезена ими⁷⁶ (еще на 35 судах и 9 катерах), не было нужды больше оборонять город. Труссон сообщил городской делегации, что добровольцы покинули город и он готов вести переговоры с противником, т.е. с красными военными, а не с посредником — делегацией горожан. Теперь затягивать переговоры не было нужды. К тому же после расстрела демонстрации 20 апреля Труссон понял, что надо уходить, не дожидаясь полного разложения французских моряков.

Была еще одна причина задержки французов в Севастополе — вынужденный ремонт броненосца «Мирабо», севшего на подводные камни в при заходе в Севастопольскую бухту во время шторма 20 февраля. Сначала ремонтные работы велись на самом корабле, а 6 апреля «Мирабо» был введен в аварийный (северный) док Судоремонтного завода. В конечном счете с этого судна в доке Севастопольского морского завода рабочие сняли броню, что позволило отбуксировать его в Константинополь накануне общей эвакуации французского флота⁷⁷. Если ориентироваться на заметку в киевских «Известиях», то «Мирабо» уведен из дока 5 мая⁷⁸.

Переговоры развивались следующим образом: на следующий день после переговоров Петренко с Аметом, т.е. 20 апреля, французы подготовили свой вариант договора, в основу которого были положены принципы, изложенные Аметом в беседе с Петренко. Причем договора весьма невыгодного для красных. 23-го апреля состоялись расширенные переговоры французских и русских военных, в ходе которых французский вариант договора был подписан представителями красного командования М.А. Петровским и Б. Астаховым.

Хотя С.И. Петренко сам вел переговоры с адмиралом Аметом и безусловно имел самое непосредственное отношение к заключению соглашения с французами, но подпись свою осмотрительно не поставил, документ подписал М.А. Петровский. Почему: либо остерегался подписать столь невыгодный для красных документ, либо просто перепоручил подпись Петровскому, а сам на подписание документа из Джанкоя в Севастополь не приехал. И Петровский мог подписать «за» Петренко, если последний отсутствовал и ему были даны соответствующие полномочия. Кроме того, Петренко мог не поехать и потому, что он ранее выступил в роли «парламентера» от Котова, а не начальника 2-й бригады Заднепровской дивизии.

Заметим, что накануне подписания договора Петренко, якобы от имени Раковского, приглашал командарма-2 Скачко принять участие в переговорах, но комфронта Антонов-Овсеенко запретил⁷⁹ Скачко выезжать в Севастополь на переговоры, считая их «вещью второстепенной».

Оригинал соглашения на русском языке нам не доступен; известен лишь французский текст соглашения, приложенный к письму Раковского Чичерину по поводу

75 Гражданская война. Боевые действия на морях, реках и озерных системах. Т. 3, с. 13.

76 Известия (Одесса) № 31, 7 мая.

77 Крестьянников, 2007, с. 361, 382, 396.

78 Известия (Киев) № 42, 15 мая, с. 2.

79 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 396, л. 36, 67.

неправомерной подписи Петровским договора с французами⁸⁰, а также изложение договора в газетной заметке⁸¹.

Заключительный фрагмент этого текста выглядит так:

Ecrit a la main.

Le representant des Troupes des Soviets Ukrainiens.

le Chef d`Etat Major de la Premiers Division*. Signe *Petrowski*

le Commissaire Politique. Signe *Astakoff* — *guillements*.

N 878. *Rakowsky*

Перевод с французского:

Написано от руки:

Представитель группы Советских Украинских войск,

начальник штаба Первого дивизиона*. Подпись: *Петровский*

Политический комиссар. Подпись: *Астахов*. *Кавычки закрываются.*

№ 878. *Раковский*

*) Французское слово *La division* имеет двойное толкование — дивизия и дивизион, т.е. полк.

Касаясь подписания соглашения с французским командованием П. Дыбенко в письме Х. Раковскому от 6 мая подчеркнул, что французскому командованию «было заявлено, что оно подписано только представителем известной войсковой части и для правительства обязательным быть не может». Объясняя причины подписания⁸² соглашения Дыбенко добавил: «Оно было подписано в связи с теми обстоятельствами, которые в тот момент были на фронте, необходимо было выиграть момент, разложить их части и спасти все то военное имущество, которое еще возможно было спасти, что и было достигнуто».

Подписанным соглашением немедленно воспользовались английские военные моряки — началось планомерное выведение из строя всех русских кораблей, оставшихся в Севастополе. В первую очередь были вывезены на буксире на глубокую воду и затоплены там десять подводных лодок. Затем настала очередь надводного флота, а под конец и самолетов. Другую, не менее гнусную задачу, выполняли французские военные. Еще до заключения соглашения они начали разрушать укрепления и вооружение Севастопольской крепости. В частности, закладывали мины в дульные части пушек и подрывали их. Одновременно под видом разрушения крепости происходил откровенный грабеж складов. Правда, как позже свидетельствовали советские специалисты, урон крепости был не слишком велик, и ее боевое состояние могло быть довольно быстро восстановлено⁸³.

80 РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 10150.

81 См. приложение 3–8.

82 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51 л. 81–82.

83 Подробности — см. в документах приложения 3–9.

Об окончании борьбы за Севастополь свидетельствует телеграмма начальника штаба 4-го Заднепровского полка М.А. Петровского в штаб 2-й Украинской армии: «29 апреля в 4 часа дня 4-й Заднепровский полк вступил в Севастополь, восторженно встреченный тысячными массами пролетариата. <...> Над Севастополем и морем реют красные знамена. Петровский»⁸⁴. Характерно, что в этой телеграмме 3-й Таврический полк вообще не упоминался, хотя он тоже вошел в Севастополь. Видимо, взаимоотношения между М.А. Петровским и командиром 3-го Таврического Вс. Павловским были вконец испорчены выходкой тавричан. А вот командир группы крымского направления С.И. Петренко посчитал нужным похвалить 3-й Таврический полк, несмотря на то, что он своим самовольным наступлением сорвал начало переговоров⁸⁵. В приказе Петренко не упоминал об этой выходке полка. Похоже, что после своего наступления, находясь под обстрелом французского флота, полк действительно подчинился приказам и прекратил стрельбу. Интерес представляет и эмоциональное обращение Б. Астахова к уходящему военному контингенту Антанты⁸⁶.

§ 2. СОБЫТИЯ В ЯЛТЕ

Апрельские события в Ялте запомнились главным образом панической эвакуацией. Считается, что при этом город покинуло около 20 тысяч человек. Но начнем немного издалека. Зима 1918–1919 годов для состоятельных жителей Южного берега Крыма оказалась довольно спокойной. Понемногу начали отступать ужасы предыдущей зимы с «варфоломеевскими» ночами, что устраивали «красные» под предельно простым лозунгом «Смерть буржуям!». Стыдно было принимать защиту от недавних врагов — немцев, но ведь никто другой заступиться за крымских «буржуев» не мог. Но в конце 1918 года немцы из Крыма ушли (революция у них дома случилась, кончилась война). Их сменили денкиинцы — тоже какая-никакая защита. Но главная надежда была на Антанту. Ее корабли пришли в декабре в Севастополь — французы, а потом и англичане и греки. Последние — чтобы своих единоплеменников защищать, что издавна в Крыму поселились. Так что можно бы успокоиться.

Действительно, до марта вроде бы ничто не предвещало новой беды, хотя и ходили неясные слухи, что идут, мол, с севера, чуть ли не из Москвы и Петрограда красные.

Первые тревожные сигналы получили, как и следовало ожидать, главные «буржуи» — члены царской семьи и свита. Из воспоминаний⁸⁷ графини Екатерины Петровны Клейнмихель — фрейлины вдовствующей императрицы Марии Федоровны:

«Однажды я приехала в Харакс в начале марта к назначенному Ее Величеством часу и вижу, что перед Дворцом стоит очень запыленный автомобиль. Казак сказал

84 Полностью — см. приложение 3–10.

85 См. приложение 3–11.

86 См. приложение 3–12.

87 Воспоминания графини Екатерины Петровны Клейнмихель // Клейнмихель В. В., Клейнмихель Е. П. В тени царской короны. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2009, с. 306–310.

мне, что приехал из Севастополя к Императрице морской офицер, а потому мне надо ждать его отъезда, чтобы войти к Ее Величеству. Прошел Князь Долгорукий и казался очень озабоченный. Когда я вошла к Императрице, я застала Ее очень взволнованной, и Она с негодованием рассказала мне, что английский офицер приехал от Адмирала [Калсорпа], чтобы предупредить Ее Величество что на ближайшем фронте большевики приближаются, что рассчитывать на защиту перешейка невозможно, а потому необходимо Императрице уехать. Адмирал пришлет судно или сам приедет, чтобы увезти Ее Величество».

Далее события развивались стремительно: утром 7 апреля (день Благовещения) к императрице Марии Федоровне приехал командующий британскими военно-морскими силами в Севастополе адмирал Кельторн. Он сообщил, что король Георг V предоставил в распоряжение императрицы броненосец «Мальборо» и настаивал на отплытии вечером того же дня. Сначала императрица решительно отказалась. С трудом убедили ее, что отъезд необходим, так как надо было воспользоваться спокойным морем, чтобы погрузиться. В случае ветра, это было бы очень трудно сделать, так как броненосец стоял на открытом рейде⁸⁸.

Из воспоминаний⁸⁹ Ф. Юсупова о событиях тех дней:

«В то утро мы все собрались в Араксе отметить день рождения великой княгини Ксении. Императрица поручила мне отнести великому князю Николаю Николаевичу письмо, в котором сообщала, что уезжает, и предлагала ему и семье ехать с нею также». Весть о близком отъезде императрицы и великого князя Николая разлетелась со скоростью света и вызвала колоссальную панику. Люди просились также уехать. Но один военный корабль не мог вместить тысячи и тысячи граждан, бежавших от большевистской пули. Мы с Ириной поднялись на борт «Мальборо», где уже находилась императрица с великой княгиней Ксенией и моими шурьями. Когда Ирина сказала бабке, что для эвакуации людей ничего не сделано и не делается, ее величество объявила севастопольскому союзному командованию, что никуда не поедет, пока хоть один человек, из всех тех, чья жизнь в опасности, останется в Крыму. Ей уступили, и большое количество союзных кораблей прибыло в Ялту для эвакуации беженцев».

Характерным свидетельством той напряженной атмосферы в Ялте накануне эвакуации белых является телеграмма⁹⁰, которая случайно сохранилась в фонде Симферопольского Ревкома Крымского госархива: «9 апреля. Военная. Из Ялты в Екатеринбург. Кубанское собрание. Генералу Гришину-Алмазову. Телеграмму получил вчера. Точка. Сейчас же приступил к исполнению Вашего приказа. Точка. Политическая обстановка резко изменилась, принужден вывести весь отряд из Крыма, дабы сохранить жизнь. Точка. В Ялте англичане взяли в свои руки эвакуацию. Точка.

88 Нирод Ф.М. Императрица Мария Федоровна в Крыму во время революции (Доклад графа Ф.М. Нирода в Париже 14 (27) ноября 1927 года) // Двуглавый орел (Париж), 1927, № 14, с. 14–18.

89 Юсупов Ф. Ф. Мемуары. До изгнания 1887–1919. Перевод с фр. Е.Л. Кассировой. Москва: Захаров, 2013, с. 255–256.

90 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 2.

Я с отрядом как боевая единица ухожу последним. Точка. Если возможно, умоляю подождать. Ротмистр Масловский».

Довольно игриво описывает⁹¹ подробности эвакуации корреспондентка московских Известий Зинаида Владимировна Рихтер-Дурова:

«В порту царит оживление: дымят итальянские, греческие, французские, английские дредноуты, русские пароходы с английскими и французскими флагами. То приходят, то уходят... Лодки неустанно перевозят с мола на пароходы пассажиров».

На самом деле все происходило⁹² довольно грустно:

«...Из Севастополя были посланы английские пассажирские и военные суда и миноносцы, и на другой день все собрались на молу в Ялте. Это была грустная картина, все эти беженцы, большинство из них больные и старые и все удрученные горем покинуть свою родину, сидящих на мешках и пледах (сундуков было запрещено брать) в ожидании загрузки на пароходы. Нас сначала повезли в Севастополь, говоря, что там нам предоставят возможность, ехать ли на Кавказ или за границу.

Императрица исполнила до конца свое обещание и согласилась на отход Malborough, лишь, когда последний пароход с беженцами был нагружен. Вместо того, чтобы эскадра эскортировала судно на котором была Императрица, это Она, как Мать, прикрывала отлет своих детей.

В Севастополе нам объявили, что на Кавказ ехать нельзя, и, перегрузив нас на другие суда, нас повезли в Константинополь и Принцезы острова на три дня и опять в Константинополь, где имели умиление видеть вдали Malborough и знать, что наша дорогая Царица с нами!»

Естественно, что значительная доля уезжавших — семьи добровольцев, но много оказалось и других беглецов — людей, бежавших нелепо и беспричинно, поддавшихся охватившей Ялту небывалой панике⁹³. «С какой завистью смотрели вслед этим безумцам беженцам, дрогнувшим на палубе грязного транспорта, многие другие ялтинцы, которых здоровье или денежное положение вынудило остаться! С каким трепетом ждали они прихода Красной Армии».

Достоверных сведений о подробностях прихода красных в Ялту немного. Еще до ухода добровольцев в Ялте сформировался ревком и городская самооборона. В воскресенье 13 апреля Добровольческая армия покинула Ялту. И в тот же день «в начале пятого часа» туда вошел первый конный отряд 4-го Заднепровского полка под командованием командира полка Н. Квотченко⁹⁴. На митинге, устроенному по этому поводу, командир, в частности, сказал⁹⁵, обращаясь к местным жителям: «Вы не должны предаваться чувству мести... Не надо крови. Вы должны показать мощь пролетариата в его организованности, планомерной, строительной

91 Рихтер З. Крымские письма. 1. В Ялте накануне прихода советских войск // Известия ВЦИК, № 93, 3 мая, с. 1.

92 Клейнмихель В. В., Клейнмихель Е. П. Указ. соч., с. 310.

93 М.Б. Обманутые // Красная звезда (Ялта), № 3, 27 апреля.

94 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 374, л. 47.

95 Рихтер З. Крымские письма. 2. Вступление советских войск в Ялту. // Известия ВЦИК, № 94, 4 мая, с. 2.

и организационной работе...». Было также зачитано воззвание, якобы подписанное начальником перекопской группы войск И. Котовым, с призывом не верить контрреволюционным слухам. Населению гарантировались «полная свобода, мир и порядок».

Из заметки⁹⁶ другого свидетеля событий:

«И вот, на Страстной вошли первые части... И в городе сразу водворилось спокойствие, даже не было привычных при белогвардейцах грабежей. А потом прибыли и другие войска, образовались комиссариаты, с поразительной быстротой совершился переход власти; жизнь вошла в свою колею...». Слова слишком благостные, чтобы им доверять полностью. Поэтому подождем дальнейшего развития событий.

§ 3. НАСТУПЛЕНИЕ НА ВОСТОК. ОБРАЗОВАНИЕ АК-МОНАЙСКОГО ФРОНТА

Как уже отмечалось, вошедшие в Крым со стороны Чонгарского перешейка Заднепровские полки 9-го апреля после боя с добровольцами и греческими войсками заняли Джанкой. Помимо упомянутого 4-го Заднепровского полка в Симферополь прошел 6-й Заднепровский полк, который оттуда направился на восток по шоссе Симферополь-Карасубазар-Старый Крым-Феодосия. Вслед за отступавшими из Симферополя частями белых на восток Крымского полуострова от Джанкоя направился и 5-й Заднепровский полк. Но его маршрут лежал вдоль железной дороги Джанкой-Владиславовка-Феодосия, разрушенной на протяжении 60 верст подрывной командой белых.

Продвигались на восток 5-й и 6-й полки медленно, поскольку белые упорно сопротивлялись, подготавливая тем временем линию обороны на Ак-Монайском перешейке. Командующий Крымско-Азовской армии генерал-лейтенант Боровский отмечал, что отход с Перкопско-Сивашского фронта до Ак-Монайских позиций происходил в течение двух недель — с 8 апреля (26 марта) по 21 (8) апреля⁹⁷.

Последовательность продвижения красных войск на восток была следующей. До 8 апреля происходили бои под Джанкоем, в том числе ночной бой под деревней Кохчегоз⁹⁸. Далее (11-го апреля) белые остановили продвижение 5-го Заднепровского, заняв промежуточный рубеж обороны в колонии Эйгенфельд⁹⁹, что в 10 верстах от Сейтлера (Сейтлер — современная станция Нижнегорск, находящаяся через два перегона от Джанкоя в сторону Керчи). Затем 14-го красными в ходе упорных боев были взяты Грамматиково (Советский) и Карасубазар¹⁰⁰ (Белогорск). 15-го апреля

96 М.Б. Обманутые // Красная звезда (Ялта), № 3, 27 апреля, с. 1.

97 ГАРФ, ф. р-444, оп. 1, д. 4, л. 44.

98 Там же, л. 126–127.

99 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 324, л. 8.

100 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 324, л. 26.

белые оставили колонии Мен-Гермен и Ней-Цюрихталь¹⁰¹. 19-го был взят Старый Крым¹⁰², а утром 22-го — Феодосия¹⁰³.

Причем Феодосию красные пытались брать¹⁰⁴ не один раз: «Когда советские войска подошли к городу, на рейде стояли английский сверхдредноут, несколько английских и греческих миноносцев и монитор. Эти суда открыли огонь по большевикам, причинив им огромные потери. На броненосец прибыли английский и греческий консулы и представители рабочих с просьбой прекратить огонь, так как иначе большевики будут преследовать иностранцев. Командующий эскадрой отклонил просьбу, заявив, что принимает на борт всех иностранцев, желающих покинуть Феодосию. Движение большевиков на город было остановлено». В день окончательного взятия Феодосии красными английский флот тоже вел себя¹⁰⁵ активно: «... Два миноносца под английским флагом полчаса бомбили Сарыголь, где зажгли станцию, после чего перенесли огонь на расположение наших окопов, но не принесли значительного вреда...». Белые отступили на Владиславовку, которая на следующий день была взята красными, после чего, как сообщала оперативная сводка¹⁰⁶ от 24 апреля, «противник отступил к ст. Ак-Монай, где позиция его сильно укреплена, вырыты окопы от Азовского до Черного моря с двумя рядами проволочных заграждений...».

В ходе отступления белых на Ак-Монайские позиции англичане впервые обстреляли со своих военных судов наступающие цепи красных¹⁰⁷. «Стреляли англичане залпами с дредноута «*Emperor of India*» из 16 дюймовых орудий; впечатление было страшное, попадавшие снаряды подымали в воздух целые углы хат с окнами, которые в воздухе рассыпались».

«Белый» артиллерист С.Н. Шидловский¹⁰⁸ в своих воспоминаниях недоумевает, почему красные остановили свое наступление, достигнув Ак-Монайского перешейка. На наш взгляд, причина в том, что все три Заднепровских полка двигались на восток с разной скоростью, и первый полк, который пришел на это рубеж (скорее всего, это был полк, двигавшийся вдоль железной дороги Джанкой-Феодосия, по нашим предположениям это 6-й полк), стал ожидать остальных, направившихся на восток из Симферополя, для последующих действий. Но это дало возможность белым окончательно организовать оборону и не допустить прорыва.

Тем не менее, ушедшие за Ак-Монайские окопы белые в массе своей не верили в возможность там удержаться. Драгунский офицер А.А. Столыпин записывал¹⁰⁹

101 ГАРФ, ф. р-444, оп. 1, д. 4, л. 126–127.

102 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 324, л. 52.

103 Там же, л. 57.

104 Русская газета (Афины), 1919, № 4, 16 мая.

105 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 324, л. 60.

106 Там же, л. 64.

107 Шидловский С.Н. Записки белого офицера. — СПб., 2007, с. 23, 24.

108 Там же, с. 27.

109 Столыпин А.А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И.П. Письма 1917–1920 годов. Москва-Брюссель. 2011, с. 26.

20 (7 апреля) в своем дневнике: «Керчь всё же на всякий случай эвакуируется. Слышно, увозят орудия с крепости. Пароходы с грузами мин, снарядов, бомбомётов и минометов снуют между Таманью и крепостью и все никак не могут вывезти огромных запасов <... > Ежедневно из Ак-Маная слышна артиллерийская стрельба. Это красные пытаются взять двойной ряд наших окопов».

24 (11) апреля на станции Семь Колодезей (Ленино) генерал Боровский подписал¹¹⁰ приказ № 16 о коренной реорганизации своей армии «ввиду большого некомплекта в частях» многие части были объединены, в армии осталось две дивизии (4-я и 5-я). Этим же приказом сводный Симферопольский офицерский полк временно переформирован в Отдельный Симферопольский офицерский батальон четырехротного состава¹¹¹.

Таким образом, сформировался Акмонайский фронт, на котором почти два месяца происходили бои и стычки разной интенсивности. Подробности этого противостояния см. в главе 2. Красные заняли позиции на возвышенности близ деревень Тулумчак и Карпеч. Левый фланг красных примыкал к деревне Кой-Асан, правый — к деревне Дальние Камыши¹¹². Штаб Ак-Монайской группировки красных находился в Ислам-Тереке.

110 ГАРФ, ф. р-444, оп. 1, д. 4, л. 4.

111 Альмендингер В. Указ. соч., с. 529.

112 Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч., с. 92–93.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

БОЕВЫЕ СОРАТНИКИ П.Е. ДЫБЕНКО**1–1. СКАЧКО АНАТОЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ (1879–1941)**

Родился в г. Полтаве в семье землемера. Участник 1-й мировой войны, военный журналист в чине капитана.

13 января 1919 г. в составе Украинского фронта была образована группа войск харьковского направления во главе с В.Х. Ауссемом. При этом А.Е. Скачко возглавил оперативный отдел штаба этой группы. В связи с уходом в отставку по болезни Ауссема 11 февраля Скачко принимает командование этой группой. Когда приказом по Украинскому фронту от 15 апреля харьковская группа войск преобразована во 2-ю Украинскую армию, во главе ее становится А.Е. Скачко, т.е. он теперь становится «командармом-2». Надо сказать, что мнение Анатолия Евгеньевича далеко не всегда совпадало с официальной позицией властей. Так, 18 апреля он пишет командующему Украинским фронтом В.А. Антонову:

«По моему мнению, сейчас совершается огромная ошибка, могущая погубить все дело революции в России. Ошибка эта состоит в том, что мы, имея возможность сейчас подавить Дон и занять линию Ростов–Великокняжеская, не используем этой возможности и увлеклись операциями на Западном фронте, увлеклись возможностью работы в интернациональном масштабе, в непосредственном контакте с революционной Венгрией, оставляем восток и позволяем противнику, временно пошатнувшись, укрепиться и вновь восстановить сплошной Восточный фронт...»¹¹³. Жесткий ответ Антонова не заставил ждать: «Раз навсегда прекратите политические упражнения и еще в таком недопустимом неврастеническом тоне. Не узнаю вашей корректности и выдержки...»¹¹⁴. Заметим, что также как А.Е. Скачко думали и некоторые другие советские функционеры, в частности Л.Б. Каменев, который предлагал: «Не увлекаясь бессарабскими и румынскими направлениями сосредоточить все силы [в] Донецком бассейне и [на] замирении внутри страны»¹¹⁵.

В короткой карьере командарма Скачко были и удачные моменты. Так он заслужил личную благодарность самого В. И. Ленина. В марте войска 2-й Украинской советской армии у станции Березовка на Одессине подбили и захватили 4 французских танка «Рено». Один из них — целый — послали Ленину в Москву. Сопровождавшие танк посланцы Скачко доложили ему:

«Прибыли в Москву двадцать четвертого [апреля], поручения исполнены. 25-го танк доставлен в Кремль. 26-го тов. Татько был у тов. Ленина. В тот же день беседовал пять минут. В Москве придется быть до четверга [31 апреля]. Письменный ответ тов. Ленина будет в среду [30 апреля] <...> Военное представительство 2 Украинской Советской Армии. Татько, Котов. Ответ передайте коменданту Кремля»¹¹⁶. 1 мая под управлением одного из первых русских летчиков Бориса Россинского машина прошла по Красной площади в честь Дня солидарности трудящихся. Реакция Ленина видна из его телеграммы: «Штабу

113 Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. М. 1933, с. 61–62.

114 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 396, л. 54.

115 ГАРФ, ф. 1243, оп. 1., д. 2, л. 78–81.

116 РГВА, ф. 199, оп.3, д. 396, л. 73–74.

2-й Украинской Советской Армии и всем товарищам этой армии. Приношу свою самую глубокую благодарность и признательность товарищам Второй Украинской Советской Армии по поводу присланного в подарок танка. <...> Лучший привет и самые горячие пожелания успехов рабочим и крестьянам Украины и Украинской Красной Армии.

Председатель Совета Обороны В. Ульянов (Ленин)».

Но далее роковую роль в карьере Скачко сыграл мятеж Н. Григорьева — в первые же дни мятежа штаб 2-й армии во главе с командармом в панике покинул место своей дислокации — Екатеринослав, ошибочно полагая, что к мятежу Григорьева присоединился и Н.И. Махно. На самом деле Н. Махно лишь временно отказался от разговора по прямому проводу со Скачко, что последний и расценил как измену. Ясно, что такое поведение Скачко не прибавило ему авторитета у начальства. По этому поводу Л.Б. Каменев эмоционально докладывал В.И. Ленину: «Скачко со штабом отскочил до Синельникова <...>. Екатеринослав оставлен штабом Скачко и захвачен уголовными. Скачко несомненно преступник...»¹¹⁷. Поэтому А.Е. Скачко пришлось предпринять превентивные меры: 21 мая он прошел освидетельствование в медицинской комиссии и ему был предоставлен отпуск на 6 недель для проведения операции по поводу опухоли головного мозга¹¹⁸, тем не менее, он пока остался командармом.

Приказом от 4 июня Украинский фронт был расформирован, причем 2-я Украинская армия преобразована в 14-ю армию и оставлена в составе Южного фронта. Командармом 14-й армии несколько дней оставался А.Е. Скачко, а 7 июня, он сдал командование этой армией К.Е. Ворошилову.

1–2. ПЕТРЕНКО СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ (ПЕТРИКОВСКИЙ) (1894-1964)

Настоящая фамилия Петриковский. Родился 3(15) сентября 1894 г. в Люблине (ныне — Польша) в семье учителя. О себе без ложной скромности писал: «Отношу себя к профессиональным революционерам. К этому готовился, этому давал клятву в юные годы, так строил жизнь». Окончил Люблинскую гимназию, где под влиянием своего преподавателя Н. Крыленко (будущего советского главковерха) с 1911 года стал большевиком. Учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. С 1913 г. был связным между большевистской фракцией Государственной думы и В. И. Лениным, находившимся в эмиграции в Кракове. В 1915 г. был арестован и сослан на Енисей.

В 1916 г. мобилизован и послан в 30-й Сибирский запасной полк, где сошелся с Н. Рудневым. В 1917 году окончил ускоренные юнкерские курсы, и был направлен в Харьков. Осенью 1917 г. бы назначен начальником военного гарнизона Харькова. Вместе с Рухимовичем и Рудневым организовывал боевые отряды Донецко-Криворожской республики для обороны от немцев.

Относительно своего участия во взятии Крыма Петренко вспоминал: «Группой войск Крымского направления, взявшей 4–5 апреля 1919 г. Перекоп и Чонгар, форсировавшей Сиваш и освободившей весь Крым, командовал непосредственно я, хотя группа входила в состав 1-й Заднепровской дивизии, где начдивом был т. Дыбенко, а я нач. штаба дивизии, комбригом 2 и Комгруппы Крымского направления, так как моя 2-ая бригада наступала в направлении Крыма... Я наступал вместе с Павлом Дыбенко, будучи прикомандирован

¹¹⁷ РГАСПИ, ф. 323, оп. 2, д. 42.

¹¹⁸ РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 1025, л. 8, 14.

к нему, как помначштаба Украинской армии, в январе 1919 года от Мерефы на Лозовую и далее. После взятия нами Екатеринослава, в котором я принимал тоже непосредственное участие, я был откомандирован к нему КомандУкром [Антоновым — М. В.] на должность нач. штаба дивизии, которую нам поручили сформировать и в состав которой были включены отряды атамана Григорьева и отряды батьки Махно. <...> Первую половину 1919 г. я оставался все время на юге, потом в Крыму по 10-е июня, когда мной был подписан последний приказ и сданы были занимаемые мною должности тов. Федько. ...»

В биографиях Петренко фигурирует такой пассаж: «В июне 1919 г. арестован по приказу Троцкого за самовольные переговоры с противником, но освобожден по личному ходатайству Ленина».

На самом деле никаким репрессиям С.И. Петренко не подвергся, а продолжал военную карьеру в рядах КСА в качестве начальника штаба Крымской дивизии. В этой должности состоял по 10-е июня, когда он подписал последний приказ и сдал дела своему преемнику И.Ф. Федько. А для Петренко вскоре оказалось выгодным представить себя жертвой козней Л. Троцкого, от которых его якобы Ленин избавил. На самом деле Ленин на материалах дела о соглашении с французами лишь поставил пометку «В архив», предоставив военному суду во всем разобраться.

Позже Петренко был свидетелем гибели Н. Щорса (выдвинув версию умышленного убийства советского комдива его помощником Иваном Дубовым). В 1920 г. штурмовал Перекоп. После Гражданской войны — на командных постах, один из основателей советского авиапрома и ВВС. Умер от инфаркта 25 января 1964 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

1–3. КОТОВ ИВАН

Наиболее раннее упоминание Котова находим в повести Ивана Жигалова. «Командарм Дыбенко». И. Жигалов пишет, что в первых числах февраля в штабном вагоне Дыбенко были собраны командиры партизанских и повстанческих отрядов (Северной Таврии). На этом собрании «Командиром первой бригады «Особой группы Дыбенко» назначается бывший феодосийский рабочий Котов, представил начдив остроскулого, среднего роста человека. Командующим второй бригады — Махно...»¹¹⁹. Но это все же беллетристика. А среди документов Котов впервые упомянут в записи переговоров между Дыбенко и Скачко 22 марта. Дыбенко называет Котова комендантом штаба дивизии, «единственным нервом» его штаба. «Командному составу я доверяю только тем, которые пройдут через полную фильтрацию штаба и руки Котова», — заявляет Дыбенко¹²⁰.

Во время внедрения 2-й Заднепровской бригады в Крым Котов возглавил группу войск Перекопского направления. Войска эти проявили необычайную доблесть во время блестящего штурма Перекопского перешейка.

В корреспонденции о вступлении красных войск в Ялту упомянуто «Воззвание, подписанное начальником перекопской группой войск [это должность Котова — М. В.] с призывом не верить распространяемым контрреволюционерами слухам. Советская власть гарантирует населению полную свободу, мир и порядок»¹²¹.

¹¹⁹ Иван Жигалов. Командарм Дыбенко. Повести. М. 1987, с. 198.

¹²⁰ Гражданская война на Украине (сборник документов и материалов) Т. 1, кн. 2, С. 239.

¹²¹ З. Рихтер. Крымские письма. 2. Вступление советских войск в Ялту // Известия ВЦИК (Москва), № 94, 4 мая, с. 2.

При переформировании 2-й Заднепровской бригады в Крымскую Советскую армию (КСА) в 20-х числах апреля, Котов становится во главе одной из трех бригад КСА — Ударной бригады. Вскоре в связи с отъездом Дыбенко и части сотрудников его штаба на подавление мятежа Н. Григорьева, Котов получает новое задание — 11 мая он временно назначается начальником охраны Крыма с чрезвычайными полномочиями: «Все вооруженные силы Республики стоящие на охране побережья и внутри Крыма, несущие гарнизонную и караульную службы, а равно все коменданты городов и все военные комиссары — подчиняются тов. Котову», — констатирует пункт 4 приказа № 7 от 11 мая¹²².

В начале июня Добровольческая армия силами около 3,5 тысяч штыков и 2 тысяч сабель прорвала оборону красных по линии Ногайск–Верхний Токмак–Пологи. Участок Пологи-Бердянск должна была оборонять специальная группа войск (начальник группы Корчагин). Основу группы составляла 1-я Крымская ударная бригада под командованием Котова в составе трех полков, к которой добавлялись боеспособные и неразложившиеся части дивизии Махно, а также части, снятые с григорьевского фронта. Этой группе также придавался авиаотряд из 4 самолетов и один бронепоезд¹²³ В связи со сложившейся опасной обстановкой 8 июня Котов опять назначается командиром 1-й Ударной бригады» с сложением всех остальных обязанностей возложенных на него».

И в ходе этих событий происходит неожиданное. Командир повстанческого отряда, охранявшего восточное побережье Таврии П.И. Таран свидетельствовал, что Котов во время отступления КСА «*фигтивно себя ранил, бросил дивизию и бежал в Одессу (откуда был родом) автомобилем, что еще больше наводило панику на отступающие части*»¹²⁴. Другой свидетель — член Симферопольского горкома партии М.Ф. Каплан, писал, что Котову «удалось добраться на машине до первой [немецкой] колонии, но там мотоциклет застрял в грязи, у немцев [он] забрал двуколку, и я не знаю, где он, в конце концов, очутился»¹²⁵. Однако в воспоминаниях И.Г. Генова, опубликованных в сборнике воспоминаний старых большевиков¹²⁶, напротив отмечено о встрече «с красноармейской частью под командованием Вани Котова», отступавшую из Беш-Терека (с. Донское) «на Сарабуз и дальше на Перекоп».

Вместе с тем, среди фамилий ответственных работников Крыма, которые проходили по документам Крымского Истпарта за 1919 г. значится: «*Котов (расстрелян красными)*...»¹²⁷. Остается только предположить, что расстрелян Котов был именно за дезертирство.

Однако возможна и другая версия. По воспоминаниям одного из сподвижников Н. Махно — А. Чубенко, в начале июля во время отступления отрядов Дыбенко и Махно в Кичкас к Махно приезжал Дыбенко с одним из своих командиров бригады. Чубенко называет его фамилию — Антонов. Махновцы убили этого командира бригады¹²⁸. Но с такой фамилией начальников бригад в КСА не было. Это не Федотов, поскольку известно, что он впоследствии сражался в 58-й дивизии И. Федько и не Петровский,

122 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 3, л. 7.

123 Там же, л. 12–13.

124 Таран П.И. Отступление из Крыма // РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 733, л. 53.

125 Каплан М.Ф. Воспоминания // ГААРК, П-150, оп. 1, д. 423, л. 6.

126 Генов И. За победу революции // В борьбе за Советский Крым. Воспоминания старых большевиков. — Симферополь, 1958, с. 152.

127 ГА АРК, ф. п-150, оп. 1, д. 152, л. 26.

128 РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 525, л. 66.

который к этому времени находился в Москве. С натяжкой можно считать, что убитый махновцами Котов (Антонов) именно «расстрелян красными», поскольку махновцы в тот период воевали на стороне Красной армии.

О сумасбродном поведении Котова поступали сигналы и раньше. Так комиссар почт и телеграфов Мамигонов 21 апреля докладывал Ревкому, политкомиссару Кану и Областному комитету партии о том, что командующий группой войск Котов выругался «площадной бранью» в адрес телеграфистки, затем обругал комиссара Мамигонова, затем члена ЦК партии Ковальчука-Иванова. Мамигонов просил «предать Котова суду» и сообщает Обкому «на предмет исключения Котова из партии, как дискредитирующего семью коммунистов». В подтверждение прилагалась выписка из телеграфной ленты. Однако П. Дыбенко неизменно вступался за своего протеже. Ревкому, коменданту Симферополя и комиссару Мамигонову была направлена следующая телеграмма: *«Всякая агитация против комбрига тов. Котова будет рассматриваться как подлая провокация. № 6841. 22 апреля 1919 года, начдив Дыбенко. С подлинным верно — начштаба группы Добрицкий»*¹²⁹. Резолюция Лауры была нейтральной: «Принять к сведению, 24 апреля»¹³⁰.

Позже последовали более серьезные обвинения. В сводке для ЦК КП(б)У от 12 июня (по состоянию на 19 мая) член Крымского обкома Шустер сообщал о расстреле начальником Ударной бригады КСА Котовым политкома этой бригады. Далее Шустер пишет: *«Котов, на съезде политработников в Джанкое на их вопрос о причинах его поступка с товарищем, грозил расстрелять всех. Котов, ныне начальник охраны Крымского побережья, не кто иной, как известный в Крыму под кличкой Ванька Сыч — бандит...»*¹³¹.

1–4. ПАВЛОВСКИЙ ВСЕВОЛОД

Во время Мировой войны Всеволод Павловский якобы дослужился до фельдфебеля (впрочем, его чин называли по-разному — от старшины до полковника). В качестве командира отряда повстанцев против немцев и австрийцев на Украине он известен еще с лета 1918 г. Так в июне 1918 г. его отряд поддерживал восстание близ Звенигородки Киевской губернии, а в августе того же года отряд численностью около 5 тыс. человек под командованием Вс. Павловского и М. Шинкаря оказался под Корсунем Каневского уезда.

Гораздо больше о нем мы знаем как о командире 3-го Таврического полка, участвовавшего в боях за Крым в апреле 1919 г. Эта его деятельность (бои на Перекопе и под Севастополем) описана в разделе «Наступление». Кстати заметим, что командование этим полком он принял в марте 1919 г. по настоянию красных повстанцев вместо назначенного Н. Григорьевым Мосенко.

После взятия Севастополя 3-й Таврический полк (под новым названием 3-й Крымский Ударный Советский полк) был в этом городе расквартирован для охраны близлежащей части Крымского побережья. Часть полка была переброшена на Ак-Монайский фронт, где успешно действовала против денкинцев. Еще одна часть полка (карательный отряд) в первых числах мая была направлена в Мелитопольский уезд. Сообщалось, что деятельность этого карательного отряда вызвала резкое неудовольствие местного крестьянского съезда, но подробности этого неизвестны. Павловский входил в этот отряд, но при известии о мятеже Григорьева часть этого карательного отряда

129 ГААРК, Ф. Р-2264, оп. 1, д. 14, л. 20.

130 ГА АРК, Ф. Р-1733, оп. 1, д. 169, л. 32.

131 ГА АРК, Ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 34–35.

во главе с Павловским отделилась и перешла на сторону Григорьева. Остальная часть карательного отряда под командованием Тимашевского 13 мая оказалась в Мелитополе и оттуда вернулась в расположение полка.

По сообщению от 14 мая, Павловский разогнал волостные Советы в пяти волостях Мелитопольского уезда, примыкающих к Днепру. В связи с этим сообщением и.о. командующего КСА М.А. Петровский отдает распоряжение, чтобы в случае захвата «*сообщника Григорьева Павловского или кого-либо из агентов Григорьева*» *держат их под надежной охраной в Армянске. Если же Армянску будет угрожать опасность, «предписывается вам указанных лиц расстреливать»*. Затем 15 мая, поступил сигнал, что банда Павловского проводила разведку под Перекопом со стороны Сиваша, а на следующий день (16 мая) сообщалось об аресте Павловского. Некоторое время Павловский действительно находился под арестом (скорее всего в Армянске) у Федотова, командовавшего крымской группой воевавшей с Григорьевым. Но каким-то образом был освобожден, и не позже 9 июня его отряд уже находился в районе Аскания-Нова.

После убийства Н. Григорьева в штабе Махно (27 июля) остатки отрядов григорьевцев перешли под командование Махно. Так Павловский оказался в соратниках Н. Махно, а в сентябре он уже командир 4-го Крымского корпуса махновской Революционной Повстанческой Армии Украины. Достоверных данных о дальнейшей судьбе Павловского нет, существует версия о его смерти в 1921 году.

1–5. ПЕТРОВСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ¹³². Настоящая фамилия Пиотровский Михаил Александрович. (1880-?). Рабочий-металлист. Анархист-синдикалист с 1906 г. Один из лидеров Одесской Федерации Анархистов (1917), организатор фабрично-заводских комитетов. Делегат двух всероссийских конференций фабрично-заводских комитетов. Участник Октябрьского восстания в Петрограде, член Военно-революционного комитета. В начале 1918 г. добровольцем пошел в РККА.

К началу 1921 г. демобилизовался и вернулся в Петроград. Работал в Союзе рабочих-металлистов «Советский анархист».

Добавим к этому, что к 1922 г. созданные анархо-синдикалистами союзы были распущены, а печатные издания закрыты. О дальнейшей судьбе М.А. Петровского ничего выяснить не удалось. В списках репрессированных 1920–1930-х годов его нет. Как упоминалось выше, не позже 1927 г. Петровский становится «фигурой умолчания», т.е. не упоминается в советских изданиях.

КОММЕНТАРИИ К ОФИЦИАЛЬНЫМ СВЕДЕНИЯМ. Суть разногласий анархистов-синдикалистов с коммунистами состояла в разных подходах к организации профсоюзов. Анархисты-синдикалисты считали традиционные профсоюзы «отжившей, устаревшей формой» рабочего движения, противопоставляя им фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы). По их мнению, с помощью фабзавкомов пролетариат сможет установить «подлинный рабочий контроль», а затем и наладить самостоятельное производство и распределение, реорганизовать всю хозяйственную жизнь страны в духе безгосударственного социализма, будущего безгосударственного народного самоуправления в федерациях фабзавкомов (синдикатах), т.е. профсоюзов нового типа.

¹³² www.makhno.ru

С таким подходом были не согласны большевики, в частности, Л.Д. Троцкий, сделавший вступительный доклад на Первой Всероссийской конференции фабзавкомов, которая проходила с 17 по 22 октября 1917 г., т. е. за несколько дней до Октябрьского переворота. Всего на конференции присутствовало 137 делегатов, из них анархо-синдикалисты составляли 11 человек, т.е. 8%. Петровский (на этот раз под фамилией Пиотровский) дважды выступал на этой конференции.

В частности, в прениях от имени одесских анархо-синдикалистов М.А. Пиотровский выступил со следующей репликой, тезисно зафиксированной в протоколе¹³³:

«Профессиональные союзы хотят сожрать заводские комитеты. Недовольство комитетами нет, а профессиональными союзами недовольство есть. Практика движения профессиональных союзов ведет к соглашательству, как бы не были они организованы. Для рабочих профессиональные союзы — внешняя навязанная форма, [а] фабрично-заводские комитеты близки. <...>. Анархисты считают, что должны создавать и развивать ячейки будущего. <...>. Фабрично-заводские комитеты — ячейки будущего. Они будут управлять, а не государство...».

Забегая на пару лет вперед, заметим, что эти разногласия с Троцким дорого обошлись М.А. Заметим, что в списке участников этой конференции, приведенном в приложении к цитируемому нами изданию 1927 года¹³⁴, не упомянута фамилия М.А. Петровского (Пиотровского). Приведены сведения лишь о пяти делегатах от Одессы. Из этого следует, что к 1927 г. наш герой становится «фигурой умолчания». А буквально через несколько месяцев, этот же термин будет соответствовать и его главному оппоненту — Л.Д. Троцкому.

Что касается фразы «участник Октябрьского восстания в Петрограде, член ВРК» в официальных сведениях о нашем герое, то мы смогли найти в трехтомнике «Петроградский военно-революционный комитет» (1966 г.) лишь следующее упоминание:

30 октября 1917 г. «ВРК сим удостоверяет, что тов. Петровский назначается комиссаром в склад огнестрельных припасов при селе Рыбацком [Петроградского уезда Петроградской губернии] и что только при его разрешении может быть что-нибудь выдано из этого склада». В этой должности Петровский состоял до 17 ноября, когда вместо него был назначен другой комиссар¹³⁵. Скорее всего, в сборник какие-то документы о М.А. Петровском не вошли.

К СЛУЖБЕ ПЕТРОВСКОГО В ЗАДНЕПРОВСКОЙ ДИВИЗИИ И КСА. В своих воспоминаниях В.А. Антонов-Овсеенко утверждал, что в начале марта 1919 Петровский не имел отношения к штабу армии П.Е. Дыбенко и «не был допущен к работе в армии»¹³⁶. В этом видятся отголоски «неправильного» поведения М.А. — либо он был действительно «связан с махновским движением», как утверждает в биографической справке о нем, либо он по каким-то другим причинам не нравился Антонову.

По сведениям К.С. Бессмертного¹³⁷, к зиме 1918–1919 анархисты-синдикалисты стали собираться на Украине, чтобы отстоять Украинскую революцию в рядах Повстанческой

133 Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Ч. II. Накануне Октября. М. 1927, с. 199.

134 Там же, с. 250–258.

135 Т. 3, с. 121, с. 446.

136 Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. М. Государственное Военное издательство, Т. 3, 1933. с. 175–176.

137 Бессмертный К.С. Анархическое движение в России.

армии Махно. Действительно М.А. Петровский (или его однофамилец без инициалов) один раз упомянут в воспоминаниях Н. Махно среди других его соратников. Но ведь в период существования Заднепровской дивизии махновцы были не только признаны сторонниками советской власти, но и были включены в виде отдельной (третьей) бригады в эту дивизию.

В начале 1919 года Петровский занимался «налаживанием аппарата снабжения» заднепровцев из Одессы. В феврале во время взятия Екатеринослава он выступал там на митингах, и уже входил в штаб Заднепровской дивизии. Дыбенко ценил Петровского, но ему не раз приходилось выгораживать Петровского, заявляя, что ему как анархисту, якобы, не поручались ответственные участки работы¹³⁸. С другой стороны, известно, что не позже марта 1919 г. М.А. становится начальником штаба 4-го Заднепровского полка 2-й Заднепровской бригады. Этот полк в конце апреля входил в Севастополь и телеграмма об этом важном событии подписана М.А. Петровским.

Когда П.Е. Дыбенко уезжал из Крыма для подавления мятежа Григорьева, М.А. Петровский, уже как начальник штаба КСА замещал его¹³⁹.

Во время крымской военной кампании 1919 года ярлык анархиста прочно прилип к Петровскому. Так любая клевета начиналась с упоминания о его анархизме. Например, в сводке Крымского обкома для ЦК КП(б)У по состоянию на 19 мая, составленной М.Д. Шустером, упоминается «затаенная борьба» Симферопольского ревкома со штабом КСА. При этом акцентируется, что главную роль в этих действиях штаба играет «анархист Петровский»¹⁴⁰. Но судя по сохранившимся документам, поведение его было совсем не анархическое. Он ратовал за законность в любом военном эпизоде.

Примером деятельности М.А. Петровского в качестве заместителя командарма КСА М.А. Петровским может послужить его письмо от **25 мая** в три адреса: В.И. Ленину, заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР Склянскому и начальнику военного снабжения Судьину. Это письмо подписано также предсовнаркома Крыма Д.И. Ульяновым и членом Реввоенсовета Крымской ССР Толмачевым. В письме изложен взгляд на текущую военную обстановку и просьба об оказании военно-технической помощи КСА из Центра. На письме есть также резолюция Б.Н. Муравина — военного комиссара Артиллерийского управления Московского военного округа и одновременно уполномоченного Центрального управления снабжения РСФСР. Муравин, находившегося в Крыму с инспекцией, в своей резолюции подтверждает изложенное в письме крымчан и называет конкретные объемы военного снаряжения, которое должно быть в срочном порядке направлено КСА.

Прямо-таки патологическая ненависть Троцкого к анархизму и анархистам подвигла его издать приказ о расправе над Петровским. Напомним, что инициатором возбуждения дела против Петровского и Астахова по поводу самовольного заключения перемирия с Антантой в апреле 1919 г. в Севастополе был Х.Г. Раковский, далее подключился Г.В. Чичерин, а затем Л.Д. Троцкий в начале июня издал приказ об аресте Петровского и Астахова.

В письме В.И. Ленину по этому поводу Д.И. Ульянов высказался мягче — что мол приказ Троцкого «вызван прежними конфликтами т. Троцкого с т. Петровским». Далее

¹³⁸ РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 459, л. 12, 125.

¹³⁹ Подробнее см. об этом в главе 3 «Военной панорамы».

¹⁴⁰ ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 34–35.

Д.И. Ульянов свидетельствует: «Последняя деятельность Петровского, происходившая на наших глазах, безусловно заслуживает внимательного отношения к выставленным против него обвинениям. Хотя он и анархист, но ничем реальным не проявил своего отрицательного отношения к Советской власти; причем как пример можем указать на его выступления в Совете рабочих и красноармейских депутатов и на красноармейских митингах с лозунгами за Советскую власть и полную дисциплину в армии. Петровского хорошо знает Зорин, с ним также успел немного познакомиться тов. Каменев. В исполнение приказа тов. Троцкого Петровский направляется в Москву в распоряжение Совета Обороны. Просим дать ему возможность лично с тобой объясниться, или с кем-нибудь по твоему указанию»¹⁴¹.

Письмо Д.И. Ульянова Ленину от 9 июня с просьбой разобраться с обвинением Петровского и Астахова сам М.А. Петровский и привез в Москву вместе с вернувшимся в Москву Б.Н. Муравиным, упомянутым выше. 14 июня Петровский и Муравин попали на прием к В.И. Ленину и передали упомянутое письмо. Это следует из записки В.И. Ленина от того же числа: «Т. Смилге! Это письмо доставили мне тт. Петровский и Муравин, приехавшие из Крыма от брата. Дайте, пожалуйста, законное движение этому заявлению и для направления дела в суд по возможности в Москву и на суд. Ваш Ленин»¹⁴².

К этой записке В.И. Ленин для передачи в суд прилагает письмо Д.И. Ульянова от 9 июня 1919; при этом он зачеркивает синим карандашом первую часть письма (о Книпович), как не относящуюся к делу Петровского, а в тексте помечает, что Гавен и Вульфсон являются членами Крымского правительства, поэтому к их мнению суду следует прислушаться.

В делах Секретариата ЦК партии сохранились следующие следы переписки по делу Петровского:

16 июля. Серпуховская военная прокуратура (Реввоен трибунал) запрашивает Секретариат ЦК: «Прошу срочно сообщить какое назначение получил товарищ Петровский». Исх 3 1342 по адресу Москва, ЦК; на штампе Секретариата помечено: вх. 1538/1 от 18/УП (июля — 1919). Передал Писевич.

На следующий день (17/УП) из Секретариата следует вопрос (исх. № 4152): о каком Петровском запрашивается.

Ответ из Серпухова: «О начальнике штаба дивизии в Крыму, который подписал соглашение с союзным командованием в Севастополе».

Поскольку никаких назначений по линии РКП(б) для анархиста-синдикалиста М.А. Петровского последовать не могло, то Секретариат ЦК ничего не ответил Серпуховскому Реввоен трибуналу¹⁴³.

Ясно, что М.А. Петровской не смог вернуться в Крым к моменту эвакуации красных. По-видимому, после судебного процесса он демобилизовался и переехал в Петроград. О дальнейшей судьбе М.А. Петровского нам известно лишь то, что приведено на сайте www.makhno.ru (см. выше).

¹⁴¹ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 25875, л. 93, 93 об., 94, 94 об.

¹⁴² Ленинский сборник XXXVIII, М., 1975, с. 265.

¹⁴³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 66, д. 26, л. 101-в.

РУКОВОДСТВО КСА И ДРУГИЕ ВОЕННЫЕ, УПОМИНАЕМЫЕ В КНИГЕ

АВЕРКИН — начальник штаба 1-й дивизии КСА, Джанкой.

АНДЕРС — в штабе КСА (Симферополь).

АНДРУКАЛЕКСАНДР — начальник Правительственной радиостанции, (прибыл из Севастополя), назначен 31 мая.

АСТАХОВ БОРИС (?) — сотрудник газеты «Борец за коммунизм» (другие сотрудники: Вехтев и Колчин)¹⁴⁴. Типография (возможно и редакция) газеты находились на ст. Граматиково¹⁴⁵.

БАЙША С.Я. — комиссар, 1-й Особый Крымский советский полк.

БЕЛОЗУБОВ СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ — командир 9-го полка.

БЕСПЯТОВ ГЕОРГИЙ — политком 3-го Ударного Крымского Советского полка.

БОБЕНКО — командир 3-го Резервного полка.

БУДНИК — командир 3-го Таврического Украинского Советского полка.

ВАСИЛЬЕВ — командир 5-го кавалерийского полка, который прибыл в Синельниково 24 апреля; потом киевская группа навязала им **ЧЕРНЯКА**¹⁴⁶.

ВАСИЛЬЕВ — комиссар 4-го Заднепровского при прохождении Чонгара и при взятии Севастополя; командир 517 полка 58-й дивизии¹⁴⁷.

ВОЛОДИН — командир отряда, влившегося в полк Квотченко.

ГАВРИЛОВ — командир кавалерийского дивизиона на Ак-Монае¹⁴⁷.

ГАНЦЕН — командированный Наркомвоен.

ГОРИШНЫЙ ЕМЕЛЬЯН его артбатарея придана 3-у Таврическому полку¹⁴⁷.

ГУБАНОВ М.К. комиссар 3-й Крымской бригады; комиссар 173 бригады.

ДОБРИЦКИЙ — начальник штаба 1-й дивизии; «своевольничают и безобразничают как САНДОМИРСКИЙ И ДУБНИЦКИЙ» (фамилия приведена неточно), которые врываются в банк с требованием «открыть оставленный ими в прошлом году сейф»¹⁴⁸.

Ф. ДЫБЕНКО — брат П. Дыбенко.

ДЫБЕЦ С.С. — комиссар, 4-я нештатная бригада 58-й дивизии¹⁴⁷.

ЖАХОВСКИЙ — начальник Крымской авиации, его помощник Ионин.

ЗАБИРО — командир Автоброневоего дивизиона (в частности, воевал на Перекопе).

ЗЕЛЕНОВ — помощник начальника оперотдела 1-й дивизии; командир группы (Чаплинка, Каховка).

ЗИНЧЕНКО — заместитель политкома полка.

ИОНИН — пом. Начальника Крымской авиации.

КАЛИНИЧЕНКО Ф. Д. — в районе Херсона-Каховки, с задачей охраны тыла Крымской Красной армии располагался 2-й Крымский советский полк под его командой¹⁴⁹. Отход Крымской

¹⁴⁴ РГВА, ф. 199, оп. 2, д. 129, л. 23.

¹⁴⁵ РГВА, ф. 199, оп. 2, д. 129, л. 93.

¹⁴⁶ РГВА, ф. 199, оп. 2, д. 129, л. 73.

¹⁴⁷ Смирнов А. П. Командарм Иван Федько. Крымиздат. Симферополь. 1959. с. 59.

¹⁴⁸ Сводка Шустера по состоянию на 19 мая.

¹⁴⁹ Смирнов А. П. Командарм Иван Федько.; см. также: Калиниченко. Воспоминания старых большевиков.

группы от Армянска до Каховской переправы прикрывал 2-й Крымский стрелковый полк под командованием **Ф.Д. КАЛИНИЧЕНКО**¹⁵⁰.

КАН (Клейман) Давид Михайлович — комиссар 4-го Заднепровского при прохождении Чонгара; политком группы Крымского направления.

КАЙДЕЦКИЙ — командир одного из отрядов, Перекоп.

КАРПЕНКО В.Н. — командир 3-го Таврического советского полка¹⁴⁷; командир 522 полка 58-й дивизии осенью 1919.

КАГАНОВ (КОГАНОВ) — командир Симферопольского интернационального батальона, переименованного в 1-й Крымский Интернациональный запасной полк при штабе Армии.

КВОТЧЕНКО Николай — командир 2-го Особого Крымского советского полка формировался во Владиславовке из 1-го Мелитопольского запасного полка из добровольцев; командир 4-го Заднепровского при прохождении Чонгара.

КИПА (КИППА) — начальник гарнизона в Геническе.

КЛЯРФЕЛЬД — начальник Оперативного отдела штаба КСА, врио начштаба.

КОЗЫРЕВ Г.Г. — член Ревтрибунала, губвоенком Херсона.

КОЧЕРГИН ГРИГОРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ — командир полка (от РВС), формировавшегося в Мелитополе. Боевой участок Бердянск–Пологи–Мелитополь; 4-я нештатная бригада 58-й дивизии Федько¹⁴⁷.

КРЕПКО — политком штаба в Александровске.

КУЛАКОВ — командир добровольческого батальона в поселке Сейтлер.

КУПЯНСКИЙ П. — комендант Севастополя.

ЛАВРЕНТЬЕВ (ЛЕОНТЬЕВ-?) — формировал отряд под Мелитополем.

ЛОРУП — начальник кавалерийской базы с 14.05.

ЛУКОМСКИЙ ПЕТР ИЛЬИЧ — с марта 1919 комиссар 1-й Заднепровской с. д., с ноября 1920 ялтинский уездный военком.

ЛУНЕВ — командир 5-го Заднепровского полка при прохождении Чонгара и позже на Ак-Моная¹⁴⁷.

МАРКОЗАШВИЛИ К.Г. — командир кавалерийского полка; до середины марта 1919 — комендант Мелитополя.

МАСЛОВ Л.А. — командир группы, действовавшей против григорьевцев в районе Херсона-Снигиревки; (позже — нач. бригады № 173 58-й дивизии)¹⁴⁷.

На линии Новоспасское–Молчанск–Большой Токмак действовала 3-я Крымская бригада (командир **Л.А. МАСЛОВ**) — там же.

МОШНЯК ЯКОВ — командир кавалерийского дивизиона, размещавшегося под Феодосией¹⁴⁷.

МОИСЕЕВ — командир Особого полка (*скорее всего И.С. Моисеенко*¹⁵¹ — см. кн. Кружко).

МОИСЕЕНКО И.С. — уездвоенком, Мелитополь, командир 1-го Особого Крымского советского полка¹⁴⁷.

МОКРОУСОВ А.В. — командир 174-й бригады 58-й дивизии после А. Федотова.

МУРАВИН Б.Н. — Военный комиссар Артиллерийского управления Московского военного округа (ОКАРТУ), одновременно уполномоченный Центрального Управления снабжения РСФСР.

ОГНИВЦЕВ — в штабе 1-й дивизии в Джанкое.

¹⁵⁰ Шишко Е. А., с. 209.

¹⁵¹ Кружко Л.П. Северные ворота Крыма, ЗАО «Крымский ТИТАН», [Красноперекопск], 2009.

ОСТРОУХОВ — начальник Оперативного отдела штаба КСА, Симферополь.

ПАНЧЕНКО — комендант Симферополя с 10.05.

ПАРХОМЕНКО — воевал против Григорьева в Екатеринославе, он из Харькова — руководил местным набором (?) военных; 25 мая он сдал дела **ФЕДОТОВУ**¹⁵².

ПЛАКСИН — командир батальона, Армянск.

ПОДСКРОБКО — командир 3-го Ударного Крымского Советского полка (Севастопольского)¹⁵³.

ПОПОВ — командир Восточного интернационального отряда (на Перекопе при отступлении); помощник **КАГАНОВА** — командира Симферопольского интернационального батальона переименованного в 1-й Крымский Интернациональный запасной полк при штабе Армии.

РОГОВ — уездвоенком Перекопа.

САНДОМИРСКИЙ — комендант Чонгарского района; командир отряда охраны Сивашского района, штаб его в Чонгаре¹⁵⁴.

21 марта — он комендант Мелитополя: за грабеж им расстреляны трое часовых¹⁵⁵.

«Своевольничают и безобразничают как **САНДОМИРСКИЙ** и **ДУБНИЦКИЙ**, которые врываются в банк с требованием «открыть оставленный ими в прошлом году сейф», .

СЕРГЕЕВ — (?) под Херсоном, врид начальника штаба КСА, левый с. р., бывший в штабе Саблина в Москве во время левоэсеровского мятежа¹⁵⁶.

СИЛКА — командир Интернационального полка¹⁵⁷.

СЛАДКЕВИЧ Я. — начальник гарнизона в Ялте, военный комиссар, ответственный редактор Красной звезды (Ялта)¹⁵⁸.

СЛЕПЧЕНКО НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ — командир кавалерийского взвода по охране Черноморского побережья на территории Евпаторийского района. Затем служил в 58-й дивизии. Представление к награде орденом «Красная звезда» подписано Находкиным Александром Ивановичем¹⁵⁹.

СНАРСКИЙ — Врид начштаба КСА.

СОКОЛЬСКИЙ И. — казначей Полевого казначейства.

СТУПАКОВ — политкомиссар 5-го Заднепровского при прохождении Чонгара; начальник штаба Заднепровской дивизии, зам. Петренко.

ТАРАН П.И. — командир отряда на Перекопе; участок от Тендеровской косы до Евпатории охранял его партизанский отряд¹⁴⁷.

ТАХТАМЫШЕВ — командир 4-го Керченского полка.

ТИМАШЕВСКИЙ — командир карательного отряда 3-го Таврического полка.

ТКАЧЕНКО — командир отряда, действовавшего против Григорьева в Елизаветграде ; командир партизанского отряда 1-й (т.е. григорьевской) бригады Заднепровской дивизии¹⁶⁰.

152 РГВА, ф. 199, оп. 2, д. 129, л. 159.

153 Известия (Севастополь), № 35, 7 июня.

154 КСА, д. 9, л. 19.

155 Южная правда (Мелитополь), № 3, 21 марта, пятница, с. 1.

156 Сводка Шустера по состоянию на 19 мая.

157 КСА, д. 2, л. 16 об.

158 Красной звезды (Ялта) № 8, 4 мая.

159 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 163, л. 150.

160 *Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно.* — Киев : РВЦ «Проза». 1993, гл. 3.

ФЕДОТОВ А. — командир группы действовавшей от дыбенковцев против Григорьева, комбриг-2 (Особой бригады КСА); 25 мая Пархоменко (первоначально возглавлявший противостояние Григорьеву) сдал дела Федотову¹⁶¹. В Севастополе стоял 4-й Заднепровский полк (командир Федотов). В боях за Перекоп по словам Дыбенко отличились: 1-й ударный Советский полк + 4-й Заднепровский полк (командир Федотов, комиссар Васильев) + особый полк¹⁶².

ФЕДЬКО И.Ф. — командир 174 бригады 58-й дивизии.

ФИЛИППОВ С.В. — председатель Ревтрибунала.

ФУКС — комендант штаба армии с 20.05.

ХРАПОВ (ХАГИНОС - ?) — начальник карательного отряда (сотни) имени Дыбенко, сформированного в марте 1919 в Мелитополе.

ЧАЙКА — командир красного отряда (Таврия - ?); Григорий Николаевич — командир 1-го Ударного полка (3 батальона, 9 рот), 3 мая перешел в штаб 3-й бригады, т. е. к Махно)¹⁶³.

ЧЕПУРКО Ф. — упомянут в воспоминаниях П.И. Тарана.

ЧЕРНЯК — командир 5-го кавалерийского полка после Васильева.

ШАПИЛЬСКИЙ А. — командир бронепоезда «Имени Розы Люксембург», который в конце июня отступал от ст. Федоровка около Мелитополя на Новоалексеевку, оттуда на Каховку и Херсон, а далее (в августе 1919) — на Одессу¹⁶⁴.

ШЕБЯКИН — военный руководитель гарнизона в Ялте¹⁶⁵.

ШИШКИН АЛЕКСАНДР — командир 5-го Заднепровского при прохождении Чонгара; зам председателя Ревтрибунала; **ШИШКИН АНДРЕЙ** — командир полка, в партии с 1917 г.¹⁶⁶ Начальник всего Ак-Монойского боевого участка **АЛЕКСАНДР ШИШКИН**¹⁴⁷.

161 РГВА, ф. 199, оп. 2, д. 129, л. 159.

162 Южная правда (Мелитополь), 11 апреля, № 9 (20).

163 РГВА, ф. 199, оп. 2, д. 129, л. 80.

164 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 162, л. 124 об.

165 Красная звезда (Ялта) № 8, 4 мая.

166 РГВА, ф. 199, оп. 2, д. 129, л. 23.

приложение 3

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРИХОДУ КРАСНЫХ В СЕВАСТОПОЛЬ

3–1. ОБСТАНОВКУ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО ОПЫТА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КРЫМУ (ЗИМА 1917–1918 ГГ.) ВПОЛНЕ ОТЧЕТЛИВО ОБРИСОВАЛ Ю.П. ГАВЕН. ЕМУ И ПРЕДОСТАВЛЯЕМ СЛОВО ¹⁶⁷.

«...Не говоря о буржуазии, и вся мешанская обывательщина была настроена к советской власти весьма враждебно. Эта злоба подогревалась частыми массовыми обысками и изъятиями, производимыми революционными отрядами. <...> Он [председатель ЦИКа] разрешал отрядам производить самостоятельно (по усмотрению штаба) и помимо контроля судебных органов обыски, массовые изъятия ценностей, что влекло за собой разложение в этих слабо дисциплинированных отрядах и озлобление среди населения. <...>».

Варфоломеевская ночь в Севастополе

Буржуазия якобы «подняла голову», воодушевленная немецким наступлением. В Севастополе был опубликован приказ Совнаркома под названием «Социалистическое отечество в опасности». 23/24 февраля по инициативе судебного комитета линкора «Борец за свободу» был выдвинут лозунг «Нужно вырезать всю буржуазию в Севастополе». Убито в ночь с 22 на 23 февраля не менее 250 человек. Террор перекинулся и на Симферополь, там убито 170 человек. Всего по Крыму около 600 [скорее всего, цифры сильно занижены по цензурным соображениям — М. В.]. Одновременно шли и массовые грабежи и мародерства. Кажется, только 25 февраля террористов удалось обуздать».

3–2. ДОКЛАД ГОРОДЕЦКОГО НА ЗАСЕДАНИИ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО РВК 16 АПРЕЛЯ (ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЙ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО РВК № 5) ¹⁶⁸.

По приезде в Севастополь я убедился, что Севастопольский Ревком существует нелегально, подвергаясь опасности репрессий. Нашей делегации Труссон заявил, что так как Севастополь может служить базой для подводного флота против Константинополя, то французы вынуждены будут защищать Севастополь. И коммунисты и меньшевики стремятся не допустить боя за Севастополь, но коммунисты — для того, чтобы Севастополь перешел к Советской власти, а меньшевики — наоборот. По дороге в Симферополь мы встретили делегацию от советского командования. Т.т. Могилевский и Шевченко (от Сев. проф. союзов) отправились в штаб Котова. Советские войска [подошли] очень близко к Севастополю; отдельные лица даже приехали в Севастополь и участвуют в заседании Ревкома. Хотя и роют окопы, но по дороге в Севастополь не взрывалось ни одного моста и т.п. Труссон боится, что советские войска ударят в тыл эвакуирующимся французам. Французские матросы прямо заявляют, что они не желают сражаться. Убеждение Ревкома, что на днях [нечеткий текст] будет занята Северная сторона советскими войсками

¹⁶⁷ Гавен Ю.П. Первые шаги Советской власти в Крыму// Революция в Крыму, № 2, 1923, с. 48, 52–53.

¹⁶⁸ ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 13; Борьба за советскую власть в Крыму, Симферополь, 1961, ч. 2, с. 118–119.

и Севастополь будет сдан без боя. К взрыву на «Рионе» Ревком [Севастопольский] не имеет никакого отношения и относится с возмущением...

3–3. 18 АПРЕЛЯ. ТЕЛЕГРАММА ПЕТРЕНКО В АЛЕКСАНДРОВСК (ДЛЯ ДЫБЕНКО), В ЕКАТЕРИНОСЛАВ (ДЛЯ СКАЧКО) И В КИЕВ (ДЛЯ РАКОВСКОГО) ¹⁶⁹.

«После трехдневных переговоров [с] союзным командованием делегацией достигнуто соглашение [и] заключено перемирие [на] 8 дней до 25 апреля. Власть в Севастополе передается Ревкому, который принимает все дела, 19 апреля подготавливается избрание Совета. Вывоз имущества из города французами воспрещается. По истечении восьми дней, если решение союзных правительств относительно дальнейшей судьбы Севастополя не выяснится, срок перемирия может быть продлен; в городе вводится красная милиция. К-р группы Крымск. направл. Петренко».

3–4. ПИСЬМА ИЗ КРЫМА. СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ¹⁷⁰.

Повстанцам, взявшим Перекоп, Сиваш, и неохотно подчиняясь приказанию, оставить Севастополь, в который они было вошли с боем, надоело томительное бездействие, сидение на голых камнях под осажденным городом. Сильно подносившись, напудренные крымской лечебной пылью, красноармейцы (повстанцы) по одиночке и группами бредут по Балаклавскому шоссе по направлению города.

Позади — живописная Байдарская долина, кругом — голая каменистая степь, и только на самом горизонте синее узкая, глубоко вдавшаяся в желтый низкий берег полоска моря — Севастопольская бухта.

Военный комиссар, с которым я еду в Севастополь, каждый раз, поравнявшись с такой компанией, приказывает шоферу замедлить ход: — Стой! Куда идешь? Назад! — В город... Сапоги починить. — А фронт на кого оставил? Греки и французы не ушли еще из города, заберут вас, потом выручай! С чернокожими сцепитесь! Тарабам устройте... Назад! Без разговоров!

Севастополь пережил несколько тревожных дней, но в общем все обошлось сравнительно мирно.

Красные войска подошли к Севастополю 14 апреля. Французское командование почему-то было не осведомлено об их приближении и не приготовилось. Говорят, когда генералу Труссону донесли, что большевики подходят к Севастополю, он не верил: их слишком мало здесь, не посмеют!

Однако большевики посмели и стали наступать со стороны Бельска, Лабораторной балки, Стрелецкой бухты. Все рабочее население с радостью встретило советские войска и оказало им всякое содействие.

Английские и французские суда открыли огонь, но снаряды падали за городом и больше потревожили мертвых (вспахав кладбище), чем причинили вреда живым — убитых почти не было, раненых немного.

¹⁶⁹ РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 324, л. 39.

¹⁷⁰ З. Рихтер. Письма из Крыма. Севастопольские впечатления. // Известия ВЦИК, 1919, № 106, 18 мая, с.2, воскр.

Всю ночь шла ружейная перестрелка между греками, французами и повстанцами, которые дошли почти до вокзала. Повстанцы неохотно ушли из города, получив приказ об отступлении. Начались мирные переговоры.

Пасху красные войска провели под Севастополем. Рабочие пробирались через греческие и французские заставы, приносили им в окопы куличи, пасху, яйца. <далее — о демонстрации на Пасху, о появлении французов с красным знаменем в ревкоме>.

Накануне эвакуации «союзников» французские солдаты «прощались» с Севастополем. Они разъезжали по городу на мажарах, давали концерты и кричали не «Да здравствует Франция!», а «Да здравствует большевизм!». Одна из мажар с ехавшими на ней французскими солдатами, украшенная зеленью и красными розами, появилась на площади под нашим балконом в гостинице «Кист». <...> Молодцы французы, не то, что англичане, которые по крышам прячутся (до последней минуты англичане не снимали с крыш засад и пулеметов). <...>

Настроение среди рабочих угнетенное, все боятся, что ущерб, нанесенный французами нашему флоту, минным и др. мастерским, увеличит и без того огромную армию безработных в Севастополе. <...> Год тяжелой реакции при добровольцах и Краевом крымском правительстве, нашествия «варягов» только укрепили симпатии и доверие рабочих к Советской власти. На Корабельной стороне среди рабочего населения царит огромное озлобление против добровольцев и «союзников», соперничавших в грабежах и насилиях.

Но женщины больше всего жалуются на сенегальцев, которые не дают им прохода и грабят по домам. Зарегистрировано несколько случаев похищения сенегальцами корабельных [т.е. на Корабельной стороне — М. В.] «сабинянок». На Нахимовском проспекте чернокожие появляются в военной форме французского образца, но на окраинах можно увидеть сенегальца, стоящего совершенно голым, словно вылитым из чугуна, а рядом — аккуратно сложенный мундир.

Гор. Севастополь 3. Рихтер.

3–5. ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ 2-Й УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ А.Е. СКАЧКО В ШТАБ УКРАИНСКОГО ФРОНТА ¹⁷¹.

«Комбриг 2-й Заднепровской дивизии т. Петренко только что прибыл из Севастополя после переговоров с командующим союзным флотом на Черном море адмиралом Амет, который ему заявил, что как с представителем Советской власти никаких переговоров вести не будет, ввиду того, что союзники таковой не признают, но будет говорить лишь с представителем войсковых частей, оперирующих в Севастопольском районе. Адмирал Амет [заявил, что] 1) к 30 [апреля] союзные пехотные части будут эвакуированы из города; 2) все подводные лодки, которые находятся в порту, будут потоплены в глубокой воде; 3) все миноносцы и крейсера будут приведены в боевую негодность и даже на некоторых из них будут взорваны цилиндры и части машин сняты. <...>

Союзникам должна быть предоставлена возможность наблюдать за тем, чтобы ни в Одессе, ни в Николаеве суда, которые там остались, не были употреблены против союзников. Что же касается вопроса о свободе плавания наших коммерческих судов

¹⁷¹ РГВА, ф. 103, оп. 1, д. 16, л. 247–250; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. Ноябрь 1917–1920. Киев. 1963. сост. В.И. Александрова, Т.С. Федорова, с. 210–212.

в Черном море, он категорически заявил, что таковые будут захвачены, так как советский флаг пока еще никем не признан. Тов. Петренко предложил продлить перемирие на три дня, на что он согласился. На вопрос т. Петренко, что если бы Укрсовправительство дало определенное обещание с гарантиями, что флот наш не будет употреблен против союзников, могло ли бы это отменить предполагаемое разрушение нашего флота, адмирал Амет ответил: Укрсовправительство никем не признано и считается вне закона, и никаких обещаний и гарантий от такого правительства он не примет. <...>

При разговоре с одним английским полковником, членом Британской социалистической партии, выяснилось, что в отношении союзников к Советской власти произошла в последние дни резкая перемена к худшему для них [отношений], в особенности у англичан, и что Ллойд-Джордж официально заявил в парламенте, что они всеми силами будут поддерживать Колчака. Настаивал больше всех на разрушении нашего флота адмирал Кельторн, который позавчера специально для этого приехал в Севастополь на сверхдредноуте. Между французами и англичанами сильные трения, и, вероятно, англичане решили стать единственными хозяевами Черного моря. Для эвакуации своих частей и имущества англичане зафрахтовали несколько коммерческих транспортов.

<...> Прошу указаний Петренко для ведения дальнейших переговоров».

3–6. ПИСЬМО ФРАНЦУЗСКОГО КОНТР-АДМИРАЛА КОБЕ, КОМАНДУЮЩЕГО 1-М ДИВИЗИОНОМ, ГОСПОДИНУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ [УКРАИНСКОГО СОВНАРКОМА] РАКОВСКОМУ. «ВАЛЬДЕК РУССО», 24 АПРЕЛЯ 1919 Г.¹⁷²:

«Г-н Председатель, в ответ на ваше письмо от 21 апреля, адресованное главнокомандующему союзными силами, действующими в Черном море, письмо, переданное г-ном командиром крейсера «Эрнест Ренан», имею честь поставить вас в известность, что 19 апреля с.г. вице-адмирал Амет, командующий 2-й французской эскадрой, принял парламентаря от генерала Котова, который требовал очищения Севастополя от наших войск. Адмирал Амет заявил парламентарю, что союзные правительства согласились бы более легко на требуемый вывод войск, если бы им были даны гарантии, утверждающие, что пользование Черным морем не будет употреблено во вред свободному плаванью судам союзного флота. Адмирал Амет не может поставить этот вопрос на обсуждение в Одессе, пока не получил декларации вышеизложенных принципов, а равно и того, что гарантии будут предоставлены. Декларация должна быть доставлена ему парламентарем, и тогда он передаст ее нашему правительству. Благоволите принять, г-н Председатель, уверение в моем отменном к вам уважении. Кобе» (перевод с французского).

3–7. 25 ИЛИ 26 АПРЕЛЯ. «ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ УКРАИНЫ В КИЕВЕ [РАКОВСКОГО] Г-НУ КОНТР-АДМИРАЛУ КОБЕ, КОМАНДУЮЩЕМУ 1-М ДИВИЗИОНОМ ВОЕННЫХ СУДОВ, НА «ВАЛЬДЕК РУССО»¹⁷³.

Г-н контр-адмирал, в ответ на ваше письмо от 24 апреля имею честь довести до вашего сведения, что Украинская Социалистическая Советская Республика, не имея никаких враждебных намерений в отношении какого бы то ни было народа, заявляет, что

¹⁷² Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, с. 381–382; РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 396, л. 72–72 об.

¹⁷³ Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, с. 381–382; РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 396, л. 72–72 об., автограф.

ею гарантируется, что пользование Черным морем не будет производится во вред свободному плаванию судов союзного флота, взамен чего ей должны быть предоставлены гарантии в том, что флот союзников не предпримет никаких враждебных действий против Республики, и не будет ставить никаких препятствий коммерческому плаванию и снабжению Украины. Остается лишь взаимным соглашением установить практические нормы и выработать условия. Благоволите принять, г-н контр-адмирал, уверения в моем отменном к вам уважении. Раковский.

Исполнитель: начальник оперативного отдела генштаба армии Черниговский» (текст на французском и русском языках).

3-8¹⁷⁴.

«23 апреля, вечером состоялась продолжительная конференция представителей советских войск и французского командования.

Командующим союзническими войсками были предъявлены представителям советской власти следующие условия:

1. Власти портов Севастополя, Николаева, Одессы обязуются самым формальным образом никогда не делать употребления и не позволять делать употребления из своих портов для враждебных актов против союзных судов как военных, так и коммерческих.

2. Они обязуются иметь строгое наблюдение над побережьем, портами, заводами и мастерскими морских починок и построек того, чтобы воспрепятствовать подготовке мероприятий против союзников.

3. Как гарантия этих обязательств:

а) они облегчат собиране в якорных местах, указанных союзниками (бухта Тендера в Одессе, часть Севастопольского рейда), военных судов, которые могли быть признаны годными к плаванию;

б) они облегчат осмотр различных морских заводов и мастерских для того, чтобы констатировать состояние законченности других судов;

в) всякая постройка военных судов всех типов может быть лишь доведена до трех четвертей законченности.

4. Они обязуются также облегчить приведение пушек и фортов в состояние невозможности служить средством атаки.

5. Они обязуются облегчить нагрузку материалов теперь и в будущем для «Мирабо».

6. Они обязуются не делать никакого употребления из мин.

Все эти условия советскими представителями приняты [выделено мной — М.В.].

Взрывы фортов французами прекращаются. Со всех военных судов снимаются некоторые частим, дабы они не могли быть приведены в движение.

Эвакуация всех союзнических войск должна закончиться 30 апреля, в 12 часов дня, после чего в город вступает Красная армия».

¹⁷⁴ Кальвари М. А. Интервенция в Крыму. Симферополь, 1930, с. 166.; Прибой, 25 апреля.

3–9. СЕВАСТОПОЛЬ — ДОКУМЕНТЫ О РАЗРУШЕНИЯХ

1. Показания начальника белогвардейской морской авиации о выведении из строя береговой артиллерии, кораблей и самолетов в Севастополе:

19, 20 и 21 апреля были взорваны орудия Севастопольской крепости, причем фугасы закладывались в дульную часть пушки **французской морской подрывной командой**.

21 апреля приехала команда с французской канонерской лодки... вместе с командиром и двумя офицерами, и начали грабить (форменным образом) склады: взломали замки, разбили шкафы и, несмотря на мой протест, тащили из складов все. Матросы говорили, что им разрешил командир, а командир нагло заявил: «Я им не разрешал, я ничего не знаю». Он так мне ответил, несмотря на то, что я был в форме и сообщил, кто я.

22 апреля приехала команда с крейсера..., закончила разгром складов и разломала все наши аппараты — ими было получено приказание от начальника штаба адмирала Амега.

25 апреля были подорваны машины на оставшихся военных судах, **команда английская**.

25 апреля был сожжен порох, находившийся в погребах батарей.

26 апреля были затоплены на внешнем рейде наши подводные лодки 9–10 штук — топили **англичане**, находившиеся в то время на нашем портовом катере «Елизавета».

27 апреля была выведена на рейд баржа, нагруженная винтовками. Винтовки выброшены за борт **французскими матросами**.

Капитан 2-го ранга Крыгин, 10 июня ¹⁷⁵.

2. «Вчера с утра подрывная партия из английских матросов объезжала на катере все наши старые боевые суда, а также оставшиеся миноносцы старой и новой конструкции и поочередно производила взрывы в машинных частях. Целый день слышались через непродолжительные промежутки времени глухие звуки.

На берегу, несмотря на сильный ветер с тучами пыли, значительные группы народа, наблюдавшие картину калечения наших стальных гигантов. Вот только что испустил дух славный своими походами «Память Меркурия», и желтые клубы дыма от взорвавшегося в машине подрывного пороха выходят из трубы и люков, подхватываемые порывами ветра...

Вблизи «Меркурия» как бы навеки замерли старые «Ростислав», «Синоп». В стороне возле электростанции знаменитые своей борьбой с «Гебеном» — «Иоанн Златоуст», «Три Святителя» и «Борец за Свободу», покорные судьбе ждут своей казни. Вот раздались взрывы на судах минной бригады и перестали существовать последние остатки минного флота. Грустная картина, с тяжелыми думами публика шествует назад»¹⁷⁶.

3. Акт о порче русских судов в Севастополе

Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем, что **25 апреля 1919 г.**, около 8½ утра пристал к левому борту линейного корабля «**Ростислав**» английский паровой [катер]

175 Гражданская война на Украине, с. 415; ЦГА ВМФ, ф. р-332, д. 38, л. 22, заверенная копия.

176 Кальвари, с. 178; Прибой, апрель, вероятно 26 апреля.

с офицерами и вооруженной командой матросов, снабженной инструментом, проводниками и батареями. <...>

24 апреля начальником охраны рейдов и судов было приказано охране корабля **не препятствовать англичанам производить порчу механизмов и при их появлении на корабле съехать на берег.** По съезде охраны с корабля случившись около двух часов последовали два взрыва один за другим в машинных отделениях. После взрывов англичане перешли на линейный корабль «Синоп», а охрана возвратилась на корабль и обнаружила взрывы [следующих] главных машин: [далее перечисляются поврежденные детали и узлы] Кроме того, взломаны замки двух машинных кладовых, откуда похищены части моторных катеров (пара рабочего платья, одно магнето, ключи, инструменты и масленки). Кроме того, взломан замок сундука охранника Семена Чесенко, откуда похищено новое рабочее платье, принадлежавшее ему, и слесарный инструмент. В помещении охраны взяты чертежи корабля, икона св. Николая и флаги.

Что подписями и свидетельствуем *(пять подписей)*

Председатель комиссии П. Паракевич

За начальника охраны линкора «Ростислав» военный моряк Н. Власов

*Аналогичные акты составлены на миноносце «Жуткий», линкоре «Георгий Победоносце», посыльных судах № 1, 5, 262 и на наблюдательном посту в Севастополе*¹⁷⁷.

4. Доклад летчика морской авиации

Приблизительно **25 апреля** матросы с крейсера «Верньо», охраняющие станцию, побивав со складов замки, стали грабить имущество отряда, увезя, что понравится, на корабль. Нам едва удалось отстоять ангар с самолетами, но в 4 часа дня прибыл новый отряд в 30 матросов с крейсера Du Chauа во главе с офицером с письменным приказанием ему уничтожить самолеты, а нам предложить переехать на французский корабль. Наши протесты озлобили французов, называющих нас (офицер тоже принимал в этом участие) «империалистами», «буржуями», «контрреволюционерами» и другими в большевистском духе кличками. Причиной уничтожения самолетов офицер объяснил то, что самолеты, как и подводные лодки, и те орудия, которые они сейчас уничтожают, служат средством для ведения войны <...>

Летчик морской авиации,

штабс-капитан Алферьев, 19 (6) августа 1919¹⁷⁸.

5. По мнению советских военных инспекторов, степень разрушения Севастопольской крепости оказалась сравнительно небольшой:

12 июня. Заместитель председателя Высшей военной инспекции УССР в РВС УССР: ...Севастопольская крепость передана советским войскам в исправном виде: разрушены только два входных форта времени Николая I (не имеющие значения). Отдельные форты и их вооружение исправно, замки от орудий спрятаны, комендант крепости и часть штаба остались на местах. По условиям [договоренности] с командующим эскадрой Антанты

¹⁷⁷ Гражданская война на Украине, с. 380; ЦГАВМФ, ф. р-363, оп. 1, д. 460, лл. 8, 12, 13, 15, 17, 19, 20.

¹⁷⁸ ЦГАВМФ, ф. 332, д. 38, л. 9–10; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. Ноябрь 1917–1920. Киев. 1963. сост. В.И. Александрова, Т.С. Федорова, с. 181.

в Севастополе не могут содержаться крепостные войска, кроме караульных команд; на основании этого в последние зачисляются исключительно крепостные артиллеристы.

При наличии соответствующих кредитов крепость через 1,5–2 месяца может быть приведена в боевую готовность. Вышвоениинспекция Украины полагает, что при отсутствии Черноморского флота Севастопольская крепость, как таковая, существовать не должна, ибо существованием дает флоту Антанты готовую базу для развития сухопутных десантных операций. Более целесообразной была бы эвакуация всего ценного военного имущества и орудий в пределы Советской России. <...>

Зам. Предвышвоениинспекции
Военрук Николаев¹⁷⁹.

10. 29 апреля в 4 часа дня **4-й Заднепровский полк** вступил в Севастополь, восторженно встреченный тысячными массами пролетариата. Входившие в образцовом порядке красные части были встречены цветами на всем пути их следования, музыка и восторженные «ура!» гремели без конца. На встречу вышли с хлебом-солью делегации всевозможных революционных организаций. При входе в город шпалерами вплоть до Большой Морской улицы выстроились вооруженные дружины местных рабочих.

На Красной площади, возле бывшей Графской пристани, состоялось под открытым небом торжественное собрание, с балкона [гостиницы «Кист»] приветствовали Красную Армию представители революционных организаций, с ответными приветствиями выступили наштаб **Петровский**¹⁸⁰ и политком **Васильев**. Собрание прошло с небывалым энтузиазмом многочисленных масс. После митинга части были расквартированы и угощены заранее заготовленным обедом.

Суда союзного флота при вступлении войск вышли из бухты и скрылись за горизонтом.

Над Севастополем и морем реют красные знамена.
Петровский¹⁸¹.

11. «Приказом по войскам группы Крымского направления объявлена благодарность группе войск Перекопского направления, командующему группой тов. Котову, третьему Таврическому Советскому полку за славные действия, стойкость и успешность исполнения боевых задач от Перекопа до Севастополя.

Славный третий Таврический полк за короткое время общих боевых действий со своей группой, несмотря на постоянные переходы и бои отбросил от себя всех дезорганизованных товарищей и стал в полном смысле снова организованным боевым Советским полком, что доказал в операциях под Севастополем, [где] находясь под ураганным артиллерийским огнем союзного флота, полк не сделал ни одного выстрела и занимал все время указанную боевую позицию. Слава Вам, товарищи...

179 Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. Ноябрь 1917–1920. Киев. 1963, с. 243; ЦГАВМФ, ф. р-1747, д. 3, л. 24.

180 Это одно из немногих упоминаний фамилии Петровского — начальника штаба 4-го Заднепровского полка. Он печально прославился подписью соглашения с французами о повреждении русского флота.

181 Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. Ноябрь 1917–1920. Киев. 1963, с. 224; Гражданская война на Украине, с.386–387.

Командующий советскими войсками Крымского направления **Петренко**
Начальник штаба Андреев»¹⁸².

Неясно, почему Петренко посчитал нужным похвалить 3-й Таврический полк, который своим самостийным наступлением на Севастополь сорвал начало переговоров делегации красного командования с французским руководством. В приказе Петренко не упоминал об этой выходке полка. Похоже, что после своего наступления, находясь под обстрелом французского флота, полк действительно прекратил стрельбу.

12. 29 апреля. Пусть уходят!

Сегодня союзные войска покидают Севастополь.

Придя сюда свыше 5 месяцев тому назад, они, в лице представителей своего командования, были переполнены гордой уверенности в своей великой миссии сразить большевизм в России.

Они пришли на роль охранителей буржуазного порядка, сменив ослабевших и разложившихся германцев.

Их встречали цветами и музыкой, им произносили приветственные речи, славословили на столбцах газет.

Контрреволюционеры всех мастей — от меньшевиков до денкинцев включительно — слепо веровали в несокрушимость мощи Антанты.

«Сильнее кошки зверя нет», — казалось им. Они не могли и мысли допустить, чтобы эти победители грозной Германии могли когда-нибудь спасовать перед «презренными» большевиками.

Оказалось иное.

Победители противника под Верденом и на Сомме, владыки мира, диктующие всем свои условия, оказались бессильными перед русскими коммунистами.

Они, раздавившие многомиллионные железные полки Гинденбурга [с их] 42-сантиметровыми орудиями Крупа, оказались слабыми и бессильными перед маленькой, измятой прокламацией коммунистов.

Маленькие красные ленточки оказались сильнее ураганного огня на полях Соммы.

Они уходят. Уходят, обманув надежды русской буржуазии, уходят, провожаемые злобным скрежетом разочарованных денкинцев, уходят в полном состоянии нелепости и бессмысленности своего бесславного похода на Крым.

Часть их уходит с просветленным разумом, поняв многое, чего она не понимала раньше того, как очутилась лицом к лицу с Советской Россией.

Уходят... И лишь изуродованные трупы русских кораблей, когда-то доблестно сражавшихся с «Гебеном», остаются немymi памятниками бесславных «подвигов» могучего флота могучей Антанты.

Даже эти ветхие калоши показали им опасными. В слепой, непонятной злобе они изуродовали их, еще и еще раз доказав все беспредельное лицемерие своих громких слов о любви к России, о воссоздании мощи русского народа.

¹⁸² Известия Севастопольского ревкома, № 3, 29 апреля; ГАГС, ф. р-523, оп. 2, д. 7, л. 1 об; ГАРК, ф. р-2129, оп. 1, д. 4, л. 1 (печатный экземпляр); Борьба за Советскую власть в Крыму, 1961, ч. 2, с. 117–118; частично Крестьянников, с. 386–387.

Пусть уходят! Мы не жалеем о том, что они были у нас. Вред, причиненный ими нам, неизмеримо меньше вреда, который нанес себе мировой империализм, погнавший тысячи своих рабов в далекий и бесславный заморский поход.

Будем надеяться, что мы не увидим их больше у своих берегов. Будем надеяться, что события последних дней кое-чему научили их, и они прекратят вредные и заведомо бесполезные попытки затушить огонь, заливая его керосином.

Впрочем. Нет! Ждем вас снова, суда союзного флота! Ждем и уверены, что недалек тот час, когда в Севастопольской бухте мы снова увидим вас.

Но на ваших мачтах будет развиваться красное знамя мировой революции. И тогда русский народ, забыв былые обиды, вновь встретит вас, как братьев и друзей, встретит вас, поверьте, лучше, чем встречали в ноябре прошлого года крымские богачи и спекулянты.

А до тех пор — не приходите. Огня вам не потушить! Вы лишь опалите себя.

Мы не станем мешать вам. Севастопольское население, несмотря на всю боль, которую вы причинили ему, проводит вас спокойным молчанием. Ни один выстрел или взрыв не должен мешать вашему уходу.

Мы должны помнить мудрые слова Александра Великого: «Отступающему противнику надо строить золотые мосты».

Прощайте и не сетуйте, что микроб революции, прилипший к вам на берегах Крыма, создаст мировую эпидемию в ваших странах.

Не сетуйте. Напротив, будьте довольны!..

Б.А. [Б. Астахов]¹⁸³

¹⁸³ Известия Севастопольского революционного комитета № 3, 29 апреля 1919 (ЦГАВМФ, ф. р-2092, д. 16, л. 2); Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. Ноябрь 1917–1920. Киев. 1963. сост. В.И. Александрова, Т.С. Федорова, с. 222–224.

КРАСНЫЕ ВОЕННЫЕ В КРАСНОМ КРЫМУ

§ 1. КСА — «КРЫМСКАЯ СОВЕТСКАЯ АРМИЯ»

Официальный день рождения армии, которая была не без претензии на государственную исключительность, названа «Крымской Советской армией» (КСА), состоялся 5 мая, когда ее командующий П. Дыбенко издал соответствующий приказ № 1 по войскам КСА¹. Однако реальное формирование КСА началось еще в 20-х числах апреля. Так командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко, приехав в Крым 26 апреля, констатировал, что из 2-й бригады 1-й Заднепровской дивизии развернулась 1-я Крымская дивизия². Нехарактерный для того времени эпитет «Советская» КСА получила в связи с тем, что официально была создана «согласно постановлению Временного рабоче-крестьянского правительства Крыма» именно в день образования Крымской ССР. В том же первом приказе по КСА начальником штаба был назначен С.И. Петренко с присвоением ему также должности заместителя народного комиссара по военным и морским делам Крыма.

Однако в Москве на заседании Бюро ЦК РКП(б) относительно Крымской армии было принято³ такое решение: *«Крымская армия — часть Красной Армии РСФСР, входящая в состав Южфронта, как дивизия. Самостоятельные действия и формирования на Крымском полуострове не допустимы. Флот и порты в управлении Всероссийского морского штаба».*

На первых порах, КСА состояла из одной дивизии — 1-й Крымской.

В эту дивизию входили три бригады: Ударная, Особая и Заднепровская. Основу всех трех бригад составляли три пехотных полка, которые были дополнены несколькими вспомогательными соединениями.

Ударная бригада состояла из полков:

1-й Ударный полк (бывший 1-й Резервный), 800 штыков, размещавшийся на ст. Пологи.

2-й Ударный полк (бывший 2-й Резервный), 600 штыков, сначала базировавшийся в д. Тамбовка, штаб в Грамматиково, а позже направленный на Ак-Монайский фронт — официально называвшийся фронтом Керченского направления.

¹ РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 3, л. 1.

² Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 4. 1933, с. 92.

³ ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 20.

3-й Ударный полк (бывший 3-й Таврический), 550 штыков, г. Севастополь.

В **Особую бригаду** входили следующие полки:

1-й Особый полк, 700 штыков, дер. Карасань

2-й Особый полк, 550 штыков, Сеит-Асаны

3-й Особый полк, 475 штыков, Сеит-Дали

Там же находились и штабы этих полков.

Батальон 3-го Особого полка размещался в Геническе, численность 600 штыков. Он входил в систему охраны крымского побережья. Об этом батальоне июньская сводка крымского обкома партии писала: *«Гарнизон погромный. Митинги устраиваются редко. Политком гарнизона открыто высказывается против Советской власти»*⁴.

Заднепровская бригада включала пехотные полки бывшей 2-й бригады Заднепровской дивизии. Как пишет Антонов-Овсеенко — это костяк всей дивизии. Нумерация полков сохранилась со времен 1-й Заднепровской дивизии:

4-й Заднепровский полк, 800 штыков, Джанкой. Сначала этот полк был задействован в боях на Ак-Монайском фронте, затем участвовал в подавлении григорьевского мятежа.

5-й Заднепровский, 500, дер. Клеты — Ак-Монайский фронт.

6-й Заднепровский — 718, Новопроковка — Ак-Монайский фронт. Но артиллерия этого полка была размещена в Геническе⁵.

Антонов-Овсеенко приводит данные о военной мощи 1-й Крымской дивизии на 26 апреля: штыков — 13 000, 30 пулеметов, три батареи (полевая в 4 орудия, 77 мм, 4 орудия и две гаубицы), два броневика (один с орудием)⁶.

Предполагалось, что позже появится еще одна дивизия из вновь сформированных боевых единиц. Такие единицы на территории Крыма были созданы, например 1-й Интернациональный советский полк с дислокацией в Евпатории (командир полка Силка), 1-й Севастопольский полк (точнее — батальон) — 284 человека, 1-й Джанкойский советский полк и другие. Но развернуть их в еще одну дивизию командование не успело.

В мае военный комиссариат начал осуществлять ряд мобилизационных мер. Так 10 мая началась регистрация военнообязанных, а 18 мая — регистрация врачей. Тогда же производилось зачисление⁷ в тыловое ополчение следующих категорий граждан, не подпадающих под мобилизацию в армию:

- «лица, эксплуатирующие чужой труд, живущие на нетрудовые доходы (проценты с капитала), владельцы промышленных, торговых и земледельческих предприятий, члены советов и правлений акционерных обществ, компаний всякого рода товариществ, директора, управляющие, заведующие, доверенные таких обществ.
- бывшие присяжные поверенные и их помощники, сотрудники буржуазной печати.

4 См. гл. 9 Панорамы политической.

5 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 9, л. 14.

6 Антонов-Овсеенко В.А. Указ. Соч. с. 92.

7 ГАРК, ф. р-2424, оп. 1, д. 32, л. 10, 16, 17.

- монахи и служители церквей и религиозных культов (всех вероисповеданий).
- воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов
- и лица, не имеющие определенных занятий».

Жизненно важным вопросом для армии являлся вопрос ее снабжения. Вот что писали Д.И. Ульянов и военные чины КСА 25 мая в письме председателю Совнаркома Ленину, заместителю председателя РВС Склянскому и начальнику снабжения Красной армии Судьбину.

«...Нам необходимо немедленно: по меньшей мере три тысячи русских трехлинейных винтовок, тридцать пулеметов «Максим», восемь гаубичных сорока восьми линейных или сорока двух линейных орудий и двенадцать легких трехдюймовых с соответствующим количеством амуниции, один миллион трехлинейных патронов. В отношении патронов положение отчаянное — достреливаем последние, о чем Вам сообщено телеграммой от 24-го мая за № 951. Вообще следует сказать, что мы **за последний месяц ничего не получили от Укрфронта** (выделено мною — М.В.). Люди босые, голые и на этой почве начинается сильное брожение. Мы принуждены конфисковать у населения последние штаны для Армии, но это мало помогает, необходимо десять тысяч комплектов обмундирования. Просим все указанное имущество спешно отправить Вашими средствами в Симферополь, или же мы пошлем своих приемщиков. Ответ ожидаем сейчас же.

Предсовнарком Крыма Ульянов, Замкомандарма Петровский, Член Реввенсавета Толмачев»

Уполномоченный Центрального управления снабжения Красной армии Б.Н. Муравин, подтверждая потребности КСА, дописал⁸ от себя:

«Со своей стороны свидетельствую полную необходимость и обоснованность требований. До сих пор Крымская группа войск обходилась исключительно запасами захваченными в занятых местностях, ничего не получая от Укрфронта. Прошу три тысячи винтовок нарядить и немедленно выслать из «особого запаса» Московского артсклада, один миллион патронов и пулеметы из Тульского артсклада, обмундирование из Москвы. Ответ прошу телеграфировать мне».

Биографические справки о некоторых командирах КСА приведены в Приложении 2.

Касаясь военной темы, конечно нельзя не упомянуть действия крымских партизан базировавшихся в каменоломнях Керченского полуострова, которые оказывали немалую помощь Крымской советской армии. Эта тема весьма подробно разработана и освещена историками советского времени⁹. Мы же сошлемся и на источник противоположного лагеря. Партизаны действительно оттягивали на себя значительные силы денкинцев. Свидетельствуют об этом, в частности, воспоминания Аркадия Столыпина-младшего¹⁰, который участвовал в борьбе с этими партизанами (он называл их «разбойниками») в трех районах их сосредоточения (Аджимушкой, Багеро

8 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 12, л. 49, 49 об., (исх. 958).

9 Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь, 1927; Волков В.П. За власть Советов! Симферополь. 1963.

10 Столыпин А.А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И.П. Письма 1917–1920 годов. Москва-Брюссель. 2011, с. 65.

и Старый Карантин). *«Аджимушкой серьезнее Багерово и Старого Карантина. В Багерово около 60 разбойников и у нас 2 эскадрона; в [Старом] Карантине было около 150 разбойников, а у нас — наш полк и гвардейцы. Здесь у врага 600–800 человек, а у нас кроме нашего Сводно-Кавказского полка и гвардейцев есть лишь 2-й Офицерский конный генерала Дроздовского (в тексте ошибочно «Дроздова» — М.В.) полк, затем Крымский конный полк, казачьи сотни — Таманские и Слащевского конвоя; кроме того, так называемая Керченская рота».* Он же описывал бесчеловечно жестокие истязания и пытки захваченных денкиинцами «разбойников».

§ 2. АРМИЯ И ОБЫВАТЕЛИ, АРМИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ

Чаяния гражданского населения на этапе прихода в Крым красных войск вполне резонно изложены харьковскими «Известиями» в передовой статье «Освобождение Крыма» 13 апреля. Статья объясняет, что занятие красными войсками Крыма связано не только с отказом союзников в активной помощи «черным целям» добровольцев, не только с доблестью красноармейских полков, но главным образом, с сочувствием большинства местного населения к Советской власти и к Красной армии. Поэтому среди задач «долгожданных освободителей» первоочередная — *«суметь использовать это сочувствие; нужно заботливой рукой поддержать этот огонь веры и надежды на Советскую власть».* А значит нельзя повторить ни одной ошибки предыдущего красного периода. Необходимо более терпимое отношение к середняку. Национальный вопрос в местности с преобладающим татарским населением должен быть разрешен «умело и сразу».

Положения этой статьи были изложены и в крымской партийной газете «Таврический коммунист»¹¹. Но пожелания газет так и остались главным образом на бумаге. Отношение населения к армии быстро ухудшалось. С первых же дней возникли разного рода противоречия между армейским руководством и гражданской властью. Поэтому задача гражданской власти в этом отношении была проста — по мере возможности защищать население от произвола военных. А защищать граждан приходилось от произвола и красных командиров и рядовых солдат.

По мнению армейского руководства, гражданская власть и население должны делать все для удовлетворения повседневных нужд армии: ее нужно кормить, одевать, лечить, снабжать деньгами, рыть окопы и т. п. Даже в местной прессе¹² присутствовали соответствующие формулировки: лишь «по мере удовлетворения потребностей Красной армии, совнархоз начнет снабжение табачными изделиями и населения». Только вооружение и командование — задачи вышестоящих военных властей. А армия должна лишь воевать во имя Мировой революции, сначала с буржуями своей страны, а потом делать это же в мировом масштабе.

С населением предполагалось не церемониться. *«Войсковые части прямо на вокзале забирали прибывающие хлеб, сахар и бензин, зачастую предназначенные для города»*, — докладывал А. Галлоп на заседании Симферопольского Ревкома¹³.

11 Таврический коммунист № 16, 29 апреля, с. 2.

12 Известия (Феодосия), № 12, 10 мая, с. 3.

13 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 9 об.

Жесткость позиции военных властей подкрепим¹⁴ парой цитат из выступлений на военном съезде в Джанкое: «*Всех красноармейцев возмущает обывательская нерешительность в деле экспроприации имущества буржуазии, отсюда и плохое обмундирование Красной армии*». И еще¹⁵: «*для установления твердой власти диктатуры пролетариата в завоеванных и завоевываемых местах наша власть должна исключительно состояться из старых работников коммунистической партии, причем в центральную крымскую власть должны войти представители армии. <...> В органы власти ни в коем случае не должны быть допущены представители других классов, кроме пролетариата и беднейшего крестьянства*».

Со своей стороны, местная большевистская пресса¹⁶ могла предложить населению лишь набираться терпения: «Мы переживаем серьезный период нашей революции. Нам некогда думать о мирном строительстве, нет возможности заняться урегулированием промышленности, снабжением тыла достаточным количеством предметов первой необходимости. Все силы сверхчеловечно напряжены для войны, но отнюдь не потому, что мы ее хотим...»

Повседневные трудности населения военных властей ни в коей мере не заботили, они их попросту не замечали. Поэтому очень скоро после прихода заднепровцев в Крым эйфория первых дней освобождения от деникинцев (а она безусловно была в Крыму повсеместно!) сменилась разочарованием и взаимным отчуждением армии и гражданского населения.

На волне эйфории первых дней помощь армии, как правило, происходила добровольно. Организовывать эту помощь должны были ревкомы — единственные на тот период органы власти. Просьба о помощи к «главному» ревкому — симферопольскому, исходила с самого верха армейского командования. Так в записке, оставленной «товарищу председателю Крымского областного Ревкома» Лауре (Е.Р. Багатурьянц) Командующий армиями Украинского фронта» Антонов-Овсеенко по этому поводу писал¹⁷ 27 апреля: «*Сожалею, что Вас не довелось видеть. Общая обстановка требует создания Крымской власти, **прочно спаянной с военной**. Красной армии надо оказать самую решительную помощь, напрячь надо все силы. Между тем армия разута, раздета. Обращаюсь к Вам, как к представителю коммунистических сил Крыма, — пособите нам, помогите в формировании новых частей, в обмундировании...*». Резолюция Лауры никаких эмоций по этому поводу не отражала, она просто написала: «К сведению», но ясно, что ревкому пришлось работать в этом направлении. К тому же инициатива Антонова-Овсеенко была подхвачена местным военным руководством и уже 5 мая Отдел снабжения военного наркомата дает более конкретные указания¹⁸ Симферопольскому Ревкому: «Ввиду недостатка предметов первой необходимости для снабжения войсковых частей, прошу распорядиться

14 Известия (Харьков), № 101, 30 апреля, с. 2.

15 Известия (Харьков) № 106, 7 мая, с. 2.

16 Все под оружие! // Таврический коммунист, 20 мая.

17 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 34; ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 47, (исх.809, получено 29.04.19, вх. 439).

18 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 195.

о срочной организации сбора добровольных пожертвований частными лицами вещей, пригодных для обмундирования и снабжения красноармейцев, как то: сапог, белья, ремней, гимнастерок, носок, платков, полотенец, простынь и т. п.». После избрания на местах Советов депутатов, им тоже приходилось решать проблемы армии. Так Исполком Карасубазарского Совдепа принял¹⁹ решение: «Заслушав сообщение представителей с фронта о крайней нужде красноармейцев в обуви, исполком постановил: «Предложить Военному комиссару немедленно приступить к реквизиции необходимого количества обуви и кожи у местных торговых учреждений и предприятий».

Еще раньше, в ходе боев за Крым, армия попросила помощи по медицинской части. Здесь реакция Ревкома была оперативна и действенна. Уже 16 апреля Ревком направляет врачей, медсестер и фельдшеров в распоряжение заведующего Санитарным отделом группы войск Перекопского направления²⁰. Тогда же Ревком помог армии с медикаментами и перевязочными средствами²¹.

И все же масштабы добровольной помощи населения армии не удовлетворяла аппетиты военных. «Положите конец этим безобразиям», — писал Х. Раковский Дыбенко, имея в виду беззастенчивые реквизиции военных властей²². Особенно много «наследили» в этом вопросе военные в Ялте: по распоряжению коменданта Левина, назначенного главным политкомом КСА Каном, военные арестовывали турецкие суда с шелком и вином, изымали у крестьян повозки, на которых те привозили продукты в города²³. Естественно, что тем самым военное командование лишь вызывала враждебное отношение населения к такой армии и дискредитировала новую власть²⁴. Как курьез, заметим, что упоминавший об этом Я. Городецкий считал, что «это явление характерно для Крыма ввиду отдаленности от центра».

* * *

Что касается дыбенковских солдат, то в массе своей, это недавние крестьяне Таврии и Херсонщины, добровольно вступившие в партизанские отряды для борьбы сначала с немцами и австрийцами, а затем и с добровольцами. Неожиданно для них П. Дыбенко объединил эти отряды партизан-повстанцев в почти регулярное войско — Заднепровскую дивизию, формально входившую в Красную армию. Но за месяцы нахождения в партизанских отрядах у бывших повстанцев сформировались свои представления о нормах военной жизни: выборность командиров, отсутствие дисциплины, безнаказанное «самообеспечение», т.е. потребительское отношение к населению, антисемитизм на бытовом уровне, патриархальное отношение к женщинам

¹⁹ ГАРК, ф. п-1, оп. 3-с, д. 6, л. 7.

²⁰ ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 76–78.

²¹ Там же, д. 169, л. 1–2.

²² ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 95.

²³ Волков В.П. За власть Советов! Симферополь. 1963, с. 117.

²⁴ ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 13 об.

и т.п. Несмотря на насаждавшийся официально Интернационал, процветал не только антисемитизм, но и притеснение татар, греков, немцев и других, более малочисленных групп крымского населения.

Национальные взаимоотношения для военных вообще не существовали: «Военные власти не считаются с местными народами», — в такой формулировке докладывал К.Е. Ворошилов из Крыма 6 мая киевскому начальству²⁵. При этом повстанцы не слишком доверяли своим комиссарам и уж никак не одобряли трибуналы и чрезвычайки. Да и к коммунистам, как правило, относились без почтения. Достаточно было назваться коммунистом, чтобы зачастую услышать: «Убирайтесь вы со своей коммуной в Москву».

«Среди армии Дыбенки нет никакой дисциплины и товарищеского обращения к народу, антисемитизм ужасно сильно развит, на женщину-работницу смотрят, как на урода...», — докладывал в ЦК РКП(б) инструктор В. Горюнов²⁶. Конечно, не приходилось обольщаться и об уровне грамотности и сознательности солдат.

Вполне откровенно о настроении военных высказывался главный партийный функционер и ставленник Москвы в Крыму Ю.П. Гавен. В его письме²⁷ от 27 мая среди прочего читаем: «...Общее политическое положение в Крыму неопределенное. Чувствуется сильное влияние григорьевщины и махновщины на армию Дыбенко. Прилагаем все усилия, чтобы парализовать погромное настроение, которое, к сожалению, поддерживается командирами-партизанами (вернее бандитами) и некоторыми агентами штаба. Все же надеемся на ближайшее будущее повстанческую армию Дыбенко превратить в регулярную».

Откровенность этого письма (чем оно и ценно для нас) объясняется тем, что оно было предназначено лишь для членов ЦК РКП(б). При публикации переписки ЦК в советское время зачастую приходилось делать купюры наиболее острых выражений. Так выражение «вернее бандитами» в публикации данного письма отсутствует. В публикации другого отчета Крымского обкома для Москвы (от 3 июня за подписью Гавена и Шульмана) отсутствуют такие строки: «...Геническ: Гарнизон погромный <...> Политком гарнизона открыто высказывается против Советской власти».

Еще более удручающую картину деяний армии рисует член обкома Крыма М.Д. Шустер в сводке для КП(б)У по состоянию на 19 мая. Заметим, что сводки партийных работников для Киева гораздо откровеннее, чем сводки для Москвы. Итак, цитируем: «Положение в армии — незавидно. Полки, в большинстве состоят из петлюровских и махновских отрядов; состав их крестьянский, из крестьян самых богатых районов Украины — Мелитопольского и Бердянского. Никакой политработы в армии не ведется. Имеются в полках (не во всех) незначительные коммунистические ячейки, бессильные что-либо сделать. Политотдел армии состоит за исключением 1–2 коммунистов, из якобы беспартийных. Политкомам не дают возможности работать. Нередки случаи расстрелов их. <...> Известен целый ряд других явлений, вроде

25 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 75.

26 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 8, л. 11–12; оригинал: РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 24–25.

27 РГАСПИ, ф. 17, оп. 4, д. 43, л. 8; Переписка..., т. 7, с. 477.

такого: когда в Симферополе одним красноармейским отрядом был окружен один из небогатых районов города (преимущественно еврейский), красноармейцы забирали все что им понравилось. <...> Таково положение в Крыму к 19 мая». Добавим, что прибывшей из Москвы Высшей военной инспекции Дыбенко заявил²⁸, что «она может проваливать, его контролировать нечего, ибо он наркомвоен».

Другой партработник Ковальчук-Черноусов в сводке для ЦК КП(б)У от 1 июня сообщает, что в Симферополе действуют две организации коммунистов. В одной из них, бахчиэльской (по названию деревни Бахчи-Эли, которая ныне находится в черте города), якобы «преобладают элементы уголовного характера и бывшие левые эсеры». Характерно, что эта явно более радикальная группа симферопольских большевиков сотрудничала с армией Дыбенко и во многом потакала ей²⁹.

Не удивительно, что главному московскому ставленнику Ю.П. Гавену с трудом удавалось уживаться с командирами КСА, о которых он так нелестно отзывался. Поэтому Л.Б. Каменеву пришлось мирить Дыбенко с Гавеном³⁰ «создав нечто вроде тирумвирата во главе с Д.И. Ульяновым». Упоминание об этом есть в письме Каменева от 8–10 мая. Иными словами, Д. Ульянов оказался весьма подходящей фигурой, уравновешивающей взаимные упреки военных и гражданских властей.

А ведь амбиции П. Дыбенко, похоже, простирались и на стремление возглавить Крымское правительство. Такая версия возможна, поскольку еще 17 апреля В.А. Антонов-Овсеенко знал о планах создания крымского красного правительства. В тот день он сообщал³¹ Командукру-2 Скачко: «В Крыму создается свое правительство». И здесь наиболее вероятно, что первым инициативу проявил не ставленник Москвы Ю. Гавен, а П. Дыбенко, действительно пытавшийся создать правительство «под себя», на что указывал историк В.А. Савченко³². Как выяснилось позднее, стать во главе правительства Дыбенко не удалось — Москва была категорически против — но пост военно-морского наркома а он все-таки получил (не без протезе того же Антонова-Овсеенко).

Покровительственно-дружеское отношение командующего Украинского фронта В.А. Антонова (Овсеенко) к П.Е. Дыбенко, возникло, вероятно, еще со времен их совместной деятельности в Петрограде в первые дни Октября. Но у штабных офицеров Украинского фронта, и в первую очередь у начальника штаба В.П. Глаголева (военспеца, полковника царской армии) одно лишь упоминание фамилии Дыбенко и его заднепровцев вызывали прямо-таки ненависть. Сошлемся на следующий документ³³:

«19 апреля, № 0968. Поезд № 702, командфронт Антонову.

«Дыбенко официально доносит, что когда комиссар и казначей Заднепровской дивизии явились в штаб фронта за получением денег, начснаб фронта Паллингер

28 ЦГАООУ, ф. 1, оп. 4, д. 135, л. 73; ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 34–35.

29 ЦГАООУ, ф. 1, оп. 4, д. 183, л. 98; ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4; л. 28–29.

30 Щаденко Е.А. Григорьевщина/Гражданская война. 1918–1921 (сб. статей). М. 1928. с. 81.

31 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 396, л. 54.

32 Савченко В.А. Авантюристы Гражданской войны. Историческое расследование. М. 2000, с. 32.

33 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 410, л. 29.

заявил им: «Ваша дивизия и весь ее командный состав во главе с Дыбенко является бандитами, а бандитам мы ничего не даем». Начштаукр фронта Глаголев тем же лицам заявил: «Никто вам не разрешал организовывать бандитскую дивизию».

Дыбенко просит привлечь к ответственности Глаголева и Пелингера [так, с разноточениями в двух местах документа — М. В.] за нанесенное дивизии оскорбления. «Иначе просит уволить его в отставку. Прошу расследования дела и удовлетворения претензии Дыбенко. Командарм 2 Укр. Скачко».

Заметим, что В.П. Глаголев появился в качестве начальника штаба Украинского фронта не случайно, он бы доверенным лицом В.И. Ленина. «Вы можете назначить командующим кого угодно... с тем непременным условием, чтобы фактическим главнокомандующим был Глаголев», — писал Ленин украинскому руководству³⁴.

Интересен и иной аспект — как воспринималась армия П. Дыбенко рядовыми обывателями?

«Надвигалось мохнато-пестрое. Гудело, сверкало, брякало. По два коня тянулись. Вид у кавалеристов был необычайно дикий. Выпущенные на глаз хохлы, папахи и малахаи, немецкие бескозырки-арестантки, приплюснутые офицерки, дьяконовские лисьи, с какими-то хвостами. Бесшабашно лихие лица — от чистых и безусых до черноскуластых, каторжных. Теплынь, но все почти были в полушубках, иные — наружу шерстью; какой-то — в тужурке с генерала. Яркие пояса и бляхи, пулеметные ленты накрест, сабли, баклаги, трубы, винтовки, кинжалы, револьверы, красные ленты в бантах, конские хвосты у седел, бараньи шкуры. У иных — подвязанные к седлу барашки... орда, и только. Один был с пикой.

Впереди ехал видный, в белой папахе с красным, и весь сиял. На его груди, накрест, сверкало полосами, — кавказские пояса, как я увидел после. Болталась сабля, пара наганов торчала в шелковом алом поясе, винтовка за спиной, суконная красная звезда на шапке. Малый был бесшабашно лих, светлоусый и чернобровый, с лукавым взглядом».

Казалось бы, на писателя И.С. Шмелева, написавшего этот рассказ³⁵ уже в эмиграции, встреча с отрядом заднепровцев в Алуште должна была произвести отталкивающее впечатление. Ведь у писателя были свои счеты с советской властью. И все-таки сквозь отвращение и ненависть к заднепровцам проступает невольное восхищение этими бойцами.

«Акты массового террора не прослеживаются...»

Так сформулирована ситуация с расстрелами в книге братьев Зарубиных «Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму». Конечно, единичные расстрелы второго прихода красной власти в Крым меркнут по сравнению с первым появлением красных в Крыму, когда шла массовая резня «непролетарских» элементов под безальтернативным лозунгом «Смерть буржуям!». Не менее массовые репрессии происходили и в ходе третьего прихода красных в Крым после разгрома Врангеля. Только лозунг был другой. Во главу угла было поставлено указание Л. Троцкого

34 Ленин В.И. Неизвестные документы. М. РОССПЭН, 1999, с. 263.

35 И.С. Шмелев. Рассказ «Гунны».

«Я не приеду в Крым до тех пор, пока хотя бы один контрреволюционер останется на полуострове».

Продолжить тему расстрелов второго красного Крыма можно следующей заметкой в севастопольском «Крымском вестнике» от 21 июля (3 августа) 1919 г.: «В оставленных бумагах симферопольской чрезвычайки найден список лиц, которых было поручено расстрелять отряду знаменитого Храпова. Список составлен из всех быв[ших] членов Крымского краевого правительства, от министра[-председателя Совмина, т.е. С.С. Крыма — М. В.] до соц.-дем. П.С. Бобровского включительно, председателя губернской земской управы В.А. Оболенского, редактора «Таврического Голоса» Д.С. Пасманика, В.С. Налбандова и других лиц». Неясно, насколько эта заметка соответствовала действительности, но с уверенностью можно сказать, что несостоявшиеся расстрелы должны были осуществить военные, а не гражданские карательные органы.

В заметке упоминается «Отряд особого назначения имени тов. Дыбенко» под командованием Храпова, созданный при Особом отделе РВС Крымской армии и оставивший немало печальных воспоминаний у крымских обывателей. Судя по сохранившимся документам, отряд Храпова действовал не только в Симферополе, но и в других городах; в частности выезжал в середине мая в Ялту³⁶. Похоже, отряд Храпова был не одинок. Так в приказах по Штабу Армии упомянут Карательный отряд имени т. Котова, включающий 80 человек³⁷.

Констатировал³⁸ борьбу военных и гражданских властей по части бессудных расстрелов В. Оболенский: «Штаб Дыбенко, вступивший в борьбу с более гуманным Ревкомом, продолжал ее и с Совнаркомом, возглавлявшимся братом Ленина и руководившимся группой меньшевиков. В конце концов Дыбенко получил разрешение организовать свою военную Чека, но она не успела развернуть свою кровавую деятельность».

А намерения такого рода у Дыбенко видны из приказа, появившегося в начале июня. Приказ № 32 от 5 июня, пункт 6³⁹:

«За последнее время священниками, белогвардейскими проходимцами ведется антисоветская погромная агитация, в связи с которой в городах происходят демонстрации и скопления населения, возбуждаемые черносотенными провокаторами.

*Приказываю всем подведомственным мне военным учреждениям и лицам, занимающим ответственные посты, принять самые решительные меры против черносотенной агитации. <...> Лиц активно выступающих против Советской власти и вводящих агитацию, **расстреливать на месте**».*

Что же так напугало бесстрашного военного наркома Крыма? Оказывается, на этот раз напугала П. Дыбенко манифестация женщин в Севастополе. О ней читаем в заметке московских «Известий ВЦИК» от 4 июня: «...Имея впереди детей, манифестация прошла через весь город к Ревкому. Над толпой развивалось красное знамя с надписью «Дайте нам хлеба!». Перед Ревкомом состоялся импровизированный

36 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 9, л. 54.

37 Приказ № 21 от 25 мая // РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 4, л. 25.

38 Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, YMCA-PRESS. 1988, с. 654.

39 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 3, л. 30.

митинг. Требовали обеспечения всех **фунтовым** пайком и разрешения вольной продажи хлеба. Представители Ревкома указали на невозможность выполнения требования вследствие крайне тяжелого положения продовольственного дела. Манифестанты попросили разрешения делать [самим] закупки в Мелитопольском районе. В результате митинг избрал десять делегатов, которым предоставлено право участия в заготовке хлеба. Манифестация разошлась с приветственными кликами и с благодарностью Советской власти. Делегатки уже выехали в специальном поезде вместе с продовольственниками в Мелитополь».

Ясно, что умело сделанная, но малоправдоподобная концовка заметки нужна была, лишь чтобы опубликовать ее в советской газете. Но суть события удалось отразить...

Вообще, на протяжении всего периода шла постоянная борьба между предельно жесткой линией военных и более мягкой — Ревкома и Крымского советского правительства. Приводим образчик распоряжения военных властей⁴⁰:

Ялта, 28 мая. «Контрразведчику 1-го караульного батальона Котельвец. Копия: Коменданту города Новикову и председателю Ревкома. Довожу до Вашего сведения, что **Вам никто не давал право, кого бы то ни было пороть и расстреливать** (выделено мной — М. В.). Своими действиями Вы терроризируете население и восстанавливаете его против Советской власти. Приказываю Вам арестованных немедленно передать Особому Отделу. Категорически заявляю, что если подобные случаи еще хоть раз повторятся, Вы будете преданы Военно-Революционному суду. 28 мая 1919 года, № 982. За командарма Петровский».

Из этого предельно вежливого распоряжения следует, что все права карать или миловать принадлежат исключительно Особому отделу Армии. А нарком внутренних дел Крыма Ю.П. Гавен в своем приказе⁴¹ распоряжался иначе: «Право расстрела за какие-либо, хотя и тяжкие, преступления принадлежит исключительно судебной власти, но ни в коем случае — особому отделу при РВС армии».

Заметим в скобках, что самому М.А. Петровскому, остававшемуся за военного наркома Крыма П. Дыбенко, ходить на свободе осталось лишь две недели — 12 июня вышел приказ о его аресте и отправке под конвоем в Серпухов по личному распоряжению Л. Троцкого⁴². Прегрешение Петровского состояло в попытке дистанцироваться, а в идеале — добиться полной независимости Крымской армии от недавнего патрона — Украинского фронта под командованием В. Антонова-Овсеенко⁴³. Были у М. Петровского и личные мотивы в этом отношении: в отличие от П. Дыбенко он не был дружен с В. Антоновым-Овсеенко и не пользовался его покровительством.

Как минимум, один случай группового расстрела просочился в местную печать⁴⁴: «**Доклад чрезвычайной комиссии**. На заседании Севастопольского

40 Там же, д. 12, л. 104.

41 Известия (Ялта), № 26, 31 мая, с. 2.

42 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 3, л. 44.

43 Там же, д. 12, л. 107.

44 Прибой (Севастополь). № 452, 22(9) мая, с. 2.

Ревкома Б. Занько доложил, что было расстреляно без суда красноармейцами 9 человек и 4 человека Чрезвычайной комиссией. Из них два как бандиты, и два как контрреволюционеры. Коммунисты: привлечь виновных к ответственности и впредь не производить ни одного расстрела без санкции Ревкома. Е.П. Духанина (с.-д.): расстреляно 11 человек, найдено 9 трупов. Ревком не имеет права санкционировать расстрелы, поскольку он не принимал участия ни в следствии, ни в суде. Необходимо создать Революционный Трибунал. Алексакис (в тот период — председатель Ревкома) — нужно, чтобы Ревком утверждал или нет каждый приговор. С ним согласился левый с.-р. Семенов от имени своей партии».

Еще один случай расстрелов известен из сводки, составленной для ЦК КП(б) У по состоянию на 19 мая членом Крымского обкома М.Д. Шустером. Он сообщал о расстреле начальником Ударной бригады КСА Котовым политкома этой бригады. Далее Шустер пишет⁴⁵: «Котов, на съезде политработников в Джанкое на их вопрос о причинах его поступка с товарищем, грозил расстрелять всех...». Полагаю, что были и другие случаи таких внутриармейских разборок в КСА.

§ 3. БОИ НА АК-МОНАЙСКОМ ФРОНТЕ

Руководство Крымской Советской армии (КСА) следующим образом декларировало⁴⁶ свою оперативную задачу в письме в Москву: «Занять Керчь во что бы то ни стало и этим самым прочно закрепить за собою Крым и оказать сильную поддержку Южному и Кавказскому фронтам». Тем не менее, задачу эту КСА осуществить не смогла. Главная причина военной неудачи состояла в том, что значительные силы красных крымчан были направлены на подавление мятежа григорьевцев (подробнее см. в отдельной главе). Лишь в самом начале противостояния на Ак-Монае перевес был на стороне красных, но тогда они не сумели им воспользоваться. А очень скоро соотношение сил изменилось. Особенно ощутимой потерей для этого фронта был уход оттуда кавалерийского полка Маркозашвили (800 сабель). Остался лишь кавалерийской эскадрон в 200 сабель. Неудачи красных не могли не сказаться на постепенной смене настроения воюющих сторон: у красных оно падало, а у белых — поднималось.

По данным на 7 мая на Акмонайском фронте задействованы следующие полки КСА:

- от Ударной бригады — 2-й Ударный полк численностью 900 человек (это бывший 2-й Резервный полк, участвовавший в Перекопской операции).
- от Заднепровской бригады — 5-й (командир Лунев)
- и 6-й Заднепровские полки, 350 и 600 человек, соответственно.
- От Особой бригады — сводный Особый полк, 1200 человек, составленный из 1-го и 2-го Особых полков. (командир И.С. Моисеенко, комиссар С.Я. Байша).

Таким образом на Акмонайском фронте были представлены полки всех трех бригад КСА. Итого штыков: 900 + 950 + 1200 = около 3000 штыков. Там же

45 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 34–35.

46 Письмо Д.И. Ульянова и М.А. Петровского Ленину, Склянскому и Судьину от 25 мая// РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 12, л. 49.

оперировал Кавалерийский полк Марказашвили — 800 сабель, но, как отмечено выше, вскоре он отбыл на подавление мятежа Григорьева. Из конницы там остался лишь кавалерийский дивизион в 200 сабель с базой в Феодосии⁴⁷.

Исчерпывающие, казалось бы, данные о силах деникинцев на Ак-Монайском фронте на момент его формирования дает разведсводка КСА⁴⁸ на 27 апреля: «...Противник укрепился у станции Акманай и имеет два ряда окопов и два ряда проволочных заграждений. Силы противника состоят из одной дивизии, [в] состав которой входят: Мелитопольский полк 450 человек., Феодосиевский [полк] 250 человек, Керчь-Еникалийский [полк] 300 человек, гвардейский Павловский [полк] 400 человек, кавалерийский офицерский [полк] 200 человек. Все полки сформированы в Джанкое, имеют шесть тяжелых орудий и около 20 разнокалиберных орудий. Воздушная разведка противника состоит из пяти аппаратов. 27 апреля 1919 г. № 01058. П.п. начоперод Черниговский».

Итак, заднепровцам первоначально якобы противостояли лишь 1400 штыков и 200 сабель при значительной артиллерийской поддержке. Эти цифры сильно разнятся с данными В. Кравченко, утверждавшего, что уже 27 апреля для проведения рейда белые смогли выставить 1500 сабель⁴⁹. По-видимому, разведка красных дала заниженные данные о численности белых, особенно это видно по сведениям о кавалерии (1000 сабель упоминают и Кравченко и Шидловский). Объясняется это тем, что квартировались кавалеристы в глубоком тылу Керченского полуострова.

Но главное преимущество белых заключалось в постоянной поддержке судовой артиллерией Антанты со стороны Черного и Азовского морей. В этих условиях красное командование пыталось как-то договариваться с союзным командованием по поводу этих обстрелов. Из сообщения⁵⁰ от 23 апреля: «На керченском направлении нашим частям приходится продвигаться под сильным артиллерийским огнем французских, английских и греческих судов, несмотря на то, что при занятии Феодосии союзное командование заявило, что никакого обстрела не будет. После запроса итальянского и швейцарского консула и члена Феодосийского ревкома, что значит нарушение этого договора, им был дан ответ, что это делается по распоряжению высшего командования, а на вопрос, находятся ли с нами в войне, ответили, что само собой разумеется. Итальянский и швейцарский консулы отказались, в знак протеста, от защиты интересов союзных подданных. В Феодосии, между прочим, в союзном командовании было сказано: если наступление на Керчь прекратится, то и обстрел наших частей тоже прекратится; но наше продвижение на Керчь, несмотря на обстрел, продолжается...».

Об обстановке на «белой» стороне фронта читаем в подробных записках штабс-капитана Симферопольского офицерского полка В. Альмендингера⁵¹.

47 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 9, л. 55.

48 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 863, л. 15.

49 Кравченко В. Дроздовцы в боях зимой и весной 1919 года // Вооруженные силы на Юге России/сост. С.В. Волков. — М., 2003, с. 180.

50 РГВА, ф. 103, оп. 1, д. 16, л. 247–250.

51 Альмендингер В. Симферопольский офицерский полк в Крыму // Вооруженные силы на Юге России/сост. С.В. Волков. — М., 2003, с. 528.

«Утром 8 (21) апреля 1919 года полк занял средний, наиболее важный участок Ак-Манайской⁵² позиции... При занятии полком участка окопы были лишь намечены и проволока устроена в два кола (на высоте «Кош-Оба» было две полосы по два кола). В первый же день окопы были доведены в рост и немедленно было приступлено к улучшению проволочных заграждений. Полку был предоставлен строительный материал, и роты, дружно принявшись за работу, стали совершенствовать позицию: окопы, имевшие малый обстрел, были вынесены вперед; проволока доведена в три кола и на более важных местах в четыре кола; местами устроены две укрепленные линии. Днем все работали, ночью несли службу...Красные занимали позицию у Кой-Асана вне нашего артиллерийского обстрела».

Пока оптимизма у оборонявшихся деникинцев не наблюдалось. Цитирую фрагмент донесения⁵³ от 23 (10) апреля начальника морской обороны Азовского побережья капитана 1-го ранга Дмитриева в Морское управление ВСЮР: *«Несмотря на могущественную морскую артиллерию с моря, настроение войск (если можно так назвать 1500–2000 человек), растянутых на 22 версты позиции, крайне подавленное и все, по-видимому, только и думают об эвакуации на Таманский берег; по крайней мере, мне о готовности к этой эвакуации в Керчи было задано много вопросов на берегу от чинов разных рангов».* Об этом же упоминал офицер-артиллерист С.Н. Шидловский⁵⁴, сообщая что «никто не верил в возможность держаться на Акманайском перешейке». Причем такое настроение было не только в момент отступления на Ак-Монай, но и накануне первой вылазки белых 27 (14) апреля. Добавим, что силы деникинцев Ак-Монайского фронта в течение мая быстро возрастали. Так уже 4 июня Симферопольский офицерский батальон был вновь преобразован в полк, он имел к тому времени шесть рот с командами общей численностью в 575 человек⁵⁵.

Сводки Оперативного отдела штаба КСА (начальник отдела Остроухов) за первую половину мая показывают развитие ситуации на Акмонайском фронте. В частности, в сводке от 28 апреля довольно скупо сообщалось, что 27 апреля *«противник повел наступление на наши окопы, но был отбит с большими для него потерями и отступил на прежние свои позиции».* Подробнее о задачах и ходе этого наступления⁵⁶ читаем у мемуаристов белой стороны:

«...27 (14) апреля для выяснения сил противника был произведен кавалерийский набег на Владиславовку». В рейде участвовала конница (1500 шашек) из четырех полков, а также две роты Симферопольского офицерского полка. Рейд двинулся вдоль Черного моря в тыл красных, занял село Дальние Камыши и дошел до предместья города Феодосии, якобы вызвав в городе у красных панику. Пехота в ходе рейда заняла Кой-Асан, а 2-й Конный полк преследуя красных ворвался в Владиславовку.

52 В источниках писалось по-разному: Ак-Монай и Ак-Манай. Как правило, белые мемуаристы писали через «а» (Ак-Манай), а советские — через «о» (Ак-Монай).

53 ЦГА ВМФ, ф. р-398, оп. 2, д. 2, л. 135.

54 Шидловский С.Н. Записки белого офицера. СПб., 2007, с. 21, 24.

55 Альмендингер В. Указ. соч. с. 528–530.

56 Альмендингер В. Указ. соч.; Кравченко В., Указ. соч.

К вечеру части белых по приказу «отойти за проволоку» вернулись на прежние позиции, «выяснив крупные силы красных, сосредоточенные у Владиславовки». В этом бою был ранен начальник 5-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Шиллинг. В связи с этим во временное командование 5-й дивизией вступил бригадный командир той же дивизии полковник Слащев⁵⁷.

Оказалось, что в результате белого рейда в селе Дальние Камыши было убито 45 и ранено около 100 человек. «Белые» мемуаристы не упоминают важную деталь — обстрел с английских кораблей. Не подлежит никакому сомнению, что белые не смогли бы удержаться на Ак-Монайских позициях без поддержки со стороны военного флота союзников. Об этом свидетельствует, в частности, переписка по поводу рейда 27 апреля.

Командующий Крымско-Азовской армией в тот же день направил главнокомандующему союзной эскадры телеграмму: *«Я и вверенные мне войска приносим сердечную благодарность союзному флоту в лице его старшего начальника за поддержку огнем, оказавшую решающее влияние на успех сегодняшнего боя 27 апреля».*

А вот ответ⁵⁸ английского адмирала: *«От имени союзной эскадры я благодарю вас горячо за вашу любезную телеграмму и поздравляю вас и ваши войска с успехом, достигнутым ими в последней атаке. Я убежден, что наша будущая работа рука об руку будет иметь еще больший успех».*

В связи с пальбой судовой артиллерии по Феодосии в городе действительно началась паника, и местному Ревкому пришлось успокаивать «товарищей и граждан» (такова характерная манера обращения того времени).

Воззвание⁵⁹

Товарищи и граждане

Орудийная стрельба англо-французских судов произвела в городе панику. Военно-революционный Комитет гор. Феодосии еще раз категорически заявляет населению, что никакой опасности городу не угрожает.

Тыл вполне обеспечен от налета контрреволюционных кадетских банд.

Товарищи к работе. Спокойствие и порядок.

Будем спокойно продолжать работу.

Военно-Революционный Комитет

Через несколько дней красные попытались провести контрнаступление. На рассвете **30 апреля** под покровом сильного тумана рейд из 20 конников выдвинулся со стороны деревни Арабат, выбил из окопов пехоту и занял в тылу белых деревни Ак-Монай и Огуз-Тобэ. Вызванная белая конница и пехота на тачанках при

57 ГАРФ, ф. р-444, оп. 1, д. 4, л. 47.

58 Известия (Ялта), № 34, 11 июня; цит. по: Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Часть II. Симферополь, 1957, с. 179.

59 Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Часть II. Симферополь, 1957, с. 179.

поддержке судовой артиллерии ликвидировали вылазку, и положение фронта было восстановлено⁶⁰.

По свидетельству Леднева — командира Инкерманского отряда (около 60 человек) 1-го Севастопольского полка, этот отряд был направлен на Керченский фронт «чтобы сменить уставшие части первых окопов позиции под станцией Владиславовка, но потом поступило распоряжение выступить под станцию Гришино (Донбасс) с задачей задержать наступление генерала Шкуро». Таким образом 1-ый Севастопольский полк покинул Крым еще до общего отступления красных⁶¹.

Последнее серьезное наступление красных произошло 2 мая на участке вблизи железной дороги на Керчь. Атака была отбита главным образом кавалерией. Ответное наступление деникинцев было предпринято 5 мая на причерноморском фланге, когда при поддержке корабельной артиллерии Антанты они снова смогли временно занять селение Дальние Камыши. Контратакой красных деникинцы были оттуда выбиты и отступили. В тот же день французские суда обстреляли ст. Владиславовка со стороны Черного моря. Сводка КСА сообщила, что «во вновь занятом нами селении казнено до 30 изнасилованных и частью зарубленных белогвардейцами женщин».

На станции Ак-Монай противник взорвал водокачку и другие железнодорожные сооружения. Разведкой было установлено, что противник вывозил из Ак-Моная все что только можно. Таким образом, деникинцы готовились к отступлению на заранее подготовленные позиции за станцией. Судя по сводке, эти демонстрационные маневры деникинцев были ошибочно приняты красным командованием за подготовку к отступлению.

Далее в течение мая ни красные, ни белые не предпринимали серьезных атак. Только разведчики с обеих сторон время от времени нарушали сравнительно мирное противостояние. Повседневную ситуацию на фронте в этого периода в какой-то мере иллюстрируют отрывки из оперативных сообщений штаба 1-й дивизии КСА из Ислам-Терека. Однако отдаем себе отчет, что далеко не все сообщения полностью правдоподобны.

7 мая, к 20 часам. Французские суда обстреляли ст. Владиславовка со стороны Черного моря. Обстрел продолжался около часа, особенного вреда не принес. В тылу противника слышна ружейная и пулеметная стрельба. Всю ночь со стороны ст. Ак-Монай был слышен сильный шум и взрывы. Полотно железной дороги у ст. Ак-Монай взорвано в нескольких местах. Активных действий противник в последнее время не проявляет.

8 мая, к 20 часам. На правом фланге противник пытался наступать, но был отбит пулеметным и ружейным огнем. В центре нашего расположения наши части устроили демонстрацию и выяснили, что в неприятельских окопах никого нет. Заняли их, но вынуждены были отойти на прежнюю позицию ввиду сильного артиллерийского огня союзных судов. На станции Ак-Монай противник взорвал водокачку и другие железнодорожные сооружения. Разведкой установлено, что противник вывозит из Ак-Моная все что только возможно.

60 Кравченко В., Указ. соч., с. 180; ГАРФ, ф. р-444, оп. 1, д. 4, л. 126–127.

61 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 162 л. 195 об.

10 мая, к 10 часам. Два наших бронированных автомобиля неожиданно для неприятеля ворвались на его заставу. Неприятель потерял более 15 человек убитыми, остальные разбежались. Ввиду сильного артиллерийского огня с моря автомобили отошли обратно.

11 мая, к 20 часам. Наши самолеты ведут усиленную разведку, сбрасывая в тылу противника бомбы.

12 мая, к 20 часам. Нашими частями был сбит неприятельский самолет, который упал в ста саженях от ст. Акманай. Наши части пытались захватить его, но подошедший неприятельский Пульман отбил. На линии деревни Семисотка противник роет окопы и устанавливает проволочные заграждения.

14 мая, к 20 часам. Сегодня ночью нами была занята ст. Акманай, но вследствие обстрела судовой артиллерией наши части вынуждены были отойти в исходное положение. Положение на фронте устойчивое, настроение солдат выше всякой похвалы.

14 мая, к 10 часам. Противник отступил за ст. Акманай и окопался, имея три ряда окопов и три ряда проволочных заграждений. Ст. Акманай взорвана противником и находится в данный момент нейтральной зоной. <...> В районе Сиваша моторная лодка вновь пыталась приблизиться к Чонгарскому мосту, но была отбита метким ружейным огнем⁶².

Своеобразный эпизод произошел 31 мая. В этот день к причалу Феодосийского порта подошел английский миноносец «Монтроз» в сопровождении крейсера «Кагул». На кораблях были вывешены белые флаги. Комендант города П. Грудачев на вопрос, чем вызвано прибытие непрошенных гостей, получил ответ одного из русских офицеров, что миноносец прибыл по распоряжению командующего английской эскадрой для выяснения, имеются ли в амбарах феодосийского порта подводные лодки, якобы привезенные из Балтийского флота и собираемые в амбарах порта. Далее последовала угроза, что если феодосийские власти не позволят им в этом убедиться, то они будут обстреливать не только позиции красных, но и порт и город. Комендант, понятно, категорически отказал им в осмотре. Тогда офицеры попросили разрешения переговорить со штабом Крымской армии, что им было позволено. Прибывший вскоре начальник Ак-Монайского участка Шишкин также категорически отказал в осмотре амбаров. Грудачев вызвал фотографа, чтобы снять миноносец. В ходе съемок русские офицеры попрятались в трюм и за башни, чтобы не попасть на снимок и не «дискредитировать английское командование». Через час суда ушли, парламентарии заявили⁶³, что «Феодосия не гарантирована от обстрела». Однако обстрела не последовало. Скорее всего, это была разведывательная вылазка. А поиск мнимых подлодок — только удобный предлог для вылазки.

Из сводок видно что, обе стороны не переставали беспокоить друг друга. Белая сторона проводила минирование наиболее опасных участков. Не следует забывать, что на стороне белых было гораздо больше кадровых военных, в первую очередь офицеров. Поэтому их действия были более профессиональны и эффективны. Как писал В. Альмендингер⁶⁴, «роты готовились к наступлению, изучалась позиция красных и подступы к ней».

62 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 2, л. 9–60.

63 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 346 л. 8, 47; Прибой (Севастополь). № 461, 3 июня (21 мая), с. 2.

64 Альмендингер В. Указ. соч., с. 530.

УЧАСТИЕ КРЫМСКОЙ АРМИИ П. ДЫБЕНКО В ПОДАВЛЕНИИ МЯТЕЖА Н. ГРИГОРЬЕВА

История григорьевского мятежа и его подавления в целом достаточно хорошо известна. Поэтому мы останавливаемся, главным образом, на малоизвестных моментах участия Крымской армии П. Дыбенко (КСА) в этой кампании.

Киев не сразу осознал серьезность григорьевского мятежа. Еще 13 мая Известия ВЦИК¹ сообщали, что глава Совета обороны Украины Бубнов и председатель Совнаркома Раковский направили телеграммы с призывом защиты социалистической Венгрии Антонову (комфронта), Худякову (комгруппой войск), и Н. Григорьеву, как командиру 1-й Заднепровской бригады «с призывом защиты социалистической Венгрии». Мало того, восстание григорьевского штаба почти совпало с объявлением² особой благодарности «героически сражавшимся революционным частям, которые находились под командой Григорьева». Вместо киевлян одним из первых, кто взялся за организацию отпора григорьевцев был Л.Б. Каменев, находившийся в ту пору на Украине со своим «поездом» и занятый, казалось бы, совершенно мирным делом — заготовкой хлеба для голодного севера РСФСР. Но в этом «мирном занятии» Каменева и состоял главный повод для восстания Григорьева. Позже, вернувшись в Москву Каменев докладывал³ на пленуме Моссовета:

«Украина — страна не пролетарская, пролетариат сгруппирован там только в ряде городов, преобладающим же элементом является класс зажиточного крестьянства, в котором силен кулацкий элемент. Это обстоятельство послужило поводом к тому, что эти кулаки, когда у них потребовали хлеба, поднялись против тех, которые его требовали. <...> Главной целью атамана Григорьева было отрезать нас от Мелитопольского, Александровского, Перекопского и Елизаветградского уездов, где заготовлено было для отправки в Россию много миллионов пудов хлеба. Его [Григорьева] отряды занимались уничтожением наших продовольственных организаций и расстрелом наших людей».

Собственно проблема взаимоотношений продотрядов и местных крестьян появилась гораздо раньше. Продотряды украинского наркомпрода А. Шлихтера решали

1 Известия ВЦИК № 101, 13 мая (Киев, 10 мая).

2 Карташев Н. Мятеж Григорьева // Известия (Екатеринослав), 1919, № 84, 14 мая.

3 Известия ВЦИК, 1919, № 114, 28 мая.

задачу хлебозаготовок в лоб — просто забирали хлеб, опираясь на силу оружия. Еще 22 апреля командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеев ставил этот вопрос перед председателем СНК УССР Х. Раковским: *«Был сегодня в селе Верблюжки. Население спровоцировано действиями продотрядов. Можно многое сделать, просто повернувшись к крестьянству, не применяя оружия. Требую отозвать московские продотряды. Сначала организовать власть на местах, потом уже выкачивать хлеб с помощью этой власти. Тактика отрядов Шлихтера [наркомпрода Украины] вызывает контрреволюцию. Григорьевские части и сам Григорьев обозлены этой политикой... Невозможно держать фронт, если политика, проводимая на местах, вооружает контрреволюцию в тылу»*. Но руководство и Украины и Москвы не было готово к «мягкому варианту» решения хлебного вопроса. А для Москвы этот был просто вопрос выживания: *«Товарищ Шлихтер... Если не подвезете к I/V или I/VI — мы околеем все»*, — писал В.И. Ленин в записке⁴ во время УШ съезда партии. В лоб решалась и новая проблема — подавление григорьевского мятежа: никаких переговоров, только безусловное подчинение всем требованиям красной власти.

В сложившейся ситуации важно было, как поведут себя махновцы, т. е. 3-я бригада Заднепровской дивизии. Вот с какой телеграммой обратился Н. Григорьев⁵ к Н. Махно 12 мая:

«Секретно. Роджино почтово-телеграфной конторы Гуляй-Поле, через Никополь, батько Махно.

От комиссаров, чрезвычайек не было житья, коммунисты диктаторствовали, мои войска не выдержали и сами начали бить чрезвычайки и гнать комиссаров. Все мои заявления Раковскому и Антонову кончались обыкновенно присылкой комиссаров, когда их набралось 42 души, когда они меня измучили, — я их просто выгнал вон. Они меня тогда объявили вне закона. Вот я, незаконный атаман, гоню их вон из пределов Украины.

Пока на всех фронтах мой верх, ко мне присоединилось несколько полков и эскадронов неприятельской кавалерии. Не пора ли вам, батько Махно, сказать веское слово тем, которые вместо власти народа проводят диктатуру отдельной партии. Нр. 349, атаман Григорьев, пом. атамана Горбенко, Начштаба Бзенко».

Однако Л. Каменев, незадолго до мятежа посетивший Н. Махно, был уверен, что *«Махно не решится сейчас же поддержать Григорьева, но почва для выступления там вполне подготовлена»*, о чем докладывал Москве⁶. События показали, что Л. Каменев оказался прав. Заметим, что лозунги и махновцев и григорьевцев к советской власти были одинаковыми: долой монополию коммунистической партии, свободу местным выборным советам, хлеб в Россию вывозить только по рыночным ценам, а не по продрозверстке, вернуть крестьянам помещичью землю, передававшуюся коммунистами в госхозы. Разница у махновцев с григорьевцами состояла лишь в методах

4 Шлихтер А. Борьба за хлеб на Украине в 1919 году // *Летопись революции* (Харьков), 1928, № 2, с. 103.

5 *Белаш А. В., Белаш В. Ф. Дороги Нестора Махно.* — Киев: РВЦ «Проза». 1993, с. 180.

6 РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 9701.

борьбы: махновцы были против расстрелов коммунистов и евреев, повсеместно проводившимися григорьевцами. «Когда мы захватили Елизаветград, то нашли там 3000 трупов мирных жителей и в Знаменке — 1000 трупов. Они расстреливали коммунистов и евреев», — сообщал Каменев⁷. Махновцы решили послать к григорьевцам делегацию, чтобы выяснить ситуацию на месте. Вот как незамысловато описывает поездку делегации А.В. Чубенко⁸ — один из помощников Н.И. Махно.

«...Мы приехали на станцию Пятихатки, и когда пошли говорить с тов. Дыбенко относительно того, чтобы поехать к Григорьеву, поскольку у нас имеется наказ, чтобы мы выяснили в чем дело, то тов. Дыбенко нам сказал: возьмите автомобиль и поезжайте в одно из сел, в котором вчера был Григорьев. Это село находится в 13 верстах западнее Пятихаток. Мы согласились с этим предложением, взяли автомобиль и поехали. Не доезжая до села, мы увидели массу народа за селом, и этот народ, как только увидел автомобиль, бросился куда попало бежать. Мы не могли понять в чем дело, но, тем не менее, направились туда к этой массе народа. Когда мы подъехали, то увидели там 161 труп евреев, которые были убиты григорьевцами. Увидев эту картину, для нас стало совершенно понятно политическое воспитание Григорьева, и что это не политические люди, а самые настоящие бандиты. А потому мы решили не ехать дальше, а возвратиться обратно, т.к. для нас было совершенно понятно, почему Григорьев восстал против советской власти, и что Григорьев никогда не может быть нашим единомышленником.

Возвратившись в Гуляй-Поле мы сделали доклад и в тот же день была выпущена листовка-воззвание, в котором говорилось, что Григорьев — контрреволюционер, что мы как честные революционеры должны бороться с таким элементом беспощадно. Затем Махно написал статью в газете, которая издавалась в Гуляй-Поле. Статья была тоже погромного характера против Григорьева».

Интересно отношение крымских эсеров к мятежу Григорьева. Формально они не поддерживали мятежа. Но при этом они заявляли, что большевики сами дали для него повод и способствовали тому, чтобы лозунг «долой власть большевиков, да здравствует власть советов» стал популярным среди крестьян⁹. «Насильственная коммунизация, обирательство крестьян в виде налогов, насаждение назначенцев... При таких условиях кулаку легко было совратить массы на путь протеста в защиту справедливых требований крестьянства». При этом утверждалось, что «Корнилов спасал родину от немецкого сапога, Григорьев — от иностранного и отечественного империализма».

Заметим, что несколько дней с момента зарождения мятежа было советской властью упущено: 7 мая, когда «универсал» (манифест) Григорьева был уже составлен, Каменев, еще не зная об этом решает направить свой поезд в штаб Григорьева в Александрию для выяснения ситуации и переговоров. Последующие два дня ушли на бесплодные переговоры по телеграфу между Л. Каменевым и штабом Н. Григорьева. И

7 РГАСПИ, ф. 323, оп. 2, д. 123, л. 59.

8 РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 525 л. 55.

9 Борьба (орган Симферопольского комитета с.-р.), 1919, № 35, с. 1.

лишь поздно вечером 9 мая Каменеву поступают первые сведения о выпущенном универсале, и Каменев информирует об этом командующего Украинским фронтом В. Антонова-Овсеевко. К этому моменту Григорьев успел сформировать 17 эшелонов своих сторонников Григорьева и направить их в сторону Екатеринослава¹⁰. А на следующий день состоялся телефонный разговор В. Антонова-Овсеевко с Григорьевым, который открыто заявил о своем мятеже и зачитал свой универсал. Как писал позже в своих записках В.А. Антонов-Овсеевко¹¹, уже во время разговора по телефону с Н. Григорьевым он «давал оперативные распоряжения к подавлению восстания».

Киевская пресса сообщила о мятеже лишь 11 мая. В статье «Самозванец Григорьев вне закона» было опубликовано постановление Совета Рабоче-крестьянской обороны от 10 мая. В пункте 4 постановления говорилось, что «по отношению к левым эсерам активистам и к незалежникам активистам объявляется красный террор». В пространной телеграмме В.И. Ленину Л.Б. Каменев отчитывается о первых мерах противодействия мятежникам.

События, касающиеся участия Крымской армии в подавлении мятежа Григорьева, следует отсчитывать именно от 10 мая. Ведь судя по тому, что на следующий день П. Дыбенко отбыл «в командировку в Киев», упомянутые распоряжения касались и его. Вместе с командармом КСА Дыбенко в командировку отправился и его начальник штаба Петренко¹².

13 мая Дыбенко провел в Харькове, а на следующий день Ворошилов встретился в Полтаве с Дыбенко¹³, «которому было предписано ехать в Киев принять командование над частью новых формирований». В Киеве в распоряжение Дыбенко были выделены сравнительно скромные силы: небольшой 59-й железнодорожный полк (150 штыков), артиллерийская батарея Коваля и 5-й кавалерийский полк Черняка¹⁴.

Между тем положение в Екатеринославе быстро осложнилось: из утреннего донесения 13 мая следует, что там накануне на сторону григорьевцев перешел Черноморский полк¹⁵. К тому же командарм-2 А.Е. Скачко, штаб которого размещался в Екатеринославе, как только узнал, что Н. Махно отказался от разговора с ним по прямому проводу, решил, что Махно присоединился к мятежу. По словам В. Антонова-Овсеевко¹⁶, там «сразу же наступила паника. Начались лихорадочная поспешная бессистемная и беспричинная эвакуация». Л.Б. Каменев, со своей стороны, более категорично информировал¹⁷ об этом В.И. Ленина: «Скачко со штабом отскочил до Синельникова <...> Екатеринослав оставлен штабом Скачко и захвачен уголовными. Скачко несомненно преступник...».

¹⁰ ГАРФ, ф. р-1243, оп. 1, д. 6, л. 4.

¹¹ Антонов-Овсеевко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 4. 1933. М., с. 207.

¹² РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 3, л. 7.

¹³ В.С. Экспедиция Л.Б. Каменева для продвижения продгрузов к Москве в 1919 году// Пролетарская революция, 1925, № 6(11), с. 149, 150.

¹⁴ Антонов-Овсеевко В.А. Указ. соч., с. 247.

¹⁵ Там же, с. 230.

¹⁶ Там же, с. 240.

¹⁷ РГАСПИ, ф. 323, оп. 2, д. 42.

Неспокойно было и в Северной Таврии. Из сообщения¹⁸ симферопольского штаба КСА в штаб 1-й Крымской дивизии (в Джанкой): «...По полученным нами сведениям от военкома Армянска в Днепровском уезде творится что-то невообразимое — какие-то офицеры организывают какие-то отряды в помощь Григорьеву. Идет сильная агитация против Советской власти среди местного населения, которое в большинстве является довольно зажиточным, т.е. иначе сказать кулаками. Мы выслали в Армянск отряд Попова. Посылаем в Днепровский уезд политических работников. Вообще на Перекопский район нужно обратить серьезное внимание». Несомненно речь шла о мятеже Вс. Павловского¹⁹.

Действия Красной армии против григорьевцев находились под пристальным контролем В.И. Ленина. Так 14 мая он пишет²⁰ Л.Д. Троцкому:

«Ваша телеграмма крайне неполна. Что именно предпринято для большей энергии подавления восстания, когда можно надеяться кончить? Что делает Сокольников? Идет ли мобилизация крестьян к югу от восстания?...» На следующий день ему же: «...Очень рад энергичным мерам подавления восстания и особенно назначению на это 33 дивизии». И, продолжая свои усилия по высвобождению от деникинцев Донбасса, добавляет²¹: *«По-моему надо все силы употребить, чтобы подъем против Григорьева использовать для максимального и быстрейшего напора на Донбасс...»*.

После того как 14 мая постановлением Совета обороны УССР К. Ворошилов был назначен командующим войсками Харьковского военного округа, выяснились более конкретные задачи²² группы Дыбенко, поставленные перед ним Ворошиловым: *«Поручаю т. Дыбенко взять на себя командование всеми войсками, действующими против Григорьева от Александровска до Екатеринослава»*. Но поскольку главный удар сил Григорьева был ориентирован именно на юг — на Екатеринослав и Александровск²³, то группу Дыбенко, собранную первоначально из подразделений Киевского округа, пришлось усилить за счет крымчан. Способствовал этому переход в стан григорьевцев 6-й дивизии. В связи с этим командующий Украинским

18 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 10, л. 61.

19 Часть 3-го Таврического полка (карательный отряд) в первых числах мая была направлена в Мелитопольский уезд. Вс. Павловский входил в этот отряд, и при известии о мятеже Н. Григорьева часть этого карательного отряда во главе с Вс. Павловским отделилась и перешла на сторону Григорьева. Остальная часть карательного отряда вернулась в расположение полка. В пяти волостях Мелитопольского уезда, примыкающих к Днепру Павловский разогнал волостные Советы и вел активные действия против красных войск в этом регионе. После убийства Н. Григорьева в штабе Н. Махно (27 июля) остатки отрядов григорьевцев перешли под командование Махно. Так бывший григорьевский командир Вс. Павловский оказался в соратниках Н. Махно, а в сентябре он уже командир 4-го Крымского корпуса махновской Революционной Повстанческой Армии Украины. Достоверных данных о дальнейшей судьбе Павловского нет, существует версия о его смерти в 1921 году.

20 Ленин В. И. Военная переписка. М., 1987, с. 347.

21 Ленин В.И. ПСС, т. 50, с. 312–313.

22 Гражданская война на Украине, Т. 3, с. 53.

23 В. Руднев. Атаманщина на Украине. 1919 г. //РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 523, л. 126.

фронтом В.А. Антонов-Овсеенко²⁴ 12 мая распорядился: «...Приказываю 6-ю дивизию вычеркнуть из списков Красной армии. Ее 5-й полк, отказавшийся идти за Григорьевым, включить в 5-ю дивизию. Ее третий полк отказавшийся идти за Григорьевым включить в Крымскую армию».

Отбывая в командировку, П.Е. Дыбенко вместо себя назначил временным командармом М.А. Петровского — командира Заднепровской бригады КСА. Начальник Оперативного отдела штаба Клярфельд заменил Петренко в качестве и.о. начальника штаба КСА. И новое руководство КСА сразу же включилось в работу по обеспечению помощи антигригорьевской группе Дыбенко. Обращаясь к Петровскому по поводу необходимости подкрепления, наркомвоен Украины Межлаук специально оговаривал присылку бронепоездов²⁵. Поэтому Петровский, обращаясь к командиру отряда бронепоездов Лепетенко приказал²⁶ ему «немедленно выехать в Нижне-Днепровск, где вы получите дальнейшие инструкции от командарма 2 тов. Скачко». 14 мая Лепетенко получает распоряжение о срочном ремонте бронепоездов «Память Свердлова» и «Память Урицкого», а самому ему с вверенным ему отрядом на бронепоезде № 10 следовало направиться в Екатеринослав в распоряжение Дыбенко²⁷. Итак, первыми из Крыма к Екатеринославу подтянулись бронепоезда «Грозный» и «№ 10». 18 мая прибыл кавалерийский полк К.Г. Маркозашвили. Этот полк был направлен сначала в Александровск, где был организован штаб группы. В помощь Дыбенко туда же был командирован и командир Особой бригады КСА Федотов²⁸. Из пехотных полков на григорьевский фронт 13 мая Петровский сначала отправил самый надежный 4-й Заднепровский полк (800 бойцов) под командованием Васильева (в недавнем прошлом — политкомиссара полка). Ранее этот полк размещался в Севастополе и охранял побережье²⁹.

В приказе Петровского оговаривалось, что «полк направляется в Александровск в распоряжение комбрига-2 Федотова, где следует ждать распоряжений Дыбенко». В Екатеринослав этот полк прибыл вечером 21 мая. С ним же была отправлена и мусульманская рота, несшая до этого охрану Симферополя и зарекомендовавшая себя с лучшей стороны³⁰. На следующий день до Александровска добрались эшелоны 1-го Ударного Крымского полка (800 бойцов), который Дыбенко дополнительно запросил³¹ с антиденикинского фронта (полк этот размещался в районе ст. Пологи). В качестве резерва в Армянск был направлен специальный отряд Попова³².

Взамен отбывших с Акмонайского фронта частей Дыбенко распорядился направить туда недавно сформированный севастопольский батальон, за которым

24 РГВА, ф. 199, оп. 2д.129, л. 99.

25 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 44, л. 22.

26 Там же, д. 6, л. 20.

27 Там же, л. 39; Там же, д. 4, л. 35.

28 Там же, л. 38.

29 РГВА, ф. 40705, оп. 1 д. 9, л. 19.

30 Там же, д. 6, л. 32.

31 Там же, д. 9, л. 14.

32 Там же, д. 6, л. 36.

разместить 2-й батальон 6-го Заднепровского полка³³. А в Севастополь для усиления местного гарнизона был направлен отряд Храпова или, как он официально назывался, «Отряд особого назначения имени тов. Дыбенко», созданный при Особом отделе РВС Крымской армии³⁴. В связи с мятежом Григорьева в Крыму с 12 часов 13 мая распоряжением Дыбенко³⁵ введено осадное положение.

С 15 мая Дыбенко находится в Екатеринославе. В тот же день он выпускает первые приказы в новом качестве. В приказе № 1 от 15 мая по частям Екатеринославского, Александровского и Херсонского направлений.

«П. 1. Согласно приказа Совета обороны Харьковского округа я вступил в исполнение обязанностей командующего Екатеринославского-Александровск.-Херсонского направления против бандита и белогвардейского штабс-капитана Григорьева, поднявшего знамя восстания против рабочих и крестьян.

Командующий крымской армией Дыбенко»

В тот же день были выпущены еще три приказа. Это приказ № 2, обязывающий всех командиров и политкомиссаров вверенных Дыбенко частей немедленно выпустить листовки к населению с разъяснением о выступлении Григорьева. Приказом № 3 объявлялись вне закона железнодорожники, оказывающие содействие частям Григорьева и приказ № 4 о мобилизации для окопных работ граждан в возрасте от 20 до 35 лет, не мобилизованных профсоюзами.

Некоторое представление о ситуации того периода дает заметка «Из штаба особой группы войск т. Дыбенко Екатеринославского направления» в Екатеринославских «Известиях»³⁶:

«В ночь на 18 мая противник начал наступление на ст. Запорожье, где находились наши части, но получив отпор был прогнан нашими частями до Верхнеднепровска. К полудню положение ухудшилось. Наши части, несмотря на то что упорно сопротивлялись, вынуждены были отступить на Запорожье ввиду неблагоприятных условий боя и превосходства сил противника. К вечеру станция Запорожье занималась нами еще раз, но к 7 часам противник ее занял окончательно». Дополним описание ситуации по оперативной сводке³⁷ от 18 мая: «...Поведши с утра энергичное наступление на ст. Верхнеднепровск, наши части к 15 часам были остановлены ураганным артиллерийским и пулеметным огнем бандитов, перешедших в контратаку при поддержке бронепоездов. Мы вынуждены были отступить к ст. Запорожье на новые позиции...».

И снова цитируем газетную заметку: «19 мая противник снова повел наступление около 11 ч. утра. Наступление нами успешно отбивается.

Необходимо отметить доблесть пехотных частей, особенно Н-ского полка, которые, несмотря на усталость (им пришлось пешком пройти не менее 40 верст

33 Там же, л. 59.

34 Там же, л. 38.

35 Там же, л. 50.

36 Известия (Екатеринослав) № 87, 20 мая 1919 г.

37 ГАРФ, ф. р-1243, оп. 1, д. 6, л. 135.

до Верхнеднепровска и обратно), все же имели достаточно мужества, чтобы снова к вечеру переходить в наступление».

Особенно опасным на этом направлении оказалось наступление григорьевцев 20 мая — пришлось отступить на ст. Сухачевка. Но главная беда заключалась в том, что в этот день красноармейцы массово начали переходить на сторону Григорьева.

Первый бой сил Дыбенко с григорьевцами произошел днем 21 мая возле ст. Эрастовка, когда при исправлении железнодорожных путей части Дыбенко натолкнулись на значительные силы неприятеля. К вечеру того же дня 4-й Заднепровский полк и бронепоезд «Грозный» продвинулись на 15 верст и заняли ст. Пятихатка. Утром 22 мая уже занята ст. Яковлевка, в результате Григорьев отступил за ст. Верховцево. Со стороны Александровска были заняты станции Долгинцево, Кривой Рог, Кархаватка, Янов и Апостолово. Боевое настроение в стане григорьевцев упало и один эшелон отказался идти в наступление³⁸.

Как отмечает Антонов-Овсеенко, эти действия частей Дыбенко «сильно помогли натиску Егорова», который смог со своим отрядом разгромить ядро сил Григорьева в его «столице» — Александрии.

К вечеру 24-го части 4-го Заднепровского полка ворвались на ст. Знаменка, а утром следующего дня полностью ее заняли. Это был второй по значимости центр сосредоточения григорьевцев³⁹. В оперативной сводке⁴⁰ Дыбенко от 24 мая уже прозвучали победные нотки: *«Преследую противника, [который] оставил колоссальную добычу: пулеметы, винтовки, пультман с орудиями, броневой поезд со снарядами и несколько вагонов с продуктами, исправный автомобиль, который уже пущен преследовать бегущие банды. Преследование банд продолжается. Некоторые банды разбежались по деревням, приняты меры к обезоруживанию их и отправке на керченский фронт воевать [вместе] с китайцами и жидами»*... Заметим, что упомянутая кара бывшим григорьевцам в виде отправки воевать на Ак-Монайский фронт в компании «с жидами и китайцами» — это еще не худший вариант. В статье⁴¹ о «поезде Л. Каменева» упоминалась более серьезная формулировка: **«Каждого десятого пленного расстреливали»**. 26-го войска продвинулись за Знаменку в сторону Долинской, тем самым полностью выбив григорьевцев из их родных районов. 27-го мая ст. Долинская была взята. Здесь произошло соединение частей Дыбенко и Егорова. Красные войска подошли к Новому Бугу.

Вслед за взятием Знаменки дыбенковские части были переброшены в другой очаг восстания — под Херсон. В этом регионе григорьевское восстание поднялось с 14 мая. И лишь 29-го мая 4-й Заднепровский и полк и кавалерийский полк Маркозашвили смогли взять Херсон, этой группой командовал Л. А. Маслов⁴² (позже он командовал 173 бригадой 58-й дивизии И. Ф. Федько). Григорьевцы были вытеснены

38 Там же, л. 147–148.

39 Антонов-Овсеенко В. А. Указ. соч., с. 247.

40 ГАРФ, ф. р-1243, оп. 1, л. 151–152.

41 В. С. Экспедиция...//Пролетарская революция, 1925, № 6(11), с. 149.

42 Смирнов А. П. Командарм Иван Федько. Крымиздат. 1959, Симферополь. с. 59.

к Снигиревке. На заключительной стадии боев П. Дыбенко сам участвовал в этой операции, что имело для него неожиданное последствие. После того как 30 мая в телеграмме из Херсона он неосторожно сообщил о захвате там «колоссального военного имущества», Пятаков и Бубнов пожаловались в Москву, что Дыбенко «все тащит в Крым», в то время как на оборону Харькова оружия катастрофически не хватает⁴³. Москва оперативно среагировала⁴⁴, потребовав от Дыбенко все захваченное отправить в Харьков и отчитаться «об исполнении этого, а равно сообщить общие итоги военного имущества, находящегося у вас в Крыму». Однако заметим, что Харьков это уже не помогло — 25 июня он был взят денikinцами.

* * *

Поскольку непосредственная угроза свержения правительства Х. Раковского миновала, официально было объявлено об окончании кампании против Григорьева. Появились соответствующие приказы Антонова-Овсеенко, постановления УЦИК и правительства Украины, подводившие итоги подавления восстания Григорьева.

Основные силы мятежников действительно были разбиты, но это вовсе не означало окончание мятежа. Григорьевский бунт не был полностью подавлен, боевые операции лишь загнали его внутрь, и он разлился буквально по всему телу Украины.

В соответствии с приказом⁴⁵ В. Антонова-Овсеенко о ликвидации григорьевщины, контроль Левобережья поручается Егорову; командарму Дыбенко поручался «Правобережный участок Днепра от Херсона до Кременчуга включительно и от Кременчуга до Долинской включительно...». Участок огромный, но насколько серьезная борьба там предстояла, насколько правомочны были официальные победные религии? Показателен в этом отношении диалог начальника оперативного штаба КСА Клярфельда и командира антигригорьевской группы армии Дыбенко Федотова через две недели после официального разгрома. Итак, Клярфельд спрашивал у Федотова⁴⁶: «Сколько времени потребуется для ликвидации остатков». Сначала Федоров бодро ответил: «Дней семь». Но, подумав немного, заявил⁴⁷: «Бандитов здесь уже так много, что с ними можно воевать месяцы. Силы их достаточны, нахальство чрезмерно и зверство невероятно».

Отвлечемся, чтобы попытаться прокомментировать выражение Федотова о «невероятном» зверстве григорьевцев. Конечно это в первую очередь «звериный» антисемитизм григорьевского движения. В «Универсале» (манифесте) Григорьева национальное представительство решалось⁴⁸ сравнительно цивилизованно: «В состав Совета могут входить представители всех национальностей пропорционально их количеству на Украине, — для украинцев предоставляется в Совете 80%

43 Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч., С. 223, 315.

44 РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 4, л. 1.

45 РГВА, ф. 103, оп. 1, д. 260, л. 9.

46 Федотов — командир группы красных крымчан, действовавших против Григорьева, комбриг Особой бригады КСА; 25 мая Пархоменко сдал дела Федотову [РГВА, ф. 199, оп. 2, д. 129, л. 159].

47 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 13, л. 83, 83 об.

48 РГАСПИ, ф. 70, оп. 4, д. 239, л. 18–20.

мест, для евреев 5% мест и для всех прочих национальностей 15% мест. При таком распределении не будет засилия ни партии, ни наций. Глубоко верю, что это будет подлинная власть народа...».

Но практика слишком далеко ушла от теории. В дополнение к приведенному выше свидетельству А. Чубенко, когда даже выдавшие виды махновцы, попав в район григорьевского влияния, ужаснулись происходившему там, сошлемся на еще один пример — Елизаветград. Там бойцам григорьевских отрядов был дан неофициальный приказ⁴⁹: *«в случае занятия Елизаветграда уничтожить всех жидов до двухлетнего возраста, а коммунистов истребить в корне».*

Попытаемся понять причины столь жестокого антисемитизма. Искать их в литературе оказалось делом бесполезным. Но поиски в архивах дали определенные результаты. Обратимся к стенограмме доклада на заседании Киевского Губкома КП(б)У 31 мая 1919 с участием Косиора⁵⁰. *«Придется затронуть вопрос, который затрагивался во всех докладах товарищей, которые приезжают из уездов. Это то, что состав в уездных [большевистских] организациях преимущественно еврейский, и то, что у еврейской пролетарской молодежи определенным образом замечается и констатируется стихийное вливание в армию. <...> ...Целые отряды, набранные из еврейских рабочих, направлялись в деревню для подавления восстания крестьян. Это были специальные карательные отряды. Это чрезвычайно пагубно действует на крестьян, и имело отчасти следствием отдельные крестьянские восстания...».*

Напомним читателям, что по законам Российской империи евреи не имели право работать на земле и владеть ею. Это еще больше отстраняло обитателей еврейских местечек и слободок от коренного населения.

В конечном счете, антисемитизм и погубил движение Григорьева: махновцы не поддержали его в момент максимального успеха григорьевцев, и лишь в июле пошли на объединение, когда сам Махно был объявлен Советской властью вне закона, а от отрядов Григорьева осталось жалкая горстка. Продолжалось такое объединение недолго — узнав, что Григорьев тайно сотрудничает с денкикинцами, махновцы его убили.

Заметим, что «болел» антисемитизмом и наш главный герой — Павел Ефимович Дыбенко. Правда, болел в легкой форме. *«Не любит евреев и не желает их иметь в своей дивизии. «Для вас у меня службы не найдется, — заявил он нескольким техническим офицерам еврейской национальности, претендовавшим на места при почте, телефоне и т. п.» — свидетельствовал⁵¹ белый офицер, попавший в плен к красным, служивший у Дыбенко, а потом перебежавший к «своим».*

* * *

Возвращаясь к теме подавления мятежа после официальной победы, перечислим вылазки сторонников Григорьева, зафиксированные оперативными сводками штаба только на участке фронта, порученном красным крымчанам П. Дыбенко:

49 Оперативная сводка штаба КСА к 21 ч. 14 мая //РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 31, л. 58.

50 РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 512, л. 434.

51 Макушев П. Воспоминания о «начдиве» т. Дыбенко //ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 381а, л. 166.

От 30 мая: Бои в районе Белая Криница. Григорьевцами повреждены провода связи Каховка-Мелдитополь⁵².

Уже 2 июня из Александрии поступила просьба⁵³ одного из членов Исполкома не отзывать из города 12-й московский полк ВЧК, который планировалось перевести в Полтаву. «Сам Григорьев находится в нашем уезде. 31 мая [он] говорил по телефону со мной, выяснилось, что из района Дмитровка-Бандуровка-Иванковцы. Организует свои отряды...».

От 6 июня: Отряд Григорьева движется на Мелитополь, сейчас в 60 верстах. Около 500 пехоты, 60 кавалеристов, 4 орудия, 60 пулеметов⁵⁴.

От 9 июня: Банды Ковалева и Павловского находятся в районе Аскания-Нова. Против них действует отряд Забиры⁵⁵.

После 10 июня: На Явкинском направлении ликвидировали авантюру 3000 бандитов. На Херсонском направлении наши части 4-го [Заднепровского] полка соединились с Долгинцевской группой на ст. Блакитное⁵⁶.

От 13 июня: Перестрелка с бандой Дорошенко под Береславом... Банда Ковалева действует против отряда Попова⁵⁷.

Неудивительно, что Дыбенко был вынужден бросать против Григорьева все новые силы. Так помимо уже действовавших в мае 4-го Заднепровского и 1-го Ударного пехотных полков, а также кавалерийского полка Маркозашвили, в июне на этом участке фронта появились: Автоброневой отряд Забиры и Восточный интернациональный отряд Попова (оба сняты с Акмонайского фронта) и отряд Храпова («Отряд особого назначения имени тов. Дыбенко»), говоря современным языком, выполнявший функции «зачистки» взятых территорий. «От Знаменки до Александрии на станциях и разъездах стоят наши карательные отряды численностью от 50 до 150 человек» — докладывал П. Дыбенко⁵⁸.

Дыбенко требовал подкрепления и от комфронта Антонова-Овсеенко. Но в связи с новой угрозой — на этот раз со стороны деникинцев, ответ был категоричен⁵⁹: «никаких подкреплений не будет, — все, что можно, на Южфронт». И Дыбенко отправил на Южный фронт только что сформированный 1-й Севастопольский полк и три бронепоезда.

В связи с прорывом деникинцев Антонов-Овсеенко направляет Дыбенко следующее распоряжение⁶⁰: «...Оставив строго необходимые силы для преследования разбитых банд, остальные полевые войска и бронепоезд «Десять» направьте в Синельниково

52 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 13, л. 2.

53 Антонов-Овсеенко В.А. Указ. Соч., с. 250.

54 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 13, л. 106.

55 Там же, л. 36.

56 Там же, л. 83.

57 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 22, л. 32.

58 Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч., с. 428.

59 Там же, с. 317.

60 Там же, с. 308.

[в распоряжение] командарм-2». А вслед за этим добавляет⁶¹ 2 июня: «Все что можно снять с Крыма перебросьте в поддержку второй армии. Точно сообщите, что именно сделано».

Чтобы понять, насколько эффективно шла борьба с Григорьевым на «неофициальном» этапе боевых действий, обратимся к свидетельствам высокопоставленных военных чинов. И их выводы, прямо скажем, были неожиданны. Так, комиссар 2-й Украинской советской армии Н.П. Вишневецкий (в январе-феврале — член РВС Укрфронта), прикомандированный к штабу Дыбенко, уже 27 мая докладывал⁶²:

Большинство населения, несомненно, сочувственно относилось к восставшим. В частности, крестьяне обеспечивали Григорьева продовольствием и добровольно приносили ему тысячи пудов хлеба.

Лозунги григорьевского «Универсала», несмотря на их политическую неграмотность, находили отклик и у крестьян-середняков и у рабочих, имевших какую-либо собственность, т.е. у большинства населения Украины.

Не только деревни встречали отряды красноармейцев ружейным и пулеметным огнем: известно, что рабочие Елизаветграда тоже встретили войска Красной армии с оружием в руках.

Желающих вступить в ряды войска Григорьева было столько, что у него не хватало оружия.

Особенно популярным у населения Украины оказался главный лозунг Григорьева — «Долой ЧК». Присоединились к этому лозунгу и многие красноармейцы, большинство из которых тоже было середняками. Доказательством того были нередкие случаи разгона ЧК на фронте. А во время мятежа такое происходило повсеместно. Так, харьковские «Известия» писали⁶³ об эшелоне красноармейцев, прибывшим в Александровск «с юга» для подавления григорьевского мятежа. Но на станции под влиянием соответствующей агитации бойцы «разогнали железнодорожную ЧК и освободили из тюрьмы заключенных преступников». Они жестоко избили политкома мест заключения Бондаря и тут же приговорили его к расстрелу. Прибывшего для переговоров с мятежным эшелоном председателя местного исполкома Михалевича тоже намеревались расстрелять. Только подоспевший в этот момент из Крыма на своем бронепоезде Лепетенко дал отпор мятежникам и освободил Бондаря и Михалевича. Мятежный эшелон не дожидаясь развития событий в Александровске покинул эту станцию.

Поэтому одно положительное явление после подавления мятежа Григорьева все же произошло — на Украине декретом Х. Раковского были упразднены чрезвычайные комиссии⁶⁴.

Со своей стороны, Вишневецкий помимо военных операций мог предложить лишь усиление политической работы с населением и повсеместное изъятие оружия у населения.

61 Там же, с. 313–314.

62 Там же, с. 258.

63 Известия (Харьков), 1919, № 124, 28 мая, с. 2.

64 Известия (Ялта), 1919, № 24, 28 мая, с. 1.

Весьма жестко высказывается по этому моменту В.И. Ленин. В телеграмме от 26 мая Раковскому Х.Г. в Киев и Межлауку В.И. (замнаркомвоен) в Харьков он ⁶⁵ предписывает им: *«Не пропускайте момента победы над Григорьевым, не отпускайте ни одного солдата, из сражающихся против Григорьева. Декретируйте и проведите в жизнь полное обезоружение населения, **расстреливайте на месте беспощадно за каждую сокрытую винтовку**».*

Другой участник антигригорьевской кампании — начдив 2-й Украинской Советской дивизии А.Н. Ленговский вообще констатировал «бесполезность боевых действий против повстанцев». Он писал, что в некоторых волостях войска уже по четыре — пять раз разбивали григорьевцев, нанося им страшные потери. Но вслед за уходом красных отрядов в другие районы повстанческие отряды снова быстро собирались. «Григорьевщина пустила глубокие корни» — писал он ⁶⁶, считая, что рвать эти корни можно только планомерным систематическим очищением волости за волостью и немедленной организацией на местах действенных волостных комиссариатов, которые смогут противостоять григорьевцам и защитить население.

В конечном счете, борьба сторонников Григорьева против регулярной Красной армии существенно способствовала завоеванию Украины деникинцами. Ведь 26 мая, когда по сути еще не закончилась антигригорьевская кампания, деникинцами была взята станция Гришино, и вслед за этим прорывом красным пришлось быстро отступать.

65 Ленин В.И. ПСС, т. 50, с. 324.

66 Антонов-Овсеенко В.А. Указ. соч., с. 251–252.

БЕЛЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В КРЫМ

Еще в апреле В.И. Ленин предупреждал¹ председателя совнаркома Украины Х.Г. Раковского: «насчет планов Дыбенко предостерегаю от авантюры — боюсь, что кончится крахом, и он будет отрезан». План П.Е. Дыбенко предполагал прорыв к Керчи, откуда можно было бы развернуть операцию против денкинцев на Северном Кавказе. Обреченность такого плана видна хотя бы в том, что флот Антанты полностью контролировал морскую акваторию Крыма и не дал бы красным переправиться через Керченский пролив.

Своим планом Дыбенко смог увлечь и самого командующего Украинском Фронтом В. А. Антонова-Овсеевко, который впоследствии признавал²: «Конечно в вырисовавшейся обстановке следовало во всяком случае отказаться от активных операций в Керченском направлении и две трети сил П. Дыбенко (до 10 000 штыков) перебросить в Таганрогское направление». Но Ильич оказался прав, как это частенько бывало: мало того, что прорваться к Керчи КСА так и не смогла, именно со стороны восточного плацдарма (Ак-Монайского фронта), пошла волна наступления денкинцев, в конечном итоге уверенно вытеснившая красные войска из Крыма. Как и предполагал Ленин, авантюра Дыбенко кончилась крахом.

Формальное окончание крымской военной эпопеи красных, судя по данным советских справочников и энциклопедий, выглядит вполне нейтрально. Приказом Реввоенсовета РСФСР от 4 июня Украинский фронт (комфронта В.А. Антонов-Овсеевко) был расформирован 15 июня. При этом 2-я Украинская армия этого фронта была оставлена в составе Южного фронта и получила название «14-я армия». Командарм этой армии А. Скачко не остался во главе армии, он прошел медицинское освидетельствование 21 мая, получил отпуск на 6 недель на лечение (операцию) и 7 июня сдал дела К. Ворошилову³.

Две другие Украинские армии: 1-я (командарм С. Мацилевский) и 3-я (командарм Н. Худяков) перешли в подчинение Западному фронту.

В свою очередь, Крымская Советская армия (КСА) во главе с командармом П.Е. Дыбенко, подчинявшаяся ранее командованию 2-й Украинской армии, на правах

¹ Ленин В. И., ПСС, т. 50, с. 283.

² Антонов-Овсеевко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 4. 1933. М., с. 94.

³ РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 1025, л. 1, 8, 14 об.

дивизии вошла в состав 14-й армии и была переформирована в Крымскую стрелковую дивизию (с. д.), вскоре (28 июля) переименованную в 58-ю с. д. Значительно позже, 13 декабря 1920 г. эта дивизия получила название 58-й Орловской с. д.

Реальные события заключительной фазы существования Красного Крыма 1919 г., с формальными преобразованиями практически не имеют ничего общего. Их мы и попытаемся проанализировать.

Большинство авторов, рассматривавших эту тему, полагали, что причина быстрого поражения красных и панического бегства их из Крыма сводилась к внезапности действий сторонников Деникина. Считаю, что такой подход в корне неверен. Сошлемся для начала на сообщение из Алупки собкора московских «Известий ВЦИК» З.В. Рихтер-Дуровой⁴ от 16 июня: *«В связи с событиями на донецком фронте на южном берегу Крыма настроение было тревожное, заметно усилилась провокационная работа агентов буржуазии; в деятельности советских властей проявились — было нервность и растерянность, однако, теперь все это сменялось более уверенным и спокойным отношением к событиям. Объявлена мобилизация части коммунистов и рабочих; приняты меры к борьбе со злонамеренными слухами и антисоветской агитацией»*. Из заметки явно следует, что известный десант 18 июня в районе Коктебеля (на нем подробнее остановимся ниже) не стал неожиданным событием для красного Крыма и Крымской армии. Архивные документы штаба КСА тоже показывают, что штаб проявлял определенную предусмотрительность, внимательно наблюдая за действиями противника. В период с 9 по 11 июня, т.е. за 10 дней до известного десанта Слащова были разработаны приказы о действиях в случае прорыва фронта. Причем главную опасность штаб КСА видел не на Акмонайском фронте, а в действиях Добровольческой армии севернее Крыма. Имелось в виду намерение противника⁵ прервать железнодорожную магистраль Севастополь-Харьков в районе Александровска, «создав тем самым угрозу разделения частей Украинской и Крымской армий и угрозу закупорки Крыма». Соответствующий приказ по войскам Керченского направления констатировал прорыв противника по линии Ногайск-Верхний Токмак-Пологи силами около 3,5 тысяч штыков и 2 тысяч сабель. Командованием Украинского фронта для ликвидации прорыва частям Крымской Армии был отведен участок Пологи-Бердянск.

Для этого направления отдельным оперативным приказом от 11 июня была сформирована специальная группа войск (начальник группы Г.А. Кочергин). Основу группы составляла 1-я Крымская ударная бригада под командованием Котова в составе трех полков, к которой добавлялись боеспособные и неразложившиеся части 3-й Заднепровской бригады Н. Махно, а также части КСА, снятые с григорьевского фронта. Этой группе также придавался авиаотряд из 4-х самолетов и один бронепоезд⁶.

Тем не менее, был разработан детальный план действий на случай неудачи. Предусматривались конкретные меры к организованному отходу частей, а также эвакуации всего ценного для группировки войск в целях контрударов противнику в районе Мелитопольского и Днепровского уездов. В частности, предусматривалось⁷:

4 Известия ВЦИК, 1919, № 131, 19 июня, с. 1.

5 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 2, л. 8.

6 Там же, л. 12–13.

7 Там же, л. 9.

«Пехотным частям за ночь отойти на линию реки Булганах, продолжить отход (желательно на тачанках) под прикрытием пулеметных команд... в направлении Джанкой-Армянск.

...Главной задачей является наиболее скорый, без малейших потерь и организованный отход из Крыма на заготовленные позиции по реке Чатавлык, что к югу от селения Юшунь.

Все мелкие части, гарнизоны и караульные батальоны района Феодосии, Старого Крыма, Судака и Карасубазара должны войти в подчинение коменданту Феодосии, создав общую группу в районе Карасубазара и селения Пролом и тем самым прикрывать правый фланг Керченского фронта».

Вместе с тем в приказе отмечалось, что *«непосредственной угрозы закупорки Крыма в данный момент не имеется»* и проведение в жизнь означенного приказа *«будет произведено только в крайнем случае»*.

Готовились к предстоящему наступлению белых и в Севастополе. Еще в 20-х числах мая от бригады бронепоездов мастерским Севастопольского порта поступил заказ на срочное изготовление 5 тысяч снарядов. В порядке стимуляции заказа было обещано дополнительно обеспечить рабочих мукой⁸. А уже 9 июня командир бригады бронепоездов С.М. Лепетенко просит⁹ у П. Дыбенко разрешения на выдачу из Севастопольского порта снарядов, пулеметов и другого оборудования для бригады бронепоездов. Резолюция Дыбенко: *«Выдать в срочном порядке, 10 июня»*. Вывозить снаряды и пушки (в том числе корабельные) было поручено¹⁰ экипажу бронепоезда «Память Иванова».

Отдельным предметом заботы Совета обороны было формирование «из пролетарских и полупролетарских татарских народных масс» Крыма мусульманских войсковых частей¹¹. Однако видимо время для создания значительных красных мусульманских частей было упущено.

С 9 июня распоряжением наркомата по военным делам на территории Крымской ССР движение пассажирских поездов было прекращено¹². По-видимому, это распоряжение обусловлено не только военной обстановкой, но и ограниченными запасами угля.

Не были забыты и гражданские комиссариаты: еще 15–18 июня поступило распоряжение П. Дыбенко о том, что все комиссариаты должны быть в получасовой готовности к началу эвакуации¹³.

Отдельный приказ¹⁴ (от 10 июня) был подготовлен для войск находившихся в распоряжении уездкомов Крымской республики. Помимо конкретных указаний по действиям частей, в приказе отдельно оговаривалась строжайшая секретность этого приказа: *«Настоящий приказ хранить в строжайшем секрете, знать о нем только лично. Ведя подготовительные работы ни в коем случае при отдаче каких-либо распо-*

8 Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. Ноябрь 1917–1920. Киев. 1963. сост. Александрова В. И., Федорова Т. С., с. 231.

9 Там же, с. 242.

10 Там же, с. 244.

11 Известия (Симферополь), № 24, 18 июня, с. 2.

12 Известия (Севастополь) № 37, 11 июня, с. 2.

13 Переписка, Т. 8, М., 1972, с. 729–732; РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 31–33.

14 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 2, л. 16–17.

ряжений не мотивировать необходимостью эвакуации. В случае же распространения в каком-либо уезде слухов и паники среди населения о предстоящей предполагаемой только нами эвакуации, вина падает исключительно на уездного комиссара, последствием чего будет отстранение от должности и привлечение к суду Военно-Революционного Трибунала».

Видимо именно с засекречиванием этого приказа его авторы перестарались: обещанные кары за разглашение приказа были столь велики, что далеко не все конкретные его исполнители были с ним ознакомлены во время и правильно действовали при возникновении реальной угрозы. В отличие от штаба КСА, имевшего свой план действий на случай наступления белых, обком партии такого плана не имел, не провел подготовительной работы по организации подполья в тылу врага. Необходимые явки создать не успели. В спешке на подпольную работу были оставлены те партийцы, которые неоднократно выступали на митингах и собраниях, т. е. их легко узнавали, поэтому они не годились для работы в условиях конспирации¹⁵.

* * *

Деникинский штаб планировал начать наступление на Ак-Монайские позиции красных 18 июня. К этому времени в Керчь поступило значительное пополнение. Так 31 (18) мая в приказе генерала Боровского¹⁶ по Крымско-Азовской армии впервые упомянуто о прибытии пополнения для его армии с Кавказа, что позволило, в частности, развернуть роты офицерских полков в отдельные батальоны. Из пехотных частей добавились кубанские пластунские батальоны и соединение юнкеров Екатеринодарского училища, из конницы — чеченский кавалерийский полк. Всего по данным разведки КСА, на Ак-Монайских позициях белые имели до 7–8 тыс. человек, что превосходило численность советских войск¹⁷. Почему была выбрана эта дата наступления деникинцев (18 июня)? Мне представляется, что немалую роль сыграло соображение о предстоящей уборке хлебов. Буквально через неделю в Таврической губернии должна была начаться жатва хлебов, а урожай ожидался отменный. Власти Белого Юга намеревались заполучить этот хлеб для «своих», не дав при этом руководству Красного Крыма вывезти хлеб в помощь «противнику» — голодным губерниям красной России¹⁸.

¹⁵ Волков В. П. За власть Советов! Симферополь. 1963. с. 141.

¹⁶ ГАРФ, ф. р-444, оп. 1, д. 4, л. 118.

¹⁷ Смирнов А. П. Командарм Иван Федько. 1959, Симферополь, с. 56.

¹⁸ В частности 4 июня (22 мая), был восстановлен в качестве полка Симферопольский офицерский полк, который ранее — 25 (11) апреля переформирован в Симферопольский офицерский батальон. [Альмендингер В. Симферопольский офицерский полк в Крыму // Вооруженные силы на Юге России / сост. С. В. Волков. — М., 2003, с. 529–530.]
Замечу, что белому Югу тоже не удалось в полной мере воспользоваться богатым урожаем хлебов 1919 года. Но причина этого лежала в сфере финансовой. Частные банки Крыма не были ликвидированы руководством Крымской ССР. Они продолжали работу и при советской власти и после прихода в Крым деникинцев. Эти банки проявили полную готовность финансировать уборку урожая. Но трудность состояла в том, что их капитал состоял главным образом из «пятаковских» знаков, доставленных из Москвы в начале июня, а также крымских знаков советской печати. Например, у Отдела продовольствия Городской думы Симферополя около 85% оборотных средств составляли

Вместе с тем известно, что еще в первых числах июня союзный флот очень активно оперировал на восточном побережье Крыма. Так в оперативной сводке штаба КСА от 7 июня отмечались¹⁹ следующие результаты наблюдений: «4 июня в Феодосии появился дредноут с аэростатом, крейсер, два миноносца. 5 июня — канонерка обстреляла Двужорную бухту ружейным огнем, жертв нет. Около мыса Святой Ильи виден транспорт под Андреевским флагом. Меганомский маяк: прошли 2 транспорта. 6 июня дредноут с аэростатом обстрелял железнодорожную линию Феодосия-Владиславовка. 18 час. — дредноут в 4 милях от Феодосии обстрелял железную дорогу, деревни Камыши и Николаевку...». Еще раньше сообщалось об эпизоде в Геническе: «К Геническу подошел неприятельский миноносец и выбросил флаг для переговоров, а затем открыл артиллерийский огонь; выпустив до 107 снарядов по городу, скрылся в море. Есть убитые и раненые».

Вот как выглядят подробности десантной операции белых 18 июня в версии²⁰ военного историка белого лагеря П. Варнака. В ночь на 18 июня крейсер «Кагул» принял на борт 160 человек при десяти пулеметах под командой полковника Королькова. Рано утром «Кагул» в сопровождении английского миноносца подошел к Коктебелю и с помощью буксира «Дельфин» без сопротивления высадил десант, который быстро пошел вперед и занял деревню Пасынкой. После этого «Кагул» с дистанции 17 км сделал 20 выстрелов по селению Старый Крым, где находились резервы красных. Кроме того, имея телефонную связь с начальником десанта, крейсер по его указанию оказывал ему огневую поддержку. Около 17 часов десант соединился с прорвавшими фронт левофланговыми частями генерала А.А. Боровского. Наступление на перешейке было поддержано артиллерийским огнем. Со стороны Черного моря позиции красных обстреливал дредноут «Мальборо» и другие английские корабли, со стороны Азовского моря — корабли белого флота: «Граф Игнатъев» и мониторы.

Коктебельский десант в значительной степени был отвлекающим маневром. Главная цель белых состояла в прорыве фронта на противоположном фланге — со стороны Азовского моря (для красных это левый фланг, для белых — правый). При этом задача состояла не только в том, чтобы прорвать фронт и захватить ближайшую станцию Ак-Моной (Каменское), но в первый же день наступления занять Ислам-Терек (Кировское), где располагался штаб 1-й дивизии КСА. Задача эта была поручена конной дивизии белых под командованием полковника И.М. Миклашевского²¹. 18 июня после часового массивного артиллерийского обстрела с кора-

советские денежные знаки [ГАРК, ф. 63, оп.2, д.663, л.18]. А распоряжением Управления финансов ВСЮР после прихода белой власти хождение этих знаков было немедленно приостановлено. И средств для полноценного финансирования уборочной кампании не оказалось.

19 Моряки в борьбе..., с. 240.

20 Варнек П.А. Образование флота Добровольческой армии//сб.: Гражданская война в России: Черноморский флот/Сост.В. Доценко. — М., 2002, с. 145.

21 Полковник Миклашевский Илья Михайлович — с 13 (30) мая — командир бригады Сводно-гвардейской кавалерийской дивизии (кавалерийской бригады 4-й пехотной дивизии). Был ранен 5 июня, поэтому временно в качестве начальника дивизии его

блей позиций красных кавалеристы конной дивизии, имея в авангарде 2-й полк, совместно с пехотными частями прошли незанятую деревню Джантори и прорвав фронт у станции Ак-Манай заняли села Арбат и Турулчак. Красные отбили атаку пехоты, тесня ее к Сивашу, но атака 2-го конного полка решила исход боя на этом участке в пользу наступавших. «Красные совершенно не выносили атаки кавалерией и никогда ее не принимали», — комментировал этот момент белый артиллерист С.Н. Шидловский. И уже в сумерках при раскатах грома приближавшейся грозы, 2-й кавалерийский полк занимает намеченную цель — станцию Ислам-Терек. Красные в первый же день отступили до станции Сейтлер (Нижегородск), белая кавалерия заночевала в деревне Киять, поджидая пехоту, занявшую в тот день Феодосию и Владиславовку²². На следующий день, т.е. 19 июня, деникинской коннице пришлось отражать яростное контрнаступление красных, пытавшихся хотя бы восстановить недавнее статус-кво. Но в конце концов, красным пришлось отступить к укрепленной позиции у станции Грамматиково (Советский). Туда был перенесен штаб 1-й дивизии КСА, размещавшийся ранее в Ислам-Терек. Вслед за этим 2-ому кавалерийскому полку была поставлена задача совершить рейд в тыл красным и взорвать железнодорожное полотно у ст. Сейтлер (Нижегородск), чтобы отрезать пути отступления красным со стороны фронта. С этой целью полк направился правее железной дороги и, минуя несколько сел, продвинулся в намеченном направлении. Ночью два эскадрона кавалеристов и артиллеристы с двумя орудиями пробрались к железной дороге и пяти местах взорвали путь около деревни Каро-мин. Со стороны Феодосии к месту диверсии сначала подошел эшелон красных юнкеров, а вслед за ним бронепоезд «Красный сокол». Белым пришлось сначала отступить до линии пехоты, но потом наступление продолжилось²³. Красным пришлось бросить эшелоны и отступать пешим порядком на Джанкой, где они сосредоточились 20 июня. Там наступление белых было приостановлено путем контрудара со стороны Джанкоя в направлении станции Колай (Азовское) — один перегон от Джанкоя в сторону Владиславовки и Керчи (около 40 км), Немалая заслуга в успехе этого контрудара принадлежала бронепоезду «Роза Люксембург» (командир А. Шапильский), который прикрывал атаку красных бойцов²⁴. В ходе боя, который продолжался целый день, эта станция была временно занята красными. За счет этого удалось разгрузить Джанкой от эшелонов, двигавшихся из Крыма со стороны Симферополя. Два кавалерийских эскадрона с одним орудием белые направили в Сарабуз, чтобы отрезать путь от Симферополя и Севастополя. Но эшелоны красных успели уйти на Чонгар.

заменял полковник И.Г. Барбович. В конную бригаду Миклашевского входили следующие полки: 2-й Дроздовский (Барбович), сводный полк Кирасирской дивизии (Данилов) и 2-й Гвардейский полк (Ковалинский), а также артиллерийская батарея, что составляло около 1000 шашек при четырех орудиях. [Вооруженные силы на Юге России/сост. С.В. Волков. — М., 2003, с. 34, 63].

22 Шидловский С.Н. Записки белого офицера. — СПб., 2007, с. 35.

23 Там же, с. 36–37.

24 Смирнов А. П. Указ. соч., с. 65.

На рассвете 22 июня белые снова атаковали, после чего отступавшим пришлось уйти на Перекоп и закрепиться в Армянском Базаре (Армянск). Как вспоминает С.Н. Шидловский, 28 (15) июня началось наступление на окопы красных между озерами севернее Юшунь (Ишунь). Позиции были взяты кавалерией с налета и белые ворвались в Армянск. В окопах действовал Еврейский коммунистический полк, поэтому «пленных не брали». В Армянске тоже произошел²⁵ «здоровенный еврейский погром».

* * *

К этому моменту к Армянскому Базару на помощь отходившей группе красных прибыл 2-й советский полк Ф.Д. Калиниченко, оборонявший северные тылы КСА. Но под прикрытием полка Калиниченко группа отступавших успела уйти на Чаплинку, там тоже красные выдержали бой, затем отошли к Каховке. На Каховском направлении у белых действовали главным образом кавалеристы: Офицерский кавалерийский полк и конница татарских националистов, из пехоты — кубанские пластунские батальоны. Там у белых работала и артиллерия — «до десятка английских батарей». Полк Калиниченко охранял отступавшие войска и сопровождал их до каховской переправы, представлявшей собой наплавной мост, через Днепр из Каховки в Берислав²⁶. Аналогичным образом отступал с Ак-Монойского фланга и 1-й Крымский стрелковый батальон²⁷.

Учреждения и государственное имущество красным тоже пришлось спешно эвакуировать²⁸ на север через Перекоп в связи с тем, что железная дорога Симферополь-Лозовая-Харьков оказалась перерезанной противником, который наступал с Донбасса (который деникинцы взяли еще в первой декаде мая) на запад и вышел к Днепру в районе Екатеринослава (Днепропетровска).

Кавалеристы 2-го полка преследуя отступавших красных вышли к Перекопскому полуострову 28 июня — заняли Юшунь (Ишунь), а затем и Армянск (Армянский Базар). С.Н. Шидловский²⁹ пишет, что 29 (16) июня белые уже пошли на Чаплинку, переночевали и оттуда направились на Каховку. Там большевиков уже не было — они переправились в Берислав, откуда их артиллерия обстреливала Каховку. *«Жители встречали нас цветами и колокольным звоном... Со всех сторон сыпались приглашения то чай пить, то ужинать... к тому же в Каховке был винный склад... После 15 дней походов и боев мы отлично отдохнули».*

На центральном участке фронта главная укрепленная позиция красных находилась в районе селения Кой-Асан (Фронтное) и хутора Царьково. Туда было приказано наступать Симферопольскому офицерскому полку 4-й пехотной дивизии совместно со сводными полками 34-й и 13-й пехотных дивизий. Правая колонна

25 Шидловский С. Н. Указ. соч., с. 37, 38.

26 Калиниченко Ф. В боях Таврии // В борьбе за Советский Крым. Воспоминания старых большевиков. Симферополь, 1958, с. 164.

27 Виктор В. 1-й Крымский стрелковый батальон // В борьбе за Советский Крым. Воспоминания старых большевиков. Симферополь, 1958, с. 154–156.

28 Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Часть II. Симферополь, 1957, с. 193–194.

29 Шидловский С.Н. Указ. соч., с. 39.

наступавших действовала в обход главным силам красных, а левая атаковала красных, занимавших высоту близ хутора Царьково. Силами обеих колонн Кой-Асан, упорно обороняемый красными, был взят. Красные отошли на Владиславку. Эта станция несколько раз переходила из рук в руки, но окончательно была занята белыми 18-го июня к вечеру.

В два последующих дня белые пехотные полки центрального участка фронта продвинулись за село Бахчи-Эли (Богатое) к деревне Черкез-Тобой. Около этой деревни два дня (21-го и 22-го июня) шли упорные бои с конницей красных, которая пытались окружить с флангов пехотные полки. В конечном счете, атаки красных были отбиты, после чего полк 34-й дивизии стал продвигаться вдоль железной дороги, а Симферопольский офицерский полк наступал правее. 25-го июня белая пехота подошла к Джанкою, откуда красные уже ушли, а 29-го — к Армянскому Базару. Через неделю эти пехотные полки белых уже выдвинулись к Днепру в районе Каховки.

На черноморском фланге Ак-Монайского фронта у белых оперировали полки 4-й пехотной дивизии, в частности, 2-й Таманский полк Кубанского казачьего войска, а также упомянутый выше десантный отряд Королькова. В первый же день этой группе удалось войти в Феодосию, в чем главную роль сыграл 2-й Таманский полк³⁰. Таким образом, в первый же день белые смогли к вечеру захватить все намеченное: Феодосию, узловую станцию Владиславка и Ислам-Терек.

За помощь в наступательной операции белых 18 июня на Ак-Монайском фронте не были забыты военные моряки союзников. В частности, в благодарность³¹ «за содействие при обстреле Ак-Монайских позиций с Азовского моря» были награждены русскими медалями многие члены команды английского миноносца «Сераф» (№ 22).

После взятия Феодосии группа белых, оперировавшая на черноморском фланге, направилась с боями вдоль шоссе Феодосия — Старый Крым — Симферополь, имея целью занять Симферополь. На этом направлении одной из немногих красных частей, сопротивлявшихся белым, был Карасубазарский отряд. Этот отряд³² вел бои под Феодосией, Коктебелем и Старым Крымом. Первое сопротивление было предпринято этим отрядом совместно с небольшим Старокрымским отрядом Петра Грудачева 20 июня у деревни Суук-Салы (Грушевки), что находится на 20 км западнее Старого Крыма. Однако на следующий день белые продвинулись с боями еще на 30 км к селу Бахчи-Эли (Богатое). Последний бой на этом направлении красные дали 22 июня под поселком Карасубазар (Белогорск). Там отряд реорганизовался в отдельную Карасубазарскую роту, откуда отошел к Перекопу, а потом на Каховку.

Далее серьезного сопротивления белым никто не оказывал и 24 июня они вошли в Симферополь³³. О взятии белыми Симферополя читаем в рапорт³⁴ поручика Савина

30 Кравченко В. Дроздовцы в боях зимой и весной 1919 года // Вооруженные силы на Юге России / сост. С. В. Волков. — М., 2003, с. 182.

31 Бюллетень Феодосийского ОСВАГа от 23 июля 1919 г.; цит. по: Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Ч. II. Симферополь, 1957, с. 198.

32 Журавлев Я. В борьбе с интервентами и белогвардейцами // В борьбе за Советский Крым. Воспоминания старых большевиков. Симферополь, 1958, с. 128.

33 Надинский П. Н. Указ. соч., с. 193.

34 РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 982, л. 263.

из Симферополя в штаб Крымско-азовской армии полковнику Г.И. Коновалову 25 июня: «Симферополь занят вчера [24 июня] вечером. <...> Вчера же вечером был занят вокзал города. <...> Под Симферополем был бой, потери у большевиков порядочные, побросали своих раненых. В городе спокойно, встречают с цветами, народ крестится, говорит, что спасители пришли...». Из телеграммы следует, что какие-то красные части либо не успели уйти из Симферополя, либо были специально оставлены в качестве заслона, чтобы задерживать наступление денкинцев.

О днях отступления красных из Крыма и, в частности, об оставлении Симферополя, писатель С.Н. Сергеев-Ценский³⁵ писал: «У берегов появились нумерованные, мрачного вида английские крейсера, осторожно, но неуклонно-деловито пускавшие черные «колбасы» в небо. От Керчи шли слухи, что там дело очень серьезно. «Кроют!» — говорили красноармейцы. В Севастополе тоже «крыли»... И красные сняли телефоны и отступили в ночь на 21 июня 19-го года, чтобы успеть во время вылиться из этой кубастой ликерной бутылки — Крыма — через узкое горлышко перешейка.

Занимали места в автомобилях, фаэтонах, линейках; иные же, бросали, накопленные было, вещи, а также семьи, которыми кое-кто успел уже обзавестись, и двигались по шоссе пешком, надеясь пробраться уже затемно в степную часть, а там затеряться на время в большом городе и выждать, таясь и не спеша». Но мы процитировали кусок художественной прозы допускающей любую долю вымысла. Но не менее эмоционально описывает события, происходившие в Симферополе другой свидетель — бывший инструктор наркомата внутренних дел Крыма В. Горюнов в докладной записке³⁶ в ЦК РКП(б), по сути подтверждающая слова С.Н. Сергеева-Ценского:

«Двадцатого и 21-го [июня] бегут штабы, лазареты, авто-части, инженерные части. Друг у друга отнимают извозчиков с револьверами в руках, бежит публика, и все на вокзал... На вокзале идет сильный скандал из-за вагонов и эшелонов, в результате сбежал со станции комендант и его сотрудники. На станцию случайно пришел, не зная, чем такое бегство объясняется, тов. Бабичев — коммунист-кавказец, спросил, где комендант станции. Ему ответили железнодорожники, что уже никого нет, они уехали. Тогда тов. Бабичев, как коммунист, объявил себя комендантом станции и вывез последние эшелоны со станции, и с последним сам выехал до командующего Крымской армией тов. Дыбенки, которому доложил, а затем проследовал в Москву».

Дал С.Н. Сергеев-Ценский и зарисовку³⁷ того, как встречали некоторые жители Симферополя в день эвакуации машину с комиссарами провинциального городка:

«И замелькали около дома города, который еще вчера утром считался своим, в котором вчера еще чуялось свое начальство — Крымревком, от которого может быть идет еще к ним, комиссарам, на места деловые бумаги. Теперь начальство конечно уехало, город почти ничей, а через два-три часа, может быть будет определено чужой... <...>

35 Сергеев-Ценский С.Н. Жестокость. Повести и рассказы. «Мысль». Л., 1929, с. 7.

36 РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 24–29.

37 Сергеев-Ценский С.Н. Указ. соч., с. 50.

Какой-то толстый, прилично одетый, — насмешливо кивнул им головой и прокричал: — Счастливой дороги!.. — Две барышни в открытом окне весело захлопали при виде их в ладоши и закричали: — Ура! — а мальчишка бросил им вдогонку камень, пропевши пронзительно:

Яблочко, яблочко катит-ся!
Власть советская д-убирается!».

И опять подкрепляем художественную прозу реальными свидетельствами. О том, что происходило в Симферополе далее — в первые несколько дней после прихода добровольцев вспоминал большевик Каганицкий, приехавший на лечение в Крым после ранения на колчаковском фронте. Из-за нехватки партийных кадров ему вместо лечения пришлось заниматься партийной и хозяйственной работой в Алуште. Из Алушты Каганицкий эвакуировался в Симферополь, где оказался свидетелем прихода белых в город. *«Как только вошел в город казачий отряд, первым его делом было повешение на углу Салгирной и Екатерининской улиц одного гражданина. Дело произошло таким образом. При появлении белых стали собираться кучки народа, и вот среди одной такой кучки зевак стоял молодой еврей. Один из казаков обратил на него внимание и спросил, кто он такой. Тот ответил: «концессионер гостиницы». «А, комиссар». Его сейчас же схватили, набросили веревку и повесили на дереве. Толпа разбежалась, и несчастный концессионер висел часа три, служба украшением улицы на радость освобожденной буржуазии и удивление толпы. <...> Казаки расхаживали по улицам, врывались в дома, занимались грабежами и отысканием коммунистов. Стоило кому-либо из обывателей указать на кого-то и сказать, что это коммунист, как озверелые бандиты тут же на тротуаре расстреливали или зарубали шашками невинных. Как потом выяснилось, многие обыватели сводили свои мелкие счета в эти тяжелые дни со своими врагами. «Наведение порядка» продолжалось три дня, после чего были назначены комендант, губернатор и прочие власти.*

Трудно описать наглую радость буржуазии в эти дни. Дамы, одетые в лучшие платья, подносили цветы офицерам, благодаря их за избавление. Можно было видеть, как выкапывали из земли имущество — мундиры генералов и офицеров. Духовенство служило молебны. Улицы были полны гуляющей буржуазией. Одним словом, это был праздник мести за пережитые страхи. Рабочее население пряталось, и выходило на улицу только в случае крайней необходимости. В первый день прихода белых был устроен крестный ход, причем был слышен возглас: «бей жидов». Над городом навис призрак погрома. Однако обошлось без него»³⁸.

³⁸ Каганицкий. Воспоминания//ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 452, л. 3, 4. Подтверждает безудержное ликование непролетарского населения в тот момент и историк Г.В. Вернадский, который сам отнюдь не сочувствовал большевикам: *«Полицейский час был отменен, но начались аресты подозрительных лиц и ловля оставшихся большевиков. <...> Несколько местных большевиков были повешены на столбах близ вокзала. Многие обыватели пошли посмотреть на это зрелище. Говорят, что некоторые дамы, в том числе две-три профессорские жены танцевали под повешенными. Мы туда, разумеется, не ходили».* [Вернадский Г.В. Крым. Воспоминания//Крымский архив (Симферополь), 1994, № 1, с. 32].

Тем временем в Симферопольской тюрьме тоже происходили странные события. 20 июня по распоряжению заместителя наркома юстиции И.Н. Семенова было освобождено 63 человека, в том числе уголовники. При этом отряд красноармейцев, привезших этот приказ, потребовал сдать ему оружие охраны, и тюремными охранниками было отдано отряду 6 трехлинейек и 5 шашек. Принимая во внимание, что тюремная стража осталась безоружной и сопротивления никому оказать не сможет, начальник тюрьмы Бродский с согласия своих подчиненных принимает решение освободить всех оставшихся заключенных, поскольку они были посажены в тюрьму по обвинению в контрреволюции и красные могли их перед уходом расстрелять. Двоих заключенных, уже приговоренных к смерти, спрятали на чердаке, а через день выпустили. После этого всем служащим тюрьмы было предложено скрыться. Когда на следующий день в тюрьму прибыл отряд красноармейцев во главе с представителем Военного трибунала, узнавшего об освобождении, то он никого не нашел — ни заключенных, ни служащих тюрьмы. О двух приговоренных Бродский ему заявил, что их забрали солдаты для расстрела³⁹.

Вошедшие в Симферополь первые группы деникинцев объявили мобилизацию офицеров, затаившихся до этого в подполье. В результате сформировались целых два офицерских полка, которые сразу направлялись в бой⁴⁰.

* * *

Как подчеркивал в своих мемуарах А.И. Деникин, помимо наступления 3-го добровольческого корпуса со стороны Ак-Монайских позиций, особый отряд был направлен к перешейкам, чтобы отрезать красным выход из Крымского полуострова⁴¹. Уходили из Крыма красные войска в тех же направлениях, что и приходили — через Чонгар и Перекоп. Но через Чонгар эвакуация продолжалась недолго. Считаю важным определить, почему и когда была прекращена эвакуация по железной дороге через Чонгарский перешеек. По этому поводу мемуаристы-деникинцы дают весьма противоречивые сведения. Так В. Альмендингер пишет, что еще 26-го июня «красные спешно отходили на Сальково [это станция вне Крыма за Чонгаром] и Перекоп». В. Кравченко вторит ему, уверяя, что причина затрудненного отступления ухода через Чонгар состоит в том, что белая конница примерно в это же время отрезала пути отступления в сторону Чонгара. Но оба

Не менее красочный фрагмент «Дневника неизвестного» от 28 июня о событиях в Симферополе приводит П.С. Чирва со ссылкой на архивные данные [ГАРК, ф. 201, оп. 1, д. 21, л. 2]. К сожалению, этот фонд был утерян в ходе эвакуации в 1941 году. «Вчера арестовано до 100 человек. Достаточно указать на кого-нибудь, что это коммунист, как его сейчас же хватают. Арестованы делегаты на съезд внешкольников только потому, что съезд был созван большевиками. Говорят, что в Новом городе на улице повешено несколько человек. Говорят, что завтра будут публично казнить Чистякова, Котова, Храпова». [Чирва И.С. Большевицское подполье в Крыму в период деникинщины и вренгелевщины. // Борьба большевиков за упрочение советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. Крымиздат. Симферополь. 1958. с. 82].

39 ГАРК, ф. 483, оп. 4, д. 1320, л. 16, 16 об.

40 Калининченко Ф. Указ. соч., с. 167.

41 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Январь 1919-март 1920. Минск, Харвест, 2002, с. 50.

эти мемуариста не были на Чонгарском участке — они в составе своих полков преследовали красных отходящих на Перекоп. Поэтому, важны воспоминания ⁴² Н. Алексеева, воинская часть которого выходила специально для проверки Чонгарского моста около 23–24 июня. Добровolec Н. Алексеев, входивший в группу разведки, лично убедился, что мост к этому времени был взорван отступавшими красными. Причем никаких белых частей до этого момента там не было. Когда разведчики попытались подойти по бетонной дамбе к разрушенному мосту, их встретил огонь засады, и половина разведчиков была убита. Иными словами, этому автору вполне можно доверять и уверенно считать, что еще до 23 июня красные мост взорвали. Это же подтверждает и цитированная нами докладная записка В. Горюнова, из которой следует, что красные практически полностью покинули Симферополь 22-го июня. О том же свидетельствуют и воспоминания о контрударе красных под Колаем произошедший 21-го июня, позволившим проехать через Джанкой всем поездам из Симферополя.

До взрыва моста войска, не задействованная на Ак-Монайском фронте, концентрировалась в Симферополе, откуда отступали в железнодорожных эшелонах и пешим порядком через Чонгарский перешеек. Таким же образом покидал Крым правительственный аппарат и многие партийные функционеры. Железнодороги через Перекоп тогда не было. После проезда всех поездов со стороны Симферополя Чонгарский мост был взорван, чтобы затруднить преследование со стороны белых ⁴³. Поэтому войскам Ак-Монайского фронта оставалось эвакуироваться только через Перекоп.

И еще одно обстоятельство: поскольку в Харькове и севернее него уже были денникинцы, красным крымчанам пришлось уходить на правый берег Днепра. Части отходившие из Крыма через Чонгар переправлялись в районе Никополя и Кичкаса, а те части, которые покидали Крым через Перекоп, переправлялись в районе Каховки.

Части отступавшие через Чонгар, сумели с минимальными потерями выбраться из Крыма, поскольку еще 16 июня на чрезвычайном совещании правительства и военных П. Дыбенко распорядился вывести бронепоезда для защиты железнодорожной магистрали Джанкой–Александровск–Екатеринослав ⁴⁴. По данным штаба Украинского фронта на 22 июня на Мелитопольском боевом участке из соединений КСА оказались все три Ударных полка и 4-й Заднепровский полк ⁴⁵.

Для чонгарской группы отступавших по железной дороге Джанкой–Мелитополь–Александровск, важное значение играл мелитопольский боевой участок. Этот участок, защищавший линию железной дороги, возглавлял Г.А. Кочергин. Основной боевой силой этого участка был полк, сформированный Мелитопольским исполкомом (так называемый 1-й Мелитопольский добровольческий коммунистический полк). Этому участку также были приданы 2-й Советский полк Ф.Д. Калиниченко и некоторые другие части, а также бронепоезд «Роза Люксембург».

42 Алексеев Н. Из воспоминаний // Вооруженные силы на Юге России / сост. С.В. Волков. — М., 2003, с. 502–505.

43 О разрушении красными Чонгарского моста в ходе отступления упоминают Южные ведомости (Симферополь), 1919, № 104, 2(15) августа, с. 2.

44 Жигалов И. Команларм Дыбенко. М. 1987, С. 214.

45 РГВА, ф. 199, оп. 2, д. 129, л. 192.

Деникинцы старались перерезать железнодорожную линию, закупорить Крымскую армию на полуострове и уничтожить ее. Поэтому оборона со стороны группы Кочергина была жизненно важна для сохранения кадров КСА. Но в самый разгар отступления красных крымских войск группе Кочергина была поставлена другая задача — оборона Харькова. Мало того, в приказе командарма-14 К.Е. Ворошилова от 21 июня говорилось⁴⁶, что для этой цели необходимо усилить группу Г. Кочергина «полками и артиллерией т. Дыбенко». И выполнить этот приказ надлежало «в кратчайшее время». Иначе говоря, отступавшей КСА тоже предстояло принимать участие в обороне Харькова. Заметим, что красному Харькову это не помогло — в 16 часов 24 июня город был оставлен красными.

Следующей важной вехой отступления оказалась переправа на правый берег Днепра в районе Никополя. Здесь ситуация обострилась. Вот что свидетельствуют⁴⁷ об этой переправе бывшие члены Мелитопольского исполкома. «Это было паническое бегство, причем очень часто штабы отставали от своих частей, искали их и, наоборот, нередко войсковые части не могли добиться, где находятся их штабы. Такие отступающие части очень часто нападали на обозы, забирали лучших лошадей и на них бежали. <...> Часть отступающей армии Дыбенко раньше находилась под командою Махно. 27 июня фронт вплотную приблизился к Мелитополю. В этот день через город прошел 7-й полк (Куриленко), а 28-го — последний 8-й полк армии Дыбенко. «8-й полк был заражен духом махновщины. Он разоружал части, отступавшие вместе с ним, расхищал имущество, эвакуировавшееся Исполкомом, и на протесты по этому поводу солдаты 8-го полка отвечали: «Мы поступаем так, как поступали с нами, когда мы уходили с фронта». Отношение этих солдат к коммунистам было более чем враждебное».

Крестьяне Мелитопольского уезда, настроенные «за советскую власть, но против «коммунии», страшно возмущались бегущей в беспорядке армией Дыбенко, грабившей их, и требовали, чтобы Мелитопольский исполком приступил к мобилизации при строгой воинской дисциплине: «бейте морды, порите и расстреливайте — только чтобы была дисциплина».

«Штаб Дыбенко находился в это время в Никополе. В штабе царили «полный хаос и неразбериха... Там почти вся армия Дыбенко, более 18 000, в том числе кавалерия, броневик, артиллерия... По требованию штаба Дыбенко 2 июля обозы Мелитопольского Исполкома с имуществом пришлось сдать штабу. «Это около 2000 пудов сахара, много муки и обоз мануфактуры. В Каменке [поселок на левой стороне Днепра напротив Никополя] скопилась масса подвод с имуществом, большое количество скота, которого красные гнали на север⁴⁸. <...> Части, в том числе кавалерия стали захватывать паромы, отталкивали обозы с имуществом и, дезорганизуя переправу, создали, таким образом, панику».

46 Гражданская война на Украине (сборник документов и материалов), К., т. 2, с. 169–170.

47 Грякало, Сляднев, Александрович. Эвакуация Крыма//РГАСПИ, ф. 17, оп. 109, д. 2. л. 2–9.

48 «Мы из Крыма гнали с собой 18 000 овец, до 8 тысяч голов коров и быков; в экономиях шла молотья хлеба и мы, выбивая Петлюру, должны были молотить, молоть и тут же забирать хлеб, идя дальше». [Кривошеев А. Будни Красной Армии. Воспоминания о ХП Красной армии. (О судьбе остатков Крымской армии)/Гражданская война: Военно-историческая комиссия. Материалы. М., 1923, т. 2, с. 202].

* * *

Судя по воспоминаниям⁴⁹ помощника Н. Махно А.В. Чубенко на заключительном этапе отступления, П. Дыбенко и Н. Махно становятся прямо-таки смертельными врагами. В изложении Чубенко последовательность событий была следующей. Отступая под натиском деникинцев, бойцы 3-й Заднепровской бригады Махно отступили к Александровску (Запорожье), где намеревались перейти на правую сторону Днепра. Однако руководство города отказалось их пропустить, и Н. Махно решил направиться к Кичкасскому мосту, расположенному в 8 верстах юго-западнее Александровска. Через три дня там же неожиданно появился Дыбенко с командиром бригады Крымской армии. Вероятно, это был И. Котов (в воспоминаниях Чубенко он фигурировал под фамилией Антонов). Махно намеревался в ходе совещания с Дыбенко его убить. Своим помощникам он сказал: «Посмотрим, что он (Дыбенко) будет говорить. Если только он будет что-нибудь говорить скверное, то я тогда подам сигнал, и по сигналу тут же нужно убить Дыбенко и командира бригады».

Но на совещании Дыбенко неожиданно заявил, что приехал исполнять свое честное слово. *«А потому тебя, тов. Махно, ставлю в известность, что если ты не уйдешь из Кичкасы, то на тебя будут посланы войска. А я тебе давал честное слово, что если на тебя будут посылаться войска, то я тебе об этом сообщу. Вот я и приехал тебе сказать, чтобы ты ушел из этого района»*. Потом он написал какое-то отношение, в котором говорилось, чтобы Махно со своим штабом явился на следующий день, чтобы получить задание, как быть в дальнейшем. «Когда же уехал Дыбенко, то Махно все время ходил и говорил, что напрасно он его не расстрелял. Дыбенко уехал. На второй день часов в 10 утра пришел к Махно какой-то военный телеграфист и сообщил ему, что Дыбенко его хочет заманить в Никополь, в свой штаб, а там убить его и его штаб». Командира бригады⁵⁰ (по нашей версии — И. Котова) махновцы сумели убить.

Из-за обстрела Кичкаса деникинцами махновцы отошли на Хортицу, (на 7 верст южнее Кичкаса).

Дополняют картину взаимоотношений Дыбенко и Махно воспоминания⁵¹ Сляднева — члена Мелитопольского исполкома весной 1919 г.: *«3 июля в Никополе появилось объявление за подписью Дыбенко, в котором говорилось, что Махно объявлялся вне закона и его сторонники и соучастники будут расстреляны. Это*

49 РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 525, л. 63–66.

50 По воспоминаниям А. Чубенко, в начале июля во время отступления отрядов Дыбенко и Махно в Кичкас к Махно приезжал Дыбенко с одним из своих командиров бригады. Чубенко называет его фамилию — Антонов. Махновцы убили этого командира бригады [РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 525, л. 66]. Но с такой фамилией начальников бригад в КСА не было. Это не Федотов, поскольку известно, что он впоследствии сражался в 58-й дивизии И. Федько, и не Петровский, который к этому времени находился в Москве. Есть упоминание, что Котов был «расстрелян красными» [ГА АРК, ф. п-150, оп. 1, д. 152, л. 26]. С натяжкой можно считать, что убитый махновцами Котов (у Чубенко он назван Антоновым) «расстрелян красными», поскольку махновцы в тот период воевали на стороне Красной армии.

51 РГАСПИ, ф. 17, оп. 109, д. 2, л. 7.

объявление было встречено в армии Дыбенко молчанием, ибо в ней было много частей, сочувствующих махновцам. Махно пользовался большой популярностью в армии Дыбенко, не говоря уже про местное население. Настроение создалось такое, что в армии Дыбенко чуть было не произошел раскол, и дело чуть не дошло до кровопролитного столкновения».

* * *

Не все отступавшие через Перекоп войска двигались на Каховку, чтобы переправиться на правый берег Днепра в Берислав и продолжить борьбу с белыми. Часть бывших красных крымчан двинулась на Алешки (Цюрупинск), находящийся в устье Днепра напротив Херсона. Там большая часть бывших красных бойцов рассыпалась по Херсонскому уезду и засела во ржи, образовав «житомирские полки» (от слова жито, т.е. рожь), промышлявших откровенным разбоем⁵².

Под Каланчаком (около 70 км от Перекопа в направлении Алешек) удалось собрать отряд, который на время задержал наступление белых и дал возможность спокойно отойти бегущим частям⁵³. Как позже выяснилось, времени для отступления через Перекопский перешеек у красных было довольно много, поскольку в Перекоп белые пришли туда только 29-го июня⁵⁴, т.е. через пять дней после занятия Симферополя.

§ 1. СОБЫТИЯ В СЕВАСТОПОЛЕ

Свою специфику имела эвакуация красной власти из Севастополя, где работало одно из немногих действующих предприятий Крыма того времени — Севастопольский судоремонтный завод. Обращаем внимание на деловые распоряжения красного директора завода А. Лысенко перед эвакуацией. Всей администрации, служащим и рабочим надлежало оставаться на своих местах, работы на заводе продолжить прежним порядком. Лысенко⁵⁵ напоминает о необходимости следить за снабжением заводчан продовольствием и за заготовкой дров, не забывая семей отъехавших сотрудников. И еще: *«Самовольный выпуск материалов из территории порта и завода не допускаю и требую от товарищей рабочих помнить, что вы есть единственные хозяева завода и имущества, то же относится и к топливу»*. И в заключение: *«Товарищи рабочие должны быть рабочими и продолжать работу, как это требует от них пролетарская совесть»*.

Со своей стороны, заводские власти намеренно отстранялись от политики, пытаясь сохранить в рабочем состоянии свое предприятие. Правление завода,

52 Кривошеев А. Указ. соч., с. 199.

53 Таран П.И. Указ. соч. // РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 733, л. 53.

54 Телеграмма из Армянска 16 июня ст. ст., (т.е. 29 июня), № 922. Полковник Дубяго — начальнику штаба корпуса 3 армии: «В 19 ч. 30 мин. гор. Перекоп занят конвоем во главе с начдивом [генералом Боровским]. Полковник Дубяго». [РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 982, л. 264.]

55 ГАГС, ф. р-253, оп. 2, д. 1, л. 95.

собравшееся на экстренное заседание по случаю смены власти, заявило⁵⁶: «Смена политического режима и форм государственного правления должна в наименьшей степени касаться фабрично-заводской промышленности».

Некоторые подробности эвакуации представителей красной власти из Севастополя выясняются из доклада⁵⁷ комиссара водного транспорта города Ф.В. Борисова в ЦК РКП(б): «...21 июня поступило распоряжение Севастопольского совнархоза представить ведомости для получения и раздачи жалования за апрель и май месяцы. 22 июня в срочном порядке было заявлено, чтобы все комиссары в 2 часа дня явились в казначейство за деньгами для уплаты в срочном порядке за **июнь** месяц. Всем же комиссариатам [надлежало] немедленно эвакуироваться, кто куда может; сборным же пунктом, по словам товарищей, назначен пункт Алешки. Лично я на заседании не присутствовал, был занят раздачей денег. <...> В 2 часа по старому времени [я] выехал на катере «Борис Гаусман» в Евпаторию, надеясь там соединиться с отрядами и идти на сборный пункт, но это мне не удалось потому, что когда я приехал в Евпаторию, то там уже никого не было, тогда я решил выехать на отходящем парусно-моторном судне в Одессу, а оттуда пробраться в Алешки. Переход до Одессы прошел благополучно, но при заходе в бухту судно было задержано и осмотрено французским миноносцем; осмотр судна производил русский офицер флота, искал советских работников, военных и оружие. Прибыв в Одессу 25 июня, сделав доклад в исполкоме Совета Рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов, потом в областном комитете работников водного транспорта, я хотел выехать в Алешки, но прибывший товарищ из Алешек заявил, чтобы я не ездил, так как наши части ушли. Тогда я поехал в Киев...».

Непредвиденное событие произошло в Севастополе накануне эвакуации — 22 июня. В Севастополь пришел пароход с 4000 солдат бывшего русского экспедиционного корпуса во Франции. Большевики провели митинг и сообщили, что в 12 часов покидают город. Высадившись на Северной стороне, прибывшие солдаты за сутки добрались до Симферополя, там они были посажены в эшелон и отправлены через Запорожье и Киев в Москву для отправки по домам⁵⁸. Еще одна партия солдат из Франции (1500 человек) прибыла 29 сентября пароходом «Петр Великий». Якобы, никто добровольно служить у белых не пошел⁵⁹.

Еще 13 июня комендантом Севастопольской крепости подписан приказ об осадном положении⁶⁰. Через пару дней состоялось собрание актива города, на котором стоял один вопрос — об опасности положения и всего Крыма и Севастополя в частности⁶¹. Между тем пока мирная жизнь продолжалась. Севастопольские «Известия» писали 14 июня об открытии книжного магазина при местном Совете депутатов, о съезде работников образования, о ценуре для частных театров, цирков и строителей концертов и т.п. Зрелищным учреждениям надлежало «Направлять для предварительного просмотра весь репертуар и все программы и афиши, а также тексты»... Но счет оставшегося времени красному режиму шел буквально на часы. К сожалению

56 Там же, л. 97.

57 Переписка, т. 8, М., 1972, с. 729–732; РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 31–33.

58 В борьбе за Советский Крым. Воспоминания старых большевиков. Симферополь, 1958, с. 21–22.

59 Хроника революционных событий в Крыму 1917–1920. Симферополь. 1960, с. 144.

60 ГАРК, ф. р-2129, оп. 1, д. 23, л. 1.

61 Известия (Симферополь), № 23, 17 июня.

нию, никаких подробностей занятия белыми Севастополя обнаружить не удалось. Известно только, что утром 22 июня большевики провели митинг, на котором было объявлено, что в 12 часов они покидают город⁶².

Исполком Севастопольского Совдепа решил закончить эвакуацию к 9 часам вечера 22 июня. Сам Исполком за исключением нескольких лиц покинул город утром 23-го. В этот день Совет профсоюзов и представители отдельных предприятий города собрались на совместное заседание. Тон на заседании задавали меньшевики, по-прежнему лидировавшие в профсоюзах. Вел заседание председатель Совета профсоюзов Н.Л. Канторович. Главным вопросом, который беспокоил всех собравшихся — к кому перейдет власть в городе. Председатель Исполкома Совдепа Семенов сообщил собравшимся, что якобы эвакуированные красные отряды возвращаются в город по распоряжению П.Е. Дыбенко. Но вскоре выяснилось, что этого не произошло. Выступивший затем Горшков (возможно Горячко П. В., Крестьянников, с. 525–526 — М. В.) уведомил собрание, что он получил приказ от Дыбенко взять в свои руки как военную, так и гражданскую власть в качестве коменданта города, однако собравшиеся усомнились в его полномочиях. Городской голова В.А. Могилевский заявил, что нельзя допустить в городе диктатуры одного лица. Затем собрание перешло к обсуждению текущих вопросов о тяжелой ситуации с хлебом и с выплатой пособий. Вопрос о власти решено было отложить до вечернего заседания⁶³.

Существует версия о том, что на следующий день, т. е. 24 июня, вопрос о власти решился кардинально: якобы высадившийся с миноносца «Живой» десант сторонников А.И. Деникина овладел Севастополем⁶⁴. Однако, по иному описывает события историк П. Варнек⁶⁵. Так, по его версии, миноносец «Живой» появился в Севастополе лишь 28 июня. К тому времени в городе уже образовалось городское управление и охрана. При этом Варнек не уточняет, кто сформировал эти структуры. Судя по документам ГАГС, власть в городе в переходный период осуществлял меньшевистский «Расширенный Исполнительный Комитет Совета Профессиональных союзов». По-видимому, этот временный орган управления был сформирован вечером 23 июня. А с 25 июня «временное исполнение обязанностей Старшего Морского начальника в Севастополе впредь до прихода новой власти» взял на себя капитан 1 ранга Б.Е. Тягин, действовавший с санкции упомянутого Исполкома профсоюзов⁶⁶. Из этой фразы следует, что к 25 июня деникинцев в Севастополе еще не было. Ранее (с 4 мая) Б.Е. Тягин занимал должность командира порта вместо отбывшего по делам службы в г. Николаев комфлота Шейковского⁶⁷. При уходе красных Тягин добровольно остался в Севастополе. Вся его деятельность сводилась к сохранению складов и кораблей от расхищения.

62 Крестьянников, с. 422–423.

63 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 42, л. 106–112.

64 Жизнь (Ростов/Д), 1919, № 49, 21 июня/4 июля.

65 Варнек П. Белый флот на Черном море // сб.: Гражданская война в России: Черноморский флот/Сост. В. Доценко. — М., 2002, с. 149.

66 ГАГС, ф. р-253, оп. 2, д. 8, л. 33, 35.

67 Там же, л. 31.

25 июня Б. Тягиным подписано 5 соответствующих приказов⁶⁸. Тем не менее, высадившаяся 28 июня десантная группа «Живого» арестовала капитана 1 ранга Б.Е. Тягина и без всякого следствия расстреляла его как пособника большевикам⁶⁹.

§ 2. СОБЫТИЯ В ЯЛТЕ

Об отступлении красных из Ялты известно, что эвакуацию партийного аппарата пришлось проводить через Ай-Петри, поскольку про ялтинцев просто забыли, а дорога через Алушту уже была отрезана деникинцами. В результате этого, как вспоминал⁷⁰ М.Ф. Каплан, «мы в Севастополь прибыли последними, а части товарищей пришлось удирать на подводных лодках через Перекоп».

Сравнительно безболезненно происходила смена власти в Евпатории, по крайней мере со слов большевистского мемуариста. Эвакуировавшийся Совет депутатов передал власть и охрану города совету профсоюзов, порядок в городе поддерживался, все было спокойно⁷¹. Представитель противоположного лагеря излагал события не без пафоса: «...Никогда не забуду тот прекрасный день, когда по городу [Евпатории] вдруг пошел слух — красные уходят! И действительно, вскоре из города на север к Перекопу потянулся их длинный обоз. Уходили идейные борцы за новую власть, а за ними тянулись и те, кто скомпрометировал себя убийствами и грабежами. Через некоторое время прошли слухи, что евпаторийский обоз не успел проскочить перешеек и был перехвачен белыми, которые устроили красной верхушке свою «Варфоломеевскую ночь. Возможно, именно там и тогда семейству Немичей припомнились

68 Приводим два наиболее характерных приказа Б.Е. Тягина:

Приказ № 1 от 25 июня «Объявляю всем частям и учреждениям Морского ведомства в Севастополе, что сего числа я принял на себя временное исполнение обязанностей Старшего Морского начальника в Севастополе впредь до прихода новой власти. Приказываю всем начальникам частей и учреждений и их служащим оставаться на своих местах. Немедленно принять меры по надлежащей охране имущества в их частях.

Все магазины, склады закрыть и опечатать и ничего не отпускать без моего личного и письменного разрешения. Командиру порта принять особые меры охраны складов боевых припасов и взрывчатых веществ как в складах порта (Сухарная балка), так и в складах Гидроавиации и Бонового дела. Поста́м Службы связи быть на местах при исполнении своих обязанностей.

Основание: Протокол Совещания начальников отдельных частей и учреждений флота и морского ведомства в Севастополе и резолюция на нем Расширенного Исполнительного Комитета Совета Профессиональных союзов. Подписал Б. Тягин; Верно: Делопроизводитель /подпись/».

Приказ № 5 от 25 июня: «Приказываю командиру Севастопольского военного порта и начальникам всех частей и учреждений флота и Морского ведомства в Севастополе принять меры к сбору и возвращению по принадлежности всего их имущества, пропавшего или переданного тем или иным порядком другим учреждениям ведомства Морского или других ведомств и частных учреждений и брошенного в разных местах при эвакуации Советских властей и учреждений».

69 Существует другая версия смерти Б.Е. Тягина, согласно которой он был убит неизвестными в своей квартире 6 июля. [Крестьянников, с. 588.]

70 Каплан М.Ф. Воспоминания //ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 423, л. 5–6.

71 Каганицкий. Воспоминания //ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 452, л. 4.

слезы их евпаторийских жертв. Несколько человек из Немичей попали в руки белых и без всяких церемоний расстреляны»⁷².

* * *

Если сравнить скорость завоевания Крыма красными в апреле (около 20 дней) со скоростью их ухода в июне (около 10 дней), имея в виду движение войск от Перекопа до Ак-Моная и в обратном направлении, то оказывается, что уходили красные вдвое быстрее, чем приходили. Как же объясняло военное руководство КСА столь стремительное отступление? Политический комиссар Заднепровской дивизии П.И. Лукомский в своем докладе для ЦК РКП(б) в качестве главной причины приводит недостаточное количество снаряжения и главным образом патронов. По его словам⁷³ «уже 19 июня в запасе имелось на всю дивизию только 4000 патронов». Здесь следует добавить, что, по мнению белого артиллериста С.Н. Шидловского⁷⁴, стреляли красные плохо, много патронов и снарядов расходовали зря. *«Стрелять у них не умели ни отдельные стрелки, ни артиллерия, и по тому количеству патронов и снарядов, которые они выпускали, мы несли минимальные потери, они же от нашего огня страдали гораздо больше».*

Нам же представляется, что неудачи, скорее заключались в настроении оборонявшихся. Первоочередную роль смены настроения сыграла «засоренность» армии антибольшевистским, кулацким элементом из недавних повстанцев Причерноморья. Как свидетельствовал один из участников⁷⁵ событий, это подрывало стойкость остальных частей. К ним примешивался преступный элемент якобы участвовавший в борьбе за освобождение трудящихся, а на деле, *«любящего жить за счет других, и, главное, пьянствующего. Сил, честно сражавшихся на стороне новой власти, оказалось не так много. И как только возникла угроза со стороны денкинцев, присосавшийся для наживы элемент побежал, увлекая за собой и сознательную массу».*

Имело место еще одна, довольно неожиданная причина, скромно умалчиваемая советскими историками. По свидетельству П.И. Тарана⁷⁶, в момент прорыва белыми Ак-Монаяского фронта, панику в отступавших красных частях усилило трусливое поведение «начальника дивизии керченского направления» Ивана Котова, который *«фигтивно себя ранил, бросил дивизию и бежал в Одессу автомобилем».* А вот что дополняет о поведении Котова в этих обстоятельствах бывший член симферопольского горкома партии М.Ф. Каплан⁷⁷: «Я видел, как некий Котов был чрезвычайно перепуган всем этим. Он говорил, что из всех окон стреляют. Он был настолько в панике, что ему казалось, что и с неба стреляют в него. [Ему] удалось добраться на машине до первой [немецкой] колонии, но там мотоциклет застрял в грязи, у нем-

72 Сапожников А.Л. Крым в 1917–1920 годах // Крымский архив (Симферополь), № 7, 2001, с. 209.

73 Переписка, т. 8, М., 1972, с. 699.

74 Шидловский С.Н. Указ. соч., с. 27.

75 Кривошеев А. Указ. соч. с. 199.

76 Таран П.И. Пройденный путь. Херсонщина за 4 года. 1917–1920 гг. // РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 733, л. 53.

77 Каплан М.Ф. Воспоминания // ГАРК, П-150, оп. 1, д. 423, л. 6.

цев [он] забрал двуколку, и я не знаю, где он, в конце концов, очутился». Среди фамилий руководящих работников, которые проходили по документам Крымского Истпарта⁷⁸ за 1919 г. значится: «Котов (расстрелян красными)...». Остается только предположить, что И. Котов был расстрелян именно за дезертирство.

После оставления Крыма местная большевистская организация отчиталась в организации подпольной работы. Якобы, для подполья была приобретена небольшая типография в Симферополе, создан склад литературы, заготовлены поддельные документы для подпольщиков. Кроме того, согласно отчету Ю.П. Гавена⁷⁹, «для подполья Областкомом (через Совет обороны) было отпущено полтора миллиона рублей, из которых полмиллиона распределены между ячейками Севастополя, Ялты и Евпатории, один миллион оставлен в центре (Бабахан, Актырский, Хайкевич). Однако Аким Актырский, несмотря на рекомендации о благонадежности от киевских товарищей, оказался провокатором — погибло около 50 активистов». Плохо у подпольщиков оказалось и с деньгами: почти сразу после занятия Крыма хождение советских денег было прекращено. Это были главным образом так называемые «пятаковские», т.е. рубли образца 1918 года с подписью Г. Пятакова. Далее в отчете Гавена читаем: «Подготовка прошла быстро — в 3–4 дня. В Одессе образовано «Заграничное бюро Крымского Областного комитета» — Гавен и Шульман. Турецкие коммунисты отправлены в Турцию, а Отрадьян и Мирный — в Болгарию для налаживания связей».

Те представители правительства Крыма, которые добрались до Киева, сделали сообщения о положении дел Совету Обороны Украины. В частности, на заседании 3 июля Д.И. Ульянов доложил о явно неблагоприятном состоянии Крымской армии после оставления Крыма. По его докладу решено⁸⁰ было «немедленно заняться *чисткой и переформированием частей, отступающих из Крыма*». Также обращалось особое внимание на «*необходимость эвакуации имущества вывезенного из Крыма и находящегося в районе Никополя*». Вскоре после этого в адрес ЦК КПУ из Москвы последовало распоряжение⁸¹ ЦК РКП(б) относительно крымских партийных и государственных работников — они должны были зарегистрироваться, сдать дела ликвидационному бюро и прибыть в Москву в распоряжение ЦК партии.

В советских газетах никаких сообщений об оставлении Крыма красными не появилось. Давать подобную информацию, было не принято.

78 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 152, л. 26.

79 Переписка, Т. 8, с. 582.

80 РГАСПИ, ф. 17, оп. 4, д. 10, л. 98–99.

81 Переписка, т. 8, с. 177.

2

**ПАНОРАМА
ПОЛИТИЧЕСКАЯ**

ПРЕДЫСТОРИЯ — НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОЛЬШЕВИКОВ

Важным событием для большевиков Крыма оказался 2-й съезд компартии Украины¹, проходивший в Москве в октябре 1918 г. На нем впервые присутствовали представители крымских большевиков² Крымские большевики, привычно ориентировавшиеся

¹ По словам одного из делегатов, на съезде присутствовало 8 представителей Таврической губернии. Из них двух крымчан можно с уверенностью назвать.

Во-первых: Русин Алексей Иванович (1889–1962), фигурировавший на съезде под фамилией И.Д. Моршин, делегат от Севастополя. Он член РСДРП(б) с 1917. Уроженец Тамбовский губернии, трудовую жизнь начал в 1903 г. в Москве. В 1914 призван на Черноморский флот, проходил службу в мастерских транспорта «Кронштадт». В 1917 депутат Севастопольского Совдепа, член правления профсоюза рабочих военного порта. В 1918–1919 член подпольного горкома РКП(б) Севастополя, делегат 2-го съезда КП(б)У, выступал на съезде. После ГВ на хозяйственной работе в Тамбове и Москве.

Второй крымчанин — Шульман И. — делегат от Симферополя (на 3-й съезд он выдвигался, но не попал). Входил в подпольный обком после партконференций в декабре 1918 и январе 1919 года. Входил в Мелитопольское бюро. Секретарь Крымского обкома Красного Крыма. С именем его существуют разночтения: В документах 2-го съезда КП(б)У он фигурирует как «И. Шульман», Баранченко в книге о Гавене назвал его Ефремом, в документах Крыма встречаются его подписи «секретарь Крымобласткома Кагец Шульман» и «Н. Шульман».

Еще двое тавричан фигурировали на съезде под фамилиями Эйман и Толстоусов. Они выступили на съезде с краткими ремарками. В примечаниях к публикации Протоколов съезда указано, что их настоящие фамилии не установлены. Остальные делегаты Крыма и Таврической губернии скрыты под партийными кличками, из 125 делегатов нераскрытыми осталось около тридцати.

Сомнение в принадлежности к Крыму вызывает делегат под фамилией Давыдов, которого историк Т.Б. Быкова (Киев) определила как Семена Давыдовича Вульфсона-Давыдова. Вряд ли редакторы протоколов съезда упустили бы возможность назвать в данном случае реальное лицо вместо партийной клички. Хотя С.Д. Вульфсон-Давыдов во время существования Республики Тавриды действительно приезжал в Севастополь по вопросу хлебозаготовок.

² На 1-м съезде КП(б)У Крым не был представлен, а от всей Таврической губернии на съезде присутствовал лишь делегат от г. Мелитополя под партийной кличкой Фусин, который представлял организацию из 52 членов партии. Этот съезд проходил с 5 по 12 июля 1918 г. в Москве. На предварительном совещании участников 1-го съезда 3 июля о Таврической

на Москву, т.е. на ЦК РКП(б), после 2-го съезда КП(б)У неожиданно узнали, что теперь они прикреплены к КП(б)У. Кроме того оказалось, что им в помощь решено направить опытных партийных инструкторов из Харькова и Киева. Ранее — 8 сентября 1918 г. в Орле состоялся пленум ЦК КП(б)У, на котором была принята резолюция «О работе в Крыму». В ней предписывалось³ Одесскому областному комитету «объехать Крым, помочь собрать крымскую конференцию и оказать всяческое содействие крымским товарищам, в том числе и деньгами».

Одесский обком партии, курировавший Таврическую губернию и Крым помог образовать в начале ноября соответствующий оргкомитет, а затем и создать подпольную Крымская конференция, которая состоялась 1 декабря 1918 г. По докладу о текущем моменте принято постановление, в основу которого положена резолюция П съезда КП(б)У. На съезде был избран обком из 9 человек⁴.

Что касается массовой партийной работы, то в отчете в ЦК РКП(б) на имя Я.М. Свердлова от 2 декабря того же года сообщалось о расширении сети партийных ячеек, об агитации среди деникинцев и иностранных оккупантов. Свердлову докладывали, что в Севастополе есть комитет партии и ревком, членов партии 200; в Симферополе есть партийный комитет, членов партии 100, много сочувствующих, во всех профсоюзах есть партийные ячейки; в Евпатории партийная работа ведется успешно; центральный совет профсоюзов в руках большевистского комитета, при всех профсоюзах есть партийные ячейки. В Мелитопольском уезде якобы во всех селах есть партийные комитеты и ревкомы⁵. Как писал позже секретарь крымского обкома И.А. Шульман⁶, в декабре с помощью поездок членов обкома укреплялись связи между отдельными организациями и создавались новые там, где их не было.

губернии сообщалось: «Мелитопольский уезд...населен главным образом довольно зажиточным крестьянством. Ввиду того, что до сих пор немцы реквизируют хлеб, имевшийся на линии железной дороги, а крестьян не трогали, там не наблюдалось повстанческого движения». [Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины. Протоколы. 5–12 июля 1918 года. Киев, 1988, с. 6, 197, 252.]

3 КП(б)У в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Киев, 1967. — Т. I. — с.29.

4 Характерно, что совсем иной состав декабрьского обкома партии обрисовал в своих воспоминаниях В. Киров-Харик. По его словам в обком были избраны Шустер, Мирный, Киров, Бек и Полонский. Никаких представителей ЦК КП(б)У он не упоминал. Указал только, что руководили обкомом Шустер и сам Киров [ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 440, л. 5]. О работе самого В. Кирова накануне прихода красных войск в Крым вспоминает Каплан М. Ф.: «Организатором в это время был Киров. Для меня тогда было удивительно, что Киров — студент и интеллигентный человек, руководит большевистской организацией, о которой говорят, что это бандитская организация, а не большевистская. Таким образом, мы дотянули эту работу до наступления армии Дыбенко. В этой борьбе принимали участие многие товарищи, но я помню только Купайгородского и Шустера». [ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 423, л. 6]. Обращаем внимание, что Каплан тоже упоминает С.Д. Шустера, как члена Обкома перед приходом красных в Крым.

5 РГАСПИ, ф. 17, оп. 4, д. 43, л. 11.

6 Переписка, т. 8, М., 1972, с. 578–582 (с пропусками); пропуски добавлены из РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, лл. 13–17, 22–23; ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 5, л. 20–27.

Но основной упор на этой партконференции делался на боевую работу, т.е. на подготовку вооруженного восстания. Этому способствовало участие в работе конференции «левых коммунистов» из Киева и Харькова, которые были направлены в Крым после 2-го съезда КП(б) Украины. Часть этих столичных инструкторов вошла в новый обком и в областной ревком. Но, как свидетельствует⁷ Шульман, «*присланные ЦК КПУ ответственные организаторы вооруженного восстания, кооптированные в члены областного Ревкома оказались далеко не коммунистами. Эти люди внесли яд разложения, разврата и предательства в неокрепшие еще Крымские организации*». Из девяти членов обкома их было, как минимум, трое — Лазарь, Николай (Тимофеев) и Мансаров. Еще одним «некрымчанином», формально введенном в обком, оказался Ян Гамарник, он представлял на конференции ЦК КП(б)У и Одесский партийный центр, которому подчинялись коммунисты Таврической губернии и Крыма. Крым и Таврию в целом в обкоме представляли И. Шульман, Муся Гершуни (Рылова), Щерба (от Бердянска) и вероятно Гидалевич и У. Маркус⁸.

Сразу после съезда, т.е. в первых числах декабря для руководства повстанческим движением и подготовкой вооруженного восстания обком санкционировал формирование многопартийного областного ревкома⁹.

Состав ревкома¹⁰ оказался следующим:

- два члена от Симферопольской организации большевиков,
- один от Крымского Обкома КП(б)У,
- два члена от организации бывших военнопленных,
- один член от военной организации,
- один член от анархистов-синдикалистов,
- один член от анархистов-коммунистов,
- один член от левых эсеров-борьбистов, т. е группировавшихся вокруг киевской газеты левых эсеров «Борьба».

7 РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 13 об.; в публикации «Переписка Секретариата...» т. 8, этот фрагмент отсутствует.

8 **Маркус У.** О нем мы располагаем лишь отрывочными сведениями. Ни годы жизни, ни имени-отчества не известны. Судя по воспоминаниям очевидцев, к 1918 году он уже был опытный и активный подпольщик. Входил в Крымский обком после 4 и 5 конференций (декабрь 1918 и январь 1919). Скорее всего, возглавлял Бахчисельскую группу большевиков Симферополя, и накануне майской конференции 1919 г. пытался сформировать на базе этой группы альтернативный обком. За это был арестован, но ненадолго. В обком майского состава не был включен. Известно, что в июне входил в так называемый Крымский областной ревком, хотя к тому времени ревкомы формально были упразднены. Этот ревком пытался противостоять наступлению денкинцев. После июня 1919 остался в крымском подполье. В мае 1920 при ЦК КП(б)У был создан «Закордот» — секретный отдел по борьбе на оккупированных белыми территориях; тогда же У. Маркус становится сотрудником Закордота. В этом качестве участвовал под кличкой «Акодист» в Коктебельском съезде 22 апреля 1920 как представитель Севастопольской организации. В августе 1920 участвовал в работе подпольной конференции (в лесу). Не позже ноября 1920 он возглавил Закордот. Дальнейшая судьба его не известна.

9 РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 153, л. 18.

10 Доклад члена Симферопольского комитета партии М.Ф. Каплана (декабрь 1918 г.) // РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 1118, л. 458.

Здесь уместно сделать отступление, касающееся одной из существенных сторон деятельности компартии в нелегальный период — взаимоотношения с небольшевистскими партиями. Вообще-то, первый съезд КП(б)У, прошедший в июле 1918 года в своих решениях требовал от коммунистов не только не допускать никакого сотрудничества с мелкобуржуазными партиями, но и вести беспощадную борьбу с ними¹¹.

Со своей стороны, ни меньшевики, ни эсеры тоже не были готовы сотрудничать с большевиками. Вот что заявлял¹² на крымском съезде меньшевиков в Севастополе в конце 1918 года их лидер В.А. Могилевский: «...мы знаем, что большевизм обречен на гибель, ибо нет ни одного общественного класса, который поддерживали бы большевиков как силу социального прогресса <...> Поэтому с большевиками не может быть никаких компромиссов, мы не должны ни на один день нашим сотрудничеством с ними продлить их дни». Орган меньшевиков Севастополя высказывался¹³ по этому поводу вполне определенно: «Мы слишком хорошо знаем, что советская власть не сделает рабочий класс счастливым, чтобы рекомендовать ему за нее бороться. <...> приход советской власти будет шагом от социализма, а не к нему...». Крымская областная конференция партии эсеров, проходившая в конце марта, также высказалась против, какого бы то ни было соглашения с большевиками¹⁴. Эсерами предложена и характерная резолюция¹⁵ Севастопольской городской думы: «забастовка за восстановление Советской власти тем самым направлена против народовластия».

Напомним, что обе эти небольшевистские партии были представлены в Крымском краевом правительстве второго созыва. Это эсер С.А. Никонов — министр народного просвещения и исповедания. В группе «Единство» партии меньшевиков состоял П.С. Бобровский — министр труда, краевой секретарь и контролер.

А еще раньше — в период Советской республики Таврида, именно по меньшевикам и эсерам нанесли большевики свой первый удар, считая их более наиболее опасными, с точки зрения влияния в массах. Так, еще 15–17 декабря 1917 в Севастополе проводились аресты руководства умеренно-социалистических партий. В 1918 последовали аресты лидеров меньшевиков и эсеров в Феодосии и Евпатории. Заметим, что при этом никто из конституционных демократов не пострадал¹⁶.

На первом съезде КП(б)У (июль 1918 г.) констатировалось, что работа с левыми эсерами не налаживалась, так как они требовали паритета партийного представительства в военно-революционных комитетах. Украинские эсеры были настроены весьма националистически, колеблясь между «Властью советам» и Учредительным собранием. Поэтому с ними никакого контакта не было, «а с левыми украинскими социал-демократами произошло объединение при выборах на данный съезд»¹⁷.

11 Коммунистическая партия Украины в резолюциях..., с. 18.

12 Крестьянников, с. 589.

13 Прибой (Севастополь), № 406, 22(9) марта.

14 Прибой (Севастополь) 1 апреля (19 марта) № 414, с. 2; Правда, № 84, 18 апреля, с. 3.

15 Таврический коммунист (Симферополь), № 3, 5 апреля, с. 4.

16 Дубко Ю.В. Советская республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства. Симферополь, 1999, с. 131.

17 Гражданская война на Украине (сборник документов и материалов). Т. 1, кн. 2, с. 214.

А в решениях второго (октябрьского) съезда КП(б)У еще конкретнее было заявлено, что в ревкомы могут быть избираемы только коммунисты. И лишь исполнение технических поручений может быть поручено беспартийным, левым эсерам и членам других партий, признающих советскую власть¹⁸. Тем не менее, коммунисты Крыма скорее всего об этих решениях высоких инстанций не знали и действовали по обстоятельствам. На этом же съезде делегат от Крымского обкома И.Д. Моршин сообщил, что в Симферополе уже создан подпольный Ревком, причем «Ревком образован на паритетных началах с левыми эсерами». Поэтому можно датировать создание этого ревкома не позже октября 1918 г.

Считаем важным охарактеризовать взаимоотношение крымских большевиков с членами других партий на этапе нелегальной деятельности. Ценные сведения по этому вопросу содержатся в воспоминаниях¹⁹ Владимира Кирова (Харика) — бывшего комиссара юстиции в Симферопольском РВК 1919 г. Начинает он с анархистов: *«Первые, которые к нам пришли это были анархисты. Мы чересчур наивно подошли к этому, но у них была большая смелость. Вначале без особой договоренности, без особых требований к ним, начали с ними работать».*

Далее он пишет о меньшевиках, которые почувствовали значимость большевиков, следя за их листовками и выступлениями. Усилия меньшевиков были направлены на то, чтобы «снизить наши аппетиты в смысле радикальности». Кроме того Киров подчеркивает «бешенное сопротивление» меньшевиков, когда большевики попытались внедриться в профсоюзы, которые меньшевики считали своей основной платформой деятельности²⁰. В апреле 1919 года в сводке для КП(б)У из Симферополя²¹ большевики честно докладывали: «Организация меньшевиков довольно многочисленная, пользуется большим влиянием».

Касаясь отношений с левыми эсерами, В. Киров отмечает у них резкую разницу состава в городах: «в севастопольской левозэсеровской организации были рабочие, а у нас (т.е. в Симферополе) была интеллигенция». Поэтому взаимоотношения между большевиками Симферополя, считавшими себя выразителями настроений пролетариата, и левыми с.р. Севастополя, состоявшими из рабочих, были весьма напряженные. Немалую роль, на наш взгляд играла явная ревность. Так, когда в Симферополе узнали, что левые эсеры Севастополя «начинают там что-то предпринимать», т.е. готовить собственные выступления, симферопольские большевики «очень заволновались». Ведь большевики к тому времени уже имели разветвленную организацию и добились определенных успехов в рабочей среде.

18 Коммунистическая партия Украины в резолюциях..., с. 30.

19 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 440, л. 2–4.

20 По этому поводу характерно мнение начальника Осведомительного бюро штаба командующего войсками Добровольческой армии в Крыму Кирпичникова: Руководство профсоюзного областного бюро состоит из социал-демократов (меньшевиков): Галдов, Лейбман, Новицкий и др., которые «превратили профсоюзы чуть ли не в узко-партийные организации и главное поле своей деятельности». [Красный архив, т. 28, 1928, с. 177.]

21 ЦГАООУ, ф. 1, оп. 4, д. 183, л. 53.

Радикально настроенные члены Ревкома (бывшие военнопленные, левые эсеры-борьбисты и анархисты), подстрекаемые инструкторами из центра, настаивали на немедленном начале восстания. Их требования базировались на том, что, якобы, Махно занял Мелитополь и идет на Крым, причем происходит это наступление якобы в контакте с советской властью. Для выяснения планов повстанцев в декабре был послан представитель Обкома в повстанческие штабы Махно, Зубкова и Опанасенко.

Свидетельствует²² М.Ф. Каплан: «После того, как вернулся товарищ, посланный на фронт к Махно, и мы увидели, что махновцы действуют самостоятельно и на советскую власть не ориентируются — было ясно, что ни о каком выступлении не может быть и речи». Чтобы не допустить «**несомненно несвоевременного восстания**», Обком отозвал из Ревкома двух своих представителей, а остальным ревкомовцам было заявлено, что без санкции Обкома ни один патрон для выступления выдан не будет. Это охладило пыл сторонников восстания. Но лишь отчасти...

Упомянутыми инструкторами от ЦК КП(б)У была спровоцирована декабрьская попытка поднять вооруженное восстание за счет партизанского отряда Евпаторийской каменоломни во главе с И. Петриченко. В советской исторической литературе (в частности: Волков В.П. За власть Советов! Симферополь, 1963) справедливо отмечались героические действия отряда Петриченко. Но умалчивалось конечная цель выступлений — поднять восстание по всему Крыму. Это выступление было разгромлено денкинцами, а главное — дорого обошлось неокрепшей большевистской организации Крыма: Еще раз цитируем М.Ф. Каплана: «...Военными организаторами все же было спровоцировано выступление скрывающегося в Евпатории в скалах отряда красноармейцев, матросов и дезертиров в количестве 200–250 человек. Это выступление, по замыслу его организаторов, но вопреки воле Обкома, должно было поднять восстание во всем Крыму. Массового восстания, конечно, не произошло, а вместо этого с 25 декабря 1918 г. начались повсеместные аресты, расстрелы и провал целых организаций (в Севастополе и Симферополе). Произошел временный развал большевистской организации. Была прекращена деятельность Обкома и потеряно руководство рабочим движением»

²² Там же, ф. 71, оп. 35, д. 1118, л. 458.

Каплан Марк Францевич (1897-?). Часто его называли в воспоминаниях «Максом». Уроженец Риги. Потомственный портной (стаж 9 лет). Регулярного образования не получил — «самоучка». Член Бунда с 1915 г. В конце 1916 мобилизован, служил три месяца в пехоте. Оказался в Ялте, где в 1917 году вступил в Красную гвардию. Там же в 1918 вступил в РКП(б) и работал в советских и партийных органах (член парткома). Активно участвовал в подпольной работе: «Связь с Симферопольским обкомом держали Макс Каплан и Копайгородский. Они возили в Симферополь динамит». После ухода красных из Крыма служил 8 месяцев в Красной армии в кавалерии, был командиром отряда. Демобилизован в 1920 по ранению. В конце 1921 г. по невыясненной причине исключен из партии в ходе чистки, восстановлен летом 1923. Последнее место работы (1923) «Соль-синдикат». К тому времени глава большого семейства. Дальнейшая судьба не известна. Автор воспоминаний, работал вместе с В. Кировым и Ю. Гавеном. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 192, л. 198.]

Еще более удручающую картину приводит В. Киров (Харик):

«Тогда был растерзан белогвардейцами Тихонов, арестована Роза Гринберг... Тогда же была провалена Севастопольская организация большевиков». Из-за угроз ареста Киров уехал из Симферополя в Феодосию. Там и был создан Областной комитет²³.

На следующей партконференции (в середине января 1919) киевские инструкторы были выведены из обкома. Теперь там остались только крымские коммунисты (Шустер, Степа Полонский, Бек (Журавлев), Маркус, Соловьев, Шульман) и Петерс (М. Гидалевич). Другой источник²⁴ указывает, что на тот момент было лишь четыре члена обкома: Шульман, Маркус, Соловьев, С. Полонский. Областному комитету этого (второго) состава пришлось заняться ликвидацией всей военной кампании: распустить областной ревком, воссоздать целый ряд организаций и самому кочевать из одного города в другой в течение 1–1,5 месяцев. Лишь в середине февраля создаются возможные условия для работы областного комитета в Феодосии²⁵.

Но не следует думать, что обновленный состав обкома был безгрешен в части авантюрных попыток. 12 марта в Севастополе состоялась городская подпольная партконференция. На ней от обкома присутствовал М. М. Бек (Журавлев) и В. Киров-Харик²⁶. Обкомовцы настояли, чтобы по решению конференции горком возглавил забастовку, посвященную 2-й годовщине Февральской революции. Еще одним поводом проведения забастовки была невыплата денег рабочим Морского завода и порта. Но главное, что фигурировало в решении конференции, это не только политическая стачка, но и подготовка масс к вооруженному восстанию²⁷. Забастовка началась 15 марта и через 7 дней закончилась, так и не вызвав сколько-нибудь существенную поддержку в других городах Крыма. Вина обкома в том, что подготовляемая в крымском масштабе, она вспыхнула в Севастополе, якобы, без его ведома, и при этом не была поддержана другими городами Крыма. «Партийные организации действовали несогласованно», — признал И. Шульман²⁸, заключив, что в таком положении большевистские организации оказались к моменту прихода войск 2-й Заднепровской бригады.

23 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 440, л. 7.

24 Письмо от 17 июня // Борьба за Советскую власть в Крыму, 1961, с. 171–172, 184.

25 Переписка, т. 8, М., 1972, с. 581.

26 Аноним. Работа в Севастополе с сентября 18-го по май 19-го года // ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 861, л. 33]; регистрационный № 5004 от 11 апреля 1935 г.

27 *Крупчицкий-Торба Ю. М.* Мартовская стачка в Севастополе // Революцией призванные. Сб., сост. Кондратов И. П. и др. Симферополь., 1977, с. 44–49.

28 Заведующий Симферопольским партархивом Н. Мирошниченко в письме М. Д. Шустеру писал: «Некоторые старые большевики утверждают, что в Симферополе существовала не одна, а две большевистские группы (вторая была якобы на Бакчели [Бахчиэль], в доме Скрипки). Т. Генов утверждает, что якобы было получено письмо В. И. Ленина, в котором он призывал обе партийные группы работать более дружно. Соответствует ли это действительности или нет?». Ответ Шустера не сохранился. [Переписка с участниками революционного движения // ГАРК, ф. п-849, оп. 1, д. 88, л. 19.]

* * *

Знаменательно еще одно событие в истории большевистского движения в Крыму накануне второго прихода красных войск. Три члена Крымского обкома (Степа-Полонский, Соловьев и Шульман) отправились в Харьков в качестве делегатов 3-го съезда КП(б)У, но попасть на съезд им не удалось²⁹.

Крымчане на съезд не попали, зато на съезд прибыл П.Е. Дыбенко, под руководством которого через месяц Крым был освобожден (или завоеван) 2-й бригадой Заднепровской дивизии. Дыбенко был даже избран в президиум съезда, но его давний недоброжелатель — председатель исполкома Екатеринослава Аверин, предложил дать отвод Дыбенко. Мотивы Аверина: Дыбенко был исключен из РКП(б); кроме того, активно противился «исполкомодержавию» в Екатеринославе, ратуя за то, чтобы весь Екатеринославский Совдеп, а не исполком участвовали в делах города. Такое недоверие Дыбенко к власти Аверин назвал анархо-левоэсеровской позицией. В ответном слове Дыбенко сообщил, что 3 января 1919 года РКП(б) аннулировала постановление о его исключении. Он попросил назначить следственную комиссию по его делу и сложил с себя звание члена президиума. Свое распоряжения по административной линии, в том числе и прямые приказы заводским правлениям минуя исполком Дыбенко объяснял тем, что Екатеринослав находился в прифронтовой полосе. Вскоре после своего выступления Дыбенко покинул съезд. А следственная комиссия через несколько дней доложила о необоснованности заявления о его отводе³⁰.

На харьковском большевистском съезде делегатов Крыма ждали, даже зарезервировали им членство в некоторых комиссиях съезда. Но пройти двойную линию фронта крымские делегаты не решились. По той же причине не прибыли в Харьков и делегаты от Одессы, некоторых районов Донбасса, Волынской и Подольской губерний. Съезд проходил с 1 по 6 марта 1919 г. В это время деникинцы выставили усиленные оборонительные отряды на крымских перешейках, из-за чего обкомовские делегаты не смогли вернуться в Крым. Тогда эти три члена обкома остались в Мелитополе, куда уже пришли бойцы 2-й Заднепровской бригады, и сформировали там 31 марта Бюро Крымского обкома партии³¹. Цели создания Бюро видны из резолюции протокола № 1 от 31 марта за подписью главы Крымского обкома (или как тогда было принято называть «областкома») Шульмана. Понаблюдав в Северной Таврии за поведением заднепровцев, Шульман уже тогда не обольщался относительно их будущего поведения в Крыму (обращаем также внимание на оценку Шульманом первого красного периода): *«Крымская область стоит перед наплывом элементов,*

29 В предисловии (в переводе с украинского) сказано составителями вполне определенно: «Не смогли прибыть на съезд представители некоторых районов Донбасса, Волынской, Подольской губерний, Крыма, а также Одессы...». [Третій з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 1–6 березня 1919 року. Протоколи / Редкол.: С.І. Гуренко (голова) та ін. — К., Парламентське видавництво, 2002, с. 4].

30 Протоколы III съезда КП(б)У//РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 459, л. 10–12, 119–130.

31 Бюро Крымского обкома разместилось в помещении Мелитопольского горкома КП(б) У по адресу: Мелитополь, Воронцовская ул., дом Черникова, 2-й этаж) [Южная правда (Мелитополь), № 5, 23 марта].

уже раз внесших в историю Советского Крыма позорную и кровавую страницу». Далее в протоколе сформулированы³² задачи Мелитопольского бюро: «учитывая в связи с этим настоятельную необходимость заблаговременного развития партийных организаций и усиления авторитетности Областного центра, Бюро постановило немедленно начать областную партийную организационную работу: создание ячеек, связь, координация, учет и руководство, создание печатного органа Бюро».

В протоколе упомянуты не только трое обкомовцев, но и остальные сотрудники Мелитопольского бюро: С.М. Мирный (будущий редактор газеты «Таврический коммунист»), И.В. Хайкевич (будущий редактор севастопольских «Известий»), Соловьев и Шестков (будущий глава Таврической губернской ЧК, фигурировавший там под фамилией Орлов-Шестаков³³; мусульманские коммунисты Юсупов, Ибрагим³⁴ и Махмед. Всего в коллегия Бюро входило 10 человек. А в населенные пункты сферы влияния (Мелитополь, Бердянск, Большой Токмак, Алешки) Бюро были направлены циркуляры о регистрации членов партии³⁵. От Мелитопольского ревкома это Бюро получило 5000 рублей. Давая комментарии о работе Мелитопольском бюро на заседании Харьковского губкома 3 апреля, И. Назукин высказался отрицательно как о Мелитопольской партийной организации в целом, так и Мелитопольском бюро Крымской парторганизации. Он сообщил, что из-за оттока ведущих работников партии в Мелитополь, в Крыму их почти не осталось. Например, по его сведениям, в Севастополе из-за отсутствия профессиональных партработников все 23 коммунистические ячейки города не координируют совместную работу и не пользуются авторитетом³⁶.

Политкомиссары заднепровцев заинтересовались появлением Мелитопольского бюро. Политработник 2-й Заднепровской бригады с характерной фамилией Темный³⁷ спросил: «что это за Бюро, в то время когда в Феодосии имеется Крым-областком и имеет ли вышеназванное Бюро санкцию у ЦК КПУ, почему они сидят в Мелитополе, а не в Крыму, где им нужно находиться». После подробного объяснения Степы (Полонского) инцидент был исчерпан. Знаменательно, что совместный протокол подписан не только членом Бюро и членом Мелитопольского Ревкома, но и самим командиром 2-ой Заднепровской Бригады С.И. Петренко³⁸. После выяснения ситуации политотдел 2-й Заднепровской бригады направил 7 апреля телеграмму³⁹

32 РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 24.

33 ГАРФ, ф. 1243, оп. 1, д. 4, л. 32.

34 Сотрудник Мелитопольского бюро Ибрагим это Ибрагим Ибраимов, будущий нарком юстиции во Временном крымском правительстве, фигурировавший в этом новом качестве как Ибрагим Арабский. [Баранченко. Гавен (ЖЗЛ)]. Он был одним из организаторов первой коммунистической ячейки (совместно с Али Боданинским, С.М. Меметовым и С.И. Идирсовым).

35 ГАРФ, ф. 1243, оп. 1, д. 4, л. 23.

36 ЦГАООУ, ф. 1, оп. 4, д. 69, л. 13.

37 В марте 1919 Темный заведовал Литературной базой РВС армии Украины; литературная база находилась в вагоне. [Южная правда (Мелитополь), № 5, 23 марта].

38 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 5, л. 4.

39 РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 17, л. 21.

в ЦК РКП(б): «3 члена Крымского областного комитета Шульман, Соловьев, Степа [Полонский], отрезанные от Крыма, образовали в Мелитополе бюро Крымского областного комитета. Ведут областную партийную работу в городе и районе, издают газету [«Таврический коммунист»]. Политотдел 2-й Заднепровской бригады запрашивает Цека об утверждении бюро. Копии протоколов заседаний бюро посланы в Цека Российской и Цека [КП(б) У]. Секретарь бюро [Бригады] Козлов».

Тогда же от Мелитопольского бюро в ЦК РКП(б) отправлена информация о создании при Бюро Крымского Обкома Мусульманского бюро. В состав Мусульманского бюро временно вошли два товарища из турецкой группы коммунистов Юсуфов и Али-Недим и представитель бюро Крымского обкома Шульман.

Как отмечалось в информационном письме⁴⁰ ближайшей задачей мусульманского бюро является «создание и развитие партийных организаций и ячеек среди мусульман Крыма». Вслед за этим в Москву последовали⁴¹ конкретные просьбы: «15 апреля Наркомнацу Сталину. Копия Бюро мусульман-коммунистов, копия Цека, копия второй дом Советов Гавену. Для партийной мусульманской работы и укрепления советской власти в Крыму необходима срочная присылка агитаторов, журналистов, литературы. Точка. Основания личных переговоров нашими представителями предлагаем приезд Субсен Лутфи. Ждем инструкций, особенно [в сфере] национальной политики. Секретарь Областкама Шульман».

Просуществовало Мелитопольское бюро недолго — после взятия красными Симферополя в Киев — в Цека Украины, и в Москву — в Цека РКП(б) было отправлено извещение⁴²:

«Бюро Крымского областкома прекращает свою деятельность. Место нахождения областного комитета — Симферополь.

Секретарь областного комитета Шульман Н.».

40 Там же, л. 22.

41 Там же, л. 2.

42 Переписка..., т. 7, с. 241.

БОЛЬШЕВИКИ ВЫХОДЯТ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

Большевистские ячейки городов Крыма накануне прихода красных имели весьма скромный состав. Так по состоянию на середину января 1919 г. организации Симферополя и Евпатории включали примерно по 150 человек. Основная сфера деятельности большевиков в этих городах — работа в профсоюзах. Там они пользовались значительным влиянием. Большой процент среди большевиков этих городов составляла интеллигенция.

Самая большая большевистская ячейка в Крыму — севастопольская (200–250 человек), но в силу специфики этого портового города, здесь большевики вместо работы в профсоюзах были заняты военной работой, т.е. подготовкой вооруженного восстания и агитацией среди войск Антанты.

Существовали также небольшие ячейки в Феодосии и Керчи (порядка 25 членов), но на политическую жизнь они влияния вообще не оказывали.

После легализации партии большевиков малочисленность ее крымской организации и сравнительно низкая квалификация рядовых большевиков не могли не сказаться на эффективности буквально во всех сферах деятельности, особенно в народном хозяйстве. Ведь в качестве хозяйственников нужны были не столько политически грамотные, сколько квалифицированные кадры. Решение пришло само — свое содействие предложили более квалифицированные меньшевики. В ряде наркоматов меньшевики становятся заместителями наркомов и главными специалистами.

Что касается собственно коммунистов, то почти все партийные организации оказались переполненными выходцами из подпольных ревкомов, т.е. по выражению одного обкомовца «людьми весьма революционными, но весьма мало коммунистически настроенными» (в публикации советского времени смягчено на «воспитанными») ¹.

С началом легальной работы сразу же произошло мощное пополнение состава партии. К началу июня в партии состояло уже 907 членов и 144 кандидата ². Но это

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 8; Переписка... т. 7, с. 475.

² Шишко Е.А. Крымские партийные организации в период второго установления Советской власти в Крыму (апрель-июнь 1919 г.) // Борьба за Советскую власть в Крыму: Документы и материалы. Ч. 2. Отв. ред. П. Н. Надинский. Симферополь. 1961, с. 202.

явление имело и отрицательную сторону. В сводке для ЦК КН(б)У отмечалось, что «с первых дней легального существования начинается болезненный рост организации, прилив коммунистов: организация увеличившись в числе, упала в качестве. Постепенно старые работники, растворившись в общей массе, потеряли свое влияние и партия приходит в упадок». Теперь приходилось принимать меры по очистке парторганизаций³.

В тот период порядок перехода из другой партии (например, левых эсеров) в партию большевиков был очень прост. Например, в Джанкое достаточно было подать заявление в фронтовую газету «Борец за коммунизм» и претендента принимают кандидатом в партию большевиков⁴.

Конечно надо иметь в виду, что партия в тот период пользовалась государственной поддержкой. В докладе секретаря Евпаторийского горкома партии от 18 апреля об этом так и сказано: «*Партия получает субсидии, как государственная организация*»⁵.

Нередко работы с партийными кадрами принимала уродливую форму. Судя по отчетам Обкома (И. Шульман) и Наркомата внутренних дел (Ю. Гавен), главная задача заключалась в том, чтобы отчитаться, что ревкомы целиком состояли из коммунистов. Порой в отчетах перед Москвой и Киевом фигурировали стопроцентно большевистские ревкомы, а что это за «коммунисты» и что они делают — это далеко не самое важное. Но в том то и беда — оказалось что в Феодосии и в Ялте, где ревкомы целиком состояли из коммунистов, происходили наиболее серьезные нарушения законности⁶.

* * *

Между тем в самой крымской организации большевиков с приходом новой власти настроение было неоднозначное. Помимо малочисленности имел место еще один недуг — групповщина среди большевиков Симферополя. — Одна группа ориентировалась на работу под руководством обкома, сформированного после 2-го областного съезда в январе 1919 г., который к моменту легализации существовал по сути лишь на бумаге. Другая, так называемая Бахчиэльская группа, этот обком не признавала и предлагала свой состав обкома. Свое название группа получила по местонахождению своей «штаб-квартиры» в селе Бахчи-Эль, расположенного на северо-восточной окраине Симферополя. Сейчас этот район входит в городскую черту. Определяющим поводом для разногласий, в первую очередь было отношение к красным военным формированиям, пришедшим с севера под командованием П. Дыбенко. Бахчиэльская группа в большей степени чем группа подпольного январского обкома ориентировалась на контакты с красными заднепровцами. К тому же эта группа в большей степени тяготела к Киеву чем к Москве, не признавая переподчинения парторганизации Крыма Москве. По слухам, существовало якобы даже письмо В.И. Ленина к крымским большевикам с призывом единения рядов ради общего дела.

3 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 32–35.

4 Там же, д. 11, л. 2.

5 Там же, д. 12, л. 2.

6 РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 20.

Главным возмутителем спокойствия был член подпольного обкома Крыма У. Маркус — авторитетный и активный большевик-подпольщик. Он входил в состав Крымского обкома и после 1-го областного съезда в декабре 1918 г., и после 2-го областного съезда в январе 1919 г. О серьезности борьбы между членами Обкома свидетельствует следующая сводка от 28 апреля, направленная⁷ сторонниками У. Маркуса в ЦК КП(б)У: *«Симферополь. Большинство партийных работников арестованы. Комитет [имеется в виду Крымский Обком КП(б)У] бездействует. Несмотря на усиленные заявления членов местной организации, комитет отклоняет назначение общего собрания. Организация как советской, так и партийной работы по существу еще не начата, нужны люди и ревизия»*. В сводке сознательно сгущены краски (отсутствие партийной и советской работы и др.), но ситуация действительно предельно обострилась. У. Маркус был арестован, о чем докладывалось в Москву в сводке Чека 2 мая, якобы *«за попытку организовать другой областной комитет КПУ»*. Ясно, что арест «неудобного» Маркуса (а возможно не только его) произошел накануне 28 апреля, когда начала работу местная партийная конференция.

Характеризуя ситуацию вокруг организации коммунистов Крыма на тот момент, Ю.П. Гавен в сводке от 27 мая назван ее *«отвратительной политической атмосферой»*. Лишь к концу мая партийная организация, по его словам, *«постепенно превращается в коммунистическую организацию в настоящем смысле этого слова. Трения между отдельными группами и личностями постепенно затушевываются и уже можно говорить о единой Крымской коммунистической организации»*.

Еще более остро эта же тема изложена в сводке⁸ от 1 июня для ЦК КП(б) У Черноусова (он же Ковальчук и Иванов): *«В городе существует бахчисельская организация, в которой преобладают элементы уголовного характера и бывшие левые эсеры. Организация имеет связь с Дыбенко и другими частями бандитски настроенными. В штабах, в войсковых частях, здесь находящихся, совершенно нет партийных товарищей...»*.

Отголоском непростых внутривнутрипартийных отношений было решение нового обкома о запрете в последних числах мая изданий газет местных партийных организаций. В первую очередь это решение было направлено на закрытие газеты «Бахчисельский коммунист» одноименной группы, вышедшей с начала мая. К сожалению, в библиотеках и архивах не сохранилось ни одного номера этой газеты.

Вскоре состоялись перевыборы Обкома. В новый состав Обкома, перевыборы которого состоялись вслед за партконференцией, 7 мая, не вошел не только Маркус, но и его сторонники.

* * *

После 7 мая Областной комитет состоял из 11 человек: Ю.П. Гавен, Н. Журавлев, Шустер, И. Шульман, Я. Городецкий, И. Полонский (Степа), Эйхер, В. Киров, О. Алексакис, С. Мирный и Семен — С.Д. Жгенти (Джигенти)⁹.

7 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 27; ЦГАООУ, ф. 1, оп. 4, д. 183, л. 39–40.

8 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4; л. 28–29.

9 ГАРК, ф. п. 150, оп. 1, д. 51, л. 50–51.

Эти большевики имели следующие связи с прежними структурами: трое входили в Симферопольский ревком (Журавлев, Киров и Шустер), а Городецкий возглавлял Ревком Севастополя; из прежнего обкома (январь 1919) вошли четверо: Шустер, Степа Полонский, Бек (Журавлев) и Шульман. Не вошли Маркус, Соловьев и Петерс (М. Гидалевич).

Три члена обкома вошли в правительство — Гавен, Городецкий и Полонский.

Непосредственно представляли Москву: Гавен и Семен (Джигенти); Киев представляли Бек (Журавлев), а также вероятно В. Киров и Эйхер.

Кроме секретаря обкома, все его члены были полностью загружены советской работой. Секретарем обкома был избран И. Шульман, но 4 июня его сменил В. Хайкевич (Хайцевич) — редактор симферопольских «Известий», доизбранный в состав обкома. После окончания красного режима В. Хайкевич ушел с войсками П. Дыбенко, а Шульман эвакуировался в Одессу и затем в Москву, где написал обстоятельный отчет о работе Крымского обкома, подписав отчет как член обкома.

Заседания обкома проходили еженедельно. Исполнительное бюро из трех лиц заседало ежедневно. Судя по отчету от 3 июня текущая работа обкома велась в трех направлениях: военное бюро, редакционная комиссия и агитационная комиссия.

Военное бюро ведало организацией интернациональных частей при содействии национальных партийных секций при обкоме. В функции военного бюро входило также организация и наблюдение за Всевобучем. Благодаря этому в преддверии наступления деникинцев в середине июня была проведена срочная мобилизация четверти членов партии¹⁰.

Еще одно важной составляющей военной работы обкома стали постоянные диалоги с П.Е. Дыбенко. Ему предлагали унять бандитские замашки своих заднепровцев по отношению к гражданскому населению. Именно это имел в виду Ю.П. Гавен, сообщая¹¹ в Москву об усилиях «парализовать погромное настроение, которое, к сожалению, поддерживается командирами-партизанами (вернее бандитами) и некоторыми агентами штаба». Но ощутимых успехов достигнуто не было. Дыбенко заявлял¹², что «если не нравятся его действия, он может увести свои войска ближе к фронту, что Крым ему не интересен и он в нем случайный человек».

Предполагалось, что помимо собственно обкомовцев в военное бюро войдут представители красноармейских ячеек. При этом в обязанности бюро будет включено общее руководство политической работой в гарнизонах. Однако выполнить эти планы в полной мере обком не успел.

Три члена обкома (Ю. Гавен, О. Алексакис и С. Мирный) составляли редакционную коллегию обкома. Под редакцией С. Мирного издавалась партийная газета «Таврический коммунист» (с 30 мая переименована в «Крымский коммунист»). Предполагалось издание партийного еженедельника, но выпустить его не успели.

¹⁰ ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 6, л. 14.

¹¹ Переписка..., т. 7, с. 476–477; фрагмент «вернее бандитами» в публикации отсутствует — М. В.

¹² ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 32–35.

Красноармейская газета «Борец за коммунизм», пользовавшаяся популярностью среди бойцов КСА, тоже курировалась редакционной коллегией обкома.

Агитационная комиссия начала работать только в июне. Намечено было организованное агитационное обслуживание деревни, путем однодневных мобилизаций всех агитаторских сил партии. Организовывались специальные агитационные фуры для работы в уезде, но эта работа также не успела широко развернуться. В начале июня начала функционировать партийная школа при областном комитете (уездного цикла), рассчитанная на 40–50 человек — представителей всех парторганизаций Крыма.

Еще одно интересное направление деятельности Обкома отражено в сводке от 3 июня. Речь идет о пропаганде большевистских идей «на том берегу Черного моря (на Кавказе и в Турции)». Члены исполнительного бюро [Обкома] Гавен, Шульман сообщили, что *«при Обкоме образовалось бюро международной пропаганды, которое устанавливает конспиративные связи с народами Востока (Кавказ и Турция) и с помощью контрабандистов переправляет через Черное море партийных работников и литературу, главным образом на турецком языке»*. По-видимому, масштаб этой деятельности был невелик и реализовывался скорее случайно, а для Москвы эта информация предназначалась скорее с целью координации подобной деятельности. Отметим, что в публикации этот фрагмент отчета не был включен¹³.

¹³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 19.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

**СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЧЛЕНАХ
КРЫМСКОГО ОБКОМА ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ**¹⁴

БЕК МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (М. Журавлев). Делегат 2-го съезда КП(б)У от Екатеринославля, член горкома, избран в Ревизионную комиссию. — Активный член симферопольского подполья. Входил в обком после 5-й конференции (январь 1919). Член Симферопольского ревкома. В мае тоже остался в составе обкома.

ЖГЕНТИ (он же **ДЖИГЕНТИ**) Семен Дмитриевич, 1880 г. в РСДРП с 1903 г., большевик. Дед и отец — помещики, грузины. Образование — 8-летняя городская школа, родной язык грузинский. В Крым весной 1919 г. приехал вместе с Ю.П. Гавеном, где представлял наркомат по делам национальностей. После Красного Крыма выехал в Москву, с марта 1921 г. — представитель ССР в Азербайджане, в Баку. К 1922 году 7 раз участвовал в партконференциях, 2 раза — в съездах партии. С 1931 г. состоял в грузинском отделении Всесоюзного общества старых большевиков, Тифлис¹⁵.

МАРКУС У. О нем мы располагаем лишь отрывочными сведениями. Имя, отчество и годы жизни неизвестны. Судя по воспоминаниям очевидцев, к 1918 году он уже был опытный и активный подпольщик. Входил в Крымский обком после 4 и 5 конференций (декабрь 1918 и январь 1919). Скорее всего, возглавлял Бахчисельскую группу большевиков Симферополя и накануне майской конференции 1919 г. пытался сформировать на базе этой группы альтернативный обком. За это был арестован, но ненадолго. В обком майского состава не вошел. Известно, что в июне входил в так называемый Крымский областной ревком, хотя к тому времени ревкомы формально были упразднены. Этот ревком пытался противостоять наступлению денкинцев. После июня 1919 остался в крымском подполье. В мае 1920 при ЦК КП(б)У был создан «Закордот» — секретный отдел по борьбе на оккупированных белыми территориях; тогда же У. Маркус становится сотрудником Закордота. В этом качестве участвовал под кличкой «Акодист» в Коктебельском съезде 22 апреля 1920 как представитель Севастопольской организации. В августе 1920 участвовал в работе подпольной конференции (в лесу). Не позже ноября 1920 он возглавил Закордот. Дальнейшая судьба его не известна.

МИРНЫЙ СЕМЕН МАКСИМОВИЧ (1896–1973), уроженец г. Грива Курляндской губернии. Член Бунда (1913–1917), член КПСС с 1918 г. Член подпольного обкома в Крыму, в 1919 г. редактор газеты «Таврический коммунист». После эвакуации из Крыма в августе 1919 г. был направлен¹⁶ в Болгарию «для налаживания связей»; реально же — для нелегальной партийной и разведывательной работы. Работал в Германии, Франции и Швейцарии по линии Коминтерна (май — ноябрь 1920). Учился на восточном отделении Военной

¹⁴ См. также биографические справки в главах о правительстве и о советах депутатов.

¹⁵ Там же, оп. 8, д. 546.

¹⁶ Переписка... Т. 8, с. 582.

академии РККА (март 1921 — июль 1923), был в 1921 в служебной командировке в Ангоре, Турция. Заместитель председателя репатриационной комиссии, вице-консул, консул СССР в Турции (сентябрь 1923 — июнь 1926). По линии военной разведки курировал деятельность резидентуры Н. Трайчева (Давыдова) и других групп, по линии Коминтерна оказывал помощь Болгарской компартии, в том числе и оружием. До 1937 г. — на дипломатической работе в Норвегии, Венгрии (первый секретарь посольства) и в Швеции (советник посольства).

С 1955 г. — главный библиограф Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, с 1961 г. — персональный пенсионер.

ПЕТЕРС (М. ГИДАЛЕВИЧ). Входил в обком после 4-ой и 5-й партконференций. Скорее всего прибыл в Крым как инструктор ЦК КП(б)У. Вероятно он же — Гидалевич — член Евпаторийского горкома партии легального периода, разбирался с оставшимися в живых членами «Красная каска», среди которых были грабители¹⁷.

СОЛОВЬЕВ. Имя, отчество и годы жизни неизвестны. Входил в обком после 5-й партконференции (январь 1919). Делегат на 3-й съезд КП(б)У (1–6 марта 1919) в Харькове, но на съезд не попал. Входил в Мелитопольское Бюро обкома (конец марта-апрель). В мае исключен из обкома. Предположительно, входил в группу Маркуса.

ХАЙКЕВИЧ (Хайцевич) ИСААК (Владимир) МАРКОВИЧ. (1899–?). Из богатой купеческой еврейской семьи. Образование — гимназия и один год университета. В партии большевиков с мая 1917. С декабря 1917 по апрель 1918 — член парткома в Феодосии. Затем 6 месяцев работал в Москве в секретариате ЦК РКП заведующим столом печати. В апреле 1919 опять направлен в Крым, где становится редактором симферопольских «Известий». В начале июня заменил И. Шульмана в качестве секретаря Крымского обкома. В конце июня направлен в Севастополь для подпольной работы и возглавил там подпольный комитет РКП(б). В ноябре 1919 выехал в Одессу. Общий стаж подпольной работы — 4 года и 7 месяцев (Феодосия, Евпатория, Севастополь, Одесса). С декабря 1921 г. — сотрудник редакции газеты «Маяк коммуны» (Севастополь)¹⁸. Дальнейшая судьба не известна.

ШУСТЕР МОИСЕЙ ДАВЫДОВИЧ, «Альи». (?–1968). Один из организаторов подполья в 1918 г. в Севастополе, Симферополе, Феодосии. В 1918 — секретарь Симферопольского Горкома; член Крымского подпольного обкома РКП(б) после конференции в январе 1919; в легальный период 1919 — член Симферопольского ревкома и Крымского обкома. С июня — член Крымского подпольного обкома РКП(б). Автор воспоминаний¹⁹.

17 ГАРК, ф. п-1, оп. 3-с, д. 5, л. 13.

18 РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 490.

19 Крестьянников, с. 582.

НЕБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПАРТИИ КРЫМА ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО КРАСНОГО РЕЖИМА

Еще на стадии формирования Симферопольского ревкома некоторые меньшевистские партии пытались заигрывать с ним. Так «Армянская революционная партия Дашнакцитюн» предлагала бесплатную помощь в пошиве белья и одежды для красных заднепровцев¹, а Симферопольский комитет Бунда («Еврейского Рабочего «Союза») предложил свою кандидатуру для работы в ревкоме — председателя комитета Кагана².

Первой побой сил нового режима в столкновении с политическим противником оказался крестьянский съезд (29–30 апреля), который готовили эсеры. Официально он назывался «Съездом представителей сельских Советов, Ревкомов, комитетов и обществ Симферопольского уезда». Собирался съезд в первую очередь для формирования Уездного Симферопольского ревкома. Рассматривались также вопросы распределения контрибуции и заготовок продовольствия. Присутствовало около 170 делегатов. Сводка в Москву от сотрудников ЧК, сопровождавшим поезд Л.Б. Каменева³, находившегося в то время в Симферополе, грешила явными противоречиями. С одной стороны, в сводке отмечалось, что настроение съезда — сочувственное советской власти, полно уважения к РСФСР. С другой — совсем противоположное: противники коммунистов и вообще оппозиция встречались с большим одобрением. Коммунистам, руководившим съездом, удалось добиться принятия коммунистических резолюций. И хотя в сводке чекистов отмечалась нетактичность председателя — коммуниста Н.Н. Чистякова⁴ московские гости могли быть вполне довольны результатами съезда.

1 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 166.

2 Там же, л. 54.

3 ГАРК, Ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 50–51.

4 **Чистяков Николай Николаевич** (1888–1971). Уроженец деревни Беляево Курской губернии. Отец — столяр. Русский. Образование начальное — 4 класса сельской школы. Трудовую деятельность начинал в 1903 г. в Брянске слесарем в ж/д депо. С 1906 — член партии анархистов (якобы коммунистов). С 1907 несколько раз был арестован, находился на нелегальном положении. Последний арест в 1911 — Бутырская тюрьма до июля 1915. Приговорен к ссылке, которую отбывал в г. Верхоленск, где работал сплавщиком леса, а затем работал в Иркутске слесарем военно-обозного завода до июня 1917.

Конечно руководившие Крестьянским союзом эсеры задним числом (уже после очередной смены власти в Крыму) рассказывали ровно противоположное: «Когда в апреле правлением был созван съезд, руководство им захватили ничего общего с союзом не имевшие уполномоченные «ревкома», насильственно проводившие там свои резолюции, несмотря на все заявления крестьян, что «они не коммунисты и никаких коммун не желают»⁵. Но на съезде победа большевиков была налицо.

Новый режим намерен был взять власть всерьез; в этом смысле показателен пример отношения большевиков к политическим противникам. «Если Совет в своем большинстве будет против политики коммунистической партии, такой Совет должен быть распуцен», — так записано в решении Евпаторийского горкома по поводу предстоящих выборов в Совет депутатов⁶. Правда, взять власть надолго на этот раз не получилось. Опасения относительно результатов выборов не были безосновательными, поскольку Симферопольский горком партии большевиков «прозевал выборы в городской Совет, которые начались без его ведома по инициативе профсоюзных организаций», как отмечено в вышеупомянутой сводке. Зато в начале мая большевистские газеты пытались наверстать упущенное время в предвыборной кампании. Приводим образец наиболее жесткого обращения к рабочим массам:

«... Нет голоса тем, которые шипели по коридорам Крымского правительства против рабочих и агитировали за добровольческую свадьбу белоручек.

Конечно нахальству меньшевиков и эсеров нет пределов.

Они будут к вам, товарищи рабочие, подлизываться. Эти пресмыкающиеся должны вами изгоняться совсем не только из Союзов и Советов, но и из пределов

В 1917 вступил в партию большевиков. В апреле-июне 1917 — член оргкомитета Иркутского Совдепа. С июня 1917 в Крыму: до декабря 1917 — член следственной комиссии Севастопольского Совдепа, с декабря 1912 по май 1918 — комиссар охраны Симферополя. Далее в горсоветах в Тамбове и Харькове. С апреля 1919 опять в Крыму: заведующий отделом управления Симферопольского уезда, председатель Симферопольского уездного ревкома, член комиссии по выборам в Горсовдеп Симферополя и председатель Симферопольского горсовдепа. В июне-июле отступал из Крыма вместе с армией П. Дыбенко. Далее в распоряжении НКВД РСФСР, где до сентября 1920 работал заводделом управления НКВД. В ноябре-декабре 1920 снова в Крыму — заведующий отделом управления Крымского ревкома. После этого занимал различные руководящие должности в Москве и Подмоскowie (в руководстве издательства «Московский рабочий», директор совхоза, заместитель директора АО «Добролет» и др.). Правительственных наград не имел. Умер 27.10.1971. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 9, д. 2045; Личное дело Н.Н. Чистякова, 1921 г. // ГАРК, ф. 1, оп. 2, д. 4576, л. 1–10; *Скоркин К.В.* НКВД РСФСР 1917–1923. М., 2008, с. 767–768.]

Именно Н.Н. Чистякова упоминал публицист А. Набатов, вспоминая период Республики Таврида: «... Три имени, которых симферопольцы не могут произносить без проклятий. Это знаменитые товарищи Жан Миллер, Чистяков и Акимочкин. Страшная тройка удалая, которая мчала Тавриду вниз по Салгиру в страшную пропасть...» [*Набатов А.* В столице бывшей республики // *Ялтинский голос*, 1918, 2 (19) июля; цит. по кн. *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей..., с. 283].

5 Таврический голос (Симферополь), № 24, 20 августа (2 сентября), с. 4.

6 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 12, л. 13 об.

Советской республики». Это обращение заканчивалось призывом серьезно отнестись к выборам в Городской Совет⁷.

Вместе с тем даже в большевистской прессе высказывалось более умеренное мнение: поскольку среди меньшевиков и эсеров есть «хорошие и активные работники, могущие принести пользу делу», то их надо непременно использовать, если они отрекутся от прежних убеждений⁸.

Со своей стороны, левые эсеры Севастополя, «констатируя ряд расхождений с правящей партией коммунистов» посчитали недопустимой активную борьбу с ней. По их мнению⁹, неотложной задачей момента является «соглашение партий, стоящих на советской платформе, и создание единого социалистического фронта...».

Интересна позиция симферопольской организации «Бунда», тяготевшей к «Коммунистическому Бунду» полностью стоявшему на большевистской платформе. Отстаивая в национальном вопросе принцип культурно-национальной автономии для евреев, в своей резолюции она подчеркивала¹⁰ мысль, сохранившую значение и для наших дней, а именно: «что все попытки сговора для создания демократического строя ведут к победе контрреволюционных элементов».

Во всех работах советских историков, затрагивающих этот период, утверждался тезис об успешной и принципиальной борьбе большевиков с мелкобуржуазными партиями. На самом деле в ходе строительства Крымской республики происходило небывалое ранее сотрудничество всех партий. Сошлемся на отчет Крымского обкома партии перед ЦК РКП(б). Отчет составлен в Москве член Крымского областного комитета И.А. Шульманом после оставления Крыма красными¹¹.

*«...Крымские меньшевики и левые эсеры, наученные опытом хозяйничанья «демократического» правительства и Добрармии в Крыму..., уже перед восстановлением Советской власти **вели себя прилично**, и нам осталось лишь использовать их, допустив к участию в строительстве Советской власти».*

Вполне терпимое отношение режима к небольшевистским партиям констатировала и Декларация, появившейся к моменту формирования «Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Крыма». В ней, среди прочего, говорилось: «Советская власть обеспечит легальное существование так называемым социалистическим организациям, которые открыто заявят о своем безусловно лояльном отношении к власти рабочих и крестьян и не будут открыто или тайно вести антисоветскую агитацию и пропаганду»¹².

Ситуация в красном Крыму 1919 года явилась в некоторой степени предтечей, моделью аналогичного явления в Советской России после окончания Гражданской

7 Бахчисельский коммунист (Симферополь), № 1, 4 мая, с. 1.

8 Таврический коммунист, № 20, 4 мая, с. 1.

9 Известия (Севастополь), № 16, 15 мая; цитируем по: *Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и гражданской войны 1917–1920 годов. — Севастополь: Крымский Архив, 2007, с. 410.

10 Известия (Симферополь), № 25, 15 мая.

11 ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 20–27.

12 Таврический коммунист, № 21, 6 мая, с. 1.

войны. В обоих случаях острая нехватка квалифицированных хозяйственных кадров пагубно сказывалась на ведении государственного строительства. И также как в Крыму, большевикам Советской России пришлось «эксплуатировать» своих бывших политических противников, одновременно срочно обучая собственные большевистские кадры хозяйственников. Заметим, что аналогичная ситуация была и в военной сфере — использование «военспецов» в силу отсутствия подготовленных красных командиров.

Меньшевики без громких деклараций пошли на выборы в Советы депутатов. Позже они оправдывали¹³ свои действия перед деникинцами тем, что «осталась на месте с целью ограждения городского хозяйства от окончательного разрушения большевиками». Заметим, что еще раньше они оказались и в красном правительстве. Правда, на вторых ролях — заместителями некоторых наркомов и главными специалистами наркоматов. По словам В.А. Оболенского, комиссариатом юстиции фактически руководил Б.Я. Лейбман, комиссариатом труда — Л.П. Немченко, комиссариатом просвещения — П.И. Новицкий. Все они до этого были гласными симферопольской городской Думы¹⁴. Характерную оценку крымским меньшевикам через полтора года даст Ю. Мартов. В письме П.Б. Аксельроду 29 декабря 1920 года он констатировал: *«Наши крымские меньшевики... принадлежат к той породе, которая ухитряется быть при Деникине и Врангеле неприлично правыми, а при большевиках — неприлично левыми»*.

* * *

Первое заседание Симферопольского городского совета депутатов (Горсовдепа) состоялось 15 мая. В его составе из 230 депутатов был 181 большевик, 32 социал-демократа (меньшевика), 27 левых эсеров. В Совдепе были также представлены еврейские партии меньшевистского направления «Паолай-цион» и «Бунд». Иными словами, в Горсовдепе, в отличие от Ревкома, небольшевистские партии были представлены широко. В силу выборности Горсовдепа такое обстоятельство в большей мере отражало реальные предпочтения населения. Причем представители небольшевистских партий представленных в Совете высказывались за единение сил всех слоев общества. Однако при формировании Исполкома Горсовдепа большевики смогли добиться значительного перевеса для своей партии. Из 18 членов Исполкома туда вошли 14 коммунистов, включая четырех от коммунистов-мусульман и двух от армии¹⁵. Характерно, что шесть членов Исполкома входили ранее в Симферопольский Ревком. Символично, что открывала заседание от имени Ревкома его глава — «тов. Лаура» (Е.Р. Багатурьянц). Это означало плавный и мирный переход от власти «революционной» к власти избранных представителей населения. Если Симферопольский ревком в силу обстоятельств занимался проблемами всего Крыма, то Горсовдеп — практически только городскими, поскольку проблемами общекрымскими стало заниматься правительство.

¹³ Южные ведомости (Симферополь), № 103, 1(14) августа, № 103, с. 2.

¹⁴ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, YMCA-PRESS. 1988, с. 651.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 20.

В севастопольском Совдепе соотношение между большевиками и их оппонентами было примерно такое же, как и в симферопольском: из 106 депутатов 67 мест получили коммунисты, 23 — левые эсеры и 16 — меньшевики. Но в исполкоме Совета преимущество большевиков было не столь явным как в симферопольском: из 20 человек туда вошло 13 коммунистов, 5 левых эсеров и 3 меньшевика¹⁶.

Меньшевики и левые эсеры безуспешно пытались оспорить результаты выборов в Симферопольский Совдеп, считая, что их обсчитали при подсчете голосов. Обе небольшевистские фракции воздержались при голосовании об утверждении результатов выборов¹⁷. Но вместе с эсерами меньшевики имели лишь 23 голоса воздержавшихся из общего числа 237 человек депутатов. Далее быстро были сформированы комиссии по направлениям деятельности, и началась довольно дружная работа. До окончания красного режима оставался месяц...

Очень резко меньшевики выступали¹⁸ против контрибуции, как метода пополнения казны, считая, что это приведет к гибели прослойки предпринимателей — «класса, который только один способен развивать производственные силы, класса, который еще не выполнил своей исторической миссии. Это скачек в пустоту!... Единственный выход из финансового кризиса — поднять как производство, так и производительность труда».

Особенно уверенно меньшевики чувствовали себя в Ялте. В первом ялтинском Ревкоме, сформированном в феврале 1919 года было 9 коммунистов и 5 меньшевиков (социалистов-интернационалистов).

Из 70 членов Центрального бюро местных профсоюзов большевиков поддерживало лишь 7–8 человек. Это Центральное бюро выпускало профсоюзную «Нашу газету» постоянно критиковавшую политику большевиков. Популярность этой газеты была очень высока. Главным автором полемических статей в «Нашей газете» был недавний соратник В.И. Ленина В.А. Базаров¹⁹, в июле 1917 г. отошедший от большевиков и пытавшийся создать новую партию социал-демократов-интернационалистов²⁰. Лишь в июне большевики Ялты смогли добиться закрытия «Нашей газеты».

16 Известия (Севастополь), № 35, 7 июня.

17 Таврический коммунист, № 33, 20 мая, с. 4.

18 Борьба, орган Симферопольского комитета с.-р. (Симферополь), № 40, 3 июня, с. 3; здесь и далее эту газету цитируем по кн.: Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — Симферополь, 1927, с. 253.

19 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 452, л. 1–2.

20 Оказавшись во время гражданской войны с семьей в Крыму, В.А. Базаров в ноябре 1920 г. был арестован большевиками за «антисоветскую деятельность». В декабре ему удалось связаться с Горьким, благодаря ходатайству которого в марте 1921 г. Базаров, по указанию Ленина, был освобожден и возвратился в Москву, где в это время проходил X съезд РКП (б), принявший решение о переходе к новой экономической политике (НЭП). Для Базарова это было, поистине, зовом времени. Вскоре он приступил к работе в Госплане, где впоследствии стал членом Президиума и неоднократно выступал с докладами по важнейшим экономическим вопросам в Совете труда и обороны и в Совнарком СССР. [В.С. Клебанер. В.А. Базаров — ученый, мыслитель, гражданин // Проблемы прогнозирования, 2004, № 6.]

Возглавлял местных меньшевиков С.А. Орловский²¹ — сторонник единого социалистического фронта, т.е. единения меньшевиков и эсеров разных направлений. А выборы в местный Совдеп в Ялте так и не были проведены²².

Важной проверкой позиций небольшевиcтских партий оказалась реакция на мятеж Григорьева. Все партии кроме эсеров сразу открестились от мятежа. Лишь газета эсеров Симферополя явно поддержала мятеж: «Григорьев предпринял свое выступление во имя чистоты революции. Он зовет трудовые массы восстать против диктатуры над ними большевиков». Но тут же при этом было заявлено²³, что григорьевский лозунг «Долой власть большевиков, да здравствует власть советов» по сути контрреволюционный — «с точки зрения попытки свалить большевиков, ибо большевики есть основная сила, двигающая и созидаящая Советскую власть».

Однако, по мнению эсеров, повод к тому, чтобы этот лозунг стал популярным среди крестьян дали сами большевики — они не давали социалистам-революционерам господствовать в советах, не допускали их в деревню для агитации. «Монополия большевиков на власть» — вот, по мнению эсеров, причины григорьевского выступления. И в развитие этого тезиса в следующем номере газеты²⁴ говорилось: «Насильственная коммунизация, обирательство крестьян в виде налогов, насаждение назначенцев... При таких условиях кулаку легко было совратить массы на путь... протеста в защиту справедливых требований крестьянства».

Еще с конца 1918 года в Крыму действовал довольно активно «Союз рабочей социалистической молодежи», стоявший на некоммунистической платформе. Отделения этого союза имелись во всех крупных городах. Но с появлением детища большевиков — комсомола, положение социалистического Союза оказалось незавидным. Пользуясь поддержкой Наркомпроса, комсомольцы стали отбирать у своих конкурентов инвентарь и помещения²⁵.

В середине июня нависла реальная угроза захвата Крыма денкикинцами. Тогда большевиками был брошен боевой клич о наборе добровольцев: «Крым в опасности». В ответной резолюции фракции меньшевиков тоже говорилось о необходимости защиты революции, но с тем, чтобы было уничтожено «комиссародержавие». По сути, речь шла о разделе власти с социалистическими партиями и об изменении экономической политики. Резолюция меньшевиков собрала 40 голосов против 230 поданных за резолюцию большевиков²⁶.

Тема небольшевиcтских партий во время красного периода отдельно не рассматривается, она растворилась в других главах.

21 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 14, л. 2, 3, 5.

22 Известия (Симферополь), № 12, 3 июня.

23 Борьба (Симферополь), № 34, с. 1, 2.

24 Борьба (Симферополь), № 35, с. 1.

25 Известия (Симферополь), 3 12, 1 июня.

26 Известия (Симферополь), № 23, 17 июня; Бунегин М.Ф. Указ. соч., с. 263.

РЕВКОМЫ

В начале апреля 1919 г. 2-я бригада Заднепровской дивизии Дыбенко с боями прошла два крымских перешейка — Перекопский и Чонгарский — и оказалась в глубине Крыма. Деникинцы спешно отступали на восток полуострова. Красные без боя взяли Симферополь и Евпаторию, а затем разделились: небольшой отряд пошел на Севастополь, находившийся под контролем французов, а основная масса красных двинулась на юг и восток, на Ялту, Феодосию и Керчь. По замыслу Дыбенко, красные надеялись, взяв Керчь угрожать Кавказскому плацдарму Деникина. Но на перешейке Керченского полуострова добровольцы смогли остановить натиск красных и Керченский полуостров остался за ними. Немало способствовали этому и корабли Антанты, которые могли простреливать Ак-Монайский перешеек от Азовского до Черного моря. Весь остальной Крым за апрель был от белых очищен, а в начале мая была провозглашена Крымская ССР со своим Временным правительством.

Некоторые детали образования Симферопольского Ревкома (официально — Военно-революционного комитета) в апреле 1919 года¹ приведены севавтопольской газетой² «Крымский вестник». Поэтому приводим это газетное сообщение целиком.

«...Сейчас же после эвакуации правительственных учреждений, начавшейся 6 апреля, было приступлено к организации Военно-революционного комитета. В понедельник, 7 апреля, Военно-революционный комитет был окончательно сформирован. В него вошли все члены Таврического областного и Симферопольского городского комитета партии коммунистов (большевиков), 2 представителя от социал-демократов — меньшевиков и по 1 от анархистов и армянской революционной партии «Дашнакцутюн». Всего в состав Военно-революционного комитета входит 17 чел.».

Если верить этой заметке, то в Ревкоме должен был быть представлен весь Крымский обком. На самом деле из него в Ревком вошли лишь двое: Шустер и Журавлев. Значит, представительство членов Обкома в Ревкоме оказалось немногочисленным — в ревком вошли главным образом большевики-симферопольцы и мало других

¹ Сведения о Симферопольских ревкомах нелегального периода приведены в главе «Предыстория» этой же панорамы.

² Крымский вестник (Севастополь), № 74, 12 апреля.

крымчан. Скорее всего, Симферопольский горком был представлен в Ревкоме более широко, хотя утверждать этого однозначно мы не можем, поскольку список горкома нам не известен.

Из выступления одного из руководителей Симферопольского ревкома Ковальчука на Крестьянском съезде Симферопольского уезда следует, что к 29 апреля было согласовано 17 комиссариатов этого ревкома³. Эти комиссариаты охватывали буквально все стороны жизни города, главным образом повторяя под новыми названиями структуру отделов Городской управы. В частности, городским хозяйством ведал городской Совнархоз, к которому в подчинение перешли все городские учреждения, ранее находившиеся в ведении Городской управы⁴. Довольно многочисленный состав Ревкома, полученный путем анализа его протоколов и других его документов, приведен в Приложении 1.

Перейдем теперь к работе Симферопольского Ревкома. В упомянутом нами же номере «Крымского вестника» приведен и его первый приказ:

«Военно-революционный комитет, желая сохранить город в полном порядке и избежать кровопролития, не объявляя себя властью, пока добровольческие отряды находились в городе, ныне, с уходом их, всю власть берет в свои руки. В целях охраны спокойствия и безопасности граждан, Военно-революционный комитет постановил:

— Все правительственные учреждения и частные предприятия должны функционировать нормально. Все чиновники и служащие должны оставаться на своих местах.

— Всем чинам милиции и всем частям, несущим охрану города, оставаться при исполнении своих обязанностей.

— Домовые комитеты обязываются усиленно нести охрану домов, имея при себе удостоверение районного попечительства.

— Строго воспрещается отпуск и продажа, каких бы то ни было спиртных напитков. Все питейные заведения должны быть немедленно закрыты.

— Воспрещается хождение по улицам позже 9 час. вечера. Лица, имеющие крайнюю необходимость хождения по городу позже установленного времени, должны иметь для этой цели разрешения от Военно-революционного комитета. Все кафе, рестораны, кинематографы, театры и т.п. учреждения должны быть закрыты не позже 8 с половиной час. вечера.

— Какие бы то ни было самочинные обыски, аресты и реквизиции строго воспрещаются. Обыски, аресты и реквизиции могут производиться исключительно по ордерам Военно-революционного комитета и только до 9 час. вечера.

— Всякие попытки к грабежу, насилию, учинению самосудов и погромной агитации будут пресекаться и караться самым беспощадным образом.

— Виновные в неисполнении сих постановлений будут привлекаться к строгой ответственности вплоть до расстрела.

Военно-революционный комитет».

3 ГАРК, Ф. Р-1733, оп. 1, д. 194а, л. 33.

4 Там же, д. 172, л. 12 протокол от 29 мая.

Что ж, точные формулировки, хороший русский язык, отражение всех животрепещущих сторон жизни. Исполняй, Обыватель, и будь счастлив! Но... подождем несколько дней, пока спадет эйфория и новая жизнь пойдет чередом.

О проблемах личной свободы граждан говорится в отдельной главе панорамы «Повседневность», там же есть главы посвященные хлебу насущному и хлебу духовному, т. е. вопросам продовольственного снабжения и культуры. Здесь же мы начнем разговор с решения вопросов финансовых.

Как следует из сохранившихся протоколов Симферопольского ревкома⁵, накануне прихода в Симферополь красных 10 апреля Ревком собрался на свое первое легальное заседание. В нем главенствовали большевики, но так получилось что финансовый комиссариат (вскоре комиссариаты стали называть отделами) все время существования красной власти возглавляли не они: сначала единственный дашнак в Ревкоме Д. Бешевли, а затем меньшевик А. Галлоп. Оба они были профессиональными финансовыми работниками. Заметим, что в начале мая Д. Бешевли убрали из Ревкома, посчитав, что партия Дашнакцутюн не социалистическая, а националистическая; таким образом финотдел возглавил меньшевик А. Галлоп.

С первых же дней работы Ревкома выяснилось, что его финансовые возможности весьма ограничены (около 1 млн рублей), и это при том, что Ревкому почти сразу пришлось заниматься не только проблемами Симферополя, но и всего красного Крыма. В середине апреля для решения этой проблемы были предложены три пути:

1) провести контрибуцию, 2) допечатать номера крымских знаков, заготовленных Краевым правительством и выпустить эти знаки в обращение, 3) обратиться за помощью в Москву и Киев.

Все три варианта были использованы:

1) Галлоп подсчитал, что контрибуция даст следующие суммы: торгово-промышленный класс — 4 млн, домовладельцы — 2 млн, землевладельцы — 4 млн. *«Престиж власти диктует необходимость требовать столько, сколько возможно получить»*. Поэтому Ревком постановил контрибуцию установить в 10 млн рублей. Эта мера работала до 15 мая.

2) Допечатали и выпустили в обращение на 3,7 млн рублей 25-рублевых крымских знаков.

3) Для переговоров о финансовой помощи Крыму сначала предполагалось послать Галлопа, но потом было решено совместить две задачи — и финансовой и продовольственной помощи, и в Киев поехал другой меньшевик Б.И. Гельман из Продовольственного отдела.

Вопрос о том, как прокормить город, был актуален для Ревкома с первых же дней. Напоминаем, что этому вопросу посвящена специальная глава в панораме «Повседневность». Там же предусмотрена соответствующая глава о деятельности в области культуры.

Функции Симферопольского Ревкома, создававшегося сначала как ревкома городского, очень быстро расширились — к нему стали обращаться по различным

5 ГАРК, Ф. Р-1733, оп. 1, д. 173.

вопросам ревкомы других населенных пунктов Крыма, повсеместно формировавшихся в середине апреля. Поэтому за подписью председателя Симферопольского Ревкома Лауры (Е.Р. Багатурьянц) в адрес местных ревкомов направлялись циркуляры⁶ о первоочередных задачах на местах: *«Немедленно принять меры против расхищения имущества, в чем бы оно не выразилось и кому бы оно не принадлежало. Все свободные земли в полях, огородах и пр. должны быть засеяны и засажены. В лесах нельзя производить беспорядочные вырубki, делать выпасы и поправки. Все имущество, оставленное владельцами, должно быть взято на учет. Все эти меры необходимо принять в экстренном порядке.*

Издайте обязательное постановление по данным вопросам, и укажите в нем, что всякое упущение и злоупотребление будет караться по законам военного времени».

Не обошли стороной новые органы власти на местах и финансовые проблемы — откуда брать деньги для текущего финансирования. И местные ревкомы получали официальные разрешения на взимание контрибуции с состоятельных граждан. Так Ново-Царицынскому Ревкому 27 апреля последовало такое указание⁷: *«Взимание контрибуции в размере 50 тысяч рублей с состоятельных граждан разрешается».* Председатель Багатурьянц».

Симферопольский Ревком просуществовал до 20 мая, в этот день появилось⁸ последнее распоряжение Лауры — № 1472:

«Сегодня 20-го мая в 7 ч. вечера назначается последнее заседание Военно-революционного комитета. На повестке дня «Отчет о деятельности Военно-революционного комитета». Присутствие всех членов обязательно. Просим комиссаров довести до сведения и коллегий».

А через три дня «Таврический коммунист» сообщил⁹, что «с 22 мая Исполком Симферопольского Горсовдепа приступает к исполнению обязанностей, дела Ревкома уже им приняты». Напомним, что до окончания второго красного пришествия оставался еще месяц...

А вот красное Крымское правительство, хотя и обещало в своей Декларации сдать свои полномочия «ближайшему Съезду Советов Рабочих Красноармейских и Крестьянских Депутатов, который окончательно организует советскую власть Крыма», сделать этого не успело.

На наш взгляд, Симферопольским ревкомом была проделана большая работа, прямо-таки максимальная для весьма непростых условий того времени. Тем не менее, московские гости из поезда Л.Б. Каменева, побывавшие в Крыму с кратким визитом (они провели лишь 4 дня в Симферополе и Севастополе) действиями Ревкома были явно недовольны. В упомянутой сводке от 2 мая новый Ревком характеризуется крайне пренебрежительно: ревком слаб, работа поставлена крайне скверно, отделы ревкома, хотя и существуют почти все, но управления отделами нет, партийные

6 Там же, д. 178, л. 2.

7 Там же, л. 7.

8 Там же, д. 169, л. 404.

9 Таврический коммунист (Симферополь), № 36, 23 мая, с. 4.

связи с уездами или слабы или отсутствуют. И еще одно смехотворное замечание: «По случаю нашего приезда плохо организован митинг».

Конечно, причины отрицательного отношения к Ревкому заключались не в недостатках в его работе, хотя ясно, что без них не обошлось. А причин, как минимум, две: во-первых — полная независимость Ревкома от Москвы и Киева, ведь Ревком образовался «снизу» и возможность управления им из Москвы была проблематична. Во-вторых, это то, что один из местных партийных аппаратчиков назвал¹⁰ «малая коммунистическая настроенность» членов Симферопольского ревкома. Простого игнорирования Ревкома со стороны центра (что делал, в частности, Ю.П. Гавен как представитель Москвы) было недостаточно. Москве нужен был другой орган управления — ею санкционированный, и ей же подконтрольный. Московские гости это сразу поняли. И «Поезд» немедленно включился в формирование такого органа — «Временного рабоче-крестьянского правительства» Крыма¹¹.

Конечно Ревком был в первую очередь детищем обкома партии большевиков, и детищем любимым. Москва в лице Ю.П. Гавена, а особенно Л.Б. Каменева с его коллегами по поезду начали кампанию по образованию в Крыму Советской республики. Но обкомовцы понимали, что создание Крымской ССР повлечет за собой образование правительства этой республики, которое, в свою очередь заменит Ревком. И тогда интересы местного населения будут на втором месте, а на первом — интересы Москвы. Поэтому на партийной конференции обком в лице Шульмана и Шустера пытался протестовать против этого, точнее навязать дискуссию о целесообразности создания Крымской ССР. И лишь окрик Ворошилова о том, что о такой дискуссии не может идти речи, поскольку это решение Москвы, вынудил обкомовцев покориться¹².

Добавим, что в первой декаде июня у Симферопольского ревкома появился неожиданный наследник — Крымский областной ревком¹³. В составе его были люди,

10 Вот как это звучало в письме от 27 мая секретаря окружного комитета Хайцевича Секретариату ЦК РКП(б): «Почти все партийные организации переполнены выходцами из подпольных ревкомов, людьми весьма революционными, но весьма мало коммунистически настроенными. Ждем от Центра инструкций для радикальной перерегистрации». [РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 8] В публикации [Переписка Секретариата... Т. 7, с. 475] слово «настроенными» заменено на «воспитанными».

11 Судя по записям Ю.П. Гавена [ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 312, л. 25], на партконференции по формированию правительства (28–29 мая) Симферопольский ревком представляли Багатурьянц и Ковальчук.

12 Гавен Ю.П. Воспоминания//ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 312, л. 145.

13 Единственный документ с упоминанием Крымского областного ревкома приведен в сборнике: Борьба за Советскую власть в Крыму: Документы и материалы. Ч. 2. отв. ред. П. Н. Надинский. Симферополь, 1961, с. 176, 326. Там дана ссылка на: ЦГАОР УССР, ф. 2, оп. 1, д. 64, л. 1. Текст документа:

9 июня «В дер. Ак-Мечеть жители готовы ежeminутно встать за Советскую власть, организовав отряд в 200 чел. Другая деревня по пути к Евпаториц, с Мамаю двинется на Евпаторию. Тов. [И. А.] Находкин делегируется в Евпаторийский уезд как политический организатор, а тов. Москаленко, как организатор военных отрядов. Члены Крымского областного ревкома: Маркус, Седловский, Дзюненко».

не имевшие ничего общего с работниками Симферопольского ревкома. Среди его членов в первую очередь следует упомянуть большевика У. Маркуса¹⁴, которого в конце апреля арестовывали за попытку создания альтернативного обкома партии большевиков, Новый областной Ревком занимался координацией оборонительных мероприятий от наступления деникинцев и иностранных интервентов на Крым.

* * *

Хотя считается, что Севастопольский ревком официально начал действовать с 21 апреля, когда выпустил свой первый приказ, до этого действовал подпольный ревком. В него входили и представители небольшевистских партий, в частности известно, что меньшевиков в ревкоме представлял П. Шевченко. Из большевиков в этот подпольный Ревком входили, в частности, Я.Ф. Городецкий, С.И. Иванов (Зимин), Б.А. Руман (Поляков) А.Е. Мазур¹⁵.

Как записал в своей книге В.А. Антонов-Овеевко, «18 апреля заключено перемирие с французами и власть в Севастополе перешла в руки ревкома». В тот же день вечером состоялось последнее заседание городской думы Севастополя, а на следующий день [т.е. 19-го апреля] революционный комитет приступил¹⁶ к образованию советских комиссариатов (их формирование закончено 21 апреля).

Французские власти разрешили существование Ревкома, но только без упоминания слова «военный» (Военно-революционный комитет). Так и стал он в Севастополе называться «Революционным комитетом»; это же отражено в названии севастопольских «Известий» (Известия Революционного комитета). Председателем ревкома становится Б.М. Занько¹⁷.

Имеется в виду подготовка обороны Евпатории от наступающих на Крым деникинских войск и возможность высадки десанта в районе Евпатории.

14 *Маркус У. (?)* (подпольная кличка Акодист) — большевик, активный участник подпольного движения в Крыму. Избирался в Крымский обком после партийных конференций в декабре 1918 г. и январе 1919 г. Накануне майской 1919 г. конференции был выведен из состава обкома и арестован за попытку создания альтернативного обкома. Под кличкой Акодист участвовал в Коктебельском съезде 22 апреля 1920 г., где представлял Севастопольскую организацию, а также в подпольной конференции 15 (28) августа 1920. В конце мая 1920 г. становится сотрудником Закордота (Закордонного отдела) ЦК КП(б) У, возглавляемого Ф. Коном. Не позже декабря того же года назначен начальником Закордота. Дальнейшая судьба его не известна.

15 Крестьянников, с. 369.

16 Прибой, 19 апреля; Кр. с. 392.

17 **Занько Борис Матвеевич** — уроженец Польши. Член РСДРП(б) с 1915 года. В 1914–1915 годах — студент Петроградского политехнического института. Окончил школу прапорщиков и служил в Петрограде. В 1917 г. — член Военной организации большевиков при ЦК, участник штурма Зимнего дворца. В феврале 1918 г. направлен на подпольную работу на Украину, работал в Одессе, Киеве, Харькове, с ноября 1918 г. — в Севастополе. Член подпольного ВРК, позднее его председатель.

После гражданской войны на партийной и хозяйственной работе. Последнее место работы: начальник морского отдела в Управлении Северного морского пути, проживал в то время во Владивостоке. Арестован 3 мая 1937 г. Во Владивостоке приговорен

Еще на стадии подполья ревком озаботился решением финансирования новой власти. Этому способствовали некоторые обстоятельства эвакуации Краевого правительства. Особенности решения финансового вопроса Севастопольским ревкомом находим в неожиданном месте — в протоколе заседания Симферопольского РВК 16 апреля¹⁸. На это заседание приехал глава Севастопольского ревкома Ян Городецкий, выступивший с сообщением о ситуации в городе. Тогда же он затронул и финансовый вопрос, в частности сказав, что «Севастопольскому Ревкому необходимо около 100 000 руб., которые он просит заимообразно от Симферопольского ревкома». Он заверил, что деньги эти будут возвращены, «ибо Ревком, действуя через Городское Самоуправление задержал ценности, которые добровольцы и Краевое правительство хотели вывезти», по требованию Севастопольского ревкома Краевое правительство, пытавшееся увезти ценности, арестовано французами¹⁹. Симферопольский ревком постановил выдать Севастопольскому только половину — 50 000 рублей, поскольку запас в собственной кассе невелик. Как и предполагал Я. Городецкий, 28 апреля французским командованием были возвращены ревкому ценности, увезенные при эвакуации крымским правительством и задержанные броненосцем «Жан Бар» На тот момент возвращены 24 тыс. золотом и все золото, вынутое из казначейских ящиков Симферополя, 9 мешков серебра, 10 тыс. руб. меди и на 4 миллиона обязательств Сулькевича²⁰. Газета писала, что ценности возвращены ревкому по ходатайству бывшего городского головы В.А. Могилевского.

Вечером 18 апреля состоялось последнее заседание городской думы Севастополя, а на следующий день (т.е. 19-го апреля) революционный комитет приступил²¹ к образованию комиссариатов (их формирование закончено 21 апреля). Согласно приказу № 1 от 21 апреля в городе были сформированы совет народного хозяйства и комиссариаты: продовольствия, водного транспорта, почты, телеграфа и телефона, охраны города, социального обеспечения и народного здоровья, по делам печати и труда²². А на следующий день — 22 апреля Севастопольский ревком занял помещение бывшего Дворца командующего Черноморским флотом (находился на холме между Мичманским (ныне Матросским) бульваром и Владимирским собором). 25-го апреля на здании был поднят красный флаг²³. Известны некоторые члены нового Севастопольского ревкома, сформированного уже после ухода из города французской администрации и денкинцев. Так Голембовская и Овсянников-Жигинас

к расстрелу 25 апреля 1938 г. за антисоветскую деятельность и в тот же день расстрелян. Определением Верховного суда реабилитирован 30 января 1958 г.

Обращает на себя пометка «беспартийный» в справке «Базы данных о жертвах...». Либо его исключили из партии перед упомянутым арестом, либо исключали по какой-то причине еще раньше. [Крестьянников, с. 587; База данных о жертвах репрессий Приморского края.]

18 Протокол заседания Симферопольского РВК № 5.

19 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 13.

20 Известия (Севастополь) № 3, от 29 апреля.

21 Прибой, 19 апреля; Кр. с. 392.

22 Бюллетень газеты «Прибой» от 22 апреля; цит. по: Крестьянников, с. 395.

23 Крестьянников, с. 396, 399; Прибой, 22 апреля.

возглавили комиссариат соцобеспечения, Ляшко стал комиссаром труда, Чеснулевич — комиссаром водного транспорта, Конуга — комиссаром по охране города, Чернов — комиссаром продовольствия, А. Павлов — комиссаром (заведующий отделом) юстиции²⁴. Ю.М. Крупчицкий (Торба) возглавил Севастопольскую ЧК. Вскоре при Ревкоме был создан городской «Совет народного хозяйства» во главе с Я. Городецким. В силу специфики города-порта этот Совет состоял из двух коллегий, одна из которых занималась общими вопросами торговли и промышленности (состав коллегии: Я. Городецкий, А. Лысенко, В. Чорбо, В. Могилевский, В. Кухарчук, К. Грейнер), а другая — управлением учреждениями порта и морского завода (состав коллегии: А. Лысенко, В. Чорбо, В. Константинов, И. Гайгаров, Б. Тягин, С. Кнорус, К. Скурдо, К. Вдовиченко, П. Котвицкий, П. Игнасюк и З. Бабич²⁵).

МЕСТНЫЕ РЕВКОМЫ

Повсеместно и очень быстро в красном Крыму создавались местные ревкомы. Уже в двадцатых числах апреля распоряжением Симферопольского Ревкома²⁶ в Крыму «власть на местах впредь до организации Советов, переходит к сельским и волостным Военно-Революционным комитетам». А в Феодосии Военно-Революционный Комитет «в количестве 12 душ» был сформирован Горкомом партии большевиков еще за четыре дня до прихода советских войск. К этому ВРК и перешла власть в городе после ухода добровольцев²⁷.

В Джанкое Ревком был образован еще 12 апреля, там из 7 членов ревкома 5 являлись коммунистами, такое соотношение по-видимому было типично и для остальных городов Крыма. Типично и решение Джанкойского Ревкома от 25 апреля: «...Обложить местную буржуазию контрибуцией в размере 500 000 руб., причем получать эту сумму разными деньгами. <...> Арестовать несколько человек крупных буржуев в качестве заложников до внесения контрибуции, а с остальных отобрать подписки о невыезде из города»²⁸.

Несколько раз менялся состав ревкома в Ялте. Так первый Ревком был сформирован там в феврале 1919 г. В нем было 9 коммунистов и 5 социалистов-интернационалистов (т.е. меньшевиков). Состав этого Ревкома был избран конференцией профсоюзов, и один член был делегирован от партии меньшевиков²⁹. Затем 13-го апреля этот Ревком был переизбран — в него вошли представители профессиональных

24 Известия (Севастополь) № 35, 7 Июня.

25 Общий состав Севастопольского ревкома: 12 коммунистов, 4 левых эсеров, один меньшевик, один независимый социал-демократ и два представителя профессиональных союзов. [Борьба за Советскую власть в Крыму: Документы и материалы. Ч. 2. Отв. ред. П. Н. Надинский. Симферополь, 1961, с. 135, 153.]

26 ГАРК, ф. р-1613, оп. 1, д. 1 л. 3.

27 Там же, ф. п-1, оп. 1, д. 13, л. 1.

28 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 178, л. 17.

29 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 14, л. 4.

союзов, причем большинство голосов имели меньшевики³⁰. Судя по телеграмме³¹ из Ялты Симферопольскому Ревкому от 16 апреля «Ялтинский Военно-революционный комитет пополнен шестью представителями партии коммунистов. Президиум переизбран. Председатель, товарищ председателя и секретарь — коммунисты».

Далее приказом № 14 от 20 апреля Военно-Революционный комитет г. Ялты и окрестностей... постановил принять на себя политическую власть во всем Ялтинском уезде. В приказе также отмечалось, что с момента получения настоящего приказа в городах Алуште и Алушке и селениях Ялтинского уезда ранее изданные приказы ВРК гор. Ялты и уезда обязательны для исполнения всем населением³².

В конце апреля большевики Ялты повели новое наступление на этот небольшевистский Ревком. На собрании коммунистов Ялты 24 апреля решено было отозвать членов партии из Ревкома. Всем членам старого Ревкома надлежало сдать свои дела. На том же собрании избран³³ новый ВРК из 7 членов: К. Сосновский, К. Левин, К. Фокин, Н. Шаров, С.А. Спер, В. Болдин, М.Ф. Каплан. Последняя попытка роспуска ялтинского Ревкома был предпринята 27 апреля военным комиссаром Ялтинского уезда под тем предлогом, что в Ревкоме не представлены военные³⁴. По сведениям В.В. Крестьянникова, с мая Ялтинский ревком возглавил О.Е. Лиепиньш³⁵.

* * *

На начальном этапе становления нового режима ревкомы оказались, по сути, единственными органами власти. В этот ответственный период на них легла вся нагрузка, как по охране безопасности населения, так и по его жизнеобеспечению. Однако утверждение историка В.П. Волкова о том, что «в состав ревкомов входили представители политотделов армии», это скорее стремление выдать желаемое за действительное. От военных ревкомам ждать помощи не приходилось. Наоборот, представители ревкомов еще в июне, т.е. спустя два месяца после установления красного режима, жаловались³⁶ на совещаниях, что «...до сих пор не урегулированы отношения военных и гражданских властей в смысле вмешательства первых в дела ревкома».

Во многих селах и волостных центрах проходили собрания представителей, уполномоченных низовыми собраниями. Так, например, обстояло дело

30 Борьба (Киев), № 57, 24 апреля.

31 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 6.

32 Там же, ф. р-1613, оп. 1, д. 1 л. 25.

33 Красная звезда (Ялта), № 2, 26 апреля.

34 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 14 л. 3.

35 **Лиепиньш Оскар Екабович** (1885–1919) Уроженец Рижского уезда. Рабочий литейщик фабрики «Феникс» в Риге. В мае 1905 арестован по делу «бомбобросателей из Феникса», осужден на 15 лет каторги. После февральской революции освобожден, выехал в Ялту, в санаторий для политкаторжан. В январе 1918 назначен начальником охраны Ливадийского дворца. В мае 1919 председатель Ялтинского военревкома, по болезни не смог эвакуироваться и был перевезен в Севастополь. Талантливый поэт, в 1918 году в Ялте издал сборник стихов «В кузнице жизни». Умер в Севастополе. [Крестьянников, с. 590].

36 Волков В.П. За власть Советов! Симферополь. 1963, с. 103, 104, 109.

в Алуште — волостном центре, где волостное собрание проходило 23 апреля, причем специально оговаривалось, что³⁷ «избранные представители должны [были] иметь при себе мандаты об избрании их».

Но нередко члены местных Ревкомов никем не выбирались, а формировались, мягко говоря, произвольным образом. «Ревкомы сразу образовались случайными элементами», — докладывал³⁸ 2 мая в Киев республиканскому руководству (Х.Г. Раковскому и Г.И. Петровскому) нарком внутренних дел Украины К.Е. Ворошилов, находившийся в тот момент в Крыму.

Хозяйственного рвения ревкомовцев зачастую хватало лишь на реквизицию и учет, но дальше дело не шло. Так в Евпатории «...При Ревкоме Совнархоз слишком уж диктаторствовал: реквизировал и брал все на учет, все только что под руки попадалось — без всякой системы. Все взятое на учет складывалось, но куда — теперь неизвестно, где что находится»³⁹.

* * *

В некоторых городках южного Крыма стали появляться первые гости из Москвы, прибывавшие для отдыха и лечения. Так во второй половине мая в Алушту приехал после ранения на колчаковском фронте большевик Каганицкий с женой. Но, как вспоминал⁴⁰ он, в Алуште они с женой «с первых же дней начали работать, т.к. партийная организация нуждалась в работниках, и об отдыхе нечего было и думать». Уездный комитет партии сразу же назначил Каганицкого заведующим отделом коммунального хозяйства, а жена его организовывала в уезде социальное обеспечение. Каганицкий писал, что, во главе местного ревкома оказались матросы — «народ очень революционный, но мало разбирающийся в хозяйственном строительстве». Так ревком национализировал все дома, включая небольшие хатки и татарские сакли. Пришлось проводить их денационализацию. Также срочно требовалось исправлять ошибки другого матроса, заведовавшего в ревкоме Продовольственным отделом. Занимался Каганицкий и делами профсоюзов — вместо единого профсоюзного объединения с самыми разнородными профессиями, начиная от рыбаков и кончая учительством и даже профессорами, были сформированы отраслевые профсоюзы: домашних служащих, рыбаков и учительства.

Благодаря писателю С.Н. Сергееву-Ценскому мы можем получить представление о том, каков был состав Ревкома «среднего» крымского города (судя по тексту — Гурзуфа). Для этого обратимся к его повести «Жестокость». Итак, типичный состав местного ревкома⁴¹ был следующий:

— «Рязанец» «сюда в Крым он приехал как комиссар труда и с огромной энергией уничтожал хозяев, реквизировал, жучил, обобществлял».

37 ГАРК, ф. р-1613, оп. 1, д. 1, л. 3.

38 Там же, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 75.

39 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 178, л. 146.

40 Там же, д. 452, л. 1.

41 Сергеев-Ценский С.Н. Жестокость. Повести и рассказы. «Мысль». Л., 1929, с. 15–36.

- Меламед, еврей из Каменец-Подольска — городской комиссар продовольствия, т.е. ведал мукой и пайками, однако, глядя на него теперь, никто не заподозрил бы его в том, что сам он съедал два-три пайка.
- Латыш из Курляндии — чекист. После октябрьских дней он стал чекистом и при всей молодости своей был исключительно работоспособен, хладнокровен, методичен, неподкупен и совершенно неумолим.
- Хохол из села Засулье, в трех верстах от г. Ромны на Полтавщине, подмастерье каретника. Устраивал он *земельный отдел*. Не был партийным, но работал не хуже любого партийного.
- Татарин крымский деревни Дегерменкой между Гурзуфом и Бахчисараем. «Стал комиссаром [*по делам национальностей*] в своем Гурзуфе, чтобы отстаивать права татар, которых могли обидеть пришлые чужие комиссары».
- Студент-юрист, комиссар суда — до 1917 эсер, с августа 1917 г. — левый эсер, а в октябре стал убежденным большевиком. Лицо было бы красивое, если бы не очень большие верхние зубы⁴².

До конца «второго красного пришествия» в глубинке верховодили самозванные ревкомы, да еще коменданты — ставленники штаба П. Дыбенко. Поэтому не приходится удивляться, что с мест приходили жалобы⁴³ подобные следующей (сохранена орфография подлинника): «У нашем Ревкоме сплошную почти увесь Ревком с помещиков и кулаков. Полученная материя выдана только служущим Ревкома и никому из рядовых граждан».

Именно наспех организованные ревкомы случайного состава и побудили к ускоренной организации выборов Советов депутатов. Представитель Киева — член Всеукраинского ЦИК М.Ф. Вьюник⁴⁴ справедливо инструктировал Лауру о необходимости замены организованных наспех ревкомов случайного состава Советами депутатов «со снятием военного положения». Но военное положение по-прежнему сохранялось, и выборы на местах таких хотя бы внешне легитимных органов власти как Советы, успели пройти далеко не везде. А там где выборы в Советы депутатов состоялись, местные ревкомы была ликвидированы.

42 Еще раз воспользуюсь художественным произведением: вот «типичная» повестка дня заседания «типичного» ревкома по пьесе К.А. Тренева «Любовь Яровая»: Об учительском съезде и курсах, а именно: для перевыучки учителей. Об открытии в городе сети из сорока клубов. О поголовном выгнании на Зеленую горку всей буржуазии на рытье окопов. О поголовном всеобщем народном образовании. О выселении, вселении, переселении и уплотнении. Об электрификации в ударном порядке».

[Тренев К.А. Любовь Яровая: Пьеса / — М., 1980. — с. 8].

43 Заявление в Симферопольский уездный Ревком от рабочих имения бывшего Вергопулова при деревне Эскел Каламтайской волости, 7 подписей; [ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 19, л. 23].

44 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 33.

Заканчивая главу, процитируем⁴⁵ специальную инструкцию по формированию ревкомов, составленную несколько позже — осенью 1919 года.

Инструкция Революционным комитетам,
организованным в сфере влияния Южного фронта:

«В момент оставления территории неприятелем наблюдаются обычно три явления

- уход значительных групп буржуазии к белым,
- оставление неприятелем в очищенной местности шпионов и провокаторов,
- широкое развитие бандитизма.

Учитывая эти явления, Ревком должен прежде всего провести регистрацию населения, обнаружить бежавших, учесть их, а имущество конфисковать; широко опубликовать о том, кто убежал и чье имущество конфисковано. Быстро наладить губернский аппарат ЧК и произвести беспощадную расправу с шпионами, провокаторами и бандитами. Последнее должно производиться с широким опубликованием — кто и за что понес ту или другую суровую кару.

Примечание [инструкции]: Бесцельного террора, не вызванного обстоятельствами и крайне серьезной необходимостью, Ревком допускать не должен.»

45 РГАСПИ, ф. 71, оп. 10, д. 307, ч. 1, л. 28–29.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

ЧЛЕНЫ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО РЕВКОМА

с 7 апреля по 20 мая 1919 г.

ПРЕЗИДИУМ РЕВКОМА

ЛАУРА (Е.Р. БАГАТУРЬЯНЦ) — председатель Ревкома, член президиума Ревкома.

КОВАЛЬЧУК (ИВАНОВ-ЧЕРНОУСОВ) — член президиума Ревкома, член временного Совнархоза; в документах встречается во всех трех вариантах: Иванов, Черноусов и Ковальчук. Вероятно основной заместитель Лауры. Известны его сводки о состоянии дел в ЦК КП(б) У. Погиб во время Гражданской войны.

РЫСС (РИСС) — член президиума Ревкома, член временного Совнархоза, военком Симферопольского уезда. Ревком уполномочил его вести переговоры с П.Е. Дыбенко

МИТЯЕВ — член президиума Ревкома, комиссар соцобеспечения (глава комиссариата призрения), анархист-коммунист.

КОМИССАРИАТ ТРУДА

БУРМИСТРОВ Н. — комиссар труда, известны его подписи за председателя РВК.

НЕМЧЕНКО ЛЕВ ПАВЛОВИЧ (ПАВЛОВ) — член комиссариата труда, меньшевик (с 1920 г. большевик)

КОМИССАРИАТ ФИНАНСОВ

БЕШЕВЛИ Д. — первоначально комиссар финансов, предположительно выведен из Ревкома как член партии «Дашникцутюн». После него комиссаром финансов становится А.Б. Галлоп.

ГАЛЛОП А.Б. — член коллегии отдела финансов, потом глава отдела; меньшевик;

АФАНАСЕНКО — член коллегии отдела финансов, вероятно большевик

КОМИССАРИАТ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

ШУСТЕР — комиссар продовольствия с 25 апреля, известно ходатайство Ревкома о выводе его из состава Обкома в связи с этой нагрузкой.

МЕТЕТОВ СЕЛИМ — комиссариат (отдел) продовольствия, с 9 мая вышел из Ревкома, поскольку вошел в состав правительства

ТАТАРИНЦЕВ — вместо Меметова вошел в Продовольственный отдел

ЛЮБАРСКИЙ М. — упомянут как «Крымский наркомпрод» 25 апреля⁴⁶

ПУРМАН А. — заведующий продовольствием при Ревкоме; в первоначальный состав Ревкома не входил.

ГЕЛЬМАН Б.И. — ему в апреле был выдан пропуск на выезд из Симферополя едущему в Киев в СНК для ходатайства «по чрезвычайно срочным вопросам финансового и продовольственного характера». Предположительно работал в Продовольственном комиссариате (отделе).

⁴⁶ ГААРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 59–62.

КОМИССАРИАТ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

БОГУСЛАВСКИЙ — комиссар Здравоохранения Ревкома, до 21 апреля

ЛЕВИН ЗАХАР МИРОНОВИЧ — комиссар здравоохранения, заменил Богуславского

КОМИССАРИАТ ЮСТИЦИИ (ЮРИДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ)

КИРОВ (ХАРИК) ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ — комиссар юстиции, член Обкома и Горкома (заведующий культпросветотделом?)

ЛЕЙБМАН БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ — сотрудник комиссариата юстиции Ревкома, меньшевик

ТИМОХИН — член юридического отдела при Ревкоме

СКЛОВСКИЙ ВИКТОР — зав юристконсульским отделом

ГЛАВЫ ОТДЕЛЬНЫХ КОМИССАРИАТОВ

БРОДСКИЙ — комиссар тюрьмы

МАМИГОНОВ ГЕРАСИМ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ — комиссар почт и телеграфа

ПОЗНЕР — комиссар по приютам (призрение)

ГАЛКИНА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА — временный комиссар просвещения (с 29 апреля), с.-р., подпольщица (1918)

БОГДАНОВ — организатор и начальник «Рабоче-крестьянской милиции»

МИТЯЕВ — комиссар соцобеспечения

ВРЕМЕННЫЙ СОВНАРХОЗ РЕВКОМА

ЗМИЕНКО ТИХОН КАЛИНОВИЧ — председатель временного Совнархоза, член исполкома Горсовета, член ВКП(б) с апреля 1918 г.

ЖУРАВЛЕВ ЯКОВ МАКСИМОВИЧ (М. БЕК) — член временного Совнархоза, бывший с.-р., член исполкома Горсовета, член обкома партии

СТЕПАНОВ — член временного Совнархоза

ДНЕПРОВСКИЙ — член временного Совнархоза

Во временный Совнархоз также входили также РЫСС и КОВАЛЬЧУК (Иванов-Черноусов).

ОТДЕЛ АГИТАЦИИ ПРИ РЕВКОМЕ, СОЗДАННЫЙ ПО ПРОСЬБЕ ОБКОМА

Коллегия отдела: ШУЛЬМАН (секретарь Обкома), МЕЕРСОН и ХАЙКЕВИЧ (сотрудники Обкома).

ДОПОЛНЕНИЯ

ЛАЗУТИН — член Ревкома (?), на одном из первых заседаний занимался организационными вопросами, в частности, комиссией по контрибуции

БЕНЕНСОН — заведующий Статистическим бюро

ВЫСТАВКИНА-ГАЛЛОП ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА — товарищ секретаря ВРК с 16 апреля⁴⁷.

Баранченко утверждал, что она была секретарем Ревкома.

НОВИЦКИЙ П.И. — первоначально в Ревком не входил, но начал сотрудничать с ним по линии комиссариата просвещения, впервые упомянут 4 мая (о доме Чехова)

БЕЛОВИЦКИЙ ИЛЬЯ — управляющий делами ВРК

ГРАЧЕВ ВЛАДИМИР — комендант здания ВРК

БАРАНЧИК — комендант помещений ВРК

47 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 71.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**Е.Р. БАГАТУРЬЯНЦ —
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА**

Отец нашей героини Аракел Бабаевич Багатурьянц (по армянски Багхтрян) служил инспектором Симферопольской татарской учительской школы, имел чин статского советника. Кроме того, он был известен как армянский просветитель, в частности, как автор пособия по армянскому языку, по которому несколько поколений изучали родной язык.

Евгения Романовна (по армянски: Вайтануш Аракеловна) родилась не в Симферополе, где семья жила с 1870-х годов, а в Нахичевани на Дону, куда ее мать Евгения Давыдовна (Азиз Давтян) ездила к своим родственникам.

Хотя Е.Р. два года ходила в начальную армянскую школу, тем не менее всю жизнь родным языком считала русский. В 1897 году поступила в Симферопольскую казенную женскую гимназию, которую закончила в 1905 году. В старших классах гимназии (194–1905 гг.) Е.Р. вместе со своей подругой Александрой Артемьевной (Шушаник Арутюновной) Гамаловой⁴⁸ организовала кружок по изучению политэкономии.

По окончании гимназии, два года, в 1905–1907 годах (учебные годы 1905/1906 и 1906/1907) преподавала математику в частной женской гимназии В.А. Станишевской, где учительствовали ее сестры Варвара и Елизавета. В партийной анкете 1922 года на вопрос «можете ли быть лектором, преподавателем кружков и пр.; по каким вопросам и на каком языке» она записала «*Могу быть преподавателем по всем математическим предметам на русском языке*»⁴⁹.

В 17-летнем возрасте летом 1907 г. вместе с А.А. Гамаловой поехала в Петербург поступать на Высшие женские политехнические курсы⁵⁰, на химическое отделение. Учеба предусматривала 7 годичных курсов, но закончила учебу она только через 11 лет — в 1917 г. За эти годы пребывания в Петербурге вышла там замуж и родила двоих детей

48 Некоторые подробности биографии А.А. Гамаловой удалось почерпнуть из ее анкеты партийной переписи 1927 г. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 9]. Она ровесница Евгении Романовны (1889 г. рождения). Из анкеты следует, что Ленинградский женский политехнический институт она закончила после 1917 и училась там не семь, а девять лет. Была активным членом партии эсеров в течение 10 лет — с 1905 по 1915 гг. Свой стаж в партии большевиков исчисляла с июня 1917 года. Как и у Е.Р. основная специальность — учительница (стаж 10 лет). С конца 1923 г. — народный судья.

49 Анкеты партийных переписей 1922 г. и 1927 г., заполненные Е.Р. Багатурьянц, приведены в Приложении 3.

50 Санкт-Петербургские Высшие женские политехнические курсы начали работать с января 1906 г. (с 1915 г. — Женский политехнический институт). Первые два года после открытия в заведении функционировал только один факультет, и срок обучения составил 5 лет. Вскоре курсы имели уже четыре отделения: архитектурное, инженерно-строительное, электромеханическое и химическое, а срок обучения вырос до 7 лет. Обучение было платное, но недорогое — около 100 рублей в год.

(девочек). Позже, вернувшись в Симферополь, она напишет⁵¹ в партийной анкете 1922 года о своем семейном положении: *«замужем, двое детей и мать, в Симферополе при мне»*. Неизвестно, на какие средства жила она и училась в петербургский период, длившийся более 11 лет.

Не без влияния своего брата Арменака сблизилась в Петербурге с марксистами и в 1909 г. вступила в большевистскую организацию, получив подпольную кличку «Лаура». Как писала ее дочь Кира Георгиевна⁵², Е.Р. принимала активное участие в политической жизни студенчества и вела агитационную работу, а также содержала конспиративную квартиру для нужд партийной организации в целях конспирации. Е.Р. со своей подругой Гамаловой почти каждый год меняли квартиру. Позже в анкете она писала: *«С 1909 по 1917 в Петербурге занималась с рабочими, участвовала во всех демонстрациях и выступлениях... была арестована в Петербурге в 1913 г.»*. Тогда же, т.е. между 1907 и 1917 гг. жила около года за границей в Вене и Маране. Не исключено, что эти зарубежные поездки были связаны с партийными заданиями. Относительно совместной нелегальной деятельности с А.А. Гамаловой возникают сомнения, поскольку последняя с 1905 по 1915 гг., а состояла в партии эсеров, а большевичкой стала лишь в январе 1921 года, о чем честно сообщила в своей партийной анкете от 1928 г.

Дочь Е.Р. Кира Георгиевна писала: *«Одновременно с подпольной работой в РСДРП(б) Е.Р. продолжала учиться на курсах и к 1917 г. все экзамены, зачеты, лабораторные работы были сданы и преддипломная практика с успехом была закончена. Однако защитить дипломную работу ей не удалось, т.к. уже в начале февральской революции Е.Р. целиком переключилась на подпольную работу и приняла участие в подготовке Октябрьской революции»*. Обращаем внимание, что свое образование как химика Е.Р. никогда не использовала и не упоминала, в анкетах она писала о себе лишь как о преподавателе математики.

О том, что произошло с Е.Р. в октябре 1917 г., читаем далее в записках Киры Георгиевны: *«Уже 26 октября (8 ноября) явилась в Смольный к тов. М.М. Володарскому и была направлена в Военно-революционный комитет для работы в качестве одного из секретарей Комитета под непосредственным руководством Я.М. Свердлова»*. Однако в опубликованных документах Петроградского Военно-революционного комитета нет упоминаний о Е.Р. Объяснение этому находим в анкете партийной переписки 1922 г.: *«С октября 1917г. до января 1918 г. работала в Петербурге в военно-следственной комиссии в Смольном»*, т.е. работала она не в самом ВРК, а именно в его военно-следственной комиссии. Кроме того она записала в анкете о партийной работе: *«С 1917 по 1918 в Петербурге в выборах в большевистскую Городскую Думу, в санитарном отряде при наступлении Колчака»*.

51 Запись «замужем» связана с тем, что в 1921 г. Евгения Романовна вышла замуж за П.И. Новицкого, который в своей партийной анкете написал, что в его семье еще один работник, помимо его самого, имея в виду Е. Р., и три иждивенца — две дочери Е.Р. и ее мать. В анкете Е.Р. записала, что в большевистскую партию была принята «с июня 1917 г.... в Петербургской студенческой организации. Билет дан в Москве Хамовнического района № 244365». Характерно, что у ее мужа П.И. Новицкого партийный билет выдан там же и имеет «соседний» номер — 244366.

52 Багатурьянц К. Г. Биография Евгении Романовны Багатурьянц (партийная кличка «Лаура») члена КПСС с 1909 г., сентябрь 1965. / ГАРК, ф. п-849, оп. 2, д. 307, л. 2–6.

В феврале 1918 г. была направлена руководством партии на работу в Крым, куда прибыла за несколько дней до занятия полуострова германскими войсками. Что касается официальной, внепартийной работы в анкете скромно записано: «с февраля 1918 по 1919 в Симферополе давала уроки». Главное же — работа партийная: «с 1918 по 1919 в Симферополе была членом подпольного городского комитета партии и членом подпольного ревкома».

Наконец мы вплотную подошли к теме нашей книги, к периоду Красного Крыма 1919 года. В анкете Евгения Романовна об этом пишет слишком сухо:

С марта по июнь 1919 г. в Симферополе в Военно-революционном комитете — председатель, заместитель наркома просвещения, а также заведующая культотделом союза работников просвещения. И далее: С июня 1919 г. по ноябрь 1920 г. в Симферополе скрывалась, была арестована, судима и опять скрывалась до прихода красных.

Поэтому предоставляем слово близкому другу Евгении Романовны того времени — Павлу Ивановичу Новицкому⁵³.

«Я лежал в лечебнице доктора Бурлакова после операции и не видел, как вступили в Симферополь части Красной Армии в начале апреля 1919-го года. Когда я немного поправился, я поспешил вернуться домой. Проезжая по Салгирной и по Лазаревской (ныне имени Ленина) улицам, был поражен атмосферой ликования, которой был охвачен город. Такого возбуждения и бурной радости я никогда в нем не наблюдал. Все улицы были расцвечены красными флагами и были полны народом. Весна сияла в глазах, улыбках, смехе прохожих.

На следующее утро я пошел в Ревком. Он помещался в доме Окружного суда на углу Пушкинской и Гоголевской улиц (ныне в этом здании Центральный музей Тавриды — М. В.).

Все коридоры были заполнены громкоголосым народом. К кабинету председателя Ревкома было трудно добраться. Все спешили, яростно спорили, стучали винтовками, курили, требовали. Всюду было слышно одно имя: «товарищ Лаура сказала», товарищ Лаура обещала», «товарищ Лаура распорядилась». В этом шумном беспорядке, однако, господствовал какой-то строгий порядок. Масса студенческой и рабочей молодежи с красными повязками на левых руках фильтровали посетителей и быстро пропускали в кабинет. Молодежная гвардия охраняла и обслуживала Ревком.

У стола обширного кабинета, наполненного всяким народом, стояла невысокая женщина в черной юбке и белой батистовой блузке, с удивительно строгими, по-детски доверчивыми и очень печальными глазами. Меня поразила хрупкость и трогательная незащищенность ее фигуры среди бурлящей массы людей и властность жеста в разговоре.

Густая шапка черных волос выделяла ее бледное лицо. Я долго стоял в стороне и наблюдал, с каким глубоким вниманием и сердечностью она выслушивала каждого посетителя и с какой доброжелательностью им чего-то объясняла. Это была Евгения Романовна Багатурьянц, которую все знали как товарища Лауру, председателя подпольного Ревкома и учительницу математики женской гимназии.

«Как вы можете работать в такой обстановке?» — спросил я называя себя. — Самая подходящая обстановка для данного момента, ответила товарищ Лаура, — нельзя оставить без помощи и ответа ни одной просьбы, ни одного вопроса. Подлинное внимание к человеку и конкретная помощь ему — самое главное в эти дни.

53 Новицкий П. Товарищ Лаура // ГАРК, ф. п-849, оп. 2, д. 307, л. 8–32.

Так я познакомился с Евгенией Романовной. Потом я узнал историю ее жизни, понял истоки ее громадного личного обаяния и необычайной скромности, ее неиссякаемой любви к людям.

Е.Р. не умела произносить речей, делать серьезные политические доклады и писать трафаретные резолюции. Выступала она всегда с предельной искренностью, прямой и беспощадной правдивостью. Никогда это не походило на речь. Это всегда была исповедь открытого сердца, точная ничем не завуалированная оценка человека и события.

Работа по линии Наркомпроса была предметом постоянной ее заботы. Помню, как удивился дружеским приемом и заботой о нем со стороны Е.Р. художник Милиоти, утонченный эстет и индивидуалист, ставший потом эмигрантом».

В 20-х числах июня под напором денкинцев красным пришлось оставить Крым.

«Началась спешная беспорядочная эвакуация советских и партийных учреждений и организаций. Областком не разработал ни плана эвакуации, ни директив тем товарищам, которые должны были руководить крымским подпольем в тылу врага. В Крыму остались отдельные группы коммунистов, которым с невероятным трудом пришлось устанавливать связь друг с другом.

В хаосе и неразберихе эвакуации я и Е.Р. Багатурьянц отправились в Севастополь, чтобы найти т. Назукина и передать ему те деньги, которые остались в Наркомпросе. Вернуться уже было нельзя, нас приютил зубной врач, месяц мы снимали жилье. Нам было очень тяжело скрываться, нас обоих хорошо знали в Симферополе и Севастополе, а связи с людьми подполья были крайне незначительными, как всюду в это время в Крыму. Выходили только поздними вечерами и ночами, иногда гуляли по берегу моря.

Ранним утром в конце июля мы шли по боковым улицам к месту жительства и спешили перейти железнодорожные пути за вокзалом. В это время подошел какой-то состав. Из него выбегали люди, в том числе и военные. Когда мы ускорили шаги, за спиной послышались крики: «Товарищ Лаура, большевичка! Вот тебе — с корабля на бал!» нас быстро окружила группа всякого офицера, трясушимися руками они наставили на нас револьверы и с большим шумом повели нас в комендатуру. Предводителем офицерской группы был предатель, усердно работавший в секретариате Ревкома в первые дни Советской власти в Крыму». <...>

Тюрьма была переполнена арестованными. Охранялась она офицерскими караулами. Нельзя было подойти к решетке высокого окна под потолком, немедленно стража стреляла в окно камеры. Выводили на прогулку раз в сутки на 15 минут. В моей камере стена против окна была изрешечена пулями. Ранним утром кого-то расстреливали. Был слышен истерический крик, заглушенный залпами.

Лаура сидела в общей камере женской части тюрьмы. Ее быстро полюбили все женщины. Она умела ободрить каждую, войти в сердце, завоевать доверие. Ей поверяли страшные трагические и необыкновенные биографии. Ей рассказала всю свою бурную жизнь Маруся Никифорова, о которой сложилось множество пошлых легенд и анекдотов, но которая, несмотря на свои заблуждения, с героическим мужеством сражалась за народное дело и встретила смерть с бесстрашием и презрением.

Чтобы увидаться друг с другом в тюрьме, надо было попасть в тюремную больницу и якобы случайно проскользнуть в каморку врача, или раз в неделю пройти в тюремную церковь и выслушать пошлую и бездарную проповедь попа о терпении. При выходе из церкви можно было смешать ряды и быстро сказать друг другу самое главное.

Через месяц Лауру перевезли в Симферополь и поместили в контрразведку. Она была предана военно-полевому суду. Это означало смерть. Военно-полевые суды добровольческой белой армии другого приговора не знали. Надо было вытащить из тюрьмы меня, чтобы действовать.

Были приведены в движение все демократические и профсоюзные организации Симферополя и Севастополя, и меня отдали на поруки Севастопольскому совету профсоюзов. Я немедленно помчался в Симферополь. Я помнил лицо Лауры в последнее минутное свидание в тюремной церкви. Оно было черным как древние иконы, и спокойно как скала. Мы поклялись друг другу в честном мужестве до конца. Тюремные надзиратели с яростью и бранью нас оттянули друг от друга.

В Симферополе много было сделано, чтобы предотвратить смерть. Особенно большую помощь оказала Лауре начальница женской гимназии В.А. Станишевская. В то бурное катастрофическое и необычайное время волны и вихри великой революции переделывали людей до основания, слепых делали зрячими, обывательски настроенную интеллигенцию превращали в героев в борцов за новый мир, мобилизовывали лучшие, наиболее благородные, социальные качества людей. Валентина Александровна Станишевская была обыкновенной светской дамой, довольно интеллигентной и образованной для выполнения обязанностей начальницы гимназии, но очень склонной к морализированию и словесной поучительности. Она была шокирована бурями революции и не разбиралась в позициях политических партий.

Она стояла на примиренческой точке зрения, но у нее было сердце, которое должно было обязательно и непрерывно делать конкретное добро людям. И она знала, кому надо помогать.

Опасно содержать на своей квартире такую женщину, как бывший председатель подпольного Ревкома и замнаркома просвещения. Но она давно знакома с Е.Р. и считала ее самым благородным человеком на свете. А сестра Е.Р. — Елизавета Романовна — личный друг Станишевской с давних пор. Обе сестры — лучшие ее учительницы, которыми она гордится. Теперь же дело идет не о том, чтобы спасти от ареста, а о том, чтобы спасти от смерти. В.А. Станишевская принимает все меры, хотя лежит в постели и смертельно больна. Она узнает, что председателем военно-полевого суда будет ее родной брат генерал Станишевский, с которым она порвала давно всякие отношения. Она преодолевает свою гордость и пишет брату письмо о человечности. Она пытается использовать привязанность генерала к его крестнику, Алику, мальчику трех лет, ее внуку.

Оказалось еще одно благоприятное обстоятельство — прокурором, обвинителем по делу, назначен полковник Малофеев, армянин по национальности. Кроме Станишевской у Е.Р. был еще верный друг, ее подруга по институту, по многолетней привязанности — Александра Артемьевна Гамалова. Последняя готова в любой момент пожертвовать своей жизнью, лишь бы спасти Лауру. Она мобилизует всех знатных людей из армян, учителей, врачей, инженеров, мужчин и женщин, и направляет их к Малофееву. Они обрабатывают его, свидетельствуя, что никогда не встречали такого благородного и гуманного человека как Лаура Багатурьянц. Главным пунктом обвинения было утверждение о «зверствах» большевиков, об арестах, реквизициях и расстрелах. А свидетели говорили об охранных грамотах, о предупредительном отношении к интеллигенции, о высокой человечности.

Но самым благоприятным обстоятельством была, если можно так выразиться, мобилизация общественного мнения. Многочисленная интеллигенция, колеблющаяся

между двумя станами, набирается храбрости и перестает молчать. Она преодолевает страх и начинает выступать против белого террора и пыток.

В защиту Е.Р. согласились выступить люди разных политических убеждений даже те, которые всегда отстаивали свой аполитизм и кичились своей принципиальной беспартийностью. Об учащейся и рабочей молодежи нечего и говорить. Контрразведка знала о популярности Лауры среди беспартийной массы, особенно среди интеллигенции, и спешила закончить процесс. В контрразведке замучили Е.Р. ночными допросами, но убедились, что это человек беспощадной непримиримости. Она не назвала ни одного имени и не дала никакого материала обвинению.

Наступил день суда. На процесс явилось колоссальное количество свидетелей защиты, и суд не мог им отказать в выступлении. Подсудимой дали блестящие характеристики писатели Тренев, Сергеев-Ценский, Шмелев, ректор Крымского университета профессор Гельвиг, врачи, преподаватели, профессора <...> профессор Деревицкий — историк античного мира. <...> В период подполья и оккупации Крыма он отказался от всяких постов и вел себя с безупречной лояльностью к Советской власти. Он с охотой согласился защищать товарища Лауру. <...>

Генерал Станишевский три раза спрашивал подсудимую, была ли она членом большевистской партии до октября и является ли она членом партии теперь, и Лаура три раза отвечала: Да, я была и осталась членом коммунистической партии! Была председателем Ревкома? — Была. <...>

Писатель Тренев от имени беспартийной общественности произнес горячую речь, полную благодарности Лауре. И мы, в течение целого дня ожидавшие приговора, обсуждавшие меры, которые следует предпринять, если будет объявлен смертельный приговор, с удивлением и с каким-то нервным шоком узнали, что Лаура оправдана⁵⁴.

Это было неожиданно и необычайно в практике военно-полевых судов белых в период ожесточенной гражданской войны...

Военно-полевой суд под давлением общественного мнения Лауру оправдал. Но он сам испугался своего приговора и послал его на утверждение Шиллинга в Одессу).

Председатель суда оправдал Лауру, но ее вывели под конвоем: «пока приговор не утвержден высшей инстанцией, меру пресечения оставить прежней». Поручительство за нее дал князь В.А. Оболенский, Лаура была освобождена и надежно укрыта. (В Приложении 3 приведен соответствующий фрагмент воспоминаний В.А. Оболенского). Генерал Шиллинг не утвердил приговор и через пару недель пришел его приказ доставить Лауру в Одессу для пересмотра дела, но найти ее контрразведка не смогла. Из подполья она вышла только с приходом советских войск после разгрома Врангеля⁵⁵. Сохранился характерный документ того времени: «Мандат № 56. Предъявитель сего т. Лаура состоит председателем комиссии по организации встречи регулярных советских войск. 13 ноября 1920 года».

54 Важная роль в деле оправдания Е.Р. Багатурьянц принадлежит также С.А. Усову. Он был депутатом («гласным») городской думы, а также редактором и владельцем газеты «Южные ведомости». Накануне судебного процесса он опубликовал статью в ее защиту. К сожалению, номер газеты с этой статьей пока найти не удалось. Кроме того С.А. Усов выступил на суде с обстоятельной речью в защиту Е.Р. [Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. — Симферополь, 2003, с. 131, 133.]

55 Старков А.Л. Лаура //Сильная душа. Очерки. Библиотека «Огонек» № 40, 1961, с. 9, 11.

Закончилась Гражданская война. Евгения Романовна вновь трудится в органах народного образования Крыма. С ноября 1920 г. она работает в Крымском наркомобразовании (заведующая школьным отделом, заведующая отделом социального воспитания). В 1921 году полгода работает в Москве в Наркомпросе РСФСР (заведующая театральным отделом Управления социального воспитания). С сентября того же года до 1925 г. она снова в Симферополе, работает в местном Наркомпросе⁵⁶, а с сентября 1923 по июль 1925 г. — завуч Крымрабфака.

В июле 1925 года Е.Р. окончательно переезжает из Симферополя в Москву.

Остается лишь перечислить должности Е.Р. во время работы в Москве. Для этого обратимся к записке Киры Георгиевны от 27 апреля 1980 г. С августа 1925 до 1932 г. Евгения Романовна сначала заместитель завуча, а с 1927 г. завуч Рабфака им. Покровского при МГУ; с марта 1932 по 1935 г. — заместитель директора Большого театра; в 1935–1939 гг. — работа в Учпедгизе (заместитель заведующего); до войны в 1939–1941 гг. — в Промышленной академии им. Кагановича (заведующая отделом). Во время войны была в эвакуации с внуками. Последнее место работы с 1945 по 1953 г. — заведующая курсами при Гидропроекте.

С 18 апреля 1953 г. — пенсионер союзного значения.

В 1957 г. во время октябрьских торжеств (40 лет Октября) приезжала в Крым по приглашению Крымского обкома партии. Скончалась 28 октября 1960 г. Сегодня ее имя увековечено на памятной скрижали, установленной в честь 200-летия Симферополя.

⁵⁶ Судя по партийной анкете П.И. Новицкого, они с Евгенией Романовной в тот период работали в одних и тех же организациях на смежных должностях. Из анкеты П.И. Новицкого: — Наробраз, заведующий, Симферополь: ноябрь 1920 — январь 1921 (2 месяца). — Наркомпрос РСФСР, Москва: зав. Худсектором глав. соц. восп. январь 1921 — июнь 1921 (6 месяцев). — ВЦСПС, Москва, член редколлегии газеты «Труд» тогда же Крымский ун-т, раб. фак., партшкола, общеобразовательный техникум, Симферополь: преподаватель русской литературы, педагогики, всеобщей истории август 1921 — декабрь 1921 (5 месяцев). — Нарком. прос. Крыма, Симферополь. Заведующий: с декабря 1921 — по момент заполнения анкеты (февраль 1922). [РГАСПИ ф. 17, оп. 8, д. 331, л. 21.]

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

АНКЕТА ДЛЯ ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ ПАРТИЙНОЙ ПЕРЕПИСИ,
заполнена 16 января 1922 года⁵⁷

Фамилия	<i>Багатурьянц</i>
Имя и отчество	<i>Евгения Романовна</i>
Отдел	<i>Главсоцвос Крымнаркомпроса</i>
Занимаемая должность	<i>заведующая</i>
Время поступления	<i>в сентябре 1921 года</i>
Год рождения	<i>1889 г.</i>
Место рождения	<i>Нахичевань на Дону</i>
Отношение к воинской обязанности	—
Семейное положение, состав семьи и ее местонахождение	<i>замужем, двое детей и мать, в Симферополе при мне</i>
Национальность	<i>армянка</i>
Какие местности России хорошо знаете, сколько лет там прожили и были ли за границей	<i>Крым, Петербург, Москва. В Крыму (в Симферополе) жила 17 лет, в Петербурге 12 л., в Москве 1 год, в Вене и в Мараке (?Меране) 1 год</i>
Родной язык и какие другие языки знаете и насколько хорошо	<i>Родной язык русский. Знаю плохо французский и немецкий</i>
Общее [образование] (высшее, гимназия, университет), в каких учебных заведениях учились, окончили ли, если нет, то сколько прошли классов или курсов	<i>Окончила в Симферополе гимназию и в Петербурге Политехнический институт</i>
Специальное [образование] (техническое, сельскохозяйственное и т. п.)	<i>В Петербурге Политехнический институт</i>
Военное [образование], какие военно-учебные заведения кончили	<i>нет</i>
Участвовали в войнах и в качестве кого (звание, должность)	<i>нет</i>
Какие знаете специальности	<i>математику</i>
Социальное положение до 1917 г.	<i>курсистка, интеллигент</i>
К какому профессиональному союзу принадлежите в настоящее время	<i>к союзу рабпрос. ис. культ</i>

57 РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 25, л. 17, 18; публикуется впервые.

Является ли работа в губОНО основной. Если нет, то где и какая основная	<i>основная работа в Крымнаркомпросе</i>
Какую работу выполняли на день заполнения анкеты (кроме партийной нагрузки) за 10 лет [когда, где, какую работу]	<i>С 1907 по 1917 в Петербурге в Политехническом институте училась Октябрь 1917 до января 1918 в Петербурге в военно-следственной комиссии в Смольном С февраля 1918 [ошибочно указано 1917 — М. В.] до 1918 г. в Симферополе давала уроки С 1918 по 1919 в Симферополе давала уроки Март 1919 по июнь 1919 в Симферополе в Военно-революционном комитете — председатель Март 1919 по июнь 1919 в Симферополе в Союзе рабпрос — зав. культотделом Март 1919 по июнь 1919 в Симферополе в Наркомпросе зам. нарком С ноября 1920 по январь 1921 в Симферополе в Наробразе — зав. школьного отдела, член коллегии С января 1921 г. до мая 1921 в Москве в Наркомпросе — зав. ТЕО Главсоцвоса С сентября 1921 по настоящее время в Симферополе — заведующая Главсоцвосом</i>
Участвовали ли в литературной работе (газеты, статьи, брошюры, листовки, воззвания) и какие есть собственные труды	<i>Писала воззвания, писала всякого рода доклады по специальности</i>
Можете ли быть лектором, преподавателем кружков и пр. По каким вопросам и на каком языке	<i>Могу быть преподавателем по всем математическим предметам на русском языке</i>
С какого времени состоите членом РКП(б) и какой организацией приняты, № партбилета	<i>С июня 1917 г. принята была в Петербургской студенческой организации. Билет дан в Москве Хамовнического района № 244365.</i>
Состояли ли в других партиях (в каких, где, когда, как долго) и что побудило к выходу из таковых	<i>с 1909 г. в РСДРП(большевиков)</i>
Принимали ли участие в революционном движении до 1917 г. и какую несли работу	<i>Принимала. Вела кружковые занятия с рабочими.</i>
Подвергались ли репрессиям за революционную деятельность	<i>была арестована в Петербурге в 1913 г., в Севастополе в 1919 г.</i>

Какую партийную работу выполняли по день заполнения анкеты	<i>С 1909 по 1917 в Петербурге занималась с рабочими, участвовала во всех демонстрациях и выступлениях. С 1917 по 1918 в Петербурге в выборах в большевистскую Городскую Думу, в санитарном отряде при наступлении Колчака. С 1918 по 1919 в Симферополе была членом подпольного городского комитета партии и членом подпольного ревкома С марта по июнь 1919 в Симферополе председатель Военно-революционного комитета С июня 1919 г. по ноябрь 1920 г. в Симферополе. Скрывалась, была арестована, судима и опять скрывалась до прихода красных</i>
Подвергались ли ответственности перед судебными учреждениями РСФСР и партсудами	<i>нет</i>
Какую работу считаете наиболее подходящей для себя	<i>организационную и административную в центральных учреждениях</i>

АНКЕТА ПАРТИЙНОЙ ПЕРЕПИСИ, заполнена 13 января 1927 г. ⁵⁸

Фамилия, имя, отчество	<i>Багатурьянц Евгения Романовна</i>
Год рождения	<i>1889, от роду 37 лет</i>
Народность	<i>армянка</i>
Родной язык	<i>русский</i>
Грамотность (на каком языке читает и пишет)	<i>на русском</i>
Образование:	<i>Армянская школа — 2 года, вышла из 2-го отделения (не окончила) Женская гимназия — 8 лет, окончила Женский политехнический институт в Ленинграде — 8 лет, окончила, не сдала дипломного проекта [По всем трем позициям указано, что образование получено до 1917 г.]</i>
Когда принята в члены ВКП(б)	<i>1909. № партбилета п. б. 158808</i>

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 9, д. 1609, л. 169, 169 об.; публикуется впервые.

Состояла ли раньше в ВКП(б)	<i>нет</i>
Состояла ли в других политических партиях	<i>нет</i>
ВЛКСМ	<i>не состою, раньше не состояла</i>
Принята ли в ВКП(б) через ВЛКСМ	<i>нет</i>
Профсоюз	<i>Рабпрос (работников просвещения)</i>
Работает по найму	<i>с 17 лет</i>
Стаж работы по найму	<i>20 лет</i>
Основная профессия	<i>педагог</i>
Стаж по этой профессии	<i>11 лет</i>
Учреждения, где работала или работает сейчас	<i>Симферопольская женская гимназия, преподаватель IX/18...V/19 (2 месяца) Наркомпрос Крыма, заместитель наркома III/19...VI/19 (5 месяцев) Наркомпрос Крыма, завглавсоюзос XI/20...XII/20 (2 месяца) Наркомпрос РСФСР, главсоюзос I/21...VI/21 (6 месяцев) Наркомпрос Крыма, главсоюзос VI/21...V/22 (10 месяцев) Окр ОНО, заведующая V/22...I/24 (1 год и 8 месяцев) Крымрабфак, зав. учебной частью IX/23...VII/25 (1 год и 9 месяцев) Рабфак при 1-м МГУ, зам. зав. учебной частью VIII/25 В момент опроса (т.е. в январе 1927 г.) — то же</i>
Заработок	<i>за декабрь 1926 — 118 рублей (26 рабочих дней), тариф 15</i>
Местожителство	<i>в городе</i>
Свое сельское хозяйство	<i>нет</i>

П Р И Л О Ж Е Н И Е 4

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.А. ОБОЛЕНСКОГО⁵⁹

За все три месяца пребывания большевиков в Крыму было расстреляно лишь несколько человек в Ялте, и то уже перед самым уходом большевиков, в суете и панике. Эта бескровность большевистского режима объяснялась главным образом тем, что между уходом добровольческих войск и вступлением Красной армии прошло два-три дня, в течение которых во всех городах Крыма образовались революционные комитеты из местных большевиков. Во главе областного симферопольского Ревкома оказалась убежденная большевичка, но добрая и хорошая женщина, «товарищ Лаура» (учительница местной гимназии по фамилии Багатурьянц), решительно противившаяся всякому пролитию крови.

Когда пришли войска с военкомом Дыбенко во главе, гражданская власть была уже организована и помешала кровавым расправам, на которых настаивал Дыбенко со своим военным окружением.

Товарищ Лаура находила поддержку и в избранном председателем Совнаркома докторе Ульянове. <...>

Объединению Новицкого с большевиками содействовали обстоятельства его личной жизни. Перед приходом большевиков в Крым он бросил свою жену и сошелся с председательницей симферопольского Ревкома «товарищем Лаурой» Багатурьянц. <...>

Когда летом 1919 года большевики снова были вынуждены покинуть Крым, Новицкий со своей новой женой не успел уехать вслед за отступавшей Красной армией, и они некоторое время скрывались в Севастополе. В конце концов, их нашла контрразведка и арестовала. Им, в особенности ей, грозило весьма серьезное возмездие за участие в большевистской власти. Она относилась к своей судьбе стоически, как подобает убежденной революционерке, а Новицкий, как мне передавали, вели себя в тюрьме, как истерическая женщина. <...>

Через месяц Лаура предстала перед военно-полевым судом и ко всеобщему удивлению была оправдана. Несмотря на то, что ее председательство в Ревкоме было вполне доказано, на суд явилось столько добровольных свидетелей из разных слоев общества, не исключая офицеров, говоривших о ее доброте, отзывчивости и о том, как она их спасала из когтей Чека, что суровые судьи, привыкшие отправлять большевиков на виселицу, не смогли посягнуть на жизнь этой действительно благородной женщины, виновной лишь в фанатической преданности своим идеалам.

59 Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, YMCA-PRESS. 1988. Глава 31. Опять под большевиками (март-июнь 1919), с. 647–655.

ПРАВИТЕЛЬСТВО

§ 1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

В двадцатых числах апреля началась подготовка к созданию красного крымского правительства. Вот что писал позже Ю.П. Гавен¹ о подборе кандидатов в члены правительства. «23 апреля 1919 г. проходило собрание Мусульманского бюро при Крымском областном Комитете партии большевиков с представителями центра — Ю.П. Гавеном и С.Д. Джигенти [Жгенти]... Тов. Гавен ознакомил собрание с поручением тов. Сталина об организации в Крыму автономного рабоче-крестьянского временного правительства в полном контакте с татарской коммунистической организацией. Распоряжение это ныне подтверждено председателем Украинского Совнаркома тов. Раковским. Первоначально состав временного правительства в Крыму Областным комитетом определен был из 5 лиц, но теперь, согласно указанию Раковского, Областной комитете решил создать временный Крымский Совнарком из 9 комиссаров: <...> 1) военный, 2) народного хозяйства, 3) труда, 4) юстиции, 5) внутренних дел, 6) иностранных дел, 7) просвещения, 8) почт и телеграфов, 9) социального обеспечения и здравоохранения. Десятым будет управляющий делами Совнаркома, участвующий в нем с правом совещательного голоса. Из этих комиссаров решено предоставить 4, а также должность управляющего делами татарам. Как заявил председатель, ввиду молодости татарской организации и незначительности сил ей предоставлено четыре, а не пять мест». «Вопрос же о председателе остается открытым, хотя и был возбужден вопрос о занятии этой должности кандидатом от мусульманской организации, но часть Областка с этим не согласилась, опасаясь, что такой шаг может быть истолкован превратно ввиду недавних обостренных национальных отношений в Крыму.

Тов. Гавен разъясняет, что временный Крымский Совнарком организуется до избрания Советов, самое большее на два месяца. На следующий день (т.е. 24 апреля) мусульманские коммунисты должны дать фамилии кандидатов (четырех народных комиссаров и управляющего делами)....». Этот предварительный состав Совнаркома опубликован 27 апреля в Симферопольских Известиях². В газете

¹ ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 312, л. 144–145.

² Известия... (Симферополь), № 10, 1919, 27 апреля, с. 4.

сообщалось об упомянутом нами совместном заседании мусульманского бюро при Крымском обкоме и местной татарской коммунистической секции от 23 апреля. Кандидатами в наркомы были названы следующие лица: народного образования — А. Мухарский; внутренних дел — С. Идрисов; иностранных дел — С. Меметов; юстиции — Дебешвили; управляющий делами правительства — А. Боданинский.

В это же время появляется еще один важный участник процесса формирования правительства. Это даже не один человек, а целый коллектив, так называемый «Поезд Каменева». Остановимся на этом моменте подробнее.

Основной задачей экспедиции, которая получила название «Поезда Каменева» являлась организация заготовок хлеба на Украине. Ведь в городах центральной России ситуация с продуктами, и в первую очередь с хлебом была катастрофическая. В марте Ленин так напутствовал³ наркома продовольствия Украины А. Шлихтера: *«Если не подвезете к I/V или I/IV — мы околеем все»*. До поездки «Поезда» на Украину была предпринята попытка провести заготовительную операцию в Юго-Восточном направлении, в Поволжье. Поездка по маршруту Москва-Кашира-Пенза-Саратов-Самара состоялась с 1 по 10 апреля. Поездка в Поволжье дала Москве и Питеру в общей сложности около 3 млн пудов⁴. Но эту заготовительную кампанию пришлось срочно свернуть из-за начавшегося весеннего наступления войск А.В. Колчака со стороны Урала. О результатах первой заготовительной поездки можно судить по сообщению Л.Б. Каменева И.В. Сталину⁵ 10 апреля: *«Положение с хлебом по всей Волге, как теперь выяснилось для меня окончательно, отвратительное. Необходимо все надежды возложить на Украину»*. Ожидалось, что на Украине «Поезд» сможет обеспечить заготовку 10 млн пудов хлеба. Но поставленную задачу эта экспедиция решить тоже полностью не смогла. С конца марта до 1 июня по всей Украине было заготовлено около 5 млн пудов, из которых лишь 800 вагонов хлеба (порядка 1 млн пудов) были отправлены в Россию. Примерно, такое же количество было похищено крестьянами во время выступления Григорьева. Этот хлеб, уже оплаченный и ссыпанный, крестьяне развезли обратно по деревням. Остальное количество хлеба — около 3 млн пудов, было предоставлено украинским городам, армии и прочим группам потребителей⁶.

Л.Б. Каменев возглавлял делегацию в качестве Чрезвычайного уполномоченного Совета обороны РСФСР. По прибытии в Харьков к делегации присоединился К.Е. Ворошилов, в то время нарком внутренних дел УССР. В его задачу в первую очередь входила организация охраны продотрядов силами войск Харьковского военного округа, которым тоже командовал Ворошилов.

Сначала «Поезд» направился в Харьков, это произошло утром 19 апреля. Там их встретили Ворошилов и Артем. Экспедиция провела в Харькове два дня, пытаясь

3 Шлихтер А. Борьба за хлеб на Украине в 1919 году // Летопись революции (Харьков), 1928, № 2, с. 103.

4 В.С. Экспедиция Л.Б. Каменева для продвижения продгрузов к Москве в 1919 году // Пролетарская революция (Москва), 1925, № 6 (11), с. 123.

5 Там же, с. 122.

6 Правда, № 131, 1919, 14 июня, с. 3.

разобраться в непростой обстановке в ходе бесконечных совещаний с местными властями и заготовителями. Затем «Поезд» направился в Киев. Произошло это 21 апреля. Здесь Л.Б. Каменев с удивлением узнает, что Украина «в лихорадке крестьянских восстаний. Тыл совершенно не замирен. Банды прерывают железные дороги». Совещания в Киеве проходили вплоть до 27 апреля, после чего Каменев с коллегами покинули Киев и поехали вглубь Украины.

Нас же интересует крымская тема в действиях Л.Б. Каменева. И вот в его телеграмме от 26 апреля находим первое⁷ упоминание Крыма: «...Видел представителей Крыма. Точка. Обязательно прошу сообщить ваши соображения [о] Крымском правительстве, ибо должен видаться с Дыбенко и другими крымчанами. Раковский из Одессы, оказывается, рекомендовал Дыбенко председателем. Нахожу это недопустимой ошибкой. Предварительное впечатление, что гораздо лучше прямое присоединение Крыма к Москве и во всяком случае посылка туда Иоффе премьером. Это и мнение Киева...».

Постараемся внимательно отнестись к этому посланию. «Видел представителей Крыма...». Документально подтверждается, что в тот момент в Киев приезжали лишь представители Симферопольского Ревкома «по чрезвычайно срочным вопросам финансового и продовольственного характера», как значится в их пропусках на выезд из Крыма⁸. Именно эта случайная встреча положила начало вмешательству Л.Б. Каменева в дело формирования красного Крымского правительства. Чем же могли рассказы ревкомовцев так заинтересовать Каменева? А к тому времени было чем его заинтересовать. Главная проблема для Ревкома это взаимоотношение с военными властями. Недавняя эйфория встречи красных войск быстро сменялась разочарованием, нараставшим с каждым днем. Красные военные власти, на первых порах вели себя ничуть не лучше своих предшественников — деникинцев. Прямо с улиц без разбора забирали людей на «общественные работы». Под лозунгом «Все для армии» шла конфискация всего что нужно и не нужно армии, заготовленные для города продукты военные власти безжалостно забирали себе и т.д. Неоднократные протесты и заступничество за пострадавших со стороны председателя Ревкома Лауры (Е.Р. Багатурьянц) только раздражали насильников... Именно это и имел в виду Каменев, когда писал под впечатлением бесед с крымчанами в Москву: «Ввиду хаоса во взаимоотношении гражданских и военных властей создание власти необходимо в кратчайший срок». Еще больше пугала Каменева перспектива назначения командира войск П.Е. Дыбенко на должность главы правительства. А ведь за это ратовал Х. Раковский, покровительствовавший Дыбенко. Каменев решительно протестует: «Нахожу это недопустимой ошибкой».

Фраза Каменева о желательности «прямого присоединения Крыма к Москве» тоже появилась неспроста — как верный слуга Кремля он остерегался, что Киев постарается поднять Крым под себя. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 23 апреля была упомянута фамилия Артема (он же Сергеев Федор Андреевич). В протоколе⁹

7 ГАРФ, ф. 1243, оп. 1, д. 2, л. 78–81.

8 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 64, 80, 100.

9 РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 3.

об этом записано так: «Через Раковского узнать мнение ЦК КПУ о кандидатуре Артема на пост председателя Крымского Совнаркома».

Похоже, Каменеву на тот момент еще не было известно о выдвижении Артема в качестве главы крымского правительства. Поэтому он его не упоминает, а выдвигает свою кандидатуру А.А. Иоффе. Согласие киевлян на удаление Иоффе из Киева в Крым («это и мнение Киева») тоже вполне объяснимо: присутствие Иоффе в Киеве, да еще в качестве наркома контроля не давало развернуться местному сепаратизму, и Киев был готов от Иоффе избавиться, хотя бы путем отправки его в Крым.

Следующая телеграмма Л.Б. Каменева послана утром 27-го. К тому времени он уже всерьез погрузился в проблему хлебозаготовок и докладывает о ней в Москву: «Весь заготовительный аппарат Наркомпрода я решил сосредоточить в уездах Елизаветградском, Мелитопольском, Бердянском, Днепровском; движу туда и вооруженные силы». Такая вот была заготовительная кампания — не без участия войск. И то сказать, махновцы прямо заявляли Каменеву: «Мы хлеб немцам не отдали, и вам не отдадим». Да и Каменев уже составил представление о ситуации на Украине и докладывает в Москву: «Общее положение внутри весьма неутешительное. Восстания, банды, партизанищина, национализм...».

Относительно предложенного им главы крымского правительства — А.А. Иоффе, Каменев продолжает хлопотать. Ясно, что Раковскому Иоффе как дополнительный контролер не нужен, поэтому с ним Каменеву удалось легко «сговорился». В Москву сообщается¹⁰: «...С Раковским сговорился, что Иоффе здесь не нужен. Он нужен в Крыму, где абсолютно нет людей и главы. Отправьте Иоффе скорее [в] Крым для организации власти. К нему присоедините Кристи, взяв его от Луначарского».

Однако Ленин категорически отверг кандидатуру Иоффе для Крыма. 28 апреля он ответил Каменеву¹¹: «...Иоффе нужен не в Крыму, а в правительстве Украины на посту, который выберет Раковский для работы против самостийности¹², а в Крым подыщем другого, но конечно, не Дыбенко». В киевском совнаркоме А.А. Иоффе входил в киевский совнарком в качестве наркома государственного контроля УССР. А вот предложенная Каменевым кандидатура Михаила Петровича Кристи¹³ москвичам

¹⁰ ГАРФ, ф. 1243, оп. 1, д. 2, л. 16–17.

¹¹ Ленин В. И., ПСС, Т. 50, С. 294.

¹² Ильич опасался сепаратизма Украинского правительства, поскольку в силу ряда обстоятельств, ожидался ввод в его состав трех левых эсеров.

¹³ **Кристи Михаил Петрович** (1875–1956). В революционном движении с 1893 года, член РСДРП с 1898 года. С конца 1900 года проживал в Керчи. С 1903 г. издавал и редактировал газету «Южный Курьер», которая распространялась по всей Таврической губернии. За статьи, опубликованные газете, неоднократно подвергался уголовным преследованиям. Как участник революции 1905 года был арестован, а газета его запрещена. В 1906 году эмигрировал в Швейцарию. После Февральской революции вернулся в Керчь. Делегат Всекрымской меньшевистской конференции (август 1917 года), кандидат в депутаты Учредительного собрания. Характерно, что в ходе первого красного периода Крыма именно М.П. Кристи не допустил в Керчи репрессий к имущим классам со стороны матросской псевдореволюционной вольницы. В 1920–1930 годах работал в системе народного образования, научных организациях. В 1928–1937 — директор Третьяковской

понравилась. И в решении кремлевского Политбюро 28 апреля о нем появилась запись: *Правительство...возглавляет Кристи*».

Дыбенко тоже вводится в Крымское правительство «с назначением наркомом военных и морских дел», и о нем сказано ¹⁴: «*Отобрать у него подписку о беспрекословном подчинении указаниям общего военного командования и указаниям ЦК*». Не знаю, была ли взята с Дыбенко подписка о послушании Москве, но Каменев вскоре доложил ¹⁵ Сталину: «*Я говорил с Дыбенко весьма серьезно и поставил послушание первым условием*».

Теперь возвращаемся к переписке Л.Б. Каменева с Кремлем. В ночь с 28 на 29 апреля Каменев сообщает ¹⁶ Ленину и Сталину: «*Личным обследованием [и] переговорами [с] Гавеном и Антоновым убедился, что правительство должно состоять не более семи человек. Из них два татарина, Дыбенко, Гавен и еще трое местных. Вводить больше татар нет никакой необходимости, да у них и нет мало-мальски подготовленных людей. Точка. Ввиду хаоса [во] взаимоотношении гражданских и военных властей создание власти необходимо [в] кратчайший срок. Прошу немедленно ответить согласием [на] изложенный план*».

Эта часть телеграммы Каменева составлена после посещения Екатеринослава 27 апреля. Думается, что выражение «личное обследование» относительно состава правительства написано не вполне обоснованно, оно могло лишь подчеркнуть усердие Каменева и его команды. А вот переговоры с Гавеном и Антоновым-Овсеенко в Екатеринославе конечно внесли дополнительную ясность и еще раз убедили, что в Крыму «создание власти необходимо в кратчайший срок». Видимо Гавен называл Каменеву черновой состав правительства. Напомним, что крымчане над эти вопросом уже несколько дней усиленно работали. Что же мог сообщить Каменеву Антонов-Овсеенко? Скорее всего, речь шла не о Крыме, а о военной обстановке в регионе, о поведении сторонников Махно и Григорьева. Это было важно для заготовительной кампании «поезда».

Поезд Каменева находился в Крыму пять дней: с 28 апреля по 2 мая. Утром 28-го поезд прибыл в Симферополь, и в этот же день там начала работу третья Крымская областная конференция большевиков. На конференции были представлены все крупные города Крыма. Присутствовали также делегаты от ЦК РКП(б), прибывшие с поездом Л.Б. Каменева: Клим Ворошилов, Муранов, Л. Каменев, Вульфсон-Давыдов, Шаповалов и др. Кроме того участвовали: Ю. Гавен (с мандатом ЦК) и С. Джигенти (представитель Наркомнаца с совещательным голосом).

Об отношении членов Л.Б. Каменева и его коллег к Симферопольскому ревкому рассмотрены в предыдущей главе «Ревкомы» настоящей Панорамы.

Конференция работала два дня, а на следующий день после ее окончания состоялся митинг, о котором в Москву доложили ¹⁷ так: «*Тридцатого апреля*

галереи. До 1948 г. — руководитель Московского товарищества художников. [Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. с. 84–85].

14 РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 56, л. 5–6.

15 Телеграмма от 4 мая// ГА РФ, ф. 1243, оп. 1, д. 2, л. 74–75.

16 ГАРФ, ф. 1243, оп. 1, д. 2, л. 92–94.

17 Там же, д. 4, л. 122.

Симферополе на вокзальной площади состоялся митинг около двух тысяч человек преимущественно рабочих. Выступавшие ораторы Каменев, наркомвнудел Украины Ворошилов, Муранов и Зорин имели большой успех. Принята резолюция: «Помочь всеми силами пролетариату севера в тяжелой борьбе». Вслед за митингом прошло еще одно совещание партактива относительно состава правительства.

Утром 1-го мая делегация поезда поехала в Севастополь, где прошли праздничные мероприятия. Но Л.Б. Каменев ехал в Севастополь с другой целью — он надеялся провести там переговоры с представителями Антанты. Тем более что вопросов для обсуждения было немало¹⁸. Но попытка выйти на переговоры с англичанами сразу же была последними пресечена. Они по понятным причинам не хотели вести переговоров с большевиками. И снова цитируем¹⁹ «В. С.»: «Антантовские суда стояли целый день на рейде. Четыре участника экспедиции пробовали подплыть на лодке к английскому броненосцу, но были отогнаны пулеметным огнем». Ночью экспедиция Каменева вернулась в Симферополь, где второго мая совещания продолжились.

А тем временем в Симферополе, по-видимому, без непосредственного участия лидеров «поезда» было окончательно сформировано правительство. Цитируем воспоминания²⁰ Ю.П. Гавена: «В Симферополе после первомайского митинга в особняке Крыжановского по Пироговской улице состоялось собрание партийного актива, на котором присутствовали члены ЦК РКП(б) К.Е. Ворошилов и М.К. Муранов». Затем Гавен перечисляет состав участников этого собрания. А в конце решающая фраза: «На этом заседании был образован Крымсовнарком». Далее Гавен пишет, что на этом заседании присутствовали «также 3 члена ЦК РКП(б) — Л. Каменев, Муранов и Ворошилов». Но присутствовать там они там вряд ли могли, поскольку вернулись из Севастополя только поздно ночью. 2-го мая состоялось последнее совещание по окончательному утверждению членов Крымского правительства. В нем Каменев с товарищами конечно принимали участие. На собрании был образован Крымский Совнарком. Тогда же был изменен состав обкома КП(б)У. Председателем президиума обкома партии стал Ю.П. Гавен.

Заметим, что В.А. Антонов-Овсеенко еще 17 апреля знал о планах создания крымского красного правительства. В тот день он телеграфировал²¹ Командукру-2 А.Е. Скачко: «В Крыму создается свое правительство». Здесь правомочны два варианта — либо в Крым последовало указание сверху (из Москвы или из Киева), либо кто-то проявил инициативу снизу. Для первого варианта это, пожалуй, слишком ранняя реакция. А в последнем случае вполне вероятно, что первым инициативу проявил П. Дыбенко, действительно пытавшийся создать правительство «под себя», на что указывал историк В.А. Савченко. Как выяснилось позднее, стать во главе

18 Л.Б. Каменев собирался в 20-х числах апреля приехать в Севастополь и провести переговоры с французами, но его опередили М.А. Петровский и Б. Астахов, заключившие договор с французами о перемирии. Подробнее о событиях того времени в Севастополе в см. в Военной панораме.

19 В.С. Экспедиция Л.Б. Каменева... с. 127.

20 Революция в Крыму (Симферополь), № 9, 1930, с. 31–32 (примечание).

21 РГВА, ф. 199, оп. 3, д. 396, л. 54.

правительства Дыбенко не удалось — Москва была категорически против — но пост военно-морского наркома а он все-таки получил (не без протекции того же В.А. Антонова-Овсенко).

Между тем пребывание поезда Каменева в Крыму заканчивалось, пора было заняться основной задачей — заготовкой хлеба для Севера. И 3 мая экспедиция отправилась из Крыма в Мелитополь, где прошли совещания с заготовителями. В телеграмме Сталину от 3 мая из Мелитополя Каменев помимо отчета о заготовках в последний раз касается крымской темы — дает²² оценку военной ситуации в Крыму и подводит итоги формирования правительства: *«В Крымское правительство вошло 4 татарина, [а также] Гавен, Ульянов, Городецкий, Назукин, Полонский, Вульфсон, и в качестве военного Дыбенко. Последнее было абсолютно необходимо с одной стороны ввиду обещания Раковского, с другой стороны, потому что иначе отношения между армией и ее агентами и гражданской властью еще более ухудшились бы»*. Заметим, что состав разительно отличался от первоначального, предложенного крымчанами 23 апреля (см. выше). Оправдываясь за ввод Дыбенко в правительство, Каменев опять ссылается на угрозу ухудшения взаимоотношений между армией и гражданской властью. В ответ Сталин успокаивает Каменева относительно кандидатуры Дыбенко: *«Мы уже писали вам, что против Дыбенко не возражаем, если будет гарантия послушания»*²³. И резонно спрашивает: «Кто председателем Крымского правительства?». Ответ Каменева²⁴ последовал в тот же день: *«Председателем Крыма временно — ввиду болезни Гавена — Ульянов. Я говорил с Дыбенко весьма серьезно и поставил послушание первым условием»*.

Завершая тему, хотел бы заметить, что роль членов «Поезда Каменева» и лично Л.Б. Каменева в формировании Крымского правительства на самом деле не была определяющей. Крымский партактив самостоятельно подбирал кандидатуры. При чем главную роль в этом подборе сыграл неутомимый Ю.П. Гавен — ставленник Москвы, но не имевший отношения к «Поезду».

Первоначальным импульсом, подвигнувшим Каменева заняться Крымом, была не директива Москвы, а практически случайная встреча его с представителями Симферопольского ревкома в Киеве. И лишь под впечатлением сообщений ревкомовцев Каменев посчитал нужным вмешаться. И лишь затем и Кремль принял участие в крымских делах, консультируя Каменева. Причем, главная задача москвичей была поставить во главу правительства своего ставленника, но с помощью Л.Б. Каменева по ряду причин этого Кремлю сделать не удалось. Удалось лишь избежать избрания на этот пост явно неподходящего для этой роли П.Е. Дыбенко.

Напомним, что один из участников «Поезда» остался в Крыму, это С.Д. Вульфсон-Давыдов — наркомом продовольствия в крымском Совнаркоме. Это могло бы быть полезно и для Крыма и для Москвы, но в сколько-нибудь значительной степени использовать обе стороны не успели.

22 ГАРФ, ф. 1243, оп. 1, д. 2, л. 40 — машинопись, л. 41–44 — оригинал.

23 Телеграмма от 4 мая; там же, л. 32.

24 Телеграмма от 4 мая; там же, л. 74–75.

§ 2. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРАВИТЕЛЬСТВА²⁵

Первое заседание правительства состоялось 4 мая. Прежде всего, был сформирован Президиум Правительства из 5 членов в следующем составе: **Ульянов, Дыбенко, Гавен, Давыдов-Вульфсон, С. Меметов**. Председателем президиума стал Ульянов, секретарем Давыдов. Характерно, что в Президиуме был представлен лишь один татарин — нарком иностранных дел С. Меметов.

Состав президиума логичен:

Дмитрий Ульянов — без него президиум не мыслился — как-никак глава правительства, да и не забываем, что брат самого Ленина! Волею судьбы тоже представлял в правительстве интересы Москвы. Хотя Д. Ульянов и пишет сестре, что «за неимением лучшего поставили меня», по моему мнению, именно он оказался вполне подходящей фигурой, вставшей между Ю. Гавеном и П. Дыбенко. Подтверждает эту догадку и Л.Б. Каменев. В своем письме от 8–10 мая Л. Каменев упоминал, что ему пришлось мирить Дыбенко с Гавеном, «создав нечто вроде триумвирата» во главе с Д.И. Ульяновым²⁶.

Ю.П. Гавен — прямой ставленник Москвы, у него все будет под контролем (нарком внутренних дел).

П.Е. Дыбенко — завоеватель (или освободитель) Крыма — кому как нравится называть... Отношения Кремля к нему — настороженное. За его спиной только командующий Украинским фронтом В.А. Антонов-Овсенко (как никак главное военное руководство на тот момент).

С.Д. Давыдов (Вульфсон) — еще один ставленник Москвы, к тому же по продовольственным вопросам. Ведь он приехал с поездом Л. Каменева как представитель продовольственного отдела Моссовета. Теперь есть к кому обращаться москвичам напрямую по этому поводу.

Селим Меметов — фигура декоративная, обозначала присутствие татар в правительстве, но ничего не решала. Тем более что никаких «иностраных дел» у Крымской ССР не было. Отношение татарского населения к нему недоверчивое.

Теперь перечислим остальных членов правительства²⁷.

25 Краткие биографии членов правительства приведены в Приложении 1. Исключение сделано для Д. И. Ульянова — ему посвящена отдельное приложение 2.

26 *Щаденко Е. А.* Григорьевщина / Гражданская война. 1918–1921 (сб. статей). М., 1928, с. 81.

27 Неясна картина с наркомом почт и телеграфа. В нескольких документах в качестве наркома почт и телеграфа стоит подпись коммуниста Герасима Емельяновича **Мамигонова**. Никаких подробностей об этой личности автору не известно, хотя сохранились его (Мамигонова) воспоминания (ГАРК, ф. п-150, д. 544 и 813). С другой стороны, традиционно считалось, что этот пост занимал Аким **Ахтырский** — деникинский агент и провокатор, сдавший многих подпольщиков оставшихся в Крыму. Но он разоблачен и казнен был только в 1926 г., а в период Красного Крыма-1919 его всячески восхваляли. Так член Обкома Шульман в своем отчете от 24 июня сообщая о положении в КСА писал, что там «работа налаживается» благодаря реорганизации политотдела КСА, во главе которого поставлен «тов. Ахтырский-Мартьянов». [РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, лл. 13–17, 22–23; ГАРК, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 20–27].

Я.Ф. Городецкий, был намечен главной «рабочей лошадкой» правительства. Не зря с ним в первую очередь встречались в Симферополе московские гости. Пока еще он глава Севастопольского ревкома, но там его вскоре заменил Б.М. Занько. Ему поручили возглавить Совнархоз, т.е. всё донельзя разоренное хозяйство полуострова, а кроме того под его началом оказались финансы, транспорт и связь. Тут уж москвича не поставишь — нужен местный, знающий и работающий. Несколько позже за ним осталось лишь руководство Совнархозом. Фактическим главой финансового ведомства становится меньшевик А. Галлоп, наркомом почт и телеграфа коммунист Г. Мамигонов. Путиами сообщения фактически командовал наркомвоен П. Дыбенко, никого не подпуская к этому стратегически важному объекту.

Иосиф Полонский (подпольная кличка « Степа ») возглавлял наркомат труда Исмаил Фирдевс — нарком по делам национальностей, а также заместитель наркоминдел и председатель мусульманской Военной коллегии.

И.А. Назукин представлял крымчан-большевиков. Его портфель наркома просвещения конечно ему был не под силу. Но при наличии таких помощников как Лаура (Е.Р. Багатурьянц) и П.И. Новицкий мог чувствовать себя вполне уверенно.

Идрисов Сулейман Измайлович — нарком земледелия

Боданинский Али (правильнее Баданинский) — управляющий делами правительства.

* * *

Характерно, что во Временное правительство Крыма не вошло ни одного представителя украинских красных властей — только москвичи и крымчане. Но правомерен встречный вопрос: кто же нужнее был для Крыма: Москва или Киев? Вопрос о главенстве Киева или Москвы в Крыму после Октября 1917 года неоднократно ставился с той или иной остротой. Для введения в тему остановимся на том, насколько самостоятелен Крым в хозяйственном отношении, т.е. может ли он существовать автономно без поддержки со стороны. И если выяснится, что самостоятельно он существовать не может, то с какой стороны выгоднее получать эту поддержку — от Киева или от Москвы.

В свое время этим вопросом озадачивались и немцы, когда весной 1918 года оказались в Крыму. На начальной стадии вторжения у немцев не было четкой концепции действий. МИД Германии склонялся к варианту присоединения Крыма к Украине. Поэтому МИД предлагало на первых порах создание автономного образования, тесно связанного с Украиной. Это позволило бы избежать явного нарушения Брестского договора.

Со своей стороны, верховное германское командование (ВГК) пыталось протаскать план колонизации Крыма, создать Kolonialstaat с размещением в нем всех немецких поселенцев Причерноморья. ВГК даже не рассматривало возможность союза Крыма с Украиной. Но уже в мае ВГК убедилось в том, что Крым не сможет выжить один без тесных связей с одной из крупнейших соседних стран. Поскольку Германия исключала сотрудничество Крыма с Советской Россией, то ВГК как и МИД стало склоняться к тому, что в будущем Крым следует связать с Украиной.

Происходить это должно было, естественно, при удовлетворении украинцами ряда требований немцев, в первую очередь в части безопасности и благосостояния немецких поселенцев²⁸. Но что касается перманентных угроз со стороны Германии «передать Крым Украине», то они носили не более чем характер словесного давления, ибо подобный автоматический акт был бы невыгоден со всех точек зрения самой Германии. Бывший председатель деникинского Особого совещания А. С. Лукомский писал: «Украинское правительство неоднократно возбуждало вопрос о присоединении Крыма к Украине, но немцы определённо отвечали, что Крым должен оставаться самостоятельным»²⁹.

Интересен обмен телеграммами на эту тему и участников противоположного лагеря — красных крымчан с Москвой в начале апреля 1918 года. Глава правительства Республики Таврида А. И. Слуцкий, обращается в СНК РСФСР с просьбой³⁰ срочно подтвердить, что «Крым к Украине не отходит». В ответ наркомнац И. В. Сталин ответил³¹ председателю Севастопольского совета, что слухи об отходе Крыма к Украине ложны, что «по имеющемуся у нас документу германского правительства ни немцы, ни Киев на Крым не претендуют, берут только материковую часть Таврической губернии». На самом деле немцы просто вводили правительство Советской России в заблуждение, а Украина, имея такого сильного конкурента как Германия, не в состоянии была аннексировать Крым, хотя готова была помочь Германии в его захвате³².

Несколько слов о более позднем этапе. Когда Н. С. Хрущев посетил Крым осенью 1953 г., полуостров произвел на него удручающее впечатление. Для улучшения ситуации он принял радикальное решение — передать Крым Украине. Имел в виду Хрущев и другую задачу — переложить на Украину (Украинская ССР в то время была полноправным членом ООН) валютный долг Западу, полученный СССР по проекту «Крымская Калифорния». Эти деньги выделялись до войны Советскому Союзу для обустройства еврейских поселений в Крыму, но потраченные совсем на другие цели. С этой целью Хрущев полетел в Киев, где ему пришлось долго уламывать руководство Украинской ССР принять Крым под свою юрисдикцию. Советский Киев неохотно отнесся к этой инициативе Н. С. Хрущева. Украинские товарищи брать Крым не хотели — после войны им хватало и своих проблем. Однако использовав старые связи Хрущев смог уговорить украинских лидеров. Передел подчинения был сделан в виде роскошного «подарка» Украинской ССР накануне торжественно отмеченного 300-летия воссоединения Украины с Россией. В результате этого УССР должна была не только восстанавливать разрушенное войной хозяйство полуострова,

28 Федюшин О. С. Несостоявшаяся Украинская Держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России. 1917–1918/ Пер. С англ. Л. А. Игоревского. — М: ЗАО Центрполиграф, 2014, с. 226–227.

29 Зарубин А. Г. К вопросу о крымско-украинских отношениях периода гражданской войны// Клио, 1998, № 2(5).

30 ГАРФ, ф. р-130, оп. 2, д. 669, л. 27.

31 Там же, д. 581, л. 95в.

32 Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей..., с. 352–353.

но формально отвечать³³ за весьма ощутимый долг СССР по проекту «Крымская Калифорния».

Теперь вернемся в интересующий нас период — весну 1919 года. Москва (Политбюро ЦК) довольно поздно отреагировала на события в Крыму, вероятно лишь получив сигнал из Киева о создании Временного Крымского правительства. Подбор кандидатуры на пост главы Крымского Совнаркома начался лишь 23 апреля, поскольку именно тогда на заседании Политбюро РКП(б) решено было «Признать желательным создание Крымской советской республики»³⁴. Но фактически московская кандидатура так и не была определена в течение всего срока существования красного Крыма-1919. Вместе с тем, Москва совсем не держалась только за своих кандидатов в правительство и не старалась оттеснить украинцев. Так первое и единственное упоминание украинского кандидата на пост главы этого правительства исходило именно из Москвы. В протоколе от 23 апреля 1919 года записано: «... Через Раковского узнать мнение ЦК КПУ о кандидатуре Артема (Сергеева Федора Андреевича) на пост председателя Крымского Совнаркома». По-видимому, у Киева были определенные доводы не направлять Артема в Крым, после чего обсуждались другие кандидаты.

Ранее, в октябре 1918 г., Крымская подпольная большевистская организация по решению ЦК РКП(б) была передана КП(б)У. Произошло это по окончании работы второго съезда КП(б)У, происходившего в Москве. Постановлением ЦК КП(б)У Крым по партийной линии вошел в состав Украины на правах области с присоединением северных уездов Таврической губернии (Мелитопольский, Бердянский и Днепровский). Такой статус партийной принадлежности крымских большевиков сохранялся³⁵ до апреля 1919 г., после чего Крым в партийном отношении снова вернулся в РСФСР³⁶.

33 Относительно дискуссии о проекте «Крымская Калифорния» см. в Интернете на сайтах: ja-rus.ru, slawa.su, odigitria.by, maxpark.com, zan.off.ok.archipelag.ru.

34 РГАСПИ, ф. 17, опз, д. 3, протокол б/№ от 23 апреля, п. 3 (Крым).

35 Вопросы о подчиненности Крыма Москве или Киеву по партийной линии в начале мая задавали и Симферополь (И.А. Шульман от имени Крымского обкома) и Киев (ЦК КП(У): 6 мая. В Цека РКП От Крымского обл. комитета партии.

С образованием крымского правительства необходимо разрешить зависимость партийных организаций Крыма. Секретарь Обл. комитета Шульман. [получено 20 мая.]

25 мая. Ответ Крымскому областному комитету партии, № 2457.

Согласно постановлению VIII съезда партии Крым приравнен к области, организационно связан с Цека РКП(б). Секретарь Цека Стасова. (Стасова лукавит, ссылаясь на решение съезда. См. Восьмой съезд РКП(б). М., 1959, с. 425).

9 мая. Москва, В Цека РКП(б) от ЦК КП(б)У.

Относится ли Крымский полуостров к ведению Цека РКП(б) или принадлежит Цека КП(б)У? Просим срочно выяснить. № 3454. Цека КП(б)У. Пятаков, Косиор. Получена 10 мая, [РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 73, л. 45].

13 мая. Ответ Киеву. ЦК КП(б) Украины.

Крымский полуостров относится к ведению Цека РКП. Секретарь Цека Стасова [Переписка Секретариата ЦК..., т. 7, с. 105, 359].

36 Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Часть II. Симферополь, 1957, с. 294.

Хотя в апреле 1919 г. Крымская парторганизация была формально возвращена в РКП(б), но по инерции многие государственные функции Крымской ССР решались в Киеве. Так вопрос с продовольствием в Крыму ставился в повестку дня киевским красным правительством. И вопрос этот был для Киева весьма обременительным. Еще 12 апреля военный нарком УССР М.Н. Подвойский докладывал³⁷ всеукраинскому ЦИК: «...Крым не является для нас в настоящий момент местом, куда мы могли бы входить с большой радостью. Это место голодное, которое ляжет на нашу Советскую республику самым тяжелым бременем». С первых же дней новой крымской власти пришлось озаботиться тем, чтобы кормить население полуострова. И в этом отношении надежда крымчан была связана с Украиной, а не с голодающим российским Севером. Первое сообщение об обращении Крымского губпродкома к Украинскому Центрисполкому относительно обмена продуктами между Крымом и Украиной поступило в Киев уже через 5 дней после взятия красными Симферополя. Список предлагаемой Крымом продукции был довольно широк — семена, шерсть, соль, брынза, сельди, рыбные консервы, фрукты, табак, сафьян, вина и пр.³⁸

Часть информационных партийных сводок о состоянии дел в Крыму тоже направлялись не в Москву, а в Киев для ЦК КП(б)Украины. В частности, сохранились следующие сводки: от 6 мая — Ворошилов (в то время нарком внутренних дел Украины), от 1 июня — Черноусов (член Симферопольского ВРК) и от 12 июня — Шустер (глава Крымского обкома большевистской партии)³⁹. Напомним, что железнодорожной связи Крыма с Киевом через Перекоп тогда еще не было. Ездить приходилось через Чонгар и Мелитополь.

Крым в силу немногочисленности местной парторганизации остро нуждался в хозяйственниках и политработниках. Поэтому Москва насколько могла, реализовывала свои притязания на Крым — усиленно посылала в Крым своих эмиссаров для помощи в гражданской сфере. Направляла Москва и инспекторов по военной линии, но такая инспекция особенно болезненно воспринималась штабом армии и лично ее командующим П.Е. Дыбенко.

37 Гражданская война на Украине (сборник документов и материалов), т. 1, кн. 2, Киев, 1967, с. 334.

38 Таврический коммунист (Симферополь) № 16, 29 апреля, с. 4; Прибой (Севастополь). № 444, 13 мая (30 апреля), с. 2.

39 См. Приложение к Политической панораме: «Сводки, доклады и отчеты из Крыма для ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У».

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КРАТКИЕ БИОГРАФИИ ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА**НАРКОМЫ — ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА ПРАВИТЕЛЬСТВА**

ГАВЕН ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ (Дауман Ян Эрнестович) (1884–1936). Нарком внутренних дел. Член Социал-демократической рабочей партии Латвии с 1901 г., активный участник революции 1905–1907 гг. в Латвии. Участник 5-го съезда РСДРП(б) (1907). Арестован в феврале 1908 г., до июля 1914 г. находился в каторжных централах Риги и Вологды, где был покалечен охранниками. Затем был сослан в город Минусинск Енисейской губернии. После освобождения в ходе Февральской революции 1917 года организовал съезд Советов Средней Сибири. В сентябре приехал в Петроград как делегат Демократического совещания. В конце сентября партией большевиков был направлен в Севастополь, где был избран членом горкома и губкома партии, а с декабря — председателем Ревкома. С марта 1918 г. член Совнаркома республики Тавриды, нарком военно-морских дел, а также председатель Комитета защиты революции. Руководил обороной Крыма от румынских и немецких интервентов, организовывал эвакуацию красных сил в Новороссийск. В мае — июне член штаба Кубано-Черноморской республики, был контужен, болел 10 месяцев. С марта 1919 г. находился в действующей армии в распоряжении РВС. В период второго прихода красных в Крым — председатель Крымского обкома РКП(б) и одновременно нарком внутренних дел и член Президиума Крымского Совнаркома, с июня председатель Совета обороны. В 1920–1921 годах член Крымревкома, в 1921–1925 гг. член КрымЦИКа, возглавлял Крымпомгол (комиссию по борьбе с голодом). С июня 1921 г. председатель Комиссии по борьбе с бандитизмом при Крымской ЧК, активный участник «красного» террора на территории Крыма. В 1924 г. отозван из Крыма как сочувствующий троцкистской оппозиции, жил в Москве, работал в сельхозсекции Госплана СССР. Seriously болел и лечился (вторичный туберкулез голеностопных суставов и тромбофлебит). В 1931–1933 годах — директор советской нефтеторговой фирмы «ДЕРОП» в Германии. По болезни постепенно отошел от активной деятельности и в 1933 году вышел на пенсию. В 1932 году, находясь в Германии, якобы входил в оппозиционную «Группу О.» и был одним из тех, кто осуществлял связь между оппозицией в СССР и Л.Д. Троцким. В апреле 1936 г. был арестован, 3 октября того же года приговорен к расстрелу по обвинению в участии в троцкистской организации. Реабилитирован в 1958 году.

ДЫБЕНКО ПАВЕЛ ЕФИМОВИЧ. Нарком военных и военно-морских дел.

Знакомство П.Е. Дыбенко с Крымом было своеобразным. Весной 1918 года, когда там хозяйничали немцы, Дыбенко приехал туда на подпольную работу из Одессы. И почти сразу угодил в руки сысского ведомства, ведь он был фигурой известной — как никак председатель Центробалта в 1917 году, да и с немцами воевал под Псковом... Отсидев несколько месяцев в Севастопольской тюрьме он был обменян на партию немецких пленных офицеров и выдворен в нейтральную полосу. Там он взял под свое управление несколько повстанческих отрядов, которым удалось в конце января 1919 г. взять Екатеринослав (Днепропетровск), а в феврале организовал из своих отрядов Заднепровскую

дивизию. То, что происходило с ним далее (взятие Крыма и его деятельность в период Крымской ССР) подробно описано в Военной панораме. Дальнейшую его биографию можно почерпнуть из книг И.М. Жигалова о нем (1983 и 1987 гг.).

Добавлю только сведения о его партийном стаже: в связи с неудачами под Псковом 18 марта 1918 года он был лишен партийного билета, но (что малоизвестно) восстановлен в партийных рядах 3 января 1919 года⁴⁰.

И еще несколько характерных фрагментов о начдиве Дыбенко из воспоминаний белого офицера П. Макушева, попавшего в плен к красным весной 1920 года. В то время П.Е. Дыбенко командовал 1-й Кавказской красной кавалерийской дивизией, входившей в Конармию Буденного, штаб которой находился в Майкопе. Итак, Макушев о Дыбенко:

Выше среднего роста, атлетического вида красавец с выразительными темными глазами.

«Будете вы анархистами или монархистами, для меня это безразлично. Я принимаю Вас к себе на службу, но предупреждаю: Служить честно». И сейчас же всех пленных белых офицеров распределил на командные должности.

Зуботычина, которой наградил Дыбенко писаря, который говорил с ним имея папиросу в зубах — свидетельствует о строгой дисциплине.

Дыбенко редко позволял себе ругань, и если это происходило, значит, действительно вывели из равновесия начдива.

На митингах Дыбенко говорит ясно, понятно для толпы — пользовался успехом.

Макушев описывает историю с расстрелом красных офицеров-евреев. Дыбенко спросонья после пьянки велел их расстрелять, решив, что речь идет о пленных белых офицерах. Выручила его подруга А. Коллонтай, дело замаяли.

Не любит евреев и не желает их иметь в своей дивизии. «Для вас у меня службы не найдется...» сказал он присланным четверем евреям — техническим офицерам, претендовавшим на места при почте, телефоне и т.п.⁴¹

ВУЛЬФСОН САМУИЛ (Семен) ДАВЫДОВИЧ («С. Давыдов») (1879–1932). Нарком продовольствия. Член РСДРП с 1902 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. Арестован, бежал и эмигрировал в Швейцарию. В 1908 г. вернулся в Россию. Вскоре был снова арестован и сослан в Архангельск. Во время войны уехал в Москву, поступил на работу в Центросоюз и после Февральской революции был одним из организаторов большевистской ячейки в Центросоюзе. Первое знакомство его с Крымом состоялось весной 1917 г., когда от Продкомитета Москвы, весной 1917 г. он приехал туда на хлебозаготовки и был введен в Исполком Симферопольского Совдепа. Весной 1919 г. поехал в составе «поезда Каменева» как представитель Москвы на Украину для хлебозаготовок. Когда поезд Каменева прибыл в Крым, он решил там остаться и вошел в крымское правительство в качестве наркома продовольствия. Главным образом занимался переговорами с Киевом и Харьковом по вопросам снабжения Крыма продовольствием и другими товарами. Текущими делами наркомпрода занимался его заместитель И.Ф. Федосеев (см. ниже в этой же главе). С падением красной власти в Крыму вернулся в Москву и был выбран председателем МПО. Позже в 1919–1920 гг. работал в аппарате снабжения армий южного направления. После разгрома Врангеля входил в состав Ревкома и обкома партии Крыма. По возвращении

40 РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 459, л. 12.

41 ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 381а, л. 2, 4, 11, 166.

в 1921 г. на работу в Москву — председатель МПО, член МК партии и член Президиума Моссовета. В 1924 г. перешел на работу во Внешторг (торгпредства в Италии и Австрии). С 1927 г. вел руководящую работу по хлебоэкспорту в Москве. В 1929 г. вследствие сильного обострения туберкулеза уехал за границу, где совмещал лечение с советской работой. Умер в Берлине.

МЕТЕТОВ СЕЛИМ МЕТЕТ (1887 – после 1928). Нарком иностранных член мусульманской Военной коллегии. Из семьи учителя. Окончил 9-летнюю татарскую духовную семинарию. Начинал трудовую деятельность торговцем фруктами. Участник революции 1905–1907 гг.; член РСДРП в 1905–1907 гг. и с октября 1917 по январь 1918 г. С ноября 1918 — член РКП(б). При добровольцах в подполье. При Врангеле редактор газеты «Крым Мусульманлары» (Симферополь). В первой половине 1920-х годов член Крымревкома, полномочный представитель РСФСР в Турции, член ЦК Турецкой компартии. Работал в Крымсельсоюзе и Внешторге. С 1928 г. подвергался репрессиям, выслан из Крыма. Дальнейшая судьба неизвестна.

НАРКОМЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПРЕЗИДИУМ

ГОРОДЕЦКИЙ ЯКОВ ФЕДОРОВИЧ (1876–1937). Глава Крымского совета народного хозяйства. Уроженец Полтавы, по профессии портной, член РСДРП с 1900 г. Один из основателей крымской организации РСДРП до II съезда партии. В 1902 г. арестован и сослан в Восточную Сибирь. В 1905 г. побег из ссылки. В 1907 г. опять арестован и сослан в Архангельскую губернию. После побега из ссылки эмигрировал в Париж. После революции возвратился в Россию. В ноябре 1918 г. направлен в Крым (Севастополь) на подпольную работу, член подпольного горкома, председатель стачечного комитета. Партийные клички «Жан», «Борис-1». На партконференции 28 апреля 1919 г. был делегатом от Севастополя. Эта конференция выдвинула его в состав Временного Крымского рабоче-крестьянского правительства в качестве главы Крымского совнархоза (т.е. наркома народного хозяйства), а также в члены Обкома партии. В 1920–1930-х годах на хозяйственной работе в Ростове-на-Дону. Последняя должность — директор Краевого отделения «Союзкультторга». Одновременно Я.Ф. Городецкий возглавлял Краевое общество каторжан и ссыльнопоселенцев Азовско-Черноморского края, был старостой общества. Это общество в 1936 году было признано контрреволюционной организацией. В связи с этим 17 октября 1936 г. Я.Ф. Городецкий был арестован и приговорен к расстрелу как участник контрреволюционной организации по статьям 58–8 и 58–11 УК РСФСР. Расстрелян 13 марта 1937 г. в г. Ростове-на-Дону. Место захоронения не известно. По вновь открывшимся обстоятельствам 10.10.1956 дело против него было прекращено за отсутствием состава преступления.

ПОЛОНСКИЙ ИОСИФ МАТВЕЕВИЧ (партийная кличка «Стёпа») (1889–1973). Нарком труда. Уроженец г. Черкассы Киевской области, рабочий, член РСДРП с 1907 г., участник Мозырского и Черкасского восстаний 1905 г. В 1909 г. арестован и сослан в Енисейскую губернию. В 1911 году бежал из ссылки и эмигрировал. Член парижской группы большевиков в период пребывания В.И. Ленина во Франции (декабрь 1908-июнь 1912). После революции возвратился в Россию. В 1918–1919 гг. один из руководителей подпольного областного комитета РКП(б) в Крыму. После январской (1919) партконференции избран

в подпольный Обком партии. Был выдвинут делегатом 3-го съезда КП(б)У, но на съезд, проходивший в Харькове, попасть не смог. Вошел в Мелитопольское бюро Крымского областного комитета, образованное тремя делегатами указанного съезда. На партконференции 28 апреля был делегатом от Феодосии. Конференция выдвинула его в состав Временного Крымского рабоче-крестьянского правительства в качестве наркома труда, а также в члены Обкома партии⁴². В начале 20-х годов на руководящей работе в Наркомтруде РСФСР и на профсоюзной работе в Сибири и в Москве. Согласно документам имел высшее образование. С 1931 г. состоял в Московском отделении Всесоюзного общества старых большевиков (членский билет № 884). Позднее на ответственной работе в торговом представительстве СССР в Париже. Приговорен 05.06.1948 как «троцкист» к 10 годам заключения. Освобожден 14.01.1956 и реабилитирован. Позднее — персональный пенсионер союзного значения. После освобождения проживал в Москве (Б. Афанасьевский пер., д. 31, кв. 15).

АРАБСКИЙ ИБРАГИМ (Ибраим Ибраимов). Нарком юстиции

Ибраим Ибраимов — один из организаторов в ноябре 1918 г. первой подпольной коммунистической ячейки татар в Крыму вместе с Али Боданинским, С.М. Меметовым, С.И. Идирсовым. Тогда же он взял подпольную кличку «Ибрагим Арабский», вероятно чтобы его не путали с братом Вели Ибраимовым (1888–1928) — известным крымским политическим деятелем. В марте 1919 г. оказался за линией деникинского фронта и вошел в состав коллегии Мелитопольского бюро Крымского обкома под партийной кличкой «Ибрагим»⁴³. В крымское правительство вошел уже под именем и фамилией «Ибрагим Арабский» в качестве наркома юстиции. Но автор книги о Гавене В.Е. Баранченко называет его в этой должности по старой памяти Ибраимом Ибраимовым, а не И. Арабским⁴⁴. Среди видных татарских коммунистов он фигурировал как «Арабский» и в советском Крыму 1921 г. Дальнейшая судьба мне не известна.

ИДРИСОВ СУЛЕЙМАН ИЗМАЙЛОВИЧ (1878 – не ранее 1934). Нарком земледелия.

Из семьи батрака. В 1900 г. закончил Симферопольскую татарскую учительскую школу. До 1906 г. преподавал, затем вольнослушатель Петербургского ун-та, студент педагогических курсов П.Ф. Лесгафта, студент (три курса) Психоневрологического института. В 1905 — эсер, в 1906–1907 — максималист. В сентябре 1906 г. привлекался к суду за участие в аграрном движении, бежал. В РКП(б) с октября 1918 г. С начала войны 1914 г. на фронте — рядовой. А 1916 г. дезертировал, поскольку ему грозил суд за антивоенную пропаганду, скрывался. В национальном движении в 1917–1918. Товарищ комиссара по внешним и национальным делам в правительстве Республики Тавриды. В 1920 г. управделами отдела Востока при ЦК РКП(б). В 1920–1921 гг. — член Крымревкома, заведующий Крымземотделом. Далее на хозяйственной работе. Исключен из партии в ходе чистки 1934 г., репрессирован.

42 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 312, л. 26.

43 РГАСПРИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 24.

44 Баранченко В.Е. Гавен. М. 1967 серия ЖЗЛ.

НАЗУКИН ИВАН АНДРЕЕВИЧ (1892–1920). Нарком просвещения.

Из крестьян Пермской губернии Назукин из (деревня Назукины Соликамского уезда Пермской губернии), работал кузнецом в Перми. В 1913 г. призван во флот. Окончил школу рулевых подводного плавания, служил помощником штурмана подлодки «Судак» Черноморского флота. С мая 1917 г. большевик; с декабря 1917 по апрель 1918 года член Севастопольского Совдепа (культурно-просветительская секция) и председатель Балаклавского Совдепа. Тогда же получил известность коммунистическими экспериментами. Делегат 5-го съезда Советов, член ВЦИК. В конце 1918 г. направлен на подпольную работу в Севастополь. Во время второго прихода красных в Крым совмещал три должности: председатель Балаклавского ревкома, член Крымского обкома РКП(б) и нарком просвещения. При эвакуации попал в Одессу. В августе он с Гавеном попал к махновцам, расстрел удалось избежать. Назукин вернулся в Крым, а Гавен уехал на север. С ноября 1919 г. Назукин — член подпольного ревкома и секретарь союза металлистов Феодосии. Там же был арестован и расстрелян 22 февраля 1920. На момент расстрела по паспорту значился как «Андреев Алексей Алексеевич».

Как следует из «Википедии», в июне И.А. Назукина в качестве наркома просвещения должен был заменить Я.А. Тугендхольд (1882–1928) — российский, затем советский художественный критик, искусствовед, направленный из Москвы в Крым для обследования состояния местных музеев, но занять должность Назукина он не успел.

ФИРДЕВС (Керимджанов) **ИСМАИЛ КЕРИМОВИЧ** (1888–1937). Нарком по делам национальностей, заместитель наркоминдел и председатель мусульманской Военной коллегии.

Родился в Симферополе в семье приказчика. Окончил Симферопольскую татарскую учительскую школу и работал народным и частным учителем. Знал несколько иностранных языков. Член большевистской партии с мая 1917 г., первый большевик из крымских татар. Нарком по иностранным и национальным делам Республики Таврида. В 1920–1921 гг. заведующий комиссариатом народного образования.; в 1922–1924 — и.о. наркома юстиции и верховного прокурора Крымской АССР. Странник ассимиляции с русским населением, русофил. Активный участник националистической группы М.Х. Султан-Галиева, в связи с чем в 1926 г. был отозван из Крыма, работал в Ростове инспектором Северо-Кавказского отдела наробраза. В 1929 г. по тому же поводу был исключен из ВКП(б), арестован и выслан на Соловки, где умер (расстрелян?) в 1937 г.

БОДАНИНСКИЙ АЛИ (правильнее — Баданинский) (1865–1920). Управляющий делами правительства.

Родился в деревне Баданы под Симферополем (отсюда и фамилия) в 1865 г., т.е. в 1919 ему было около 55 лет. В период существования Курултая (парламента татар Крыма) Али Боданинский исполнял обязанности секретаря Курултая. Известно, что он подписал два документа: «ярлык» Курултайского парламента и «ярлык» Джаферу Сейдамету о доверии ему при выдвижении на пост премьера в Крымском краевом правительстве. С. Сулькевича. В сентябре 1918 г. члены социалистического крыла Курултая (Али и Уесеин Боданинские, Меметов, Лутфи и Идрисов) подали декларацию о выходе из состава Курултая «по причине принципиальных несогласий с линией, проводимых последним в отношении всех основных вопросов политической жизни». Вместе с другими наиболее активными левыми (С. Меметов, Вели Ибраимов и Идрисов) А. Боданинский ушел в подполье

и связался с большевиками, находившимися в тот период на нелегальном положении⁴⁵. В момент прихода Красной армии принимал активное участие в организации рабочих дружин по охране порядка в Симферополе. Входил в Ревтрибунал, в обком партии. Организовывал газету «Ени-Дунья» совместно с Мустафой Субхи. Секретарь татарского бюро при Обкоме партии, организовывал работу татарских агитаторов. Эвакуировался с Д. Ульяновым, Досманбет Аджи и другими членами правительства в Одессу. Летом 1920 находился в штабе Красной армии под Мелитополем. Во время десанта Слащева у деревни Кирилловка (50 км от Мелитополя) в течение 10 дней прошло 7 сражений. На красный штаб наскочили броневики белых и А. Боданинского зарубили.

КОЛЛОНТАЙ (Домантович) А.М. (1872–1952). И.о. наркома пропаганды и агитации, одновременно начальник политотдела КСА.

Родилась в семье генерала. В социал-демократическом движении с 1890-х годов., в РСДРП с 1906 г. С 1908 г. до февраля 1917 г. жила за границей. Нарком государственного призрения (социального обеспечения) в первом Совнаркоме. Жена П.Е. Дыбенко. Основное направление работы — агитация и пропаганда среди женщин-работниц. Вот что вспоминала она о своей деятельности в Красном Крыму в 1919 г.: *«Из Харькова я направилась в Крым, где была назначена председателем Политуправления Крымской Республики, начала там налаживать журнал, школу политработников, взялась за сплочение интернационалистов и установление сношений с рабочими южных государств Европы. Эвакуация из Крыма прервала начатую работу. Последнее воззвание к населению от советской власти в Крыму написано мною ночью накануне эвакуации. Разумеется, и в Крыму я вела работу среди трудящихся женщин»*⁴⁶. Кроме того в мае 1919 г. она опубликовала несколько статей в харьковских и севастопольских «Известиях» Севастополя (в последних — за подписью «К. О.»). Далее А.М. пишет: «В Киеве, куда я приехала из Крыма, меня назначили наркомом пропаганды и агитации Украины». Там она провела два месяца, и в сентябре 1919 г. вернулась в Москву.

ЗАМЕСТИТЕЛИ И ПОМОЩНИКИ НАРКОМОВ

СЕМЕНОВ ИВАН НИКИТИЧ (1885–1936). Заместитель наркома и и.о. наркома юстиции. Замещал в этой должности И. Арабского в период между 18 мая и 2 июня.

Уроженец Смоленской губернии. Образование начальное: 3,5 года церковно-приходского училища и один год в школе черчения. В царской армии не служил. В 1912–1917 годах рабочий-металлист судостроительного завода в Ревеле (Таллине). Член партии эсеров с 1912, партии левых эсеров с 1917; член РКП(б) с 1919, партбилет № 1317615 выдан Севастопольским уездным комитетом. С июня 1917 по январь 1918 председатель и член исполкома Севастопольского Совдепа, один из организаторов красногвардейских отрядов в порту. В Республике Тавриды (по 24 апреля 1918) заместитель председателя Центрального исполнительного комитета. Был тяжело ранен во время расстрела руководства Республики Таврида крымскотатарскими повстанцами. После лечения три месяца работал в мастерских Севастопольского военного порта, был заместителем

45 Елагин Вл. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. // Революция в Крыму, № 3, 1924, с. 100–101.

46 Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. Одесса. 1921. с. 53.

председателя Севастопольского подпольного городского ревкома. С ноября 1919 по май 1920 — политработник в Красной армии. Затем до декабря 1921 — заместитель председателя Мелитопольского ревкома. С января 1922 по 1925 на советской работе в Севастополе, в частности — заведующий заготовительной секцией Севастопольского здравотдела. Затем работал по линии Истпарта ЦК ВКП(б). Автор воспоминаний о расстреле руководства Республики Тавриды⁴⁷.

Б.Я. ЛЕЙБМАН — главный помощник И. Арабского в наркомате юстиции.

О нем известно немного. Он профессиональный юрист, присяжный поверенный. Меншевик, активный противник большевиков октябре 1917 г. Наряду с другими видными меньшевиками входил в Еврейский общественный совет и руководство областного профсоюзного бюро⁴⁸. В мае 1919 г. член Исполкома Симферопольского Совдепа, хотя против его избрания возражали большевики⁴⁹. После ухода красных из Крыма в июне 1919 г. скрывался, но уже в июле был арестован денкинцами. В 1935 г. проживал в Москве. Дальнейшая судьба неизвестна.

БАГАТУРЬЯНЦ ЕВГЕНИЯ РОМАНОВНА (1889–1960). Заместитель наркома просвещения.

Подробные сведения о ней приведены в отдельной главе. Здесь же укажем, что в анкете партийной переписи 1927 г. она указала место работы и свою должность так: «Наркомпрос Крыма, заместитель наркома III/19...VI/19 (5 месяцев)»⁵⁰.

НОВИЦКИЙ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ (1888–1971). Член коллегии Наркомпроса.

Родился в Тельшевском уезде Ковенской губернии в семье мирового судьи. Историк и филолог, окончил Петербургский университет и Курский пединститут. С 1913 года — преподаватель в Симферополе. Пользовался популярностью выдающегося партийного работника и талантливого общественного деятеля с самостоятельной и стойкой политической позицией. Поэтому имел конфликты, как с советской властью, так и ее противниками.

О своем партийном стаже сообщал в анкете 1922 г.: *11 лет (с 1906 по 1917) во фракции большевиков РСДРП в Екатеринбурге, Самаре, Петербурге (агитатор и пропагандист); 2 года (1917–1919) в Симферополе во фракции объединенных интернационалистов РСДРП — председатель парткома; с февраля 1920 — в РКП агитатор, пропагандист, а в Москве (в 1921) — журналист*. О репрессиях в царской России сообщал: *1 год и 2 месяца находился в тюрьме, затем 3 года ссылки*⁵¹. Первый председатель Симферопольского совета, затем Таврического ЦИК, член Совета народных представителей (1917–1918). В период КССР (1919) член коллегии Наркомпроса. В начале августа 1919 был арестован контрразведкой белых, выпущен и вновь арестован. После освобождения с февраля 1920 член РКП(б) и подпольного Крымревкома. После Гражданской войны заведовал отделом Наробраза Крымской АССР. Полгода в 1921 вместе со своей женой Е.Р. Багатурьянц жил и работал в Москве (Наркомпрос РСФСР и газета «Труд»),

47 РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 412, л. 114.

48 Красный архив, т. 28 (1928 г.), с. 177.

49 Таврический коммунист, 1919, № 33, 20 мая, с. 4.

50 РГАСПИ, ф. 17, оп. 9, д. 1609, л. 169, 169 об.

51 РГАСПИ ф. 17, оп. 8, д. 331, л. 21.

затем они вернулись в Симферополь. Первый редактор газеты «Красный Крым», потом преподавал в Таврическом университете. В 1925 г. окончательно переехал с семьей в Москву. Впоследствии — театровед, член Союза советских писателей. Во время чистки 1934–1935 годов исключен из ВКП(б).

ГАЛЛОП АБРАМ ГРИГОРЬЕВИЧ. Начальник финансового отдела Совнархоза.

Член РСДРП с 1902 г., меньшевик, до 1904 г. проживал в Германии, затем вел партийную работу в России. Был сослан в Вологодскую губернию, после окончания срока ссылки вошел в Петербургский горком РСДРП. С 1912 г. лечился в Крыму от туберкулеза. В Симферополе создал профсоюз банковских служащих. Оборонец. С 1915 года в Московском военно-промышленном комитете, председатель Всероссийского союза рабочих и служащих. В 1917 году опять вернулся в Крым, где избирается товарищем головы Симферопольской думы. После падения правительства Врангеля — уполномоченный Наркомвнешторга по Крыму. Не позже 1924 г. — сотрудник внешнеторгового представительства СССР в Германии.

ФЕДОСЕЕВ ИВАН ФЕДОРОВИЧ (1874–?). Заместитель наркома продовольствия.

По профессии столяр, с 1917 г. работник кооперации. До 1917 г. работал в Симферополе на заводе и в мастерских. Партийность: Называл себя большевиком с 1903, но вышел из партии в 1917 г. из-за июльского восстания, считая его неподготовленным. В 1917–1918 гг. входил в интернациональную группу Лозовского (т.е. меньшевик-интернационалист). В 1918 г. не вступал в партию большевиков «из-за притеснений среднего крестьянства». С февраля 1917 до апреля 1919 — член Таврической губернской продовольственной управы. Весной 1918 г. заместитель наркома продовольствия в Советской республике Таврида. С апреля 1919 г. — заместитель наркомпрода Вульфсона-Давыдова — занимался текущими делами наркомата продовольствия. Некоторые документы подписаны им вместо Давыдова. В частности, его фамилия стоит среди подписавших правительственный декрет об образовании Реввоенсовета Крымской Республики⁵². Один из немногих коренных крымчан в красных крымских правительствах 1918 г. и 1919 г. В конце 1920 г. — председатель ревкома в Алуште. Затем (в 1921 г.) — сотрудник Крымского наркомпрода⁵³. Дальнейшая судьба его автору не известна.

НЕМЧЕНКО ЛЕВ ПАВЛОВИЧ (Павлов) (1890–1937). Ведущий сотрудник Комиссариата труда.

Родился в Генчешке, образование незаконченное высшее. Видный крымский меньшевик, проживал в Симферополе. В 1920 г. вступил в РКП(б), Летом 1920 г. работал в специальной службе «Закордот» (Закордонный отдел) при ЦК КП(б)Украины, которую возглавлял Ф. Кон. В августе заместитель начальника «Закордота». И.Д. Папанин писал в своих воспоминаниях, что именно Л.П. Немченко (Павлов) по просьбе М.В. Фрунзе выдал в октябре 1920 г. в Харькове ему мандат с широким кругом полномочий для работы в Крымском подполье. После прихода Красной армии в Крым осенью 1920 г. — член Крымского областного комитета РКП(б). Кроме того, имел отношение и к Крымревкому; так в Информационном листке отдела управления Крымревкома от 27 ноября 1920 г.

52 Прибой (Севастополь). № 449, 18(5) мая, с. 2.

53 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 163, л. 199–200.

отмечено, что «*Организация отдела труда (Крымревкома) поручена тов. Немченко*»⁵⁴. В.А. Оболенский в своих воспоминаниях, по-видимому, справедливо указал, что в Крым с Красной армией Л.П. Немченко вернулся уже как один из руководителей крымского ЧК, и что он повинен в массовых расстрелах. С 1921 по 1929 годы работал в Харькове и Москве в аппарате профсоюзного движения (ВЦСПС), занимался вопросами социального страхования. Автор нескольких брошюр этой тематики. С 1928 г. — директор Центрального управления социального страхования. Но, как известно, бывших чекистов не бывает. И скорее всего вся эта деятельность была лишь удобным официальным прикрытием для выполнения заданий по линии ВЧК-ОГПУ. В 1930 г. проходил по делу меньшевиков и был выслан. После окончания срока ссылки поселился в Калуге. Последняя занимаемая должность — начальник планового отдела Калужского ИТЛ НКВД. В 1936 г. исключен из ВКП(б) как бывший меньшевик и арестован. Осужден как участник контрреволюционной организации 29.07.1937, тогда же расстрелян, якобы, на Донском кладбище Москвы. Реабилитирован в 1956 г.

54 Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. Симферополь. 1968, с. 30.

Д.И. УЛЬЯНОВ ВО ГЛАВЕ КРЫМСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

На момент прихода в Крым красных сил Д.И. Ульянов служил санитарным врачом Евпаторийского уезда Таврического губернского земства. Формально оставил эту службу 1 мая 1919 года⁵⁵. В Евпатории он служил после Февральской революции 1917 года, когда поменялся местами службы с евпаторийским санитарным врачом С.И. Крыловым, а ранее (с 1911 года) занимал ту же должность в Феодосийском уезде.

В ходе формирования Временного правительства Крымской ССР он возглавил Наркомздрав, а в силу возникших обстоятельств также оказался временно исполняющим обязанности председателя Крымского совнаркома. Обязанности эти он выполнял до конца красного периода.

Между тем обращает на себя внимание своеобразная характеристика⁵⁶ Д.И. Ульянова, данная ему в свих мемуарах В.А. Оболенским.

«Доктор Ульянов был санитарным врачом губернского земства в Феодосии. Он никогда не высказывал своих политических взглядов и был известен как добродушный человек, пьяница и забулдыга, но он был братом «самого» Ленина.

Сомневаюсь, чтобы Ленин был доволен этой внезапной политической карьерой своего брата. Но рабы не всегда понимают психологию своих господ, и не подлежит сомнению, что доктор Ульянов был избран нашим правителем исключительно для того, чтобы сделать брату приятный сюрприз.

Ульянов сохранил свои качества и недостатки на посту председателя Совнаркома. Пьянствовал еще больше, чем прежде, властности никакой не проявлял, но как добродушный человек, всегда заступался перед чрезвычайкой за всех, за кого его просили».

Получается, что этот снисходительный пассаж Оболенского о пристрастии Д.И. Ульянова к спиртному, не оставляет возможности на другую точку зрения на эту личность. Следуя такой логике, остается лишь исключить его из реального состава правительства.

Конечно В.А. Оболенский — лицо вполне авторитетное, но в период Красного Крыма-1919 года он отсиживался в селении Биюк-Ламбат (Малый Маяк), остерегаясь расправы. Поэтому сам он свидетелем событий того периода в городах Крыма не был, и ни к кем из описываемых им «красных» деятелей не встречался.

С другой стороны, все советские историки в работах о Дмитрие Ульянове⁵⁷ тщательно обходили эту тему, подчеркивая многочисленные его деяния на посту главы правительства. Причем в таких описаниях главным образом шло перечисление документов правительства, на которых имеются подписи Ульянова.

55 ГАРК, ф. 60, оп. 1, д. 176, л. 125.

56 Оболенский В.А. Опять под большевиками (март-июнь 1919)//Моя жизнь. Мои современники. Париж, YMCA-PRESS, 1988, с. 650–651.

57 Яроцкий Б.М. Дмитрий Ульянов (1874–1943). Серия ЖЗЛ. Изд. 2. 1989; Ремезовский И.Д. Д.И. Ульянов — руководитель правительства Крымской ССР в 1919 г. // в кн. Революционная и общественно-политическая деятельность Ульяновых на Украине. Киев, Киевский государственный университет, 1963, (с.199–215); Чикин С.Я. Д.И. Ульянов. М., «Медицина», 1970;с.97–107.

Что же удастся почерпнуть из советских источников, обращая внимание не только то, что написано, но и то, что не написано... Памятуя, что в нашем случае о субъекте придется отзываться либо хорошо, либо никак не отзываться, выясняем, что В.Е. Баранченко в своей книге о Ю.П. Гавене о нашем субъекте скорее ничего существенного не сказал. Он лишь 2–3 раза упомянул его вскользь, а развернутой биографической справки о нем не дал.

Известен и еще один настораживающий момент — в обстоятельствах приближающихся к чрезвычайному в середине июня 1919 года был сформирован Совет обороны Крыма, и в этот Совет Ульянов не был включен! Получается, что доверие к нему остальных руководителей было не настолько высоким, чтобы оставить его не только во главе, но и в составе Совета обороны.

Попытаемся выяснить, насколько «главный русский недуг» Д.И. отразился на его работе на столь ответственном посту именно во время Красного Крыма 1919 года. Для этого обратимся к нескольким сохранившимся письмам Д.И. Ульянова⁵⁸. Письма эти самого разного характера: и личное письмо сестре М.И. Ульяновой, содержащее много фактической информации и охотно цитированное многими исследователями, и полуофициальное письмо брату В.И. Ленину и официальные обращения в разные инстанции. Необходимые комментарии даны в примечаниях к письмам.

Читатели, полагаю, согласятся с тем, что приведенные письма Дмитрия Ильича написаны, что называется «в здравом уме и твердой памяти». Они не носят следов ущерба или замутнения сознания и вполне отражают понимание автором самых разных проблем и задач текущего момента.

Д.И. Ульянов явно тяготился обязанностями главы крымского совнаркома, хотя исправно тянул эту лямку, вникая во множество проблем и вопросов. Но любимым детищем его был наркомат здравоохранения, который он возглавлял. Особенно отчетливо это видно из материалов Курортного съезда, проходившего 12–13 мая. В фонде Симферопольской городской управы сохранился почти полностью журнал заседаний этого съезда, проливающий свет не только на курортные дела, но и на некоторые аспекты здравоохранения в Крыму в целом и на деятельность Дмитрия Ульянова. В нашем современном понимании, это скорее был не съезд, а семинар, поскольку число его участников было невелико — несколько десятков человек. Главными организаторами съезда были нарком Д. Ульянов и его давний друг, заведующий санитарно-курортным отделом Наркомздрава Крыма А.А. Дзевановский. Упомянута работа по созыву Курортного съезда и в письме Дмитрия Ильича сестре Марии Ильиничне от 11 мая. По окончании съезда копии его журнала были направлены для обсуждения в местные санитарно-курортные отделы и профсоюзы врачей⁵⁹.

Д.И. Ульянов резонно призывал⁶⁰ не торопиться производить освидетельствование больных на предмет посылки в курорты и санатории, пока не будет разрешен вопрос об открытии курортов «так как всякое освидетельствование внушает больному уверенность, что он попадет в специальное лечебное заведение, и отказ в посылке всякий раз вызовет понятное недовольство и пререкания. Когда вопрос о курортах Совнаркомом разрешится, будет открыт немедленно распределитель и при нем организована комиссия

58 Тексты писем приведены в Приложении 3.

59 ГАРК, ф. 63, оп. 2, д. 882, л. 9.

60 Там же, л. 22.

для освидетельствования нуждающихся в курортном лечении». Итоговое выступление Д.И. Ульянова на съезде приведено в Приложении 3. В нем он пытается определиться с функциями санитарных служб в Крыму в 1919 году. Можно соглашаться или нет с его позицией с высоты современно медицины, но, безусловно, это вполне здравые и логичные рассуждения. Сообщал он о своих планах реконструкции курортного дела и в Москву заместителю наркома здравоохранения РСФСР З.П. Соловьеву. См. об этом в письме М.И. Ульяновой от 11 мая⁶¹.

С учетом изложенного, считаю, что слова В.А. Оболенского о пьянстве Д. Ульянова в 1919 году не соответствуют реальному состоянию дел. Все дела и документы показывают полную адекватность и действенность на высоких постах. Поэтому цитирование указанного мнения Оболенского нельзя считать правомочным.

Тем не менее, возможно, что в самом конце красного периода при неожиданной эвакуации руководства КССР из Крыма у него мог произойти нервный срыв и даже запой. Упоминание об этом «нервном заболевании» Ульянова в тот период имеется в книге И.М. Жигалова о П.Е. Дыбенко⁶².

Всерьез же склонность к вину стала мешать Д. Ульянову позже — в 1921 году, когда он вновь оказался наркомом здравоохранения, но в совершенно новых условиях красного террора. Как замечает В.Г. Зарубин, это стало для него «удобной ширмой, чтобы отгородиться от всего жуткого, что тогда творилось». Как результат — в 1921 году Д.И. Ульянова убрали из Крыма по просьбе сослуживцев, чтобы он не компрометировал своего брата⁶³.

61 См. Приложение 3.

62 Жигалов И.М. Дыбенко. М. Молодая гвардия, 1983, (серия ЖЗЛ), с. 215.

63 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 55, л. 7.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 3

ТЕКСТЫ ПИСЕМ Д.И. УЛЬЯНОВА

Д.И. УЛЬЯНОВ-МАРИИ ИЛЬНИЧНЕ УЛЬЯНОВОЙ В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ» 11 МАЯ⁶⁴

«Дорогая Маня, пользуюсь случаем, чтобы написать вам всем о моей жизни и работе здесь в Крыму.

В начале апреля я жил в Евпатории и вошел там в Ревком, там работы была бездна, удавалось спать не более 3–4 часов в сутки; тем не менее я совершенно ожил в этой обстановке и чувствовал себя превосходно, день проходил в общей орган[изационной] работе, на местах и в редакции, а вечером в 11–12 [часов] начинали заседание ревкома.

Затем в конце апреля меня перетащили в Симферополь тов. Гавен и др. Он знал меня по работе с прошлого года, и я должен был остаться в Симферополе наркомом здравоохранения и обеспечения.

Затем приехали Каменев, Ворошилов, Муранов и другие, и мы имели несколько частных организационных заседаний по составу Крымского временного Совнаркома.

Вследствие болезни Гавена, приковывавшей его к постели, его нельзя было избрать председателем, хотя он наиболее подходил бы к этому, как известный хорошо по прошлому году севастоп[ольским] и симфер[опольским] рабочим и матросам.

Временно, за неимением лучшего, посадили меня — в ожидании сильного кандидата с севера от вас.

Работы много, планы широкие у нас, но без помощи от вас и Киева сядем на мель — полное отсутствие денег и т. п.

О своем плане по курортному делу пишу Зиновию Соловьеву⁶⁵ на завтра созываю совещание товарищей и специалистов врачей, так что общего доклада и сметы представить пока не могу.

О делах расскажет т. Вульфсон⁶⁶.

У меня самочувствие великолепное, работа бодрит. При вашей поддержке будем налаживать курортную работу, после нескольких лет разгрома и хищений находящуюся в жалком состоянии. И устроим настоящую пролетарскую здравницу для всей Сов[етской] России, используя все лечебные ресурсы Крыма.

Крепко целую тебя, Аню и Володю, привет и пожелание здоровья Н[адежде] К[онстантиновне] и всем вам. Печальную весть о Марке⁶⁷ узнал недавно, она как громом поразила меня.

Твой Дмитрий.

64 РГАСПИ, ф. 15, оп. 1, д. 40, л. 3–5; Ульянов Д.И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. — 2-е изд., доп. — М. 1984, с.268–269. Полный текст публикуется впервые.

65 Зиновий Петрович Соловьёв (1876–1928) — врач, один из организаторов советского здравоохранения, заместитель Наркома здравоохранения РСФСР.

66 С.Д. Вульфсон-Давыдов — нарком продовольствия в Крымском правительстве.

67 Смерть М. Елизарова, мужа А.И. Елизаровой (Ульяновой).

P.S. Передай Володе, что в Евпатории в лучшей санатории у самого берега моря я приготовлю ему помещение, чтобы он хоть 2–3 недели мог отдохнуть, покупаться и окрепнуть. Там есть у нас все приборы для

Электро-гидро-механо — и гелиотерапии, и можно полечить ему руку. Тем более, что он никогда не видел нашего Черного моря. Надеюсь, что к тому времени море будет вполне наше без английских жандармов. Вероятно также Над[ежде] Кон[стантиновне], Ане и тебе следовало бы подумать хотя бы о небольшом отдыхе, чтобы потом приняться за работу со свежими силами.

Ане напишу при первой оказии, крепко целую ее и вас всех.

Тв. Дм.

При первой возможности приеду в Москву, очень хотелось бы видется.

Маня, к тебе пойдет Алексанова; она с ребенком хочет ехать в Крым к своим родным. У нее был гнойный плеврит, и ей следует полечиться на юге. Если можно посодействуй ей получить пропуск сюда.

Будь здорова, до скор[ого] свидания.

Штамп поступления в Москву 28.05.1919

Адрес: Москва. Редакция «Правды», Марии Ильиничне Ульяновой

ПИСЬМО Д.И. УЛЬЯНОВА В.И. ЛЕНИНУ⁶⁸

«Симферополь 9-VI-1919 г.

Дорогой Володя, твое письмо с т. Давыдовым получил. Груз доставлен нам вполне благополучно.

К Лид[ии] Мих[айловне] Кн[ипович] послал нашего товарища, старого партийного работника; он все выяснит, и я сделаю для нее все что нужно.

Пишу это письмо, пользуясь поездкой в Москву тов. Муравина⁶⁹.

Следующее дело, о котором я пишу **совместно с товарищами Вульфсоном и Гавеном**, считаем весьма спешным и важным.

Поэтому прошу тебя остановиться на нем и обратить на него внимание:

Т. Троцкий приказал арестовать и доставить в Серпухов, под личной ответственностью тов. Дыбенко, одного из работников Крымской кампании и Крымской армии, **тов. Петровского**.

Мы полагаем, что приказ этот вызван *прежними конфликтами т. Троцкого с т. Петровским*. (курсив мой — М. В.)

Последняя деятельность Петровского, происходившая на наших глазах, безусловно заслуживает внимательного отношения к выставленным против него обвинениям. Хотя он и анархист, но ничем реальным не проявил своего отрицательного отношения к Совет[ской] власти; причем как пример можем указать на его выступления в Сов[ете]

68 РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 25875, л. 93, 93 об, 94, 94 об. Полный текст.

69 Б.Н. Муравин — сотрудник Артиллерийского управления Московского военного округа, уполномоченный Центрального управления снабжения РСФСР. Приезжал с инспекцией Крымской армии Дыбенко. О конфликте М.А. Петровского с Л.Д. Троцким — см. биографическую заметку о Петровском в Военной панораме (приложение 1 к главе 1).

раб[очих] и кр[естьянских] депутатов и на красноармейских митингах с лозунгами за Советскую власть и полную дисциплину в армии.

Петровский нисколько не думает уклоняться от суда, но настаивает, чтобы его судили в Московском трибунале, дав ему этим возможность представить данные к своему оправданию.

Считаясь с его революционной деятельностью в Крыму (курсив мой — М. В.), присоединяемся **все втроем** к его требованию о Московском, а не **Серпуховском** суде над ним.

Петровского хорошо знает Зорин, с ним также успел немного познакомиться тов. Каменев.

В исполнение приказа тов. Троцкого Петровский направляется в Москву в распоряжение Совета Оборона.

Просим дать ему возможность лично с тобой объясниться, или с кем-нибудь по твоему указанию.

Надеемся, что наша просьба будет исполнена.

Положение дел здесь улучшается. В связи с развалом Махновской армии и возможным проникновением к нам отдельных банд и в связи с общим положением на фронте, здесь организован Совет Оборона, в составе товарищей Дыбенко, Гавена и Вульфсона, кот[орый] приступил к энергичной работе по организации тыла.

Будь здоров, крепко жму руку, товарищи шлют тебе привет — тв[ой] Дмитрий Ульянов.

Присоединяюсь к этому Пече, Вульфсон, Гавен»

Примечания:

Первая часть письма Дм. Ульянова — ответ его на несохранившуюся телеграмму Ленина от 24 мая в которой содержалась просьба выяснить, в каком состоянии находилась Л.М. Книпович — личный друг семьи В.И. Ленина и Н.К. Крупской. В документальной повести... «Под псевдонимом Дяденька» приведен эпизод о посещении Дм. Ульяновым Л.М. Книпович 14 мая. Судя по данному письму Ленину, это посещение не могло тогда состояться.

Вторая часть письма посвящена делу М.А. Петровского, который приехал в Москву вместе с Муравиным. Они и передали Ленину это письмо предположительно 14 июня. Судя по записке В.И. Ленина И.Т. Смилге от 14 июня, Ленин решил передать через Смилгу письмо в суд по делу Петровского. Для этого Ленин перечеркнул синим карандашом первую часть письма, не относящуюся к делу; кроме того, чтобы придать вес поручительству подписавших лиц, он надписал над фамилиями Вульфсона и Гавена, что они являются членами Крымского Совнаркома.

К ПЕРЕПИСКЕ В. ЛЕНИН — ДМ. УЛЬЯНОВ (О ТЕЛЕГРАММЕ ОТ 24 МАЯ)

Принято от ЧКтранс № 1/476, 2/476.

«На № 9129 и 9729. Вручить дежурному комиссару телеграфа. № 10129. По распоряжению предсовнаркома Ленина. Прошу немедленно уведомить времени доставления № 24529 от 24/5, адресованного Крымское правительство, Ульянову. Сноска: Кремль^{70»}

«В[есьма] срочно на № 10129 от 27 мая,

27 мая, 23 ч.50 м. Москва. Кремль. Дежурному комиссару телеграфа.

№ 24529 из Москвы в Симферополь адресом Ульянову вручен 25мая в 8 ч. 20 м. Завпочтель Мамигонов^{71»}

25 мая

Строго секретно. По трем адресам:

Москва, Предсовнаркома Ленину
— * — Зампредреввоенсовет Склянскому
— * — Главначснаб Судьину

Положение в Крыму грозное. Одна бригада Дыбенко переброшенная с Укрфронта силою обстоятельств принуждена была развернуться в Армию, состоящую в данный момент из двух дивизий. Всего пехотных стрелковых полков 12, двух кавалерийских и легких артдивизионов, двух гаубичных батарей двух орудийного состава, одного инженерного батальона, авиа-парка с восемью машинами, пять бронепоездов. Всего насчитывается до 25 тысяч людей, из коих вооружены только 12 тысяч, кроме этого приступлено к формированию частей войск Военкомами. Но дело тормозится полным отсутствием вооружения и обмундирования. Наплыв добровольцев очень большой — можно было бы сформировать значительную Армию, но принуждены силою обстоятельств приостановить всякое формирование. В то же время стратегическое положение Крыма и в особенности на Керченском участке за последние дни сильно обострилось и стало грозным в связи с авантюрой Григорьева и прорывом в Донецком Бассейне на участке девятой дивизии тринадцатой Армии. Пришлось перебросить: **на григорьевский фронт** два пехотных и один кавалерийский полк⁷², а также два бронепоезда, **на Донецкий фронт** три пехотные полка и два бронепоезда. Кроме того, приходится посылать остатки снаряжения на Донецкий фронт, откуда все время поступают отчаянные вопли. К тому же командарму Дыбенко⁷³ пришлось выехать на григорьевский фронт. Добровольческая армия в разных местах Крымского побережья неоднократно делала попытки высадить десант в Гурзуфе, Бердянске и других местах. Поставленная нами оперативная задача следующая: занять Керчь во что бы то ни стало и этим самым прочно закрепить за собою Крым и оказать сильную поддержку Южному и Кавказскому фронтам.

Нам необходимо немедленно: по меньшей мере три тысячи русских трехлинейных винтовок, тридцать пулеметов «Максим», восемь гаубичных сорока восьми линейных или

70 ГАРК, ф. р-2264, оп. 1, д. 14, л. 132.

71 ГАРК, ф. р-2264, оп. 1, д. 14, л. 131.

72 4-й Заднепровский, 1-й Ударный, а также кавалерийский полк Маркозашвили.

73 Подробности боевых действий Крымской армии против григорьевцев рассмотрены в специальной главе Военной панорамы.

сорока двух линейных орудий и двенадцать легких трехдюймовых с соответствующим количеством амуниции, один миллион трехлинейных патронов. В отношении патронов положение отчаянное — достреливаем последние, о чем Вам сообщено телеграммой от 24-го мая за № 951. Вообще следует сказать, что мы за последний месяц ничего не получили от Укрфронта. Люди босые, голые и на этой почве начинается сильное брожение. Мы принуждены конфисковать у населения последние штаны для Армии, но это мало помогает, необходимо десять тысяч комплектов обмундирования. Просим все указанное имущество спешно отправить Вашими средствами в Симферополь, или же мы пошлем своих приемщиков. Ответ ожидаем сейчас же.

Предсовнарком Крыма Ульянов⁷⁴

Замкомандарма Петровский

Член Реввенсовета Толмачев

Печать: Временное Рабоче-Крестьянское правительство Крыма

Народный комиссар военный и морской

Со своей стороны свидетельствую полную необходимость и обоснованность требований. До сих пор Крымская группа войск обходилась исключительно запасами захваченными в занятых местностях, ничего не получая от Укрфронта. Прошу три тысячи винтовок нарядить и немедленно выслать из «особого запаса» Московского артсклада, один миллион патронов и пулеметы из Тульского артсклада, обмундирование из Москвы. Ответ прошу телеграфировать мне.

Уполномоченный ЦУС Военный комиссар

ОКАРТУ Московского Муравин (подпись от руки)

№ 958, 25 мая 1919 года⁷⁵.

ПЕРЕПИСКА О ТЕХНИКЕ ДЛЯ УБОРКИ УРОЖАЯ:

14 июня Д.И. Ульянов — Х. Раковскому:

«Через три недели начнется уборка урожая, который гибнет из-за отсутствия сельскохозяйственных орудий, тогда как Александровский завод завален сельскохозяйственными орудиями и принадлежностями. Настаиваем на распоряжении Александровскому упродкому немедленно отпустить по нашему требованию нужное количество орудий без требования взамен вина, кож и табаку. Надеемся, что не дадите погибнуть десяткам миллионов пудов хлеба, столь нужного для рабочего населения»⁷⁶.

Ответ Х. Раковского:

«Сообщил Вашу просьбу о сельскохозяйственных орудиях из Александровска Квинрингу и поддержал ее с моей стороны о срочном выполнении. На эвакуацию этих машин из Александровска мы ассигновали семь миллионов рублей. Предлагаю вам отправить Вашего делегата для принятия того, что будет Вам предназначено»⁷⁷.

74 Судя по печати, да и по содержанию письма, Д. Ульянов не готовил этот документ, он создан военными — в первую очередь начальником штаба КСА (на тот момент заместителем командарма) М.А. Петровским.

75 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 12, л. 49, 49 об.

76 ГАРК, ф. п-150, оп. 150, д. 144, л. 17.

77 Там же, л. 26; Шишко Е.А. Крымская партийная организация в период второго установления Советской власти в Крыму (апрель 1918 г. — июнь 1919 г. //Борьба большевиков

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ Д.И. УЛЬЯНОВА НА КУРОРТНОМ СЪЕЗДЕ 13 МАЯ 1919 ГОДА

«Ульянов: Как видно из заслушанных докладов с мест, единого плана в организации дела нет. Нет у нас в этом отношении и инструкции Центра, а потому дело надо наладить нам самим согласно требованиям самой жизни. При этом у нас появляются

Два рода вопросов: 1) вопросы момента, выдвигаемые жизнью и (2) вопросы будущего. То, что налажено в медико-санитарном деле целыми десятилетиями, что постепенно сложилось благодаря работам специалистов, необходимо сохранить и затем расширить соответственно нашим целям и нуждам населения. Вопросы второго порядка — это наши мечты, и их надо постепенно наметить и подготовить разработкой применительно к условиям жизни.

Организацию Краевого Управления я представляю себе в таком виде. Оно должно быть разделено на следующие три отдела. Первый отдел должен объединить судебно-медицинских врачей в городах и уездах и наладить это специальное дело. Второй отдел должен быть разделен на подотделы городской медицины, сельской медицины и специально гигиенический. Сюда же надо отнести пока и курортный подотдел, который впоследствии придется преобразовать в особый отдел. Третий — фармацевтический отдел должен объединять работу всех соответствующих отделов на местах и в первую очередь заняться организацией центрального склада медикаментов, перевязочного материала, предметов по уходу за больными. Кроме этих трех отделов по моему глубокому убеждению должен быть создан особый отдел — просветительский. Всем хорошо известно значение народного невежества в деле громадного развития эпидемиологических болезней у нас, высокой смертности и т. д. Раньше на это дело обращали мало внимания, теперь надо его поставить наряду с другими. По моему мнению, для заведывания им не нужно врача, надо пригласить опытного и знающего работника, который поставил бы это дело громадной важности. Необходимо развить сеть выставок, музеев, организовать лекции и т. п.

Медицина военная, железнодорожная, тюремная должны входить в общую организацию. Во главе сего дела должна стоять коллегия при народном комиссариате здравоохранения. Через нее должны проходить все дела принципиального характера и более важные. Задачи социального обеспечения — руководство этим делом поручено также мне по той глубокой связи, которое оно имеет с медициной. Я полагаю выделить его в особый комиссариат, оставив в моем ведении⁷⁸.

за власть Советов в Крыму. Симферополь, Крымиздат, 1967, с. 200.

78 Из журнала Курортного съезда // ГАРК, ф. 63, оп. 2, д. 882, л. 15 об.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ

§ 1. СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ГОРСОВДЕП

Еще до создания Временного правительства началась подготовка к выборам в Советы различных уровней. Причем сначала инициативу перехватили небольшеvistские партии. *«Горком бездеятелен, прозевал выборы в городской Совет, которые начались без его ведома по инициативе профсоюзных организаций»* — так прокомментировали эту тему составители сводки поезда Каменева от 2 мая¹.

Для организации выборов в Горсовдеп в начале мая была создана избирательная комиссия при Симферопольском Ревкоме. Ее председателем стал коммунист Чистяков², секретарем Егоров. В комиссию по выборам вошли³ представители от ревкома, коммунистической партии, комсомола и женотделов, а также по одному представителю «всех партий, признающих Советскую власть». Комиссия выработала и опубликовала инструкции по выборам⁴. Предвыборная кампания проходила лишь десять дней — с 1 по 10 мая

Чтобы разобраться с уровнем свободы при выборах Советы, обратимся к «Инструкции по выборам в Симферопольский Городской Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов»⁵. Уже из заголовка инструкции следует, что депутатов от крестьянства вводить в Симферопольский Совдеп не предполагалось. И хотя «правом избирать и быть избранным в Совет пользуются независимо от вероисповедания, национальности, оседлости, все граждане обоого пола», выборы были явно не всеобщими, поскольку инструкция туманно предусматривала допуск к выборам лишь граждан, «добывающих средства к жизни производительным общественно полезным трудом». В Симферополе и по всему Крыму при выборах в Городские Советы голосовало не все население, а лишь члены профсоюзов.

Далее читаем: «Норма представительства: 100 членов — 1 делегат», т.е. выборы непрямые. Голосующие лишь выбирают делегатов, которые, в свою очередь,

1 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 50.

2 Чистяков Николай Николаевич, см. гл. 3, п. 4 примечаний.

3 ГАРК, ф. р-1733, д. 7, л. 21.

4 Таврический коммунист (Симферополь), 1919, № 20, 4 мая, с. 4.

5 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 12а, л. 1.

выбирают депутатов Совдепа. Определенное представительство оговаривалось для представительства от воинских подразделений. В соответствии с заданными нормами представительства голосование происходило внутри отраслевых профсоюзов

Еще интересный пункт инструкции (пункт 6): «Признавая за избирателем право открыто выражать свое политическое убеждение, выборы производятся ОТКРЫТЫМ голосованием». То есть, забудьте граждане о тайном голосовании! Заключительный пункт инструкции (пункт 11) гласит: «Выборы, произведенные до издания настоящей инструкции, считаются не действительными». Иными словами, перечеркиваются результаты выборов, инициированные меньшевистскими силами через профсоюзы. В начале мая в Симферополе соответствующие собрания были проведены⁶ среди членов профсоюзов табачников и гильзовиков, поваров, парикмахеров, учителей, работников городского хозяйства, фармацевтов и др. Практически во всех профсоюзах господствующее положение занимали меньшевики, поэтому за решающее преимущество большевикам пришлось серьезно побороться с ними.

Первое заседание Симферопольского городского совета депутатов (Горсовдепа) состоялось 15 мая. В его составе был 181 большевик, 32 социал-демократа (меньшевика), 27 левых эсеров. Открывала заседание от имени Ревкома «товарищ Лаура» (Е.Р. Багатурьянц), как глава предыдущего органа власти. С приветствиями и напутствиями выступали представители разных слоев общества и организаций.

Глава правительства Д. Ульянов так обрисовал задачи Горсовдепа: укреплять советскую власть и обеспечить возможность обороны Крыма. Необходимо наладить хозяйственную жизнь, в том числе сформировать финансовый аппарат, заметив, что на данный момент кассы пусты, развернуть культурную работу.

От армии новый Совет приветствовали М.А. Петровский, Федько и Пече; от профсоюзов — Бурмистров. Представители меньшевистских партий представленных в Совете (Немченко от меньшевиков, Крылов от левых эсеров и Митяев от анархистов) высказывались за единение сил всех слоев общества⁷.

Между тем, газетный отчет не отметил, что первое заседание Симферопольского Совета депутатов прошло не вполне гладко. От имени фракции социал-демократов П.И. Новицкий заявил, что выборы в Горсовет проведены неправильно, что выборами коммунисты не только руководили, но и навязывали свои кандидатуры. При этом Новицкий ссылаясь на выборы, происходившие в Симферопольской почтово-телеграфной конторе. Такие сведения были немедленно опровергнуты беспартийным депутатом, избранным от того же коллектива⁸.

В книге братьев Зарубиных⁹ несправедливо замечено, что первым заседанием Симферопольского совета депутатов его история по существу закончилась. На самом же деле этот Совдеп вполне успешно работал еще более месяца.

В Горсовдепе, в отличие от Ревкома, были широко представлены меньшевистские партии. В силу хотя и ограниченной выборности Горсовдепа такое обстоятельство отражало реальные предпочтения населения. Однако при формировании

6 Таврический коммунист, 1919, № 22, 7 мая.

7 Таврический коммунист, 1919, № 31, 17 мая, с. 2–3.

8 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 544, л. 5 об.

9 Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. с. 510.

Исполкома Горсовдепа большевики смогли добиться представительства в нем главным образом своей партии. В Исполкоме из 17 человек работало 14 коммунистов¹⁰; шестеро из них входили ранее в Ревком¹¹.

Первое заседание Исполкома Горсовдепа состоялось 19 мая.

Из 17 членов Исполкома в него вошло шесть членов распущенного Симферопольского Ревкома: Журавлев, Киров, Мамигонов, Бурмистров, Змиенко, Бешевли. Позже в исполком вошел Левин, тоже бывший член ревкома. Еще два бывших члена Ревкома Немченко и Бурмистров вошли позже в отдел Труда.

В протоколе первого заседания Исполкома отражено распределение¹² руководителей отделов Исполкома:

Отдел управления делами — Егоров
 Жилищно-земельный — Горонстаев
 Военный — «снят до наведения справок»
 Юстиции — Киров
 Соцобеспечения — Ибраимов
 Просвещения — Денисов
 Труда — Тихомиров
 Финансов — Бешевли* и Байрашевский
 Продовольственный — Абдуллаев и Миллер
 Совет городского хозяйства — Журавлев С.Г. и Змиенко

*) Бешевли попросил дать ему отпуск на лечение с 24 мая на 15 дней.

Все городские учреждения, ранее подчинявшиеся городскому совнархозу Ревкома, теперь перешли в ведение Исполкома Горсовдепа. Заметим, что после ухода красных из Крыма эти учреждения безболезненно перешли, как и раньше, в ведение Городской думы. Решением от 19 мая газета Известия Ревкома («Известия Симферопольского Военно-Революционного комитета») переименовываются в Известия правительства и горсовдепа («Известия Временного Рабочее-Крестьянского Правительства Крыма и Симферопольского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских Депутатов»).

На одном из первых заседаний Исполкома обсуждались меры по борьбе с безработицей. По этому вопросу было заслушано сообщение главы отдела труда Тихомирова. Решено было направить безработных на заготовку овощей, фруктов, табака и каменного угля. С этой целью были сформированы соответствующие подотдела

¹⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 20.

¹¹ Исполком Симферопольского Горсовета: Чистяков (председатель), Байрашевский, Денисов, Журавлев, Киров, Миллер, Горностаев, Мамигонов, Бурмистров, Тихомиров, Богданов, Бешевли, Змиенко, секретари Егоров и Ибрагимов [РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 982, л. 24г]. Была также избрана Ревизионная комиссия из 6 депутатов. В нее вошли четыре коммуниста, один меньшевик (Шульц) и один левый эсер (Черноморский) [Таврический коммунист, № 39, 27 мая].

¹² ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 172, л. 8 об.

отдела труда. Кроме того для запуска авиационного завода «Анатра» ассигновано 150 000 рублей¹³.

Один из важнейших вопросов — финансовый. Он обсуждался 29 мая. В связи с финансовыми трудностями Исполком Горсовдепа принял жесткий порядок выплат сумм. Даже для получения сумм до 300 рублей нужен был документ с тремя подписями: заведующего соответствующим отделом Исполкома, заведующего финансово-бюджетным отделом и бухгалтера. Если требуемая сумма превышала 300 рублей, то дополнительно необходима была еще подпись председателя Исполкома¹⁴. Под постоянным вниманием Симферопольского Совдепа оставался вопрос продовольственного снабжения города. Внеочередное заседание Совдепа по этому вопросу состоялось 12 июня¹⁵.

Военное положение красного Крыма с каждым днем становилось все опаснее, поэтому на совместном заседании Симферопольского Совета депутатов, совета профсоюзов, правления профсоюзов и фабрично-заводских комитетов 17 июня было принято решение о мобилизации буржуазии на оборонительные работы, а пролетариата в Красную армию¹⁶.

§ 2. СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОРСОВДЕП

Позже чем в Симферополе проходили выборы в городской Совет депутатов Севастополя. Лишь 25 мая прошла публикация многочисленных извещений различных профсоюзов о проведении предвыборных собраний¹⁷. Только 3 июня в театре «Ренессанс» состоялось торжественное открытие Севастопольского Совета рабочих, красноармейских и матросских депутатов. Также как и в Симферополе, заседание, посвященное открытию Совдепа открыл председатель Ревкома (Б.М. Занько)¹⁸. Характерно, что президиум собрания был многопартийный: из пяти человек три коммуниста, а также один левый эсер и один меньшевик. Отдельные приветствия и пожелания успехов в работе Совдепа прозвучали от профсоюзов, левых эсеров, меньшевиков и комсомольцев. Собрание приветствовали и военные: комендант города Купянский, а также представитель Особого отряда имени Дыбенко.

Преимущество коммунистов в Севастопольском Совдепе было менее значительно, чем в Симферополе. Так из 106 депутатов 67 — коммунисты, 23 — левые эсеры-борьбисты и 16 — социал-демократы (меньшевики)¹⁹.

На заседании 5 июня председатель Ревкома Б.М. Занько выступил с отчетом о деятельности Ревкома. Как писала партийная пресса города, «Ревкому выражена благодарность за его борьбу за осуществление власти пролетариата». Между тем

13 Таврический коммунист, 1919, № 39, 27 мая.

14 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 172, л. 12.

15 Крымский коммунист, 1919, № 53, 14 июня, с. 2.

16 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 147, л. 3.

17 Известия (Севастополь), 1919, № 25, 25 мая, с. 3.

18 Известия (Севастополь), 1919, № 33, 5 июня.

19 Известия (Ялта), 1919, № 32, 7 июня. Борьба (Киев), 1919, № 94, 11 июня.

были признаны сомнительными выборы в некоторых отраслевых профсоюзах (медицинских работников, журналистов и художников).

В Исполком Совдепа (единогласно при одном против) были избраны следующие депутаты:

- 19 коммунистов: Алексакис, Баранов, Мягкий, Некрутенко, Ярема, Кравцов, Рожков, Конуга, Ляшко, Федоров, Мазур, Гончаренко, Лепухин — это члены исполкома, а также кандидаты: Жиганас, Козлов, Беспятов, Бондаренко, Богуш, Мозель;
- пять левых эсеров: Баккал, Белявцев, Харламов, Козлов, Семенов;
- два социал-демократа (меньшевика): Груман-Духанина, Шевченко.

Левые эсеры высказали пожелание исключить опеку Совета со стороны парткомов (в первую очередь большевистского). Меньшевики потребовали подчинение Севастопольскому Совдепу не только гражданских, но и военных властей²⁰. Председателем Севастопольского Совдепа был избран О.Х. Алексакис²¹.

В июне первоочередной задачей становились военные приготовления, поэтому 11 июня состоялось расширенное заседание Севастопольского совета депутатов совместно с представителями правлений профсоюзов города и представителями частей армии и флота, специально посвященное вопросам всеобщего военного обучения и всеобщей мобилизации. С докладом по этим вопросам выступил председатель Совдепа, член обкома партии О.Х. Алексакис, который обрисовал напряженное положение Крыма и призвал по примеру рабочих и крестьян Украины выступить на защиту

²⁰ Известия (Севастополь), 1919, № 35, 7 июня, с. 2.

²¹ **Алексакис Орион Христофорович** (1899–1920). Уроженец Балаклавы, грек. Закончил Севастопольскую гимназию. Будучи учеником, участвовал в марксистских кружках. Член РСДРП(б) с 1917 года. В 1917 году организовал в Севастополе Союз социалистической молодежи, его председатель с 11 июня. Осенью 1917-го обучался в Киевском университете; принимал участие в боях с гайдамаками, был ранен. С января 1918 года вновь в Севастополе, член партийного комитета города, исполкома Севастопольского совета, секретарь Севастопольского ревкома. В феврале вел дело по расследованию обстоятельств «стихийного террора» в Севастополе, о результатах своей работы доложил Севастопольскому совету. В апреле 1918-го был одним из организаторов союза молодежи «III Интернационал». После отъезда из Крыма работал в партийных организациях Вятки, Владимира, Харькова. Председатель оргбюро по созданию комсомольской организации Харькова. С апреля 1919 года — политкомиссар 1-й Заднепровской дивизии, в составе которой участвовал в освобождении Севастополя от интервентов. С мая 1919-го член Крымского обкома партии и член президиума Севастопольского горкома. В июне 1919-го стал председателем Севастопольского Совета депутатов.

При падении Крымской ССР эвакуировался, далее — лектор Свердловского университета в Москве. В 1920 году направлен исполкомом Коминтерна в Грецию для ведения революционной работы. Погиб при переезде.

Делегат IV (март 1918) и VI (ноябрь 1918) Чрезвычайных Всероссийских съездов советов, IX (1920) съезда РКП(б), II конгресса Коминтерна.

В некоторых источниках ошибочно указано, что О. Алексакис был председателем Севастопольского Ревкома в 1919 году. На самом деле председателем ревкома был Б.М. Занько, а О. Алексакис был председателем Севастопольского Совдепа.

Крыма. Со своей стороны меньшевики И.Б. Либин, Груман-Духанина, П. Шевченко, заявили, что рабочие смогут влиться в ряды Красной армии «если настоящая власть осознает и исправит свои ошибки», из-за которых создаются, по их мнению, новые фронты, примером чему служат волнения крестьян на Украине, в первую очередь мятеж Н. Григорьева. Иначе, по мнению меньшевиков, желание рабочих идти на Советские фронты в ходе мобилизации не будет искренним. Таково же было мнение анархиста Соловьева²². Тогда же Произошло изменение названия газеты, теперь она стала называться «Известия Исполнительного комитета Совета рабочих, красноармейских и матросских депутатов города Севастополя». Тем не менее, Исполком Совдепа все же принял решение о мобилизации и всеобщем военном обучении трудящихся²³. В принятой резолюции²⁴, в частности, говорилось: «...В этот грозный час мы еще раз провозглашаем: кто не с нами, тот против нас! В рядах рабочего класса не может быть изменников. Все, кто за революцию, кто за власть трудящихся, — все под ружье!...». 16 июня состоялось еще одно собрание трудящихся Севастополя, посвященное мерам, предпринимаемым в связи с военной опасностью²⁵. Крепость и город Севастополь были переведены с осадного на военное положение, хождение по улицам разрешено до 12 часов ночи²⁶. Красной власти оставались считанные дни — 23 июня в город уже вошли части Добровольческой армии.

* * *

В нескольких населенных пунктах Крыма тоже успели пройти выборы Советов депутатов. Но не во всех, так не были сформированы совдепы в Ялте и Феодосии. Интересных материалов о местных Совдепах почти не сохранилось, если не считать удручающий пример работы евпаторийского совдепа, который описан в Панораме повседневности.

Довольно пеструю картину представлял собой Совдеп Карасу-Базара. Так из 50 членов Совдепа 21 коммунист и 19 сочувствующих, 5 беспартийных, 3 анархиста, один «независимый», и один меньшевик. Этот Совдеп избран 18 мая, его исполком 23 мая. В Исполкоме из 11 членов только 7 коммунистов. Проводивший обследование этого Совдепа представитель обкома В. Киров был такими результатами выборов явно недоволен: «С завтрашнего дня принимаю решительные меры к чистке и инструктированию отделов»²⁷.

15 июня в симферопольских, т.е. правительственных Известиях (№ 22) было опубликовано положение о выборах на съезд Советов Крыма. Согласно декларации Временного правительства оно должно было передать Съезду, как относительно легитимному органу полномочия управления Крымской ССР. Но ввиду падения республики этот намеченный съезд Советов Крыма не состоялся.

22 Известия (Севастополь), 1919, № 37, 11 июня, с. 1.

23 Волков В.П. За власть Советов! Симферополь, 1963, с. 135–136.

24 Известия (Ялта), 1919, № 38, 15 июня, с. 3.

25 Известия (Симферополь), 1919, № 23, 17 июня; Борьба (Киев), 1919, № 99, 17 июня.

26 Крестьянников, с. 420; ГАГС, ф. р-422, оп. 1, д. 3, л. 7 об.

27 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 194а, л. 106, 107.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Из почти десятка значительных по количеству национальных диаспор, населявших Крым к 1919 году¹, здесь будут рассмотрены лишь три, политические позиции которых особенно интересны своей остротой. Это диаспоры крымских татар, греков и евреев.

§ 1. ТАТАРЫ

Анализируя национальную политику трех «красных» периодов в Крыму несложно увидеть весь ее диапазон: от полной враждебности и террора по отношению к татарскому населению в первый период до третьего, когда дело доходило до принудительной «татаризации» чиновничьего аппарата.

Постараемся выяснить, как же решался главный национальный вопрос — с крымско-татарским населением, во время второго «красного» прихода.

С учетом печального опыта в этом направлении своего предшественника — правительства Таврической республики 1917–1918 гг., правительство Крымской ССР в самом начале своей деятельности декларировало «Полное и безоговорочное равноправие всех национальностей Крыма». На этот раз Крымский обком партии в специальном циркулярном обращении предостерегал² местные партийные организации: «Коммунистические организации должны помнить и твердо знать, что население неоднородное в национальном отношении — до 40% населения составляют татары. Все это необходимо иметь в виду».

Подготовка принципиально нового подхода к национальному вопросу началась еще до появления заднепровцев в Крыму. Основную ставку большевики сделали на помощь в этом вопросе турецких коммунистов. Так 31 марта Крымский обком сообщил, что при обкоме образовано Мусульманское бюро из двух турецких коммунистов

¹ Национальный состав на апрель 1921 года: русские с украинцами составляли 51,7% населения, крымские татары — 26%, евреи 6,9%, немцы 5,9%, греки 3,4%, армяне 1,7%, болгары 1,5%, болгары 0,9%. [РГАСПИ, ф.17, оп. 14, д. 395, л. 1–10].

² ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 6, л. 6.

Юсуфова и Али-Недима. В то же время координация деятельности была возложена³ на секретаря бюро обкома. «Ближайшей задачей бюро является создание и развитие партийных организаций и ячеек среди мусульман Крыма». В самом начале второго красного периода крымский обком партии озаботился «срочной присылкой агитаторов, журналистов и литературы», а также инструкциями по национальной политике для партийной мусульманской работы⁴. Инструкции, причем весьма специфические, не заставили себя ждать. В циркулярном письме губкомам⁵ предлагалось следить, «чтобы мусульманские секции ни в коем случае не обособлялись», а вся деятельность мусульманской секции «должна сводиться исключительно к пропаганде и агитации среди мусульман».

Комиссариат делам национальностей возглавлял первый коммунист из крымских татар Исмаил Фирдевс. По сути это был комиссариат по мусульманским делам, что видно из структуры комиссариата, имевшего отделы вакуфно-социальный, народного образования, осведомительный и регистрационный⁶.

Как справедливо предостерегали доброжелатели из харьковских «Известий» еще 13 апреля, национальный вопрос в местности с преобладающим татарским населением должен быть разрешен «умело и сразу». Пожелание о разрешении проблемы «сразу» было исполнено, а вот с тем, насколько «умело» этот вопрос решался, дело обстояло хуже.

Полностью преодолеть недоверие татар, в недавнем прошлом являвшимися откровенными врагами большевистского режима красной Тавриды удалось лишь внешне. Татары сделали вид, что поверили новому режиму. Они охотно пользовались теми привилегиями, которые им предложили большевики, участвовали в местных ревкомах — но только для того, чтобы заступаться за соплеменников перед властью. Об этом справедливо пишет⁷ В.А. Оболенский: «Еще со времени первых большевиков, так жестоко расправившихся с татарами, они питали к ним затаенную ненависть, и хотя послушно выполняли их распоряжения, беспрекословно избирали «революционные комитеты» и вообще внешне оказывали большевистской власти почет и уважение, но в потайных пещерах на всякий случай прятали винтовки и патроны». И далее, хотя несколько утрированно: «большевики старались внести разложение в патриархальный строй татарской жизни, пытались проводить в ревкомы так называемую бедноту, то есть по преимуществу наиболее развращенную часть татарской молодежи, преступников и хулиганов, но это плохо им удавалось. Татарские «середняки» были чрезвычайно сплочены и выдвигали на ответственные посты своих лидеров, которые с присущим восточным людям дипломатическим талантом умели вкрадываться в доверие к подозрительному начальству». А вот официальная версия явления, упомянутого Оболенским. Цитируем отчет Ю.П. Гавена

3 Переписка... т. 6, с. 441.

4 РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 2; Переписка..., т. 7, с. 231.

5 Аникеев В.В. Деятельность ЦК РКП(б) 1918–1919 гг. (Хроника событий). С. 436–437.

6 Известия ВЦИК (Москва), 1919, № 120, 5 июня, с. 2.

7 Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, YMCA-PRESS. 1988. с.655.

для Москвы: «С первых же дней образования правительства представители татарских групп и организаций выражали свое дружественное отношение к Советской власти и ее мероприятиям и желание работать совместно с ней. Такие молодые секции проявляют максимум энергии и начинают пользоваться симпатиями населения».

Каковы же основные причины неудачных попыток большевиков склонить на свою сторону коренное татарское население? Одна из причин противодействия — наличие в горной местности многочисленных татарских «эскадронцев», т.е. остатков боевых антибольшевистских формирований⁸. Эти татарские белые полки, конечно, не способствовали нормализации отношений татар с советской властью. Еще причина — прямолинейность работы большевистских агитаторов и чиновников в татарских массах. Этот недостаток тонко подметил Фахри во «Втором письме татарского деятеля». Заметка эта появилась в партийном органе «Таврический коммунист»⁹. Автор начинает свою заметку в духе восточной дипломатии, отмечая дальновидность компартии: она де «правильно угадала», включив в правительство четырех татар. А затем автор ненавязчиво излагает два пожелания относительно будущей работы среди татар: 1) чтобы социальные реформы, проводимые среди татар, осуществлялись «постепенно и не посредством штыков, ибо не приходится ожидать кого-то сопротивления со стороны татарской буржуазии». 2) «Быть особенно осторожным в деле проведения социальных реформ, имеющих какое-либо отношение к верованиям и религиозным или национальным традициям татар. Круто проведенную такого рода реформу татары примут как издевательство над их святая святых — религией...».

Наконец, как справедливо отметил историк Н.Е. Дементьев, в ходе всех трех приходов красной власти в Крым ни ленинская программа по национальному вопросу с требованием территориальной автономии, ни стремление к национальной автономии крымских татар в расчет не принимались¹⁰.

Очевидно, что процесс перестройки национального сознания должен быть длительным и постепенным. Именно этого и не удалось — краткость советского периода и кампанейщина, традиционно свойственная работе коммунистов, не могли дать и не дали существенных результатов. Перелома настроения широких татарских масс в пользу советского строя добиться не удалось. Такой же вывод следует и из заметки из татарской газеты «Миллет» осенью того же года по случаю общения татарских лидеров с прибывшими в Крым Деникиным и Шиллингом. Татарских лидеров вполне устраивал антибольшевистский режим в Крыму, установившийся после второго «красного периода». Их заботило лишь желание добиться максимальной самостоятельности татарской общины. Так на встрече с важными гостями ответственный редактор газеты «Миллет» Осман Мурасов¹¹ начал с реверансов деникинцам: «...

8 Известия (Киев), 1919, № 19 (46) 13 апреля, с. 2.

9 Таврический коммунист, № 34, 21 мая, с. 1–2

10 Дементьев Н.Е. К вопросу о принципах создания советских республик в Крыму // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь), № 4, 1993, с. 39.

11 После ухода красных // Миллет, 1919, № 12, 27 сентября; перевод с татарского: РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 982, л. 274.

Вы с Добровольческой армией спасли Крым. За это Вас благодарим. Просим бога Вашей успешной победы над большевизмом во всей России». А в заключение добавил сокровенное: *«Надеюсь, что Ваше превосходительство выполнит все свои обещания, выраженные в декларации — Вы сохраните самостоятельность крымских татар...»*.

§ 2. ГРЕКИ

В большевистской прессе Крыма самое большое внимание уделялось татарскому вопросу. Проблемы других национальностей почти не обозначались. Лишь изредка упоминалась еврейская и немецкая диаспоры. Греческая диаспора полностью игнорировалась. Так на праздничных митингах 1 мая 1919 г. в Симферополе и Севастополе выступали ораторы на нескольких языках, но греческий язык не был упомянут в газетных отчетах¹². Нет упоминаний о греках и в отчетах обкомовских партработников для Москвы и Киева. Это сейчас, почти сто лет после событий, приходится объяснять причину такого умолчания, а тогда это было всем ясно — ведь греческая диаспора в то время была активной противницей большевизма, как безбожной идеологии. Но обо всем по порядку.

В ходе захвата Крыма красными в конце 1917 г. многие местные греки выказывали сочувствие левым силам, а основной состав татарского сельского населения, наоборот, сочувствовал правым, что не могло не создать почву для конфликта. Политические пристрастия лишь обострили годами тлеющую взаимную неприязнь на религиозной и экономической основе. В период Советской Тавриды (1917–1918) у греков накопился опыт общения с большевиками, на которых они тогда ставили. Но опыт оказался отрицательным. Сначала перевес был на стороне греков, которые под прикрытием анархистствующих матросов безжалостно расправлялись с татарами. Позже, в ходе эвакуации красных, стычки были не менее жестокими, когда татары мстили, в свою очередь, грекам, свидетельства чему находим¹³ у В.А. Оболенского: *«Вечером мы смотрели на зарево вспыхнувших по всему берегу пожаров: татары мстили грекам за кровь своих братьев <...>. Греки бежали в Ялту <...> под прикрытием немецких войск от татарской мести»*. Теперь уже татары не менее безжалостно начали «резать» и большевиков и греков, и в больнице Алушты накопилась целая коллекция отрезанных ушей, грудей, пальцев и прочих частей тела несчастных жертв национальной междоусобицы¹⁴. Обе стороны понесли много жертв, были разграблены и сожжены несколько сел, часть греческого населения была вынуждена переселиться в города.

В Греции православным духовенством усиленно пропагандировались идеи беспощадной борьбы с большевиками. Греческое духовенство призывало¹⁵

¹² Таврический коммунист (Симферополь), 1919, № 20, 4 мая, с. 1. Заметим, что и 7 ноября 1920 г., т.е. когда советская власть пришла в Крым в третий раз и надолго, опять среди разноязычных ораторов на митингах не было греков.

¹³ Оболенский В.А. Указ. соч., с. 592.

¹⁴ Тархан И. Татары и борьба за Советский Крым // Революция в Крыму № 9, с. 16.

¹⁵ Крымский вестник (Севастополь), № 52, 8 марта.

к «священной борьбе с гонителями православной веры, оскверняющими храмы и притесняющими священнослужителей...». В политической сводке от 20 февраля¹⁶ сообщалось: «Наибольший интерес среди татар возбуждают <...> слухи о близком приходе в Крым греческих войск, которых татары сильно боятся. Среди греческого населения Крыма, наоборот, царит большое оживление, и делаются приготовления к встрече пребывающих греческих войск. Идея создания из местных греков добровольческих батальонов становится все более популярной в крупных греческих центрах, как-то: Евпатория, Ялта, Балаклава и Мелитополь...». И когда 23 марта на пароходе «Петр Великий» прибыл греческий десант (2 батальона численностью до 2000 человек), он был восторженно встречен буржуазией Севастополя. Командующий греческими войсками Нидер заявил, что греки с восторгом приняли на себя миссию помочь возрождению России¹⁷. И это при том, что еще 26 февраля Х. Раковский направил ноту министру иностранных дел Греции с протестом против отправки на Украину группы духовенства «для духовного воздействия на русских». Нота предупреждала, что присланные будут рассматриваться как шпионы¹⁸.

Греческая составляющая национального вопроса имеет и еще один аспект, не учитывавшийся историками — присутствие с ноября 1918 г. греческих кораблей и войск в составе оккупационного корпуса Антанты¹⁹. В отличие от представителей других стран, входивших в состав корпуса, греческие военные имели реальное оправдание своего прихода в Крым — защита своих соплеменников. В этом заключается основная причина того, что никакая большевистская агитация среди греков не давала результатов. Греческая диаспора — единственная, которая не поддавалась агитационным усилиям большевиков, только среди греческих военных не удавалось вести большевистской пропаганды. В тоже время известно, что «большевизации» легко поддались французы, что и послужило главной причиной вынужденной отправки французских военных из Крыма. Мало того, по некоторым свидетельствам, именно греческие солдаты хладнокровно расстреливали демонстрацию братания французских моряков и «красных» севастопольцев 20 апреля.

В начале апреля шла эвакуация греческими пароходами из Севастополя греческих подданных, а также всех русских к ним обращавшихся и с ними знакомых. Вот что вспоминал²⁰ по этому поводу бывший начальник штаба Севастопольской

¹⁶ Красный архив, 1928, № 3, с. 171–17.

¹⁷ Кальвари М. А. Интервенция в Крыму. Симферополь, 1930, 180, с. 46.

¹⁸ Черная книга. Сб. статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918–1919 гг. под ред. и с предисловием А.Г. Шлихтера. Государственное издательство Украины. 1925 (Всеукраинское общество содействия жертвам интервенции), с. 256.

¹⁹ Состав греческого флота, находившегося вблизи крымских берегов: броненосец «Лемнос», крейсер (дредноут) «Аверов» и 2 миноносца; адмиральское судно «Килькис», транспорт «Трапезунд». Кроме того, 23 марта на пароходе «Петр Великий» в Севастополь прибыл греческий десант в составе двух батальонов около 2000 человек, на следующий день один батальон отправлен в Симферополь. [Красный архив, 1928, № 4, с. 81, 85.]

²⁰ Рерберг Ф.П. Записки и воспоминания начальника штаба Севастопольской крепости // Библиотека-фонд Русское зарубежье. ф. 1, оп. 1, д. Е-96(9), л. 1424.

крепости Ф.П. Рерберг. *«Я знал двух генералов... вывезенных греками, которые при-
слали даже своих солдат и свои шлюпки, чтобы взять на пароходы все имущество
этих генералов. Любезность и порядочность греческих солдат по отношению к двум
старым русским генералам, лишенным власти и средств, была столь велика, что они
даже отказались получить какое бы то ни было вознаграждение: честь им и хвала».*

На этом история с греческим корпусом не кончается. Как докладывал Х. Раков-
скому П. Дыбенко, в Севастополе 3 мая на греческом дредноуте произошла беседа²¹
Л.Б. Каменева с греческим адмиралом Кукулидисом — специальным полномочным
представителем греческого правительства «для официальных сношений с полномо-
чным представителем Советского правительства». Накануне состоялась предваритель-
ная договоренность о переговорах между адмиралом Кукулидисом и заместителем
председателя севастопольского совнархоза Мощевским, о чем последний доложил²²
Л.Б. Каменеву. По словам Мощевского, греки готовы рассмотреть вопрос о торговых
отношениях и установить товарообмен с Крымом. «так как блокада России не была
объявлена союзниками и внешних препятствий для торговых сношений нет». В пере-
говорах с Л.Б. Каменевым, носивших по словам П. Дыбенко «полуконфиденциальный
характер», тема переговоров была другая: рассматривался вопрос о полном нейтра-
литете Греции, эвакуации ее сухопутных войск с Румынского фронта и выведения
греческих кораблей из Черного моря. Но конкретных договоренностей достигнуто
не было, и было решено²³ провести заключительные переговоры в Ялте с полно-
мочным представителем «Крымской Советской Социалистической Республики —
наркомвоенмором П.Е. Дыбенко». Затем 6-го мая в Севастополе греческий адмирал
беседовал с местным председателем местного ревкома Я. Городецким, командующим
группой войск С. Петренко и главой правительства КССР Д. Ульяновым. Тема бесед
в прессе не раскрывалась²⁴. Далее, 17 мая Ревком Ялты известил о предстоящем при-
бытии из Севастополя в Ялту греческого военного судна. Населению предлагалось
соблюдать спокойствие. Действительно, после полудня подошел греческий дредноут
«Аверов». «Военные представители Советской власти были приглашены на дредноут
для мирных переговоров». На этот раз переговоры с греческим адмиралом вел²⁵
наркомвоенмор КССР П.Е. Дыбенко. На следующий день последовало разъяснение,
что велись переговоры «относительно неприкосновенности оставшихся в Крыму
греков и их имущества». Похоже, переговоры не ограничивались только лишь без-
опасностью греков в Крыму. При обсуждении возможного нейтралитета Греции
относительно Советской России греческие представители свои выступления про-
тив большевиков в составе Антанты называли «вынужденными». Детали взаимных
уступок не известны, не похоже, чтобы Дыбенко дал греческому адмиралу какие-то

21 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 82.

22 ГАРФ, ф. 1243, оп. 1, д. 4, л. 139, 141.

23 РГВА, ф. 103, оп. 1, д. 27, л. 17, 26.

24 Известия (Харьков), 1919, № 108, 9 мая, с. 2 (сообщение от 7 мая).

25 Таврический коммунист, № 35, 22 мая, с. 3.

гарантии безопасности крымского греческого населения. В газетах сообщалось²⁶ лишь, что было достигнуто соглашение с небольшими компромиссами с обеих сторон. Но о жесткой позиции П. Дыбенко на переговорах известно из его доклада Х. Раковскому 6 мая: *«Греческому представителю было определено заявлено, что если со стороны греческого правительства будут открыты какие бы то ни было враждебные действия против Советской власти, все греческие подданные, которые находятся на территориях советских республик — здесь [их] более четырехсот тысяч — будут подвергнуты самым репрессивным мерам»*. Греческая сторона со своей стороны предложила²⁷ создать в Греции соответствующую Торговую палату, чтобы через нее в случае блокады Антантой черноморского побережья России, товары могли бы быть отправлены для нужд греческих граждан, проживающих в этой зоне.

Итак, греческая диаспора становилась заложницей. Только лояльное поведение греческого военного контингента могло уберечь крымских греков от крупных неприятностей. И греческим военным пришлось идти на дружественные реверансы в адрес большевиков. То, что это действительно имело место, подтверждает²⁸ заметка крымской корреспондентки газеты «Известия ВЦИК» в Крыму З.В. Рихтер-Дуровой. *«Греческий адмирал в Севастополе заявил представителю Красной армии, что все греческие суда покидают Черное море. Отныне Греция совершенно не будет участвовать в операциях против России. Перед отъездом адмирал с несколькими дипломатическими представителями заявил о симпатиях Греции к Советской России. Греческий консул говорил о желательности возобновления товарообмена, заявляя, что в ближайшее время придет России транспорты сукон, маслин, оливкового масла. Взамен греки рассчитывают получить сырье и табак. В частных беседах греческие представители в очень резкой форме отзывались о роковом влиянии Антанты, принудившем греков к участию в операциях против Красной армии. Греки всячески подчеркивают свое дружелюбие...»* И хотя греческие военные никаких формальных гарантий безопасности своих крымских соплеменников не получили, во время второго прихода красных обошлось без эксцессов на национальной почве.

§ 3. ЕВРЕИ

В Крыму еврейская диаспора составляла 8,4% к началу 1917 года, примерно вдвое увеличилась в 1920 году за счет притока беженцев с севера, но к 1921 г. снова сократилась и составила менее 8%, продолжая уменьшаться в последующие годы.

Очевидно, что значительная часть евреев считала революцию своей, т. е. обещавшую светлое будущее для угнетенной в царское время еврейской диаспоры. Отсюда массовый приток их в революционные организации и партии. Евреи Крыма были широко представлены в двух крупнейших предреволюционных российских партиях:

26 Таврический коммунист, № 36, 23 мая, с. 4; Известия (Харьков) № 119, 22 мая.

27 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 80.

28 Известия ВЦИК, № 107(659), 20 мая (из Симферополя 10 мая).

партии социалистов-революционеров (эсеров) и РСДРП. Действовали в Крыму и три немногочисленные чисто еврейские партии революционной ориентации:

Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России; Еврейская партия социал-демократов) оформил свою организацию на полуострове с 1904 года. Бунд не являлся сионистской партией, хотя отдельные члены группы склонялись к сионизму. В Крыму насчитывалось 6 городских организаций с общей численностью не менее 250 человек. В конце Гражданской войны многие активисты Бунда перешли в РКП(б).

СЕРП — Социалистическая еврейская рабочая партия. Эта партия считала себя народнической. Ее программа-минимум был созыв еврейского национального сейма на основе экстерриториальности и образование государства из автономий. Программа-максимум же было общесионистическое требование ухода на собственную территорию. Группы и организации действовали в 15 пунктах полуострова с общей численностью не менее 100 человек.

Поалей-Цион («Рабочие Сиона») — сионисты-социалисты. Партия сформировалась в 1901 году в Симферополе, когда из 40–50 ремесленников и торговцев сложился первый кружок Поалей-Циона («Рабочие Сиона»). Марксисты Поалей-Циона не выдвигали идеи промежуточного сейма, но подобно российским «экономистам» акцентировали примат экономической борьбы еврейских рабочих над политической. В Крыму насчитывалось 7 организаций, не менее 300 человек.

В целом эти еврейские партии революционной ориентации вполне устраивал национально обезличенный, но классово спаянный «интернационал», противопоставленный до недавнего времени единой национальной общности — русскому или украинскому народу. Этого национального врага и намеревались победить идеологи нового строя. Однако нивелирования или даже разрушения еврейского национального сознания не предполагалось, наоборот, оно всячески поощрялось. Национальная спайка позволяла максимально эффективно внедряться на нужные руководящие должности во всех сферах деятельности.

Как было отмечено в одном из отчетов крымских большевиков, все города Крыма были в то время «пропитаны антисемитским настроением». Единственным исключением была Балаклава²⁹. Одной из причин этого явления был приход в Крым красной Заднепровской дивизии, состоявшей из недавних украинских крестьян. А отношение коренного населения Украины к евреям была явно неблагоприятной. Вот как характеризовало³⁰ ситуацию там Политуправление Украинского военного наркомата в марте 1919 г. *«Волна погромов охватила почти всю Украину. Бандитами всех мастей ведется самая отвязанная антисемитская агитация. Гнезда провокационной работы свиты в красноармейских частях...»*.

На Украине еврейский вопрос имел и еще одну, изрядно подзабытую составляющую. Там нередко классовый антагонизм, всячески поощряемый большевиками, бесконтрольно перерастал в антагонизм национальный, которого красные власти

29 РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 21.

30 Переписка секретариата... т. 6, с. 522.

старались не допускать. Так, на заседании Киевского губкома КП(б)У 31 мая поднимался вопрос о появлении специальных еврейских карательных отрядов. Эти отряды, набранные из еврейских рабочих, направлялись в деревню для подавления восстаний крестьян. Такие отряды были сформированы и действовали, в частности, в районах Умани и Радомисла. Это чрезвычайно пагубно действовало на крестьян и, в свою очередь, способствовало возникновению новых крестьянских восстаний под призывами «Сбросить всех жидов-комиссаров». Бюро губкома партии посчитало, что в связи с массовым вливанием еврейских масс в армию пора заняться этими еврейскими отрядами и ни в коем случае не допускать их создания, поскольку это явление ³¹ «носит характер нездоровый... и выливается в... форму для нас губительную».

Но возвращаемся в Крым 1919 года. Конечно, в красный период сохранился антисемитизм на бытовой почве, традиционно имевший место среди русского населения. Но в этот период он нередко переходил в антисемитизм политический, поскольку действительно в советских учреждениях, в том числе и в руководстве, имел место избыток евреев. Нередок был и «антисемитизм слева». Я имею в виду действия не только солдат, но и красных командиров. Но до погромов и т.п. явлений дело никогда не доходило. Иное дело сразу после возвращения денкинцев. Вот как вспоминал ³² об один старый большевик, находившийся в тот момент (23 июня) в Симферополе. «Как только вошел в город казачий отряд, первым его делом было повешение на углу Салгирной и Екатерининской улиц одного гражданина. Дело произошло таким образом. При появлении белых стали собираться кучки народа, и вот среди одной такой кучки стоял молодой еврей. Один из казаков обратил на него внимание и спросил, кто он такой. Тот ответил: «концессионер гостиницы». «А, комиссар». Его сейчас же схватили, набросили веревку и повесили на дереве. Толпа разбежалась, и несчастный концессионер висел часа три, служа украшением улицы на радость освобожденной буржуазии и удивление толпы».

Однако через несколько дней страсти утихли. Члены про-революционных еврейских партий частью эвакуировались, частью ушли в подполье. Легализировались сионистские организации, отрицательно относившиеся к революционной деятельности и советской власти ³³. При большевистском правлении они не могли

31 РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 512, л. 434–437.

32 Каганицкий. Воспоминания / ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 452, л. 3.

33 В 1998 г. была образована Сионистская организация России (СОР). Это объединение всех сионистских организаций страны была частью Всемирной сионистской организации, созданной в 1897 г. В связи с невозможностью сношений с центральными сионистскими организациями на съезде сионистов Таврии, состоявшемся 15–16 февраля 1919 года было принято решение учредить Временный Мерказ (Совет) СОР в Таврии из представителей Феодосии, Севастополя, Евпатории, Мелитополя, Джанкоя, Бахчисарая, Бердянска, Ялты и Керчи. Его исполнительный комитет находился в Симферополе. При Мерказе создавалось Палестинское эмигрантское бюро. Лидер крымских сионистов Виктор Исакович Якобсон был уполномочен руководить сионистским движением в Таврической губернии пятым Всемирным конгрессом сионистов (1901). В Крыму действовали следующие четыре еврейские организации чисто сионистского направления, входившие в СОР и дистанцировавшиеся от революционной деятельности.

действовать открыто. Хотя отношение деникинских войск к еврейскому населению, как мы показали выше, оставляло желать лучшего, А.И. Деникин своим приказом разрешил деятельность еврейских общин на всей подконтрольной ему территории. В период деникинщины Крым стал одним из центров сионистского движения России. Наибольшую активность проявляла сионистская организация Альгемайн-Цион, комитеты которой имелись в Симферополе, Севастополе, Евпатории, Керчи, Ялте, Феодосии и других местах.

В Крыму существовали: союз пионерских организаций для работы в Палестине (Гехолуц), военно-спортивная организация Маккаби, сионистская группа Ахдус. В Таврическом университете действовала студенческая сионистская фракция Ферейн. В Ялте, Алуште и Евпатории работали санатории под эгидой «Общества охраны здоровья еврейского населения».

Крым стал единственным регионом, через порты которого шла легальная эмиграция российских евреев в Палестину. С августа 1919 года в Симферополе появилась соответствующая пресса: «Бюллетень Палестинского Эмигрантского Бюро». В 1920-м стал выходить «Вестник Еврейской Жизни».

В сентябре 1919 года в Балаклаве сионисты смогли провести свою региональную конференцию, на которой было заявлено о поддержке в целом политики Деникина, направленной на борьбу с большевизмом и воссоздание единой России. Решено было инициировать создание при Главнокомандующем особого политического бюро сионистских организаций, также предлагалось ускорить выезд евреев в Палестину и не допускать там распространения коммунистических идей³⁴.

Пристальное внимание еврейскому вопросу уделял последний белый правитель Крыма П.Н. Врангель. Агитация части духовенства фактически провоцировала погромные настроения. Особенно в этом преуспел протоиерей В.И. Востоков в Симферополе, по сути призывавший толпу к антисемитским погромам. И хотя ни малейшей симпатии Врангеля к евреям не прослеживается, ему нужен был спокойный тыл, и он издал специальный приказ, запрещающий публичные выступления сеющие национальную рознь. В своем интервью³⁵ Врангель отметил, в частности, следующее: *«В народных массах действительно замечается обострение ненависти*

Алгемайн-Цион — партия с национальной программой воссоздания еврейского государства на территории Палестины, в связи с чем, постулировалось неучастие во внутриполитических российских коллизиях, как чуждых евреям;

Циери-Цион — сионистская народная фракция, близкая по своим взглядам к кадетам. В Крыму действовала одна организация;

Мизрахи — федерация иудейского духовенства и близких к нему кругов;

Ферейн — сионистское студенческое объединение.

[Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. с. 27, 71, 72, 125; Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность, с. 68.]

34 Громов С. Е. К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период гражданской войны // Ученые записки Симферопольского государственного университета (Симферополь), 1998, № 6(45), с. 58–60.

35 Великая Россия (Севастополь), 1919, 5 июля.

к евреям... Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это часть еврейского населения, может быть оторвавшаяся от другой части еврейства, не разделяющего коммунистических учений и отвергающего советскую власть. Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться всеми имеющимися у меня средствами».

После ухода из Крыма сторонников Врангеля началось преследование сионистов. Некоторые из них были расстреляны. Но в то же время через Крым продолжал проходить значительный поток эмигрантов в Палестину. И до поры, до времени сохранялись еврейские организации вроде Гехолуц и Ахдус, действовавшие через различные товарищества, артели, кооперативы, клубы и т.д. До 1922 года в Симферополе существовал клуб Маккаби. В сельских кооперативах вела работу Сионистско-социалистическая партия. Лишь в середине 1920-х годов сионистское движение на полуострове было полностью разгромлено³⁶.

Что касается революционных еврейских партий, то после третьего прихода Красной армии в Крым единственной такой партией, которой удалось на время добиться легализации (4 февраля 1921 года) была Коммунистическая Поалей-Цион, т.е. Еврейская коммунистическая партия (ЕКП), выделившаяся из Поалей-Цион в 1920 году. Однако в 1922 году произошел очередной раскол: ряд руководителей ЕКП отказался от «палестинизма», т.е. пункта программы об активном содействии эмиграции евреев в Палестину. И в декабре 1922 года ЕКП приняла решение о разрыве с Всемирным еврейским коммунистическим союзом Поалей-Цион и «безоговорочным вступлении в РКП(б)» со всем имуществом и архивными материалами.

³⁶ Громов С.Е. Указ. соч., с. 60–61.

КРЫМСКИЕ ЧЕКА 1919 ГОДА

Предваряя текст о крымских Чека, приведем мнение московского Кремля о чекистах украинских. Оказывается, оно было, мягко говоря, неодобрительным. Так В.И. Ленин пишет¹ председателю Всеукраинской ЧК М.И. Лацису 4 июня 1919 года: «...Каменев говорит — и заявляет, что несколько виднейших чекистов подтверждают, — что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы слишком рано и впустив в себя массу примазавшихся. Надо постороже проверить состав — надеюсь Дзержинский отсюда Вам в этом поможет...». В Крыму же имела место своя специфика как в плане структурного состава, так и в реальных действиях Чека.

Начнем с официальных справочных² данных: Крымская ЧК (г. Симферополь) создана в апреле 1919 года. Решением СНК Крымской ССР 21 мая упразднена и влита в Особое совещание при РВС Крымской Советской армии. Председатель: Горев (апрель — 9 мая). Постараемся расширить эти скудные сведения.

Начальный период второго красного пришествия в Крым характеризуется двоевластием там чисто военных и гражданских Чрезвычайных Комиссий (ЧК). С одной стороны, там продолжали действовать так называемые «Прифронтовые» ЧК (их было три), а с другой — Таврическая губернская ЧК. «Прифронтовые» ЧК привезли с собой войска П. Дыбенко. Как докладывал позже политком 1-й Заднепровской дивизии П.И. Лукомский, его предшественник Д.М. Клейтман (фигурировавший под псевдонимом Кан) всю свою работу³ сосредоточил на «совсем ненужной работе в области чрезвычайки». Прифронтовые комиссии позиционировали⁴ свои задачи на том, чтобы осуществлять «надзор за действиями местных властей прифронтовой полосы». Что реально стояло за этими словами, лучше всего показывают малограмотные распоряжения прифронтовых ЧК (см. Приложение 1). Естественно, что Симферопольский ревком не потерпел вмешательства прифронтовой комиссии в свои

1 Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 338.

2 Плеханов А. А., Плеханов А. М. Всероссийская чрезвычайная комиссия СНК. Краткий справочник. — М.: СВГБ, 2011. — с. 231.

3 РГАСПИ, ф. 7, оп. 6, д. 139, л. 26.

4 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 185.

дела и разгорелся конфликт. Повод для него был пустяковый: ПЧК № 2 предложила передать частные парикмахерские профсоюзу парикмахеров «дабы очистить эту отрасль труда от эксплуататоров и дать возможность работать Союзу, деятельность которого будет протекать под вашим контролем». Ответ Лауры (Е.Р. Багатурьянц) Прифронтовой ЧК был весьма резок, он обобщал⁵ её отношение к посягательству на права Ревкома:

«Ввиду того, что вся верховная гражданская власть принадлежит ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО Симферопольскому Военно-Революционному Комитету, предлагаем впредь не делать указаний по вопросам, не относящимся к кругу Вашей деятельности».

Мало того, скоро Лауре удалось убедить П. Дыбенку вообще ликвидировать прифронтовые ЧК. На соответствующем распоряжении от 8 мая стоят подписи и Лауры (Багатурьянц) и П. Дыбенко.

«Всем уездным и городским Ревкомам и Совдепам Крыма

Все три [в варианте л. 388 пропущено «три»] прифронтовые Чрезвычайные комиссии на территории Крымской Советской Республики считаются не правомочными и недействительными. <...> Всеми вопросами специального характера ведает Особый отдел при штабе Крымской Советской армии.

8 мая 1919 года. № 8488.

Наркомвоенмор Крыма Дыбенко

Председатель Симферопольского Ревкома Багатурьянц». (подпись).

На документе стоит печать Ревкома⁶. Более точный вариант (и более ранний) текста см. приказ № 2 по штабу КСА⁷, от 6 мая. Таким образом, функции военных («прифронтовых») ЧК передавались Особому отделу только что созданной Крымской Советской армии.

Одно из первых заседаний Симферопольского ревкома (15 апреля, протокол заседания № 4) был посвящен организации городской ЧК, которая вскоре стала ЧК губернской (Таврической ГубЧК). Из протокола следует, что по этому вопросу сделал доклад инструктор Всеукраинской ЧК И.В. Дурандин, Тогда же были утверждены штабы ЧК, прошло обсуждение и утверждение кандидатур в её состав. Было решено дать публикацию по этому вопросу в газете. На первых порах ЧК возглавил сам И.В. Дурандин, а вскоре председателем утвердили Купайгородского⁸. Таким образом, с одобрения Ревкома в ЧК вошли не случайные, а вполне известные люди. Однако напомним, что это происходило на фоне весьма условной легитимности самого Ревкома. Некоторые ответственные лица Таврической ГубЧК перечислены

5 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 186.

6 Там же, л. 386, 387 — оригинал, написанный карандашом рукой П.Е. Дыбенко), л. 388.

7 «...Пункт 2. Все прифронтовые Чрезвычайные комиссии на территории Крымской Советской Республики считаются не правомочными и не действительными, а посему [руководителям ПЧК] предлагается немедленно прибыть в г. Симферополь в Особый отдел при Штабе Крымской Советской Армии для получения дальнейших указаний; всеми вопросами специального характера ведает особый отдел при Штабе Крымской Советской Армии». [РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 3, л. 2].

8 Протокол № 4 от 15 апреля /ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 12.

в Приложении 2. Весь период работы этой ЧК (сначала она была городской, но вскоре стала губернской), контролировал Ревком. Косвенным результатом правомерной работы Симферопольской ЧК явилось оправдание Лауры на суде при возврате денкинцев в Крым.

В бумагах ГубЧК нет оголтелости и безграмотности, присущих распоряжениям прифронтовых ЧК, но суть деятельности осталась. Так во время обысков и арестов теперь отбираются: «оружие, драгоценные камни, военные вещи, спиртные напитки и [самогонные] аппараты, ордена отличия, все серебряные, золотые и медные монеты. Все отобранное оружие должно быть передано в Военный комиссариат по спискам и протоколам». Разумные распоряжения тоже имели место: закрытие игорных клубов и запрет азартных игр; «регистрация(!) самогонных аппаратов и установок, выделяющих спиртные напитки»; запрет появляться на улице в нетрезвом виде. В «Известиях» дано характерное объявление о том, что всякие анонимные необоснованные доносы приниматься во внимание не будут.

Не обошлось и без веяний прежней эпохи: дворникам, как в царское время, подлежало теперь отвечать за укрывательство, только теперь за укрывательство контрреволюционных организаций и спекуляций⁹.

Практически сразу после перехода власти от Симферопольского ревкома к правительству под председательством Дмитрия Ульянова Таврическая ГубЧК была распущена — уже 22 мая глава Временного правительства Крыма Д.И. Ульянов и нарком внутренних дел Ю.П. Гавен подписали декрет¹⁰ об упразднении чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и уголовными преступлениями.

Для полноты картины по Симферополю рассмотрим, что сделано Симферопольским ревкомом в части охраны порядка. Охрану самого Ревкома и организацию приема посетителей на первых порах осуществляла студенческая дружина. П. Новицкий вспоминал¹¹ о том периоде: «*Масса студенческой и рабочей молодежи с красными повязками на левых рукавах фильтровали посетителей и быстро пропускали в кабинет. Молодежная гвардия охраняла и обслуживала Ревком*». Но по настоянию Обкома студенческая дружина была расформирована по соображениям классового характера. Общую охрану Крыма до 23 апреля осуществляла Егерская бригада из немцев-колонистов. Протокол от этого числа фиксирует постановление: «за 10 дней, которые Егерская бригада находилась в распоряжении Ревкома, произвести с ней расчет». На том же заседании было дано «Предписание т. Богданову о формировании «рабоче-крестьянской» милиции гор. Симферополя» (хотя какие в Симферополе крестьяне...). Предыдущие чиновники — начальник охраны города и начальник

⁹ ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 19, л. 9 об., 11, 12 об.

¹⁰ ГАРК, ф. р-1829, оп. 1, д. 8, л. 59–60.

Постановление Крымского СНК на заседании 21 мая «согласно предложениям сделанным Коммунистической партией большевиков и Севастопольского Ревкома постановил: **1. Отнять от всех особых отделов армии и контрольных пунктов право суда и расстрела, сделав их следственными органами...**» (Выделено мной — М. В.). [Известия (Севастополь), № 24, 24 мая, с. 3].

¹¹ ГАРК, ф. п-849, оп. 2, д. 307.

городской милиции должны были в срочном порядке сдать дела Богданову¹², который и возглавил милицию¹³. В середине мая в отряде Губернской городской милиции¹⁴ числилось 375 милиционеров, и имелся неполный комплект винтовок (215 единиц).

Во время второго прихода красных в Крыму еще не были развернуты Части особого назначения (ЧОН). Причина этому проста — не было сколько-нибудь значительного количества большевиков, из которых полагалось формировать эти части, причем это должны были быть преимущественно большевики с дореволюционным стажем. Успели определиться только со штабом ЧОН Крыма¹⁵. Первые отряды ЧОН из крымчан были созданы лишь в августе 1919 г. в ходе реорганизации отступившей из Крыма Крымской Советской армии.

Перейдем теперь к работе ЧК в Севастополе. Вслед за уходом из Севастополя кораблей Антанты 28 апреля приступила к исполнению своих обязанностей городская Чрезвычайная комиссия во главе с Ю.М. Крупчицким (Торба)¹⁶, о чем сообщал её приказ № 1. В приказе № 2 предписывалось сдать все оружие в трехдневный срок. Интересен и содержателен приказ № 3.

Первый пункт приказа запрещал «самочинные обыски, аресты, захваты частных квартир, всякие самосуды, в том числе и над бывшими чинами Добровольческой армии, реквизиции, конфискации и т.п. нарушения Революционного порядка».

Во втором пункте приказа¹⁷ пресекались попытки посеять национальную рознь: «Всякие призывы и выступления против отдельной нации будут караться со всей строгостью Революционных законов до расстрела включительно». Приказом № 4 «прекращалась продажа напитков, как спиртных, так и винных».

Вроде бы по документам о деятельности Севастопольской ЧК все обстояло благополучно. Среди её распоряжений был даже декрет о запрещении всех видов нищенства¹⁸. Но в середине мая Севастопольская ЧК стала известна бессудными

12 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 10.

13 Там же, д. 173, л. 54.

14 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 9, л. 33.

15 ГАРК, ф. р-3285, оп. 1, д. 1.

16 **Ю.М. Крупчицкий** (Торба) (1899–1976) В РСДРП(б) с 1917. В начале 1919 прибыл в Севастополь по заданию ЦК РКП(б) для подпольной работы. В марте 1919 на подпольной конференции избран секретарем горкома, с конца апреля председатель Севастопольского ЧК. Однако согласно протоколу Севастопольского горкома партии от 5 мая «Крупчицкий-Торба отзывается совершенно из ЧК для работы в партии; тов. Некрутенко делегируется в ЧК товарищем председателя комиссии». [РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 5, 6]. В советское время окончил Политехнический институт в Ленинграде, работал в промышленности.

Вайнблад (кличка Панин). Комендант Севастопольской ЧК. В марте 1919 участвовал в работе подпольной районной конференции в Севастополе. В июне 1919 отступил с отрядом из Севастополя. При эвакуации «ликвидировал (т. е. расстрелял) захваченных контрразведчиков» в помещении комендатуры Севастопольской ЧК. [ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 163, л. 68.]

17 ГАГС ф. р-422, оп. 1, д. 5, л. 1 об.; Известия (Севастополь) № 3, 29 апреля.

18 Декрет подписан 3 июня // Известия (Харьков) № 131, 6 июня с. 2.

расстрелами. Обратимся к отчету о деятельности Севастопольской ЧК на заседании городского Ревкома. Председатель местного Ревкома Б. Занько доложил, что «было расстреляно без суда красноармейцами 9 человек и 4 человека Чрезвычайной комиссией. Из них два как бандиты, и два как контрреволюционеры». Далее развернулась принципиальная дискуссия. Коммунисты потребовали привлечь виновных в расстреле к ответственности и впредь ни одного расстрела без санкции Ревкома не проводить. По мнению меньшевиков, Ревком вообще не имел права санкционировать расстрелы, поскольку он не принимал участия ни в следствии, ни в суде, а необходимо создать для этого революционный трибунал. Тем не менее, большевик Алексакис, а вслед за ним и левый эсер И. Семенов, требовали, чтобы Ревком утверждал или отменял каждый приговор трибунала¹⁹.

В связи с расстрелами в Севастополе Крымский Совнарком по предложению Севастопольского Ревкома 21 мая постановил:

1. Отнять от всех особых отделов армии и контрольных пунктов право суда и расстрела, сделав их следственными органами.
2. В срочном порядке организовать Военно-Революционный Трибунал Армии и Революционный Трибунал Крымской Республики.
3. Отныне ни одного расстрела без суда Рев. Трибунала произведено не может.
4. Назначить Следственную Комиссию с чрезвычайными полномочиями в составе представителей: Народного комиссара юстиции, Народного комиссара контроля и Военное-Революционного Совета Республики, для расследования причин расстрелов и привлечения к строжайшей ответственности виновных.
5. Поручить той же комиссии расследование случаев недопустимого поведения отдельных представителей военной власти по отношению к рабочим организациям гор. Севастополя. Имеется в виду протест профсоюза металлистов против действий начальника артиллерийского снабжения армии т. Поливанова²⁰.

В отличие от губернской ЧК, на местах создавались свои ЧК, порой именно из случайных людей. И поскольку такие ЧК были наделены огромными полномочиями, это могло приводить к злоупотреблениям. Такой случай, в частности имел место в Феодосии. Относительно деятельности Феодосийской ЧК мы не располагаем достоверной информацией, хотя «белые» газеты свидетельствовали об особенной жестокости именно феодосийской чрезвычайки. Якобы, в Феодосии²¹ «зверские казни, расстрелы, истязания производились массами. Прибытие добровольцев дало возможность засвидетельствовать ужасы отвратительной работы коммунистов, произвести фотографические снимки, похоронить тела по-христиански».

К сожалению, подтверждение кровавым событиям в Феодосии мы находим не только в романе В.В. Вересаева «В тупике» (роман — художественное произведение, что дает право на искажения), но и в публикации²², посвященной чтению

19 Прибой (Севастополь). № 452, 22(9) мая, с. 2.

20 Известия (Севастополь), № 24, 24 мая, с. 3.

21 Таврический голос (Симферополь), № 24, 20 августа (2 сентября), с. 4.

22 В.В. Вересаев. «В тупике» [история публикации] // Огонек, 1988, № 30, с. 30.

и обсуждению этого романа высшими должностными лицами Советской России. При чтении и обсуждении в Кремле 1 января 1923 г. романа «В тупике» присутствовали Л. Каменев, Ф. Дзержинский, И. Сталин, В. Куйбышев, Г. Сокольников, Д. Курский, А. Воронский, Д. Бедный, П.С. Коган и др. И.В. Сталин высказался за издание романа, но не государственным, а частным издательством. На обсуждении Ф.Э. Дзержинский поинтересовался реальностью главы феодосийской ЧК Искандером и его дальнейшей судьбой, намереваясь дать ход законному разбирательству злодеяний. Вересаев пояснил, что после прихода белых А. Искандера выследили и подстрелили дашнаки около парикмахерской, где тот пытался изменить свой облик. На упрек в том, что В. Вересаев будто бы клеветает на ЧК, Дзержинский заметил: «Товарищи, между нами — то ли еще бывало!». И хотя глава МВД Крыма докладывал в Москву, что в Феодосии Ревком весь состоит из коммунистов²³, похоже, это не помогло избежать злоупотреблений в тамошней ЧК.

23 РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 20.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

ОБЪЯВЛЕНИЕ

«Пунктовая № 1 Прифронтная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией спекуляцией и преступлениями по должности

Доводит до сведения [*вписано от руки*: дер. Кантчуп] Симферопольского уезда и его окрестностей что у кого имеется звонкая монета как-то золото, серебро и медь доставить в трехдневный срок со дня опубликования настоящего объявления в вышеуказанную комиссию на обмен кредитных билетов. По истечению срока если будут обнаружены таковые виновные будут оштрафовываться и объявляться врагами советской власти

Комиссия помещается на ст. Сарабулат»

Текст на печати: «*Пунктовая Прифр. Чрезвыч. Ком. по бор. с контр-рев. и т. д.*»²⁴.

Приказ № 3

«Пунктовая № 1 Прифронтная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией спекуляцией и преступлениями по должности

С опубликованием настоящего приказа всем гражданам дер. Кантчуп Симферопольского уезда и окрестностей имеющиеся на руках огнестрельное и холодн. оружие и военные предметы снаряжение прошу доставить в вышеуказанную комиссию в трехдневный срок со дня опубликования настоящего приказа. Лица не сдавшие оружие в 3 дневный срок и будет обнаружено будут караться по законам военного времени и подвергаться штрафу от 5000 до 1500 тысяч руб.

Комиссия помещается по ____ при Сарабуз в _____ Тавриды

Председатель, Секретарь»²⁵.

24 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 420. Типографский экз., пунктуация сохранена.

25 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 421. Типографский экз., орфография и пунктуация сохранены.

РУКОВОДСТВО ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧК

ПРЕДСЕДАТЕЛИ ГУБЧК

ДУРАНДИН И.В. — первый председатель Таврической ГубЧК, Прибыл в Крым как инструктор Всеукраинской ЧК; впервые упомянут 14 апреля²⁶.

КУПАЙГОРОДСКИЙ — утвержден в этой должности Симферопольским Ревкомом 15 апреля²⁷.

ГОРЕВ — упомянут в качестве председателя 28 апреля²⁸.

ОРЛОВ-ШЕСТАКОВ — упомянут в качестве председателя Губ ЧК 2 мая в сводке Поезда Каме-нева²⁹. Под фамилией Шестаков упомянут как член Мелитопольского бюро Крымского обкома (конец марта-первая половина апреля 1919 г). В протоколе Ревкома он упомянут как сотрудник Обкома, которым 13 апреля освобождено 8 человек из тюрьмы³⁰.

ЧЛЕНЫ ГУБЧК

По состоянию на 14 апреля³¹:

БАРАНЧИК М.С. — секретарь (у автора есть подозрение, что это никто иной, как Виктор Еремеевич Баранченко, бывший анархист, затем большевик, автор книги о Ю.П. Гавене в серии ЖЗЛ).

КУПАЙГОРОДСКИЙ — секретно-оперативный отдел

ЭЙХЕР — иногородний отдел (член Крымского обкома)

АЛЕКСИНСКИЙ — юридический отдел

По состоянию на 2 мая³²

РЫЛОВ, ДУРАНДИН, БАРАНЧИК, ЭЙХЕР

АДРЕСА НЕКОТОРЫХ ЧК В СИМФЕРОПОЛЕ³³

ПРИФРОНТОВОЙ ЧК № 2 — Дворянская ул., д. 8.

ВОЕННАЯ ЧК — Дворянская ул., д. Мурзаева

ГУБЕРНСКАЯ ЧК — Дворянская ул., д. 23, 25.

26 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 19, л. 5.

27 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 12.

28 Там же. л. 12.

29 ГАРФ, ф. 1243, оп. 1, д. 4, л. 32.

30 Протокол № 3//ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 9.

31 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 19, л. 5.

32 ГАРФ, ф. 1243, д. 4, л. 32.

33 ГАРК, ф. Р-2264, оп. 1, д. 14, л. 146–147.

СВОДКИ, ДОКЛАДЫ И ОТЧЕТЫ ИЗ КРЫМА ДЛЯ ЦК РКП(Б) И ЦК КП(Б)У

2 ДЕКАБРЯ 1918 Г. ТОВАРИЩУ СВЕРДЛОВУ ДЛЯ ЦК¹

По донесениям от 2-го декабря [1918 г.] в Симферополе состоялся областной съезд партии Крыма и Таврической губернии. Доклады с мест выяснили положение на местах.

1) В *Севастополе* есть комитет партии и Ревком, членов партии 200. Военная работа налаживается — выпускают листки, оружия много, сеть винтовки, патроны и револьверы. Есть три отряда от 30 до 40 человек в каждом, организованные железнодорожным Ревкомом. Есть связь с Германским Совдепом. Председатель его принадлежит к группе «Спартак», но прибытие союзников не дает возможности использовать немцев. Немцы обещали оставить некоторое количество оружия при уходе. Намечается возможность ведения агитационной работы среди союзных войск.

2) *Симферополь*. Есть партийный комитет: членов партии 100, много сочувствующих. Во всех [профессиональных] союзах есть ячейки. Военная организация налаживается, оружия пока нет, но есть возможность купить. Идет успешная запись в боевую партийную дружину.

3) *Евпатория*. Партийная работа ведется успешно; Совет профессиональных союзов в руках Комитета [партии], при всех союзах есть партийные ячейки. Ревком организуется, военная работа не велась за отсутствием денег. Есть оружие (около 100 винтовок); созданная Думой охрана — рабочая дружина состоит из коммунистов.

4) *Бердянск*. Есть партийный комитет, Ревком, небольшое количество оружия (15 винтовок, 750 патронов, 4 револьвера и 4 бомбы). Устанавливается связь с милицией в уезде. В большинстве сел есть партийные комитеты, ревкомы, есть оружие и вооруженные отряды; во всем Бердянском уезде обезоружена Варта, организуются Советы.

5) *Мелитопольский уезд*. Есть во всех селах партийные комитеты и ревкомы. Уезд охвачен успешным восстанием.

После докладов с мест была принята резолюция по текущему моменту, она будет прислана особо. На съезде был избран Областной партком из 9 человек, который выделил Областной Ревком в составе трех человек. Во всей области идет успешная организация партийной и военной работы. В Мелитопольском уезде [происходит]

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 4, д. 43, л. 11. В «Переписке...» не опубликовано.

восстание за восстановление Советской власти. Петлюровцев в уезде нет. Что касается Крыма, то он занят небольшим добровольческим отрядом (от 100 до 200 человек). Предполагается занятие Крыма союзными войсками. В Севастополе и Симферополе охрану уже несут английские и французские отряды. В Севастополе морских и пехотных [войск] пока 3000 человек, но ожидается прибытие больших сил.

[Обком просит прислать коммунистов, владеющих иностранными языками (английским, французским, итальянским), а также бывших военных для внедрения в ДА в целях разведки. В Харькове организуется рабочая милиция, немцы пока не противодействуют].

АПРЕЛЬ (ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ ПРИХОДА КРАСНОЙ АРМИИ В КРЫМ).

СВОДКА ИЗ СИМФЕРОПОЛЯ ДЛЯ ЦК КП(Б)У²

- По данным анкет ЦК в Таврической губернии насчитывается 1000 членов партии. Организация меньшевиков довольно многочисленная, пользуется большим влиянием.
- Листки издавались еще в нелегальный период. Настроение масс революционное.
- Последняя губернская [партийная] конференция была в январе.
- Имеется 10 товарищей, специально посвятивших себя партийной работе.
- Военная работа началась только после того, как была установлена связь с ЦК, что было не так давно, а в январе.

ТЕЛЕГРАММА ОТ 28 АПРЕЛЯ, НАПРАВЛЕННАЯ В ЦК КП(Б)У³

«Симферополь. Большинство партийных работников арестованы. Комитет [имеется в виду Крымский областной комитет КП(б)У — М. В.] бездействует. Несмотря на усиленные заявления членов местной организации, комитет отклоняет назначение общего собрания. Организация как советской, так и партийной работы по существу еще не начата, нужны люди и ревизия».

2 МАЯ. СВОДКА СОСТАВЛЕННАЯ ГРУППОЙ ЧК ПОЕЗДА КАМЕНЕВА ДЛЯ ЦК РКП(Б)

«Войска вошли в Симферополь **12 апреля**. Ревком первый распущен. Новый слаб. Председатель — **Лаура Багатурьянц**. Члены: **Иванов-Черноусов** (Ковальчук) (путанная голова, бывший политком начдива **Локотоша** удаленный за пьянство), **Журавлев** (бывший с.-р.), **Шустер** и др., всего 17 членов, из них коммунистов 13, меньшевиков [1, анархист — 1], с.-р. — 1, дашнакцутюн — 1. Отделы существуют почти все (управления нет). Работа поставлена крайне скверно.

Председатель Губчека **Орлов-Шестаков** (молодой), предполагается вместо него **Цибих** (Спб). Члены ЧК: **Рылов**, **Дурандин**, **Баранчик**, **Эйхер**; отряд ЧК 120 человек слабо вооружен, предполагается формировать батальон <...>

Гарнизон Симферополя:

- караульный батальон,

2 ЦГАООУ, ф. 1, оп. 4, д. 183, л. 53.

3 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 27; ЦГАООУ, ф. 1, оп. 4, д. 183, л. 39-40.

- юго-восточная рота (форм. Крымским правительством),
- студенческая дружина (разоружается)⁴,
- немецкая егерская бригада (колонисты — по списку 1700 штыков, налицо 800 (остальные в отпуску) состоит из кулацких элементов, инструктора у них — оставшиеся от оккупационных войск немецкие офицеры (не коммунисты), от имени 40 тысяч колонистов бригада просит не расформировывать их и поручить ей «охрану Крыма» [известно письмо об этом].

К Красной армии население относится хорошо (ожидало зверств, теперь отдыхает от таковых со стороны белых).

Обмундирование войск и снабжение плохое. Оставленные врагом запасы военного имущества забираются без плана, на учет берутся плохо. **Дыбенкой** взято из Егерской немецкой бригады 27 тысяч русских винтовок, осталось еще много иностранных винтовок и т.п. По дворам стоят автомобили и т.п. без учета. Завод «**Анатра**» взят на учет, есть два исправных [летательных] аппарата.

Настроение населения — сочувственное советскому строю. Враждебная агитация начинается <...> Горком бездеятелен, прозевал выборы в городской Совет, которые начались без его ведома по инициативе профсоюзных организаций. <...> По случаю нашего приезда⁵ плохо организован митинг. Облком [состоит] из 7 членов: **Журавлев, Шустер, Шульман, Городецкий, Степа** (Полонский), **Эйхер, Киров**.

Есть татарская коммунистическая группа, в которой работают известные Москве **Субхи** (член I Интернационала) и **Юсуфов** (турецкий коммунист, офицер). Партийные связи с уездами или слабы или отсутствуют.

29–30 апреля происходил [Симферопольский] уездный крестьянский съезд, созванный с разрешения Ревкома эсеровским правлением крестьянского съезда. Председательствовал **Чистяков** (коммунист, нетактичный). Настроение съезда — сочувственное советской власти, полно уважения к РСФСР. Однако противники коммунистов и вообще оппозиция встречались с большим одобрением. Резолюции приняты все коммунистические. 170 делегатов [съезда].

Ревком постановил: применять российские декреты и иногда вводить поправки из украинских.

Признаны обязательными к приему и охотно принимаются все денежные знаки: российские, украинские, ростовские, крымские.

Железная дорога находится в пользовании только военных.

Из России прибыли для скупки фруктов, томата, пряностей и т.п. продорганы Центрального Московского кооператива, Продпути, Рабочего Союза, петроградского Компрода.

Выходят «Известия Ревкома», «Таврический коммунист», с.-р. «Борьба». Распространяется орган политотдела [армии] «Борец за коммунизм».

4 См. о студенческой дружине, охранявшей Ревком, в воспоминаниях Новицкого и в протоколах Ревкома.

5 Это прямое доказательство того, что сводка составлена кем-то из состава «поезда Каменева».

Арестован коммунист **Маркус** за попытку организовать другой областной комитет КПУ...

*Далее приведен: известный состав правительства + Лаура указана как заместитель Назукина*⁶.

6 МАЯ. ДОКЛАД К.Е. ВОРОШИЛОВА В КИЕВ РАКОВСКОМУ, ЦК ПЕТРОВСКОМУ, НАРКОМВНУДЕЛ ВЛАСЕНКО⁷

Симферопольский Ревком... есть два меньшевика, один эсер, один дашнак-цутюн. Отделы кроме управления действуют слабо, связь с уездами плохая. Было несколько ЧК, некоторые уже упразднены. Военное имущество разбирается беспорядочно: Дыбенко увез 27 000 винтовок [для] формирования.

Плохо начаты выборы в Советы — дают большинство противнику.

Ревком постановил принять декреты российские.

Продорганы — скупка фруктов и прочего.

Арестован **Маркус**, пытавшийся организовать другой областной партийный комитет.

Севастополь Севастопольский Ревком хорошего состава начал работу, председательствует **Городецкий**; отделы организуются, войска вышли, английский броненосец ночью освещает город прожектором. **1 мая** обстреливал [и] арестовал нашу делегацию матросов [с] красным флагом.

Ревком Балаклавы телеграфировал [в] Севастополь этой ночью неприятельская эскадра начала обстрел.

Ялта: Комендант Левин, назначенный политкомом Дыбенко Каном вмешивается в дела Ревкома, реквизирует турецкие фелюги с шелком, вином и прочим. Членов партии 24.

Замечается наплыв паразитирующих советских служащих, особенно военных.

Военные власти не считаются с местными народами, военные коммунисты не регистрируются в местных партийных органах.

Ревкомы сразу образовались случайными элементами, всюду недостаток финансов и литературы. Наркомвнудел *Ворошилов* — в Наркомвнудел [Украины] *Пруссу*.

19 МАЯ. ДОКЛАД ЧЛЕНА ОБКОМА КРЫМА М.Д. ШУСТЕРА⁸ **В ЦК КП(Б)У**

В Крыму вся власть находится в руках «штаба армии Дыбенко», ни с кем не считающейся. С момента вступления в Крым сразу создалось двоевластие: 1) Ревком, составленный, по мнению штаба, из «саботажников» — членов обл. комитета и горкома и 2) штаб Дыбенко.

Начинается затаенная борьба между ними: ревком негодует на действия штаба, в котором главную роль играют анархист **Петровский**, левый с.р. **Сергеев**, бывший в штабе **Саблина** в Москве во время левоэсеровского мятежа. Штаб же назначает комендантов по всем городам Крыма, подчиненных только Дыбенко. Становясь высшей властью в городе, они распускают и созывают ревкомы (как

6 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 50–51; ЦГАОР, ф. 1243. д. 4.

7 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51 л. 75.

8 Он в то время возглавлял Крайпродком.

было в Ялте), своевольничают и безобразничают как **Сандомирский** и **Дубницкий**, которые врываются в банк с требованием «открыть оставленный ими в прошлом году сейф», скандалят и т. д. Приказы издаются военкомом, комендантом, ревкомом, а население не знает, кому подчиняться. Воспрещается, например, выезд из городов. Пропуска на выезд выдаются комендантом города, ЧК, ревкомом, но все они аннулируются комендантом станции. А Дыбенко отдает приказ выбрасывать из вагонов всех едущих как в Крым, так и из Крыма.

Проведение трудовой повинности заключается в том, что на улицах хватают людей *без разбора*, не разбираясь, рабочие ли они. Нередки случаи издевательств во время работы. По магазинам и фабрикам забираются товары под лозунгом «Все для Красной Армии», когда же ревком отвергает те или иные требования (например, предоставить 25 обеденных сервизов) Дыбенко лично грозит ему арестом.

Крайпродком лишается средств передвижения; продагентам, едущим заготовить посевные продукты, не выдаются пропуска; реквизируются повозки, на которые крестьяне привозят продукты и т. д. Все эти меры вызывают продовольственный кризис и недовольство населения, с таким нетерпением ждавшего Советскую власть как избавительницу от дикого произвола бывших там денкинцев. У прибывших турок — контрабандистов отнимаются товары, они сами арестовываются, чтобы не смогли предупредить других, и в результате из 10 миллионов [*вероятно на 10 млн рублей*] груза самых различных товаров большая часть сгнила на пристани, пропала, расхищена и только на 2 миллиона «дыбенковские соколы» вывезли в Симферополь.

Словом, имеется такое значительное количество подобных деяний штаба, что трудно их перечислить. Когда же на заседании обл. комитета было указано на недопустимость подобных явлений, Дыбенко ответил, что если не нравятся его действия, он может увести свои войска ближе к фронту, что Крым ему не интересен и он в нем случайный человек.

Прибывшей Высшей военной инспекции Дыбенко заявил, что «она может проваливать, его контролировать нечего, ибо он наркомвоен».

Словом, в действиях штаба Дыбенко, в его отношениях к ревкому, партии, в травле ЧК, инсценируя грабеж, **в расстрелах по ночам без суда красноармейцев** и преследовании политработников можно видеть начало авантюры наподобие Григорьевской. Был случай, когда предполагались быть вырезанными все работники, и из Евпатории спешно был вызван партийный отряд в 250 ч., (это было на следующую ночь после прибытия Махновского броневое дивизиона).

Положение в армии — незавидно. Полки, в большинстве состоят из петлюровских и махновских отрядов; состав их крестьянский, из крестьян самых богатых районов Украины — Мелитопольского и Бердянского. Никакой политработы в армии не ведется. Имеются в полках (не во всех) незначительные коммунистические ячейки, бессильные что-либо сделать. Политотдел армии состоит за исключением 1–2 коммунистов, из якобы беспартийных. Политкомам не дают возможности работать. Нередки случаи расстрелов их: так в одной бригаде, командующий группой войск, которым был расстрелян политком бригады, и тот же **Котов**, на съезде политработников в Джанкое на их вопрос о причинах его поступка с товарищем, грозил расстрелять всех. **Котов** ныне начальник охраны Крымского побережья, не кто иной,

как известный в Крыму под кличкой **Ванька Сыч** — бандит. Известен целый ряд других явлений, вроде такого: когда в Симферополе одним красноармейским отрядом был окружен один из небогатых районов города (преимущественно еврейский), забравший все что им понравилось.

Не лучше обстоит работа и в партии. С первых дней легального существования начинается болезненный рост организации, прилив коммунистов: организация увеличившись в числе, упала в качестве. Постепенно старые работники, растворившись в общей массе, потеряли свое влияние и партия приходит в упадок. Среди членов партии такие как **Дзюненко**, ведущий в Мелитопольском районе антисемитскую агитацию. Партийной работы не ведется никакой, митинги устраиваются очень редко, ибо нет хороших ораторов. Издается партийная газета «Таврический коммунист». Приступлено к организации партийной школы. Приняты меры по очистке организаций, для чего предполагается в скором времени созыв членов. Кроме секретаря все члены партии заняты советской работой. При Об.К. существует мусульманское бюро издающее газету на татарском языке. С прибывшими в Ялту турками отправлена литература в Турцию. Имеется при О.К. секции еврейская и армянская.

Таково положение в Крыму к 19.v [т.е. к 19 мая].

Необходимо принять следующие меры:

1) Немедленно отозвать **Дыбенко**. 2) Послать тов[арищей] для налаживания работы партийной и советской. 3) Предписать О.К. произвести чистку советских учреждений и принять меры к поднятию дисциплины в партии и др.⁹

СООБЩЕНИЕ ОТ 23 МАЯ ИЗ МАРИУПОЛЯ¹⁰

Вступление красных войск было встречено с большим подъемом. Но с прибытием в город махновских частей настроение населения резко переменялось на противоположное. <...> После ухода белых, при вторичном вступлении в город махновцы устроили погром, убивая евреев по заранее выработанным спискам. 29 апреля пять активных партработников были арестованы за то, что в харьковских «Известиях» была [опубликована] статья «Долой махновщину».

В Мариупольском уезде для взыскания контрибуции все евреи были собраны в помещении, которое подожгли. Махновцами при этом руководил начальник штаба левый эсер Озеров. Наслание определено против Махно, исключая главный оплот махновцев — Новоалексеевку и Гуляй-Поле.

Армия Махно достигает 10 тысяч человек.

Банды [махновцев] ищут комиссаров и «Чрезвычайку».

27 МАЯ. В ЦК РКП ОТ ЧЛЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВА КРЫМСКОЙ ССР Ю. ГАВЕНА¹¹

За неимением минуты свободного времени не успел написать доклад о положении Крымской Коммунистической организации и той отвратительной политической

⁹ Дата получения 12 июня; ЦГАООУ, ф. 1, оп. 4, д. 135, л. 73; ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 32–35.

¹⁰ ЦГАООУ, ф. 1, оп. 4, д. 183, л. 89.

¹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 4, д. 43, л. 8; Переписка, т. 7, с. 476–477.

атмосфере, в которой мы живем. В свою очередь секретарь областкома тоже обманул меня, не составил доклада [см. отчет от 3 июня].

Охарактеризуя положение в организации, в нескольких словах можно сказать, что она из хаотического состояния постепенно превращается в коммунистическую организацию в настоящем смысле этого слова. Трения между отдельными группами и личностями постепенно затушевываются. Уже можно говорить о единой Крымской коммунистической организации. Агитация и пропаганда, как устная, так и письменная, принимает довольно широкий характер.

Особенное внимание обращаем на агитацию среди татар. При всех уездных, городских организациях уже образовались татарские коммунистические секции, насчитывающие десятки и сотни членов партии и сочувствующих. Издаем татарскую коммунистическую газету, которая, судя по рассказам турецких контрабандистов, уже стала известной и в Турции. Обращаем самое серьезное внимание на установление тесных связей с Константинополем, Малой Азией и Кавказом.

Общее политическое положение в Крыму неопределенное. Чувствуется сильное влияние григорьевщины и махновщины на армию Дыбенко. Прилагаем все усилия, чтобы парализовать погромное настроение, которое, к сожалению, поддерживается командирами-партизанами (*вернее бандитами*)¹² и некоторыми агентами штаба. Все же надеемся на ближайшее будущее повстанческую армию Дыбенко превратить в регулярную. Положение ухудшается острым финансовым и продовольственным кризисом.

Настаиваю на делегировании для работы в Крыму следующих товарищей: 1) Даугула — работает в Наркомвнуделе, 2) Оввян — работает в Комиссариате просвещения, 3) Иванова-Кавказского, 4) Веры Лазаревны Швейцер (если ВСНХ не присылает другого).

При сем прилагаю доклад татарской секции Крымской коммунистической организации.

Подробный доклад о состоянии организаций следующий:

Тов. Стеценко прошу передать последние директивы ЦК, инструкции и последние брошюры, кроме того, прошу оказать ему всяческое содействие в смысле получения материалов, необходимых для нормальной работы по советскому строительству в Крыму.

27/v Ю. Гавен

P.S. За неимением под рукой партийной печати удостоверяется печатью Наркомвнудела.

27 МАЯ. В СЕКРЕТАРИАТ ЦК, Т. СТАСОВОЙ ОТ КРЫМСКОГО ОБКОМА¹³

Пользуюсь случаем повторить телеграфное предложение Областного комитета о командировании в распоряжение О.К. т.т. Шаповаловой, А. Оввян из Наркомпроса, В. Швейцер из Совнархоза и А. Даугула из Наркомвнудел.

¹² Фрагмент «(вернее бандитами)» в публикации отсутствует — М.В.

¹³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 8; Переписка, т. 7, с. 475.

Через 2–3 дня будет готов подробный отчет-доклад о деятельности О.К. 1-го и 2-го созывов (нелегального периода), бюро О.К. в Мелитополе и о легальной работе ОК с 10–12 апреля с.г. по 20 мая. Отчет составляется т. Шульманом. Отчеты о деятельности О.К. будут составляться ежемесячно (с 20 по 20 число).

Вашу телеграмму о присоединении Крымской области к РКП получили. В связи с образованием Крымской Советской Республики возникает вопрос о формальной самостоятельности Крымской [партийной] организации. Сообщите в возможно более короткое время мнение Ц. К.

Партийная работа слабо налажена. Массу энергии и лучших работников отвлекает фронт и Совнарком. Но благодаря синему небу сюда ежедневно приезжают новые и новые работники, так что виды на будущее благоприятны.

Почти все партийные организации переполнены выходцами из подпольных ревкомов, людьми весьма революционными, но весьма мало коммунистически настроенными [в публикации заменено на «воспитанными» — М. В.]. Ждем от Центра инструкций для радикальной перерегистрации.

Необходимо в срочном порядке разрешить вопрос о приезжающих сюда лечиться товарищах из Севера — на чей счет производится лечение. До сих [пор] Обком берет расходы на себя. Поэтому нас скоро ждет крах.

Сегодня же выезжает т. Евдокимов, которому я дал специальное поручение к вам.

Отчет будет Вам послан до 1 июня.

Секретарь О.К. Хайцевич

СВОДКА ДЛЯ ЦК КП(Б)У ЗА 1 ИЮНЯ (ДОКЛАД ЧЕРНОУСОВА)¹⁴

...За последнее время наша организация сильно разрослась благодаря наплыву работников из России и Украины, причем настоящих коммунистов очень мало. Симферопольская фракция Исполкома не признает парткомов. В городе существует бахчиэльская организация [издающая газету «Бахчиэльский коммунист» — М. В.], в которой преобладают элементы уголовного характера и бывшие левые эсеры. Организация имеет связь с Дыбенко и другими частями бандитски настроенными. В штабах, в войсковых частях, здесь находящихся, совершенно нет партийных товарищей. **От грабежей и погромов Крым совершенно не избавился.** В Севастополе Ревкомы слагают с себя обязанности. Тов. Дыбенко заявил парткому: «Вы мечтаете о совнархозе, так как в Екатеринославе до его создания мы имели все, а потом ничего».

Т. Дыбенко несмотря на многочисленные заявления ничего не предпринимает. Безответственные расстрелы. Были случаи, когда расстреливали партработников. Необходимо усилить надзор за Дыбенко. Выходят газеты почти во всех городах. **Очень слабо поставленные Советы существуют не во всех городах.** Все ЧК под напором Дыбенко и григорьевского выступления упразднены. Образован нелегальный штаб обороны, который должен мобилизовать всех членов партии. В ближайшие дни готовится чистка организационных комиссий посредством роспуска их.

¹⁴ ЦГАООУ, ф. 1, оп. 4, д. 183, л. 98; ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4; л. 28–29.

3 ИЮНЯ. «ИНФОРМАЦИЯ О РАБОТЕ КРЫМСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА РКП(Б)¹⁵». ПОЛУЧЕНА В МОСКВЕ 13 ИЮНЯ

Областной комитет состоит из 11 человек. Заседания областного комитета еженедельно один раз. Исполнительное бюро из 3 лиц заседает ежедневно. Областной комитет выделил агитационную комиссию, военное бюро, редакционную комиссию. Организуется областной профессиональный центр при ОК и отдел международной пропаганды. Проводится всеобучение членов партии. Партийные организации мобилизованы.

Издается партийная газета «Таврический коммунист» (с 30 мая переименована в «Крымский коммунист»). Вышло 43 номера. Согласно постановлению областного комитета местным организациям запрещается издание партийных газет. Предполагается издание партийного еженедельника. В области издается популярная красноармейская газета «Борец за коммунизм».

Военное бюро ведает партийной мобилизацией и организует, при содействии национальных партийных секций при областном комитете, интернациональные части. В функции военного бюро входит наблюдение за Всеобучем. Намечается реорганизация военного бюро в связи с предстоящим пополнением его представителями красноармейских ячеек, причем в его обязанности будет включено общее руководство политической работой в гарнизонах, весьма недостаточно обслуживаемых политотделами (вопрос об этой новой функции военного бюро поднят самими же представителями красноармейских ячеек).

Агиткомиссия только 30 [мая] организована. В ближайшее время начинается организованное агитационное обслуживание деревни, путем однодневных мобилизаций всех агитсил партии. Организуются агитфуры для работы в уезде. 3 июня начинает функционировать партийная школа при областном комитете (уездного цикла), рассчитанная на 40–50 чел., представителей всех организаций Крыма.

При мусульманском бюро областного комитета организована элементарная (опытная) школа. При областном комитете существуют мусульманская секция, армянская, немецкая и через некоторое время намечается образование еврейской. Мусульманская работает интенсивно (доклад и отчет ее деятельности переслал тов. Субхи в центр).

Издается турецкая газета «Прямой путь» и газета на татарском языке. Издано несколько десятков тысяч экземпляров брошюр на турецком, азербайджанском и татарском языках. В уезде работает 10 агитаторов татар.

Армянская секция проявила себя слабо, но работы среди армян в Крыму много. Вскоре выйдет в свет армянская газета. Немецкая секция недавно организована и работает энергично. Ведется агитация за вступление в Красную Армию. На днях выйдет первый номер газеты «Ди вельт коммуне» (вышло 3 номера). Все организации мучительно переживают финансовый голод. Необходима денежная поддержка со стороны ЦК. Много средств съедает содержание больных товарищей. Необходимо установить порядок лечения больных товарищей.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 18–19; Там же, оп. 3, д. 133, л. 23–24 (подлинник); Переписка, т. 8. с. 214–216; Борьба за советскую власть в Крыму, 1961, ч. 2, с. 171–172.

В общем, работа слабо налажена, но надеемся, что в течение ближайшего месяца можно будет поставить крымскую организацию на ноги.

Крымская организация нуждается в нескольких лекторах, но не в туристах или в духовных и физических калеках, какие посылаются из центра. По прочим отраслям партийного строительства острого недостатка пока не предвидится.

Отсутствует в публикации «Переписка», включено полностью в кн: Борьба за советскую власть в Крыму, 1961, с. 171–172.:

Обком ведет работу через отдельных товарищей и на том берегу Черного моря (на Кавказе и в Турции). Необходимо эту работу координировать с соответствующей работой в центрах. При Обкоме образовалось бюро международной пропаганды, которое устанавливает конспиративные связи с народами Востока (Кавказ и Турция) и с помощью контрабандистов переправляет через Черное море партийных работников и литературу, главным образом на турецком языке. (При сем прилагается архив «Таврического коммуниста») [Приложения нет].

Симферополь. 3/VI–19 г. Члены исполнительного бюро [Обкома] Гавен, Шульман

ИЮНЬ. ИНФОРМАЦИОННАЯ СВОДКА О СОСТАВЕ КРЫМСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ¹⁶

Симферополь. В городе 240 чл. партии, 70 кандидатов и 120 сочувствующих. В 7 союзах есть ячейки (всего в городе 40 союзов); в гарнизоне 25 ячеек, около 250 коммунистов красноармейцев. В городе 4 клуба — рабочий коммунистический им. Ленина, гарнизонный, 2 красноармейских. При горкоме школа, представляющая собой ряд эпизодических лекций. В Симферопольском Совете из 230 депутатов 181 коммунист и сочувствующий. В Исполкоме из 17–14 коммунистов.

Карасубазар. В городе 31 коммунист, 7 кандидатов и 20 сочувствующих. Есть мусульманская секция. В союзах есть ячейки (количество ячеек не указывается). Партийной школы нет. В исполкоме 10 коммунистов и 1 кандидат. В Совете из 50 депутатов 40 коммунистов и сочувствующих. В гарнизоне 2 ячейки. Есть рабочий клуб.

Бахчисарай. В организации 28 чел.

Колымтайская волость Есть ячейка в волости из 8 чел. В исполкоме 4 коммуниста, 3 сочувствующих и 2 беспартийных. Есть сведения о ячейках в Джалман-Кинбурнской вол. И с. Сергеевке.

Феодосия. В организации 73 коммуниста, 31 кандидат и 32 сочувствующих. В 4 союзах имеются ячейки. Есть ячейка на ст. Сарыголь — членов 22, кандидатов 8 и 4 сочувствующих. В мусульманской секции — членов 21, сочувствующих 12. Ревком весь из коммунистов. Партийной школы нет. Организуется партийный клуб и 2 рабочих клуба на окраинах. Есть коммунистический союз молодежи. В гарнизоне ячеек нет. Местная газета официальная, расходуется в 1500 экземпляров.

О Феодосийском уезде нет никаких сведений.

Керчь. В Керчи есть сильная подпольная организация из, насколько можно судить, хороших работников. Литературой Керчь снабжается из Симферополя.

Евпатория. В организации 94 чел., 20 кандидатов и 34 сочувствующих.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 133, л. 25–26 (подлинник); Борьба за советскую власть в Крыму, 1961, ч. 2, с. 184–186.

В 7 союзах (из 47) есть (в городе) 3 организации (подробных сведений нет), одна из них в Сакской волости. По сведениям, исходящим от Евпаторийского горкома, в уезде есть 50 «неоформившихся» ячеек. Мусульманских организаций в уезде три. Партийной школы нет. Есть рабочий клуб т организуется партийный. В Ревкоме коммунисты и сочувствующие. Выходят газеты: по будням «Голос евпаторийского пролетариата», а по праздникам «Крестьянская беднота». Тираж первой 2000, а второй — 1500 экземпляров. Есть коммунистический союз молодежи.

Ялта. Членов организации 110 чел., 40 сочувствующих. В 8 союзах (из 32) есть ячейки. В уезде 60 организаций, из них 18 мусульманских. Партийной школы нет. Есть рабочий клуб и организуется партийный. В Ревкоме — коммунисты и сочувствующие. Выходят: «Известия» и меньшевистская «Наша газета» (на днях она закрывается).

Алушта. В организации 16 чл. и 18 сочувствующих. В Гурзуфе есть ячейка.

Джанкой. В организации 30 коммунистов. Мусульманских организаций нет. В гарнизоне 3 ячейки. Есть красноармейский клуб. Работает союз коммунистической молодежи.

Геническ. В организации 30 чл., сочувствующих 150. В союзах ячеек нет. Совет из рабочих и окрестных крестьян, 12 коммунистов, 32 сочувствующих, 3 интернационалиста, 2 левых с.-р. и 32 (крестьяне) беспартийные. В Исполкоме из 9 чл. 5 коммунистов. Выходит «Генический пролетариат», 800 экземпляров. Организуется рабочий клуб им. Ленина. Батарей — личный состав сознательный. Есть ячейка в 25 чл. Гарнизон погромный. Митинги устраиваются редко. Политком гарнизона открыто высказывается против Советской власти.

Балаклава. В организации 85 чл., сочувствующих около 200. Профсоюзов 3, во всех — ячейки, то же в окрестных деревнях. В Совете 50 чл. 27 коммунистов и 23 сочувствующих. Есть рабочий клуб. На фронт недавно ушел отряд в 200 чл., из них 45 коммунистов. Всего в городе 1500 рабочих.

Армянск. В организации 15 чл., сочувствующих 20. В городе 5 ячеек. Мусульманской секции нет.

В Ревкоме все коммунисты. В гарнизоне 4 ячейки, 8 чл. партии и сочувствующих 35. Есть 2 клуба — рабочий и красноармейский.

Севастополь. Членов организации около 100. Кандидатов и сочувствующих от 400 до 500 (точных сведений не получено).

В городе 27 ячеек. Есть ячейки в гарнизоне. В Совете 60% коммунистов, 22% эсеров, два анархиста и остальные меньшевики.

В городе три клуба: рабочий, красноармейский и гарнизонный. Среди матросов 11 ячеек. Издается газета «Известия».

Член президиума ОК РКП(б) (подпись неразборчива)

11 ИЮЛЯ ДОКЛАД ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИССАРА 1 ЗАДНЕПРОВСКОЙ ДИВИЗИИ [П. И. ЛУКОМСКОГО] В ЦК РКП(Б)¹⁷. СОСТАВЛЕН В МОСКВЕ

Прибыв в 1 Заднепровскую дивизию, я совершенно не застал там политической работы, а мой предшественник, политком Клейтман [известен как Михаил Кан — М. В.], занимался совсем ненужной работой в области чрезвычайки. Заднепровская дивизия состояла из трех бригад: Григорьева, Махно и Петренко. Первые две бригады настроены были бандитски, говорить о коммуне здесь не приходилось, назначенцев не признавали, коммунистов расстреливали. Лозунг был у них таков: «Бей жидов, гони коммунистов, спасай революцию». В моем распоряжении находилось всего-навсего 75 политработников и политкомов, включая сюда и комячейки на 100 000 штыков [вероятно указано общее количество бойцов — М. В.]. Многие из политработников были ненадежны, так как, посылаемые в одну из бригад, они подпадали всецело под влияние Махно или Григорьева и совсем не хотели признавать центра. При взятии Одессы мне пришлось объехать все части Григорьева. При разговоре с ним он определенно мне заявил, что в скором времени я [он] со своими полками выступлю или, попросту сказать, «*поверну штыки в обратную сторону*», что мною было сообщено Наркомвоен [Украины] тов. Межлауку. По приезде из Одессы я был отстранен от должности политкома за то, что я якобы эвакуировал штаб дивизии и не мог предупредить выступление батьки Правды. Должен сказать несколько слов об отряде Правды. Отряд у него состоял из 2000–2500 человек, все крестьяне-повстанцы, одеты начиная от дамских ротонд и кончая каракулевым пальто, вооружены также кто, чем попало, и вся эта банда производила грабежи, самочинные реквизиции и прочее. После долгих трений этот отряд пришлось расформировать и влить в другие части. С переформированием [Заднепровской] дивизии в [Крымскую] армию бригады Григорьева и Махно отошли от нас.

Крымская армия состояла из трех бригад. В каждую бригаду входило по **три пехотных полка**. В первую же бригаду входил, кроме того, кавалерийский дивизион и третий кавалерийский полк, кроме того, имелся целый ряд частей в периоде формирования, и находились при армии технические части. Вся армия состояла из крестьян-повстанцев, и политическая работа начала налаживаться только с половины мая с. г., когда было достаточно влито в части политработников и политкомов. Вся политическая работа проводилась **политотделом армии**, находящемся в Симферополе, и **политотделом дивизии**, находящемся в Ислам-Тереке.

Политическую работу в частях войск вести было очень трудно, так как все части все время были в боях и очень редко уходили на кратковременный отдых, но все же благодаря интенсивной работе уже к 1 июня во всех частях были организованы комячейки (в некоторых частях были даже батальонные и ротные ячейки), библиотеки, культурно-просветительные комиссии, а в некоторых были организованы ревтрибуналы (товарищеские суды), клубы-читальни, школы грамотности и походные театры. Снабжение частей литературой и газетами было налажено достаточно хорошо; даже части, находящиеся в передовых окопах, получали почти ежедневно свежие газеты. Особенно большой любовью армейцев пользовалась газета «Борец за коммунизм»,

¹⁷ РГАСПИ, ф. 7, оп. 6, д. 139, л. 26–27; Переписка, т. 8, с. 697–699.

издававшаяся политотделом армии в походной типографии, которая была оборудована по последнему слову техники (имелось радио, цинкография, фотография и прочее), и газета «Окопная правда», издававшаяся **политотделом дивизии**. Кроме того, выходил красноармейский журнал «Красная звезда». Политотделом дивизии были созваны два съезда, один политработников и другой комячеек. На последнем партийном съезде было организовано дивизионное партийное бюро.

В распоряжении политотдела дивизии и армии находились 3 прифронтовых труппы и два походных кинематографа. Только за один месяц (с 15 мая по 15 июня) было устроено по всем частям дивизии свыше 30 митингов-спектаклей-концертов. Спектакли ставились иногда даже под артиллерийским обстрелом. Каждый спектакль, митинг и прочее проходили обычно с громадным успехом. В окопах (на Керченском фронте), где нельзя было организовывать митингов, велись групповые собеседования.

Агитация белых посредством разбрасывания с аэропланов колоссального количества всевозможных воззваний, направленных главным образом против комиссаров и комячеек, не пользовалась абсолютно никаким успехом; нами печатались всегда контр-воззвания. С аэропланов разбрасывались в районе расположения неприятеля воззвания к мобилизованным белым: довольно значительное количество перебежчиков служит доказательством их успехов.

Начавшееся 18 июня наступление на Керченском, Геническом и Большим Токмакским фронтах, которые нам с трудом удавалось сдерживать для производимой эвакуации благодаря недостаточному количеству снаряжения и главным образом патронов (уже 19 июня в запасе имелось на всю дивизию только 4000 патронов), смело [ударение на о! — М. В.], конечно, на нет почти всю работу... Все политкомы и политработники все время были впереди и почти все выбыли из строя... Подпись [не разобрана, конечно это П.И. Лукомский — М. В.]

II/VII—1919 г. гор. Москва

P.S. Что же касается эвакуации Крыма, то таковая прошла планомерно, сперва было вывезено все ценное имущество, а затем погрузился штаб, который отступил на ст. Никополь.

24 ИЮЛЯ ОТЧЕТ КРЫМСКОГО ОБКОМА ПЕРЕД ЦК РКП(Б)¹⁸

На состоявшемся в Москве (15 октября 1918 г.) 2 съезде КП(б)У присутствует представитель Крыма и по окончании работ съезда постановлением ЦК КП(б)У Крым входит в ее состав с правом области с присоединением северных уездов Таврической губернии (Мелитопольский, Бердянский и Днепровский). Тогда же крымские организации получили впервые материальную поддержку в размере 50 000 руб. Постановлением Симферопольской организации от 1 ноября образовано организационное бюро по созыву съезда и назначен созыв съезда на 1 декабря 1918 года. За ноябрь члены бюро совершили объезд организаций и подготовили съезд. Начавшаяся революция в Германии и уход оккупационных войск, начавшееся движение на Украине, падение правительства Сулькевича и образование «демократического»

¹⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, лл. 13–17, 22–23; Переписка, т. 8, с. 578–582 (с пропусками). Курсивом отмечены фрагменты, отсутствовавшие в публикации — М. В.

правительства, быстрый темп событий вызывает к деятельности всех революционных рабочих, и весь этот месяц проходит для партии в интенсивной политической борьбе и лихорадочном строительстве и росте организации. За ноябрь организационное бюро выпустило 3 воззвания и 3 номера газеты «Крымский коммунист» (часть печатается на гектографе, и часть в типографии).

1 декабря в гор. Симферополе состоялся 1-й Крымский областной съезд КП Украины, на котором присутствовало 24 делегата от 17 организаций и представитель ЦК КПУ тов. Ян (Гамарник). Съезд связал партийные организации, выделил областной комитет в составе 9 членов (Петерс, Муся Гершуни, Маркус, Мансаров, Шульман, Лазарь, Ян, Николай и Щерба) и, заслушав доклад и прения, принял резолюцию. по текущему моменту. В основу взята резолюция 2-го съезда КПУ.

Областной комитет на первом своем заседании выделил областной ревком для руководства повстанческим движением и подготовки вооруженного восстания. [Это последний нелегальный ревком М. В.]. Вся деятельность Обкома за декабрь месяц была направлена: 1) на укрепление связей с организациями, инструктирование и создание организаций, где их не было (поездка членов обкома товарищей Муся и Шульмана в города Евпаторию, Феодосию, Керчь, Мелитополь, Бердянск и др.); 2) попытки к руководству начавшимся в северных уездах повстанческим движением среди крестьян. Выпустили 2 воззвания к крестьянам — 6000 экземпляров, снабжение оружием, средствами, литературой и посылка своего представителя в штабы Махно, Зубкова и Опанасенко и 3) к руководству начавшимся массовым движением рабочих в связи с приходом Добровольческой армии и союзников в Крым.

Обком благодаря тому, что 1) 4 члена выбыли из его состава, 2) присланные ЦК КПУ ответственные организаторы вооруженного восстания, кооптированные в члены областного Ревкома оказались далеко не коммунистами. Эти люди внесли яд разложения, разврата и предательства в неокрепшие еще Крымские организации, и 3) отсутствие всех оставшихся 5 членов Обкома в Симферополе — они были все в разъездах. Благодаря этому Обком оказался не в состоянии руководить постоянно все политической борьбой рабочих Крыма.

В ответ на объявленный призыв в ДА Обком бросил лозунг — «Ни одного солдата Добровольческой армии, все в ряды повстанческих полков и Красной Армии, все к оружию!». Когда 25 декабря 1918 начались аресты коммунистов и рабочих, Обком через совет профессиональных союзов гор. Симферополя созвал экстренную конференцию представителей рабочих и лишь большинством (7 голосов) было отклонено предложение об объявлении политической забастовки и организации Крымского стачкома, но наши товарищи, за исключением двух, были немедленно освобождены, была избрана комиссия для обследования политических арестованных, находящихся в тюрьмах. Влияние и интенсивная деятельность партийных организаций за декабрь достигли [бы] возможно больших размеров и лишь спровоцированное военными организаторами выступление скрывающегося в Евпатории в скалах отряда красноармейцев, матросов и дезертиров в количестве 200–250 человек и попытки их поднять помимо и против постановлений Обкома восстание во всем Крыму и начавшиеся вслед за этим массовые аресты, расстрелы и провал целых организаций (Севастополь, Симферополь) — лишь это привело к развалу организации, прекращению на время

деятельности Обкома и потере руководства рабочим движением, добытого нами медленным трудом.

2-й съезд избрал областной комитет в составе 7 членов (Шустер, Степа Полонский, Бек, Петерс, **Маркус**, Соловьев и Шульман). Областному комитету **второго состава** пришлось заняться ликвидацией всей военной кампании: **распустить областной ревком**, воссоздать целый ряд организаций и самому кочевать из одного города в другой в течение 1–1,5 месяцев. Лишь в середине февраля создаются возможные условия для работы областного комитета (областной комитет находился тогда в гор. Феодосия).

Последующие 2 месяца (т.е. до середины апреля — М. В.) посвящены подготовке к политической забастовке, руководить которой нам все же не удалось. Подготавливаемая в крымском масштабе, она в Севастополе вспыхнула без нашего ведома и закончилась на пятый день, тогда как в других городах должна была начаться. Партийные организации действуют вразброд. В таком положении организации находятся к моменту прихода советских войск.

Восстановлением Советской власти в Крыму, работой ревкомов поглощены все силы партийной организации. Партийные организации заброшены. Агитации никакой не ведется. Областной комитет с первого же дня приступил к выпуску газеты «Таврический коммунист», выпущен целый ряд воззваний и циркулярных обращений к организациям. Из политической деятельности областного комитета нужно отметить образование Крымской Советской Социалистической республики. Еще в феврале месяце прибывшими в Москву представителями областного комитета был возбужден перед ЦК РКП вопрос о дальнейшей работе партии в Крыму среди мусульман, в связи с возможным освобождением Крыма.

*Тогда же [в феврале 1919 г.] был возбужден вопрос об образовании КССР и рабоче-крестьянского правительства. Одним из аргументов в пользу образования которых, была **поддержка советского движения на Востоке**. С первых же дней образования правительства представители татарских групп и организаций выражали свое дружественное отношение к Советской власти и ее мероприятиям и желание работать совместно с ней.*

Такие молодые секции проявляют максимум энергии и начинают пользоваться симпатиями населения.

Прибывшие из Турции мусульмане, а потом и представители партии «Единение и прогресс» всё подчеркивали, что образование КССР усилило советскую ориентацию на Востоке.

Те факты, что не в пример [периода] советской власти в прошлом году, [на этот раз] не было ни одного случая выражения недовольства или неподчинения Советской власти татарским населением, активное участие [татар] в выборах в Совет, образование мусульманского полка — указывают на популярность и авторитет, которым пользовалась Советская власть. Крымские меньшевики и левые эсеры, наученные опытом хозяйничанья «демократического» правительства и Добрармии в Крыму... и Советской власти в России, уже перед восстановлением Советской власти вели себя прилично, и нам осталось лишь использовать их, допустив к участию в строительстве Советской власти. И лишь Севастопольский комитет дал меньшевикам

возможность в последнюю неделю выйти из состава Исполкома Совета.. Шаг, который Обком партии не одобрил.

В Красной Армии политическая работа поставлена очень слабо. Объясняется это: 1) составом самой партии и командным составом, 2) составом политотдела армии, не подчинявшимся партии и 3) слабостью

Партийной организации. Но в последнее время все же работа налаживается. Был реорганизован политотдел (заведующий тов. Ахтырский-Мартьянов [*тот самый предатель — М. В.*]), была установлена связь с коммунистическими ячейками армии, выпущен целый ряд листовок, воззваний, [налажено] снабжение литературой и посылка работников в армию.

Перед эвакуацией Советской власти из Крыма областной комитет установил подпольную связь со всеми организациями. Устроены 2 типографии (1 в Симферополе, 1 в Севастополе). Оставлены средства (больше 1 млн руб.). Перешли в подполье два члена областного комитета и во время эвакуации кооптированы еще два. Не имея уверенности, что все оставленное в Крыму сохранилось и для ликвидации всех легальных дел областной комитет на своих заседаниях 6-го июля в гор. Одессе выделил бюро областного комитета из двух товарищей (Гавен и Шульман), в задачи которого входит установление связи с организациями Крыма, связать их с членами областного комитета, оставшимися в Крыму и воссоздание Крымской областной организации. Бюро областного комитета уже послало двух курьеров в Крым.

По вопросу о дальнейшем существовании Крымского Советского правительства обком, признав, что на деле оно оправдывает свое существование — при условии существования его перед массами в виде воззвания и противопоставления татарским буржуазным политическим группам, высказался за оставление Советского правительства. Причем аргументы, выдвинутые в пользу его образования, сохранили и теперь свой смысл.

Областной комитет выделил из состава Совнаркома пятерку (Гавен, Назукин, Ульянов, Меметов, Идрисов), в задачи которой входит обращение к населению и прочее.

Член Крымского областного комитета Шульман
Москва, 24/VI—19 г.

НЕ ПОЗЖЕ 30 ИЮЛЯ. ДОКЛАД В ЦК РКП(Б) БЫВШЕГО ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩЕГО ДОЛЖНОСТЬ КОМИССАРА ВОДНОГО ТРАНСПОРТА ГОР. СЕВАСТОПОЛЯ БОРИСОВА Ф. В.¹⁹

Написан в Москве, поступил в ЦК 30.VI.1919

Со времени отъезда комиссара тов. Чеснулевича в Москву я, как помощник комиссара, заменял его. Плодотворной работы в деле водного транспорта мне принять абсолютно не было никакой возможности по нижеследующим причинам:

1) отсутствие средств;

2) захват всех судов командующим красным флотом в свои руки, хотя после долгих переговоров мне удалось возвратить некоторые паровые суда и катера, а также парусно-моторные суда.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, лл. 31–33; Переписка. Т. 8, М., 1972, с. 729–732.

Суда все находились в самом плачевном состоянии и требовали капитального ремонта. Лишь незначительная часть судов была пригодна для плавания, но так как блокада Антанты не была снята, то плавать в портах Черного моря не представлялось возможным. Ввиду же критического продовольственного кризиса я на свой риск и страх стал посылать в порта Евпатория и Складовск парусно-моторное судно «Ольга» и пароход «Гальванер» для привозки муки из указанных портов для продовольственной упрavy.

Вот все, чем я мог работать, а остальные суда никуда не годились, кроме парохода «Возрождения», который стоял в ремонте. Ремонт ему был закончен, но не была собрана машина, которую я приказал не собирать, так как в бухте стоял греческий миноносец, который мог его увезти, как и были уведены все хотя немного пригодные суда для плавания. По уходе же миноносца я не давал распоряжения о сборе машины на том основании, что придет Антанта и заберет все у нас, как это делалось при эвакуации Антантой Севастополя, когда они дали слово, что забирать, рвать и вывозить ничего не будут, но дав слово они продолжали вывозить, уводить суда, рвать крепости и машины как на боевых судах, так и на судах водного транспорта, даже и на катерах. Словом, истребляли все, что им нравилось и чего не могли вывезти и увезти. Подводные лодки взорвали и затопили кроме «Тюленя», которую увели в Новороссийск вместе с крейсером «Кагул», который отремонтировали и пустили в ход;

3) вмешательство в дела водного транспорта отдела ВСНХ гор. Симферополя, при котором был образован отдел водного транспорта, ничего общего с водным транспортом не имеющий и некомпетентный в делах водного транспорта. Заведующий этим отделом был инженер шоссейных дорог и сооружений тов. Рабинович. На мои заявления, что водный транспорт должен быть построен на трудах II Всероссийского съезда рабочих водного транспорта, он заявил, что Крымская Федеративная республика самостоятельна, и суда, находящиеся в водах республики, есть ее достояние.

Работники водного транспорта обязаны подчиняться тому, что им диктует ВСНХ Крыма, а не Главвод и Цеквод. Благодаря этому не было никакой физической возможности проявлять какую бы то ни было работу в деле водного транспорта, кроме Крыма; Украина также присылала свои директивы и требовала подчинения, но средств для нужд водного транспорта никто не хотел давать до того момента, пока не выяснится, кому будет принадлежать флот. Вся эта ненормальность продолжалась до того момента, пока белогвардейцы не прорвали фронт.

Когда же был взят Харьков [*по моим данным, Харьков был взят 25/12 июня, так что этот пассаж неверен!*], то исполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов срочно созвал всех комиссаров и объявил, что положение Крыма в опасности, а потому должны быть все в получасовой готовности к эвакуации комиссариатов по распоряжению Дыбенко.; это было числа 15 или 18 июня. 21 июня поступило распоряжение Севастопольского совнархоза представить ведомости для получения и раздачи жалованья за **апрель и май** месяцы. 22 июня в срочном порядке было заявлено, чтобы все комиссары в 2 часа дня явились в казначейство за деньгами для уплаты в срочном порядке за **июнь** месяц. Всем же комиссариатам немедленно эвакуироваться, кто куда может; сборным же пунктом, по словам

товарищей, назначен пункт Алешки. Лично я на заседании не присутствовал, был занят раздачей денег. Так как это было воскресенье, я всех работников водного транспорта собрать не мог, а потому и выплатить всем не мог, то я вызвал секретаря союза и члена правления, которым и вручил не выплаченные мной 31 000 руб. После чего, захватив оправдательные расходные документы, в 2 часа по старому времени выехал на катере «Борис Гаусман» в Евпаторию, надеясь там соединиться с отрядами и идти на сборный пункт, но это мне не удалось потому, что когда я приехал в Евпаторию, то там уже никого не было, тогда я решил выехать на отходящем парусно-моторном судне в **Одессу**, а оттуда пробраться в Алешки. Переход до Одессы прошел благополучно, но при заходе в бухту судно было задержано и осмотрено французским миноносцем; осмотр судна производил русский офицер флота, искал советских работников, военных и оружие. Прибыв в Одессу 25 июня, сделал доклад в исполкоме Совета Рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов, потом в областном комитете работников водного транспорта, я хотел выехать в Алешки, но прибывший товарищ из Алешек заявил, чтобы я не ездил, так как наши части ушли. Тогда я поехал в Киев. По пути наш поезд чуть было не попал к петлюровцам на ст. Жмеринка. Благодаря же нерастерянности и энергии коменданта поезда мы благополучно возвратились на ст. Вапнярка, где в это время уже находились отступавшие отряды от Жмеринки во главе с начальником боевого участка. С Вапнярки поезд был направлен на ст. Христиновка, Казатин и Киев.

Прибыв в Киев 8 июля, я сделал доклад в украинском главводе. Сдав укрглавводу дела и оправдательные расходные документы по выдаче жалования и расходованию сумм, бывших у меня и полученных от совнархоза гор. Севастополя, получив от управления делами Укрсовнархоза отдела водного транспорта протокол о сдаче бумаг и дел 15 июля, я 16 июля командирован укрглавводом Укрсовнархоза в Москву в распоряжение главвода и цеквода РСФСР.

В Москву я прибыл 23 июля, а 24-го явился в цеквод и главвод к тов. Очканову, который направил меня к председателю главвода тов. Рудзутаку, которому я сделал маленький доклад и который просил меня дать его в письменном виде, где бы я вкратце осветил положение дел в Крыму и вообще о Черном море. Тов. Рудзутаку я сдал протокол о сдаче мной в Киеве в укрглаводе Укрсовнархоза оправдательных расходных документов.

Эвакуация Крымского полуострова, а в частности Севастополя, произошла по приказанию тов. Дыбенко потому, чтобы не быть отрезанными от материка со стороны Перекопа, с моря же нас блокировали суда Антанты, которая фактически с нами находится в войне, что это было видно из того, что при наступлении наших войск на Керчь английские дредноуты и французские миноносцы обстреливали наши войска. Дредноуты с Черного моря, а миноносцы с Геническа, в котором своими снарядами снесли целый квартал домов и били по расположению наших войск у ст. Владиславка [правильно: Владиславовка] и ее окрестностей, благодаря чему наша армия не в состоянии была преодолеть неприятеля и взять Керчь. Ст. Владиславка и близ нее селения были разрушены до основания с орудий дредноутов и миноносцев, а также с бросавших бомбы гидропланов, летавших в тылу и расположении наших позиций. Антанта также принимала активное участие при высадке десанта

у Феодосии, где она также обстреливала город. Благодаря ее вмешательству белогвардейцам удалось высадить свой десант, который впоследствии повел свое наступление на Карасу-Базар в обход нам.

[Впечатления от поездки автора в Новороссийск в феврале или марте 1919 г.]

Кроме всего этого, когда я плывал на пароходе «Почин», я был очевидцем в Новороссийске, как английские суда приходили с военным грузом и выгружали разные военные припасы на Восточном молу, как-то: патроны, снаряды, аэропланы, танки малые и средние, орудия 57 мм и 6 дм, а также взрывчатые вещества, которыми забиты все пакгаузы Восточного мола. Выгрузка военного снаряжения производилась специально привозимой рабочей командой на пароходе, которая по разгрузке парохода увозилась обратно. Прибытие пароходов в Новороссийск было регулярно. В день приходило 2 парохода и уходило тоже 2, под выгрузкой стояло 4. Наши рабочие туда не допускались, что мной наблюдалось за время стоянки нашего парохода в порту Новороссийск в течение 8 дней. В разговоре рабочие заявляли, что они голодают, работы им не дают никакой, всех более годных забирают в армию, а инвалидов на принудительные работы. Заводы все стоят, кроме железнодорожных мастерских и Ревельского завода, которые работают для военных нужд, как то: исправление броневиков, орудий и разных военных припасов. На заводах штаты неполные. Молодежь вся взята в армию насильственно. Мобилизация производилась от 18 до 48 лет, кто сопротивлялся или уклонялся, расстреливали на месте. Английские офицеры и матросы вместе с белогвардейцами, офицерами и казаками пьянствовали, безобразничали и приставали к проходившим по улицам. В каждом доме размещены по квартирам белогвардейцы. Квартиронаниматели и домовладельцы обязаны были мыть им белье, и если кто требовал, то и кормить безвозмездно. Если же кто не подчинялся, то расправлялись шомполами, а жаловаться некому, ибо им говорили, что когда были большевики, то вы их кормили и одевали, а нас не хотите, вот вам за это и расплата.

Молодежь и большая часть мобилизованных бежит в горы и примыкает к зеленой армии. В войсках идет брожение, Но его подавляют оружием, виновных расстреливают публично, телесное наказание шомполами в полном ходу, за самую малую провинность порют шомполами. Казаки и те бегут в горы и также примыкают к зеленой армии. Прибывшие из Новороссийска после того, как прибыли туда бежавшие из Севастополя белогвардейцы, заявляли, что в Новороссийске по прибытии офицерских банд жизнь города замерла. Идут поголовные грабежи, аресты и расстрелы. Расстреливают всех поголовно, кто им показывается хоть немного подозрительным, не щадят ни женщин, ни детей, заявляя, что это такая же дрянь и рассадник заразы большевизма, а потому надо уничтожить в корне. Безработица, произвол, насилие, шомпола и смерть от расстрелов царит всюду.

С товарищеским приветом Борисов.

3

**ПАНОРАМА
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Итак, мы подошли к заключительной панораме, которую автор считает самой важной — в ней мы подводим итоги в том смысле, что выясняем, к чему привели все действия и события, изложенные в панорамах военной и политической. Иными словами — каковы их последствия для повседневной жизни крымских обывателей в те неполные три месяца второго красного прихода.

Надо бы узнать — какие надежды они связывали с новым режимом и насколько они оправдались, менялось ли настроение обывателей по мере течения времени, какие трудности, страхи и нелепости приходилось им преодолевать.

Здесь предстоит рассмотреть три краеугольных камня. Во-первых, насколько свободно чувствовали себя крымчане — ходили ли они с гордо поднятой головой, или озираясь по сторонам, всего опасаясь. Далее: как и где могли крымчане добывать хлеб свой насущный, а значит надо бы выяснить хотя бы в общих чертах состояние экономики региона. И, наконец, выяснить, насколько достаточным был для граждан этот хлеб. Ведь не зная всего этого, не стоило и затевать весь труд... Будут рассмотрены и вопросы, условно говоря, второго порядка: образование и культура, медицина и социальное обеспечение.

Наконец заметим, что в Государственном архиве Крыма не сохранились фонды почти всех правительственных Комиссариатов КССР, поэтому информацию для разделов данной панорамы зачастую приходилось «выщипывать» из газет того времени, что повлекло за собой многочисленные ссылки на газетные материалы.

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ

В одном из постановлений президиума Крымского совнаркома 1919 г. откровенно указано, что рядовым гражданами постоянно угрожали репрессии пяти видов: привлечение к принудительным работам, реквизиция, конфискация, контрибуция, мобилизация. Согласно этому постановлению, подписанному, кстати, председателем Крымского Совнаркома Д.И. Ульяновым, под эти репрессии не попадали лишь иностранцы — граждане Польши, Финляндии, Грузии и Армении¹. В указанном порядке и будем рассматривать эти пять вариантов. Только к этим пяти официально признанным вариантам репрессий придется добавить еще два наиболее существенных, но в постановлении не упомянутых — лишение свободы, т.е. АРЕСТ и, наконец, лишение жизни, т.е. РАССТРЕЛ. В этот же раздел следует отнести ограничение свободы передвижения поездов в Крым и из Крыма, а также свободу вероисповедания.

Соблазнительно представить Крымскую ССР 1919 года как образец гуманного решения, как некий красный режим «с человеческим лицом». Некоторые предпосылки к такому подходу лежат на поверхности. Так, не испытав репрессий в рассматриваемом периоде, многие деятели остались в Крыму в ноябре 1920 г. и не эвакуировались вместе с врангелевцами, в том числе А.П. Барт², А.А. Стевен... Судя по нередким случаям критики новых порядков в газетах, в то время еще наличествовала относительная

¹ ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 374.

² *«Я решил остаться, — заявил А.П. Барт председателю Таврического земского собрания В.А. Оболенскому, — так как ехать некуда. Нужно смотреть прямо в глаза действительности: борьба кончилась, и большевистская власть укрепилась надолго. Это тяжело, но что же делать, нужно как-то приспособливаться. К тому же я почти уверен, что мне лично никакой опасности не угрожает. Ведь уже в прошлый раз большевики в Крыму никого почти не казнили, а теперь, окончательно победив своих противников, они захотят показать себя милостивыми...»*. 21 ноября 1920 года Барт был арестован. Несмотря на то, что благодаря заступничеству А.П. Барта смертной казни избежали четверо большевиков, арестованных контрразведкой белых, 27 ноября «тройка» Особого отдела VI армии постановила: «Как явного врага расстрелять». Реабилитирован А.П. Барт в 1995 году. [Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2003, с. 10–12.]

свобода слова. Кстати, работники газетных типографий были одними из наиболее востребованных слоев рабочего класса; их не коснулась безработица.

Действительно, из трех приходов красных в Крым этот приход оказался самым мягким. Но попытаемся понять, какова же степень такой мягкости, каковы предпосылки и причины такого феномена.

Вместе с тем считаю, что в 1919 г. красным в Крыму репрессировать «всерьез», т.е. лишать свободы и даже расстреливать, было почти НЕКОГО и почти НЕКОМУ. Поясняю этот тезис. В 1919 г. весь белый лагерь юга России еще не концентрировался в Крыму, а был рассеян по всему югу России, т.е. находился в Ростове, Харькове, Новороссийске и других южных городах. Под белым лагерем я имею в виду те массы, которые не приняли большевиков и смогли разными путями проникнуть на юг. С другой стороны, военные, не справившиеся с обороной Крыма от заднепровцев П. Дыбенко, смогли организованно отойти за Ак-Монай, и практически никто из них в красном Крыму не остался. Вследствие этого в 1919 году красные чекисты расправлялись там только с той местной буржуазией, которая не успела его покинуть. Причем, «расправлялась» — слишком сильно сказано — да, были конфискации и все перечисленные выше моменты, но жизни никого не лишали. Да и занимались этим непрофессиональные чекисты «местного разлива», Интеллигенция в тот период репрессиям практически не подвергалась.

Совсем иная ситуация сложилась в 1920 г. На этот раз Крым оказался последним островком Родины, куда после взятия Красной армией всего юга до Новороссийска включительно, хлынул белый лагерь и гражданский и военный. Естественно, исключая тех, кто смог выехать за границу. И осенью 1920 г. после ухода под напором Красной армии кораблей врангелевцев с бывшими гражданами России, очень многие по тем или иным причинам покинуть Крым не смогли или не захотели (а не захотели, уповая на сравнительную мягкость предыдущего красного режима 1919 года). Их то и ждала ужасная участь жертв «железной метлы». На этот раз аппарат репрессий был развернут всерьез и надолго, благо и потенциальных жертв и опытных приезжих чекистов здесь оказалось в избытке.

Легко прослеживается эта разница уровня репрессий второго и третьего прихода красной власти и в художественных произведениях, касающихся того периода. К примеру, разве можно сравнить ироническое, но в какой-то мере сочувственное отношение И.С. Шмелева³ к красным второго прихода («Гунны») с неистовой ненавистью его к красным третьего прихода («Солнце мертвых»), где подчеркивается, а порой нарочито педализируется, якобы полное бесправие населения перед новой властью, которая все может — отнять последнее, убить: «Хорошо знаю, как люди боятся, — людей ли? — как тычутся головами в щели, как онемело рюют себе могилы.»

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ («ОБЩЕСТВЕННЫЕ») РАБОТЫ

Одна из напастей, обрушившихся на крымских обывателей в ходе становления нового режима — так называемые «общественные работы». «На улицах устраивали

3 Шмелев И.С. Солнце мертвых. М.: ДАРЪ, 2013, с. 50.

облавы на прохожих, гнали случайно пойманных людей грузить поезда, отправляли на фронт копать окопы и т. п.» — свидетельствует председатель Земской управы Таврической губернии В.А. Оболенский⁴. Причем зачастую принудительные работы были обусловлены не столько необходимостью момента, сколько обострением классовой ненависти. Характерно, что откровенным произволом грешило как военное начальство, так и только что сформированное гражданское. Тем более, что на стадии ВРК оно состояло из случайных лиц. Свидетельствует сын академика В.И. Вернадского Г.В. Вернадский⁵: «Когда мы добрались до Симферополя, там советская власть начала уже распоясываться. Начались аресты, людей хватили на улице на принудительные работы. Встречные иногда предупреждали — «не ходите на такую-то улицу, там ловят». Этим занимались главным образом местные большевики. Первое их удовольствие было заставлять хорошо одетую даму мыть уборочные в казармах или что-нибудь в этом роде. Рассказывали, что одна молодая дама пошла весело (не в пример остальным), подоткнула юбку, засучила рукава и с веселым пением стала действовать шваброй. Ее сразу отпустили». Большевицкая пресса также сообщала⁶ о принудительном наборе на общественные работы. Автор заметки, подписавшийся «коммунист», возмущается только одним: «Сплошь да рядом на работу забираются рабочие, что вызывает справедливые нарекания». Тут же он предлагает, чтобы все члены рабочих профсоюзов не подлежали принудительному набору. Мало этого, предлагает он провести учет и перепись «всех буржуев города Симферополя». Был отражен в газете и еще один аспект трудовой повинности, названной «незаслуженным издевательством» — повинность женщин и девушек мыть полы в казармах и стирать солдатское белье⁷. Не обошлось и без уколов со стороны меньшевиков, доказывавших бессмысленность проведения принудительных работ. По их мнению, они предназначены, лишь чтобы еще раз подтвердить существование диктатуры пролетариата⁸.

Как зафиксировано в протоколе Ревкома от 16 апреля, председатель Ревкома Лаура, выступая на заседании Обкома партии, подняла вопрос о том, что над мобилизованными обывателями издеваются (маршировка, избиение и пр.). Комендант города обещал⁹ принять меры. Военное начальство же наоборот со своей стороны пыталось узаконить пагубную практику «общественных работ», подготовив специальные правила о трудовой повинности. И опять Ревкому приходилось выступать¹⁰ против действий армии: «Компромиссы, вроде издания правил о трудовой повинности регулирующих бессистемную тактику военных, не должны иметь место».

Как же боролся Обыватель непролетарских кровей с новой напастью? Он быстро сообразил, что надо запастись липовыми членскими книжками профсоюзов, благо

4 Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, YMCA-PRESS. 1988, с. 650.

5 Вернадский Г.В. Крым. Воспоминания // Крымский архив, 1994, № 1, с. 31.

6 Таврический коммунист (Симферополь) № 10, 18 апреля, С. 2–3.

7 Таврический коммунист, № 16, 29 апреля, с. 2.

8 Прибой (Севастополь). № 445, 14(1) мая, с. 2.

9 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 21.

10 Таврический коммунист, № 16, 29 апреля, с. 2.

членов профсоюзов на принудительные работы не направляли. Прочитируем¹¹ по этому поводу выдержку из газеты более позднего времени:

«...Если человеку грозит опасность остаться без хлебного пайка или ежедневно подвергаться опасности быть схваченным для исполнения «общественных работ», то он пойдет...и в союз канатных плясунов, и в союз хиромантов, буде таковые существуют и гарантируют «паяк» и личную неприкосновенность...».

Характерным примером такого подхода было вступление в Профсоюз служащих советских учреждений видного финансового деятеля Н.Л. Грандмезона, ранее возглавлявшего Таврическое отделение Крестьянского Поземельного банка.

Наиболее ярко «расцветал» произвол принудительных работ в апреле. В начале мая эта болезнь становления режима стала спадать. И нам представляется, что в этом вопросе заслуга не столько Симферопольского Ревкома (далеко не во всем всесильного), а вмешательства со стороны сотрудников поезда Л.Б. Каменева. А вслед за этим начали активно работать правительственные органы, сдерживавшие аппетиты наиболее рьяных в классовой ненависти военных и гражданских чиновников.

РЕКВИЗИЦИИ И КОНФИСКАЦИИ

Казалось бы, немалым подспорьем для финансирования местного бюджета могли стать реквизиции предметов роскоши из дворцов Южного берега Крыма. В частности, в Малом дворце под Ялтой местным горфинотделом были конфискованы два серебряных вызолоченных блюда с солонками, одно серебряное вызолоченное блюдо с серебряной позолоченной чашей и и другие ценности¹². Но в реальности эти ценности, как правило, предназначались к вывозу в центральную Россию. Ясно, что хозяева этих ценностей отнюдь не склонны были добровольно расставаться с ними. Свидетельствует¹³ один из большевистских деятелей Крыма того периода М.Ф. Каплан:

«Много властвовать в Крыму нам не удалось, только месяца 2½. Нам удалось взять много ценностей. Я и тов. Л. получили работу по изъятию всех ценностей и отправлению их в Москву. Помню такой эксцесс. Заведующий дворцом Юсупова-отца в Кореизе нам оказал большое сопротивление, нам пришлось выдержать чуть ли не целую атаку, пока мы смогли взять ценности. Он не хотел давать, как будто это его ценности. Так было и со всеми дворцами <...> На следующий день в имени Фальцвейн я догнал комиссию по эвакуации ценностей под председательством тов. Турецкого-Чистова, где я сдал часть ценностей, которые имел с собой и нас эвакуировали в Каховку. В Каховке мы сели на пароход, [отплывавший] в Херсон. Когда мы приехали в Херсон, то оказалось, что нужно было отступить дальше...».

Правовую базу, касающуюся конфискаций и реквизиций, подвели сравнительно поздно — лишь 9 июня появилось постановление правительства «О конфискации

11 Южные ведомости (Симферополь), 1919, № 105 3(16) августа — с. 1.

12 Андросов С.А. Национальные имения Крыма в 1917–1920 гг. //Историческое наследие Крыма, 2006, № 12–13, с. 41.

13 Каплан М.Ф. Воспоминания//ГАРК, П-150, оп. 1, д. 423, л. 5–50б., 6.

имущества лиц, бежавших в связи с восстановлением Советской власти в Крыму». А опубликовано ¹⁴ оно было вообще перед окончанием «второго пришествия». Между тем фактически такое положение применялось к имуществу бежавших с первых же дней Красной власти.

Свою специфику имели реквизиции военными для обустройства различных штабных организаций. В фонде Симферопольского городской думы сохранилось немало расписок ¹⁵, подобных следующей:

«16 мая, № 9071 Штаб Крымской Советской армии. Дана сия от штаба Крымской Советской Армии гражданину города Симферополя товарищу ШНЕЙДЕРОВУ в том, что у него взято во временное пользование 2 канцелярских стола, которые после переезда штаба будут ему возвращены...». Для этого хозяина канцелярской мебели все закончилось благополучно, что следует из подписки, данной им 30 июня, т.е. уже при деникинцах. Согласно ей, он получил ¹⁶ к этому времени мебель, отобранную у него «в период пребывания в городе Советской власти». Характерно, что военными нередко «временно» изымалась не только мебель и пишущие машинки. В документах по изъятию фигурируют велосипеды, пианино, рояль ¹⁷.

Объективно причины реквизиций и конфискации лежали на поверхности — пришедшая в Крым армия Дыбенко была разута и раздета ¹⁸. *«Люди босые, голые и на этой почве начинается сильное брожение. Мы принуждены конфисковать у населения последние штаны для Армии, но это мало помогает, необходимо десять тысяч комплектов обмундирования»* — писало ¹⁹ руководство Крымской республики 25 мая в Москву В.И. Ленину и военному командованию страны.

Распоряжением РВС по всему Крыму «вменялась «единовременная вещевая повинность». Для исполнения повинности все население разбивалось ²⁰ на две категории: 1) граждане, чьи суммы при обложении контрибуцией превышали 300 рублей — крупные владельцы домов, садов и торговцы; 2) граждане, которые были обложены контрибуцией менее 300 рублей. Характерное свидетельство об этой операции сохранилось ²¹ в дневнике юного феодосийца Г. Гауфлера: **«24 мая, суббота.** Эти дни ходили слухи, а потом было объявление, что будут забирать белье.

14 Известия (Симферополь), № 26, 20 июня, с. 2.

15 ГАРК, ф. 63, оп. 2, д. 909, л. 50.

16 Там же, л. 48.

17 Там же, л. 5, 7, 22, 37.

18 По этому поводу начальник отдела снабжения Таврического губернского комиссариата по военным делам 5 мая обращается в Симферопольский ревком: *«Ввиду недостатка предметов первой необходимости для снабжения войсковых частей, прошу распорядиться о срочной организации сбора добровольных пожертвований частными лицами вещей, пригодных для обмундирования и снабжения красноармейцев, как то: сапог, белья, ремней, гимнастеров, носок, платков, полотенец, простынь и т. п.»* [ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 195].

19 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 12, л. 49.

20 Известия (Ялта), № 34, 11 июня, с. 3; Известия (Харьков), № 131, 6 июня с. 2.

21 Гауфлер Герман. Тревожные дни. Дневник феодосийского гимназиста. // Крымский альбом 1999. Феодосия-Москва. Издательский дом «Коктебель». 2000. с. 196.

Мы приготовили несколько пар. После завтрака пришел молодой человек. Мы ему дали белье, он все записал. Все время был очень вежлив».

В Ялтинском уезде бельевая повинность на имущие классы была объявлена в середине мая. Но собранное белье попало не только красным заднепровцам, оно было распределено между военными и рабочим населением города и уезда²².

Добытанием одежды и обуви для заднепровцев приходилось заниматься и ревкомам и советам депутатов. Причем порой решения принимались в духе революционного времени. Так исполком Карасубазарского Совета заслушав сообщение представителей с фронта о крайней нужде красноармейцев в обуви 4 июня предложил²³ Военному комиссару немедленно приступить к реквизиции необходимого количества обуви и кожи у местных торговых учреждений и предприятий.

Характерный перечень²⁴ того, что отбиралось во время обысков и арестов, сохранился в протоколе заседания Губернского ЧК от 26 апреля: оружие, драгоценные камни, военные вещи, спиртные напитки и самогонные аппараты, ордена отличия, все серебряные, золотые и медные монеты. Причем все отобранное оружие должно было быть сдано в Военный комиссариат «по спискам и протоколам».

А вот яркий пример конфискации военного обмундирования самими заднепровцами. Адьютант «Крымского резервного батальона имени Дыбенко» В. Завадский докладывает 20 мая²⁵ о проведении порученного ему Оперативным отделом батальона обыска и реквизиции у Феодосии Арбузовой, проживавшей в Симферополе по адресу Верхнепетропавловская улица, д. 27: «После недолгих розысков было обнаружено нижеследующее: В огороде зарыт ящик, в котором находились 25 простынь, 121 полотенце и другое белье». После чего был проведен обыск в квартире, где обнаружена масса офицерского обмундирования». (Приведен список из пяти десятков позиций). После ухода красных Ф. Арбузова обратилась в городскую управу с заявлением о розыске вещей, забранных у неё «бывшими советскими властями». К заявлению прилагался протокол изъятия и опись конфискованных вещей²⁶.

Судя по газетной публикации, имел место единичный случай «реквизиции инвентаря и продуктов Советских имений» по мандату уездного военкома. Дело об этом нарушении было передано²⁷ Губвоенкому, которого обязали «принять срочные меры и предать виновников суду революционного трибунала, а также издать приказ по Крыму не производить реквизиций без ведома Земотдела и Ревкома».

Социально важная тема — «О выселении, вселении, переселении и уплотнении», как объявлял повестку дня заседания ревкома персонаж пьесы К.А. Тренева «Любовь Яровая», т.е. переселение бедноты из «хижин» во «дворцы» буржуазии. Однако с реализацией этого политически важного процесса дело обстояло весьма плачевно, даже

22 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 178, л. 157.

23 Волков В.П. За власть Советов! Симферополь. 1963, с. 132.

24 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 19, л. 9 об.

25 ГАРК, ф. 63, оп. 2, д. 910, л. 183.

26 Там же, л. 181.

27 Известия (Симферополь), № 19, 9 мая.

по словам большевистской прессы: «...Все лучшие квартиры заняты советскими чиновниками — или, как не по-модному называют — советской бюрократией», — писала газета «Таврический коммунист» под заголовком «Квартирная вакханалия», (№ 14, 26 апреля, с.1). Со своей стороны, оппонент новой власти В.А. Оболенский²⁸, иронически комментировал: «В городах все помещения были переписаны, квартиры и комнаты вымерены и пронумерованы, а жителей развешивали по нумерованным комнатам, как вещи по кладовым». Меншевики пытались бороться с беспорядочной реквизицией квартир, предлагая Совнархозу создать специальную комиссию по обследованию. Причем в эту комиссию должен был быть включен и представитель военного комиссариата²⁹. Однако на практике ситуацию выправить не удалось. А скоро эта болезненная тема на долгие годы заняла важное место в жизни советского общества.

КОНТРИБУЦИИ

На этапе своего становления новая власть сразу столкнулась с нехваткой денег на зарплату, закупку продовольствия и другие неотложные нужды. Поэтому уже 13 апреля Симферопольский ревком принял решение о контрибуции³⁰. С целью взимания контрибуции было подготовлено постановление³¹ «О регистрации купцов 1-й и 2-й гильдии, фабрикантов, заводчиков, домовладельцев и землевладельцев». Первоначально Ревком определил сумму контрибуции в 5 миллионов рублей. Эта сумма была собрана вовремя и сравнительно безболезненно. Но затем уже Симферопольский Совет депутатов увеличил ее до 12 миллионов³². И здесь со сбором начались трудности. Хотя, как декларировалось³³ в коммунистической прессе, ревкомы должны были «строго следить за справедливостью обложения», на деле нередко все пускалось на самотек. «Ну, объясните мне: вклады конфискованы, продавать вещи запрещено, дом теперь не мой, — откуда же прикажете достать денег? Все, что было, отдали им» — справедливо заявлял³⁴ по этому поводу один из персонажей романа В.В. Вересаева «В тупике».

Зачастую, если контрибуция не вносилась вовремя, то и недоимщики и комиссия по обложению, подлежали аресту и находились в тюрьме «до полного поступления недоимки». Такой прием применялся, в частности, в Севастополе. Местный ревком 3 мая постановил ввести единовременный чрезвычайный налог в размере 10 млн руб. 5 млн из этой суммы уплачивают спекулянты, 3 млн — торгово-промышленный класс, 1 млн — домовладельцы и 1 млн — владельцы садовых и земельных участков. Срок уплаты установили с 4 по 13 мая. Однако означенная сумма не была собрана,

28 Оболенский В.А. Указ. соч. с. 650.

29 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 116–117.

30 Там же, л. 104.

31 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 19, л. 11.

32 Бунегин М.Ф. Второй период Советской власти в Крыму // Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — Симферополь, 1927, с. 255.

33 Таврический коммунист № 16, 29 апреля, с. 2.

34 Вересаев В.В. В тупике // Вересаев В.В. Сочинения в четырех томах. Том I, М., издательство «Правда», 1990, с. 381–583.

и 14 мая ревком принял решение арестовать всю комиссию по обложению, а также всех недоимщиков до полного поступления налога, о чем для острастки сообщалось³⁵ в «Известиях Севастопольского революционного комитета» 15 мая.

Аналогичным образом Перекопский ревком наложил на местную буржуазию контрибуцию в размере 500 тыс. рублей. Несколько крупных буржуев было арестовано, а у остальных отобраны подписки о невыезде³⁶. Контрибуция по Алушке, была определена в 500 тысяч рублей, но эта сумма не позволила надолго удовлетворить местные нужды³⁷. Такую же сумму обложения местной буржуазии установил 25 апреля Джанкойский ревком, причем специально оговаривалось, что получить эту сумму нужно получить «разными деньгами». При разверстке контрибуции решено было³⁸ «арестовать несколько человек крупных буржуев в качестве заложников до внесения контрибуции, а с остальных отобрать подписки о невыезде из города».

Контрибуция на имущие классы Ялты³⁹ была установлена в 5 млн руб., в счет которой к середине июня было собрано 1,7 млн (около 1,4 млн в самой Ялте и 0,3 млн по уезду). Собранная контрибуция пошла на частичную уплату жалования поденным рабочим национальных и национализированных имений, а также на аванс отделов продовольствия (на закупку сахара) и здравоохранения (на содержание больных)⁴⁰.

Симферопольский ревком нередко сам санкционировал контрибуции пригородных ревкомов. Так Ново-Царицынскому ревкому председатель Симферопольского ревкому Е.Р. Багатурьянц 27 апреля выдала разрешение⁴¹ на «взимание контрибуции в размере 50 тысяч рублей с состоятельных граждан».

Помимо взимания контрибуций Симферопольский совнархоз предложил правительству временно оставить в силе все налоги, установленные Симферопольской городской думой при Крымском Краевом правительстве⁴².

Меньшевики, со своей стороны, доказывали неэффективность контрибуции в качестве постоянного источника финансирования. «Единственный выход

35 Крестьянников, с. 411.

36 Волков В.П. Указ. соч., с. 121.

37 Там же, с. 109.

38 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 178, л. 18.

39 Объявление комиссии по сбору контрибуции г. Ялты и ялтинского уезда. «Комиссия постановила назначить дни внесения контрибуций для фамилий, вносителей, начинающих на буквы:

а, б, в, г — срок внесения истекает в 3 часа дня 25 мая;

ж, з, и, к — —” — 26 мая;

л, м, н, о, п — —” — 27 мая;

р, с, т, у, ю, х, я — —” — 28 мая;

ф, ч, ш, щ, ц, и остальные — —” — 29 мая.

По истечении каждого срока лица, не внесшие причитающуюся сумму, будут немедленно арестованы и преданы суду Военно-Революционного трибунала.

Секретарь комиссии Рудин.» [Известия (Ялта), № 21, 24 мая, с. 1.]

40 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 178, л. 157.

41 Там же, л. 7.

42 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 196, л. 113.

из финансового кризиса, — говорили⁴³ они, — поднять как производство, так и производительность труда». Но Совет депутатов перешел от контрибуций к другому испытанному средству революционного времени — станку для печати денежных знаков, об этом см. ниже.

МОБИЛИЗАЦИИ

В начале мая по населенным пунктам Крыма началась мобилизация «всех бывших офицеров и военных чиновников». Приводим текст типичного объявления о мобилизации:

Приказ № 2 Алуштинского Волостного Военного Комиссара⁴⁴
На основании телеграфного распоряжения Ялтинского Уездного Военного Комиссара от 7 сего мая за № 67
Приказываю всем бывшим
ОФИЦЕРАМ И ВОЕННЫМ ЧИНОВНИКАМ
Гор. Алушты и его окрестностей явиться ЗАВТРА 9-го мая с. 2.
в Алуштинский ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
(здание Ревкома) для мобилизации.
Алуштинский Военный комиссар ЯКОВЕНКО
Гор. Алушта, 8-го мая 1919 года.

Обратите внимание, что в объявлении нет устрашающих слов о карах тем, кто проигнорирует этот приказ. При такой, формально проведенной мобилизации зарегистрировались лишь единицы, а основная масса военных ушла в подполье и старалась пробраться к белым за Ак-Монай.

Для использования в качестве тылового ополчения Крымская ЧК провела в конце апреля регистрацию купцов 1-й и 2-й гильдии, фабрикантов, заводчиков, домовладельцев и землевладельцев⁴⁵. Были даже отпечатаны специальные «регистрационные карточки»⁴⁶ по учету буржуазии для тылового ополчения. Для этой же цели были зарегистрированы⁴⁷ «духовные служащие церковей всех вероисповеданий».

18 мая было объявлено о регистрации врачей и о зачислении⁴⁸ в тыловое ополчение, следующих категорий граждан: лиц, эксплуатирующих чужой труд, живущих на нетрудовые доходы (проценты с капитала); владельцев промышленных, торговых и земледельческих предприятий, членов советов и правлений акционерных обществ, компаний всякого рода товариществ, директоров, управляющих, заведующих, доверенных таких обществ; бывших присяжных поверенных и их помощников,

43 Борьба (Симферополь), № 40, 3 июня, с. 3.

44 ГАРК, ф. р-1613, оп. 1, д. 1 л. 86.

45 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 19, л. 11.

46 ГАРК, ф. р-1613, оп. 1, д. 1 л. 111.

47 Там же, л. 115.

48 ГАРК, ф. р-2424, оп. 1, д. 32, л. 17.

сотрудников буржуазной печати; монахов и служителей церквей и религиозных культов (всех вероисповеданий); воспитанников юнкерских училищ и кадетских корпусов и лиц не имеющих определенных занятий. Но использовано тыловое ополчение было очень поздно — лишь 18 июня в связи с объявлением осадного положения в Крыму буржуазия была мобилизована на рытье окопов⁴⁹.

СВОБОДА ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Выезд из Крыма почти весь период «второго пришествия» красных был либо полностью запрещен, либо обставлен массой условий. Полный запрет на выезд из Крыма вводился трижды: во время прихода заднепровцев в Крым, в ходе подавления мятежа Григорьева и в конце второго красного периода, когда было объявлено осадное положение. Во время «осадного положения» Совет обороны воспретил⁵⁰ свободный выезд за пределы Крыма якобы в целях борьбы со шпионами.

Но и при формальном разрешении выезда, необходимо было выполнить ряд непростых условий. Нужно было представить в Губернскую Чрезвычайную комиссию следующие справки: 1) от комиссара финансов о том, что проситель не подлежит обложению контрибуцией, 2) о том, что он не подлежит мобилизации, и 3) о том, что за ним нет никакого уголовного следствия⁵¹. В конце сообщения однозначно оговаривалось: «лицам не предоставившим вышеупомянутых документов, пропуска на выезд выдаваться не будут». Характерно, что информация о расписании поездов Севастополь-Мелитополь сообщалась в первую очередь военным⁵².

Непросто было порою даже переехать из одного города в другой в пределах Крыма. Так в связи с осадным положением сообщалось, что пропуска из Ялты до Симферополя с 13 мая выдаются только красноармейцам. Частным лицам выдача пропусков прекращена⁵³. Аналогичное распоряжение о прекращении выдачи пропусков на выезд из города сделал 4 мая и севастопольский комендант⁵⁴.

Вместе с тем уже к середине мая наступает некоторый прогресс в другой сфере повседневной жизни — к этому времени был возобновлен прием посылок и переводов из Советской России во все местности Таврической губернии кроме Керченского участка⁵⁵.

СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Остается только удивляться, как много законодательной продукции успела выпустить новая власть. 21-го мая дошла очередь и до антирелигиозного декрета. Он был опубликован⁵⁶ в правительственных «Известиях» и не имел никакого названия. Просто

49 Баранченко В.Е. Гавен. (серия «ЖЗЛ»), М., 1967, с. 107.

50 Известия (Ялта), № 36, 13 июня, с. 2.

51 Известия (Симферополь), № 19, 9 мая, с. 1.

52 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 3, л. 16, пункт 1 приказа № 16 по КСА от 20 мая

53 Известия (Ялта), № 18, 21 мая, с. 1.

54 Крестьянников, с. 407.

55 Известия ВЦИК (Москва), 1919, № 108, 21 мая, с. 4.

56 Известия (Симферополь), № 2, 21 мая.

с первых строк сообщалось, что «Церковь отделяется от государства». Затем следовал главный пассаж, ради которого декрет и призван был работать: *«Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от своих гражданских обязанностей»*. В остальном же, декрет касался мер по линии комиссариата просвещения — ограничению религиозного образования и воспитания: «Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и частных школах, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается». Тем не менее, обучать и обучаться религии частным образом не возбранялось.

В развитие этого декрета в конце мая были введены ограничительные меры⁵⁷ в плане преподавания религиозных вероучений. Соответствующими циркулярами, рассылаемыми по населенным пунктам Крыма, запрещалось выполнение религиозных обрядов в стенах школ, и упразднялась должность школьного законоучителя. Этим же декретом отменялась религиозная клятва или присяга.

Новая власть постаралась с помощью милиции взять на учет «духовных служащих церковей всех вероисповеданий». В соответствии с предписаниями сверху⁵⁸ местные власти должны были срочно сообщать о количестве служащих церковей по разным возрастным категориям. Но делалось это скорее ради формирования тылового ополчения, в котором непролетарское население использовалось для рытья окопов и других подобных работ.

Относительно массовых репрессий против «церковников» мы свидетельствами не располагаем, но одиночные аресты их по тем или иным причинам происходили. В частности, был арестован протоиерей Симферопольского духовного училища Н. Мезенцев, об освобождении которого 8 мая ходатайствовал⁵⁹ школьный совет этого училища. На наш взгляд, антирелигиозная кампания в Крыму в целом проходила намного мягче, чем в центральной России и не провоцировала массовых протестов населения.

Мало того, Г.В. Вернадский (сын академика В.И. Вернадского), которого трудно заподозрить в симпатиях к большевикам, свидетельствует⁶⁰, развивая эту тему, писал: *«Несмотря на гражданскую войну и трудные условия жизни, в Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни. Даже под властью большевиков (конец марта — начало июня 1919) при университет в Архивной комиссии устраивались лекции и собеседования на научные темы. Открытых религиозных собраний нельзя было, конечно, устраивать, но церкви не были закрыты и всегда были полны молящимися»*. С другой стороны, имели место провокации на тему изъятия церковного имущества. Такие слухи распространялись определенными кругами в начале июня в Ялте. Ялтинский ревком вынужден был опровергать⁶¹ эти слухи.

57 РГАСПИ, ф. 71, оп. 35, д. 997, л. 172.

58 ГАРК, ф. р-1613, оп. 1, д. 1 л. 115.

59 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 199.

60 Вернадский Г.В. Указ. соч., с. 33.

61 Известия (Ялта), № 29, 4 июня, с. 1.

* * *

Забавный эпизод, тоже касающийся свободы личности в Крыму, приводит поэт Максимилиан Волошин⁶². Дело, якобы, происходило в мае 1919 г. в поселке Ак-Мечеть (ныне Черноморское), куда приплыли матросы из Одессы, и с ними в Крым перебрался и М. Волошин.

«У матросов, как только мы приехали, началось капуанское «растление нравов». На столе появилось вино, хлеб, сало, гитара, гармоника, две барышни. «Товарищ Волошин, пожалуйста к нам». Было ясно, что они решили отпраздновать «благополучное завершение» опасного перехода. Ночью все успокоилось. И среди тишины раздался резкий, начальственный стук в дверь. Ответило невнятное мычание. «Отворите товарищи. Стучит Прифронтная Чрезвычайная Комиссия. Разве вы, товарищи, не знаете последнего приказа: в Крыму по случаю осадного положения запрещено спать с бабами». В ответ послышалось дикое и непокорное рычание: — Мы сами служащие одесского ЧК, и никакого такого приказа мы в Одессе не знаем. Тем не менее, три барышни были из номеров матросов извлечены и переведены в комнату ЧК, что и требовалось доказать. Снова все успокоилось». Впрочем, М. Волошин мог все это просто придумать, что называется, «для красного словца»...

АРЕСТЫ И РАССТРЕЛЫ

В прессе и архивных документах того времени упоминаний об арестах почти нет, за исключением арестов лиц, виновных в невенесении контрибуции.

Необходимо отметить, что очень соблазнительно использовать роман «В тупике» В. Вересаева чуть ли не в качестве документального свидетельства о событиях второго периода большевизма в Крыму, поскольку хронологические рамки романа как раз ему соответствуют. Но сразу приходится предостерегать от такого подхода: сдвиг ряда событий, сгущение красок по реальным событиям, а порой чистый вымысел — на все это автор художественного произведения конечно имеет право. Но это не оставляет места для приложения такого произведения в виде документального свидетельства. И хотя в романе описаны — и арест главной героини Кати по ложному обвинению в контрреволюционной агитации, и условия содержания в тюрьме «хуже чем при царском режиме», и специальная камера для лиц ожидавших расстрела, и арест её отца Ивана Ильича за агитацию против смертной казни, воздержимся от этих описаний по вышеуказанным причинам.

Обратимся теперь к теме расстрелов. Для начала приведем цитату из воспоминаний⁶³ одного из современников тех событий В.А. Оболенского: «За все три месяца пребывания большевиков в Крыму было расстреляно лишь несколько человек в Ялте, и то уже перед самым уходом большевиков, в суете и панике». Но такую благостную оценку «второму пришествию» В.А. Оболенский дал отчасти по незнанию — весь этот период он скрывался в своем имении Биюк-Ламбат (ныне Малый Маяк) недалеко

62 Волошин М.А. О Н.А. Марксе // Путник по вселенным. — М.: Советская Россия, 1990, с. 270.

63 Оболенский В.А. Указ. соч., с. 650.

от Алушты, и далеко не все происходящее в Крыму доходило до его ушей. Попытаемся восстановить реальную ситуацию.

Отдел пропаганды ВСЮР тоже дают довольно скромные цифры расстрелов красными во время их второго прихода. Они упомянуты лишь в одной сводке. В ней сообщается об истязаниях и убийстве 4 человек в ходе наступления Красной армии, а также о расстреле 4 человек в Севастополе⁶⁴. На фоне массовых репрессий в других регионах это были «мелочи». Поэтому в довольно обширной литературе о репрессиях в Крыму расстрелы во время короткого второго красного периода вообще не упоминаются⁶⁵.

Единичные расстрелы второго прихода красной власти в Крым конечно меркнут по сравнению с первым приходом 66, когда шла резня «непролетарских» элементов под безальтернативным лозунгом «Смерть буржуям!». Еще более массовые кровавые репрессии происходили в ходе третьего прихода красных в Крым после разгрома Врангеля. Только лозунг был другой. Директивой оказалась фраза Л. Троцкого «Я не приеду в Крым до тех пор, пока хотя бы один контрреволюционер останется на полуострове».

Особняком стоят различные беззакония в Крымской Советской армии. Неоднократные случаи бессудных расстрелов солдат за те или иные проступки безусловно имели место, так в резолюции съезда коммунистов Крымской дивизии Ак-Манайского фронта в Ислам-Тереке было заявлено⁶⁷, что съезд «горячо протестует против расстрелов и требует впредь не производить без суда и следствия [расстрелов] кого бы то ни было». В сводке для ЦК КП(б)У от 12 июня (по состоянию на 19 мая) член Крымского обкома М.Д. Шустер сообщал о расстреле начальником Ударной бригады КСА Котовым политкома этой бригады. Далее Шустер⁶⁸ пишет: «Котов, на съезде политработников в Джанкое на их вопрос о причинах его поступка с товарищем, грозил расстрелять всех...».

Обратимся к архивным документам, касающимся расстрелов военными. Здесь прослеживается существенная разница между распоряжениями командарма П.Е. Дыбенко и временно его замещавшего М.А. Петровского, когда Дыбенко уехал из Крыма громить восстание Григорьева.

Распоряжение Петровского⁶⁹ от 28 мая:

«Контрразведчику 1-го караульного батальона Котельеву.

Копия: Коменданту города Новикову и председателю Ревкома.

64 Сводка сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков № 4628 от 6 июля 1919 года Отдела пропаганды Особого совещания при Главкомандующем ВСЮР.

65 См. например: *Филимонов С.Б.* Тайны крымских застенков. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2003; *Соколов Д.В.* Очерки по истории политических репрессий в Крыму (1917–1941 гг.). — Севастополь: Телескоп 2009; *Крымские расстрелы 1920 года // Скоркин К.В.* На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011, с. 9–04–912.

66 *Дубко Ю.В.* Советская республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства. — Симферополь, 1999; *Соколов Д.В.* Таврида, обгаренная кровью. Большевиизация Крыма и Черноморского флота в марте 1917–мае 1918 г. — М.: Содружество «Посев», 2013.

67 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 8, л. 3, 3 об.; РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 156, л. 259.

68 ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 4, л. 34–35.

69 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 12, л. 104.

«Довожу до Вашего сведения, что Вам никто не давал право, кого бы то ни было пороть и расстреливать. Своими действиями Вы терроризируете население и восстанавливаете его против Советской власти. Приказываю Вам арестованных немедленно передать Особому Отделу. Категорически заявляю, что если подобные случаи еще хоть раз повторятся, Вы будете преданы Военно-Революционному суду. 28-го мая 1919 года, № 982. За командарма Петровский.

Его же аналогичный приказ⁷⁰ от 22 мая: «До моего сведения дошло, что некоторые военкомы при объездах уездов с отрядами особых комиссий производят расстрелы в волостях. На будущее время приказываю к неукоснительному исполнению на месте расстрелов не производить, исключая случаев, когда сами крестьяне (мелкие и середняки) требуют расстрелов кулаков и других контрреволюционеров. Арестованных преступников препровождать в распоряжение ближайших военно-революционных трибуналов.

Подписи: Исполняющий должность Наркомвоенмора Петровский, от Реввоенсовета Ткач, начальник Строевого управления Веселаго».

Из этих предельно вежливых по форме распоряжений следует, что все права карать или миловать принадлежат исключительно Особому отделу Армии. А нарком внутренних дел Крыма Ю.П. Гавен считал⁷¹ иначе, что следует из его приказа: «Право расстрела за какие-либо, хотя и тяжкие, преступления принадлежит исключительно судебной власти, **но ни в коем случае — особому отделу при РВС армии**». Заметим в скобках, что самому М.А. Петровскому ходить на свободе осталось лишь две недели — 12 июня вышел приказ о его аресте и отправке под конвоем в Серпухов по личному распоряжению Л. Троцкого⁷². Фактическое прегрешение Петровского состояло в попытке добиться полной независимости Крымской армии от недавнего патрона — Украинского фронта под командованием В. Антонова-Овсеевко⁷³.

Вернувшийся из командировки по борьбе с григорьевцами, П.Е. Дыбенко, занявший свои посты командарма и наркомвоенмора, уже приказывает⁷⁴ не церемониться с классовым врагом: «За последнее время священниками, белогвардейскими проходимцами ведется антисоветская погромная агитация, в связи с которой в городах происходят демонстрации и скопления населения, возбуждаемые черносотенными провокаторами.

Приказываю всем подведомственным мне военным учреждениям и лицам, занимающим ответственные посты, принять самые решительные меры против черносотенной агитации. <...> **Лиц активно выступающих против Советской власти и ведущих агитацию, расстреливать на месте**» (выделено мной — М. В.).

Вообще, на протяжении всего периода шла постоянная борьба между предельно жесткой линией военных и более мягкой — Ревкома и Крымского советского правительства.

По предложению Севастопольского Ревкома Крымский Совнарком 21 мая постановил «Отнять от всех особых отделов армии и контрольных пунктов право суда

70 Там же, д. 3, л. 18, пункт 2 приказа № 18.

71 Известия (Ялта), № 26, 31 мая, с. 2.

72 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 3, л. 44.

73 Там же, д. 12, л. 107.

74 Там же, д. 3, л. 30: пункт 6 приказа № 32 от 5 июня.

и расстрела, сделав их следственными органами». В срочном порядке формируются два трибунала: Военно-Революционный Трибунал Армии и Революционный Трибунал Крымской Республики. Создается следственная комиссия для расследования причин расстрелов и привлечения к строжайшей ответственности виновных. В конце мая — начале июня правительство КССР продолжало ограничивать поползновения военных в планах проведения репрессий. Так новый нарком юстиции И.Н. Семенов, заменивший на этом посту И. Арабского, 2 июня подписал декрет⁷⁵ «О гарантии законности личных арестов».

Констатировал борьбу военных и гражданских властей и В. Оболенский⁷⁶: «Штаб Дыбенко, вступивший в борьбу с более гуманным Ревкомом, продолжал ее и с Совнаркомом, возглавлявшимся братом Ленина и руководившимся группой меньшевиков. В конце концов, Дыбенко получил разрешение организовать свою военную Чка, но она не успела развернуть свою кровавую деятельность».

Завершаем тему расстрелов следующей заметкой в севастопольском «Крымском вестнике» от 21 июля (3 августа) 1919 г.

«В оставленных бумагах симферопольской чрезвычайки найден список лиц, которым было поручено расстрелять отряду знаменитого Храпова. Список составлен из всех быв[ших] членов Крымского краевого правительства, от министра [-председателя Совмина, т.е. С.С. Крыма — М. В.] до соц.-дем. П.С. Бобровского включительно, председателя губернской земской управы В.А. Оболенского, редактора «Таврического Голоса» Д.С. Пасманика, В.С. Налбандова и других лиц».

Неясно, насколько эта заметка соответствовала действительности, но с уверенностью можно сказать, что несостоявшиеся расстрелы должны были осуществить военные, а не гражданские карательные органы.

В заметке упоминается «Отряд особого назначения имени тов. Дыбенко» под командованием Храпова, созданный при Особом отделе РВС Крымской армии и оставивший немало печальных воспоминаний у крымских обывателей. Судя по сохранившимся документам, отряд Храпова действовал не только в Симферополе, но и в других городах; в частности выезжал в середине мая в Ялту⁷⁷. Похоже, карательный отряд Храпова был в Красном Крыму того времени не единственным. Так в приказах по Штабу Армии упомянут «Карательный отряд имени т. Котова», включающий 80 человек⁷⁸.

* * *

Как мне представляется, удалось показать, что с личными свободами в период второго прихода красных в Крым дело обстояло далеко не блестяще.

Но все познается в сравнении, а сравнение приводит все к тому же тривиальному выводу — из трех периодов красной власти второй период в плане личных свобод все-таки оказался самым мягким.

Добавим, что сведения о главных органах подавления свобод — крымских Чрезвычайных комиссиях приведены в отдельной главе Политической панорамы.

75 ГАРК, ф. р-2252, оп. 1, д. 5, л. 17.

76 Оболенский В.А. Указ. соч., с. 654.

77 РГВА, ф. 40705, оп. 1, д. 9, л. 54.

78 Там же, д. 4, л. 25; приказ № 21 от 25 мая.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС

Вопрос о том, как прокормить Симферополь, а затем и весь Крым, был актуален с первых дней существования Симферопольского ревкома. Так уже 14 апреля в Днепровский и Мелитопольский уезды Таврии были направлены три заготовителя хлеба, муки, молочных продуктов, сала, картофеля⁷⁹. Но тут же выяснилось, что военные власти, как правило, перехватывали прямо на вокзале заготовленные для города продукты⁸⁰. Не давали заготавливать хлеб для города и командиры повстанческих отрядов Северной Таврии. Так выяснилось, что хлеб, шедший из Евпатории в адрес крымского Продкома, реквизирован командиром П.И. Тараном и отправлен в Аскания-Нова⁸¹. Так разгорался длительный конфликт между гражданскими и военными властями. Только в конце мая этот конфликт удалось погасить, сформировав⁸² чрезвычайную комиссию по снабжению армии с представителями от наркомпрода, совнархоза и Реввоенсовета Крыма. Но оказалось, что военные — не единственные конкуренты для крымчан по части заготовки продуктов.

Болезненным был вопрос о вывозе из Крыма хлеба, ведь почти одновременно с образованием Симферопольского ревкома в Крым нагрянули заготовители с голодного севера России. В сводке от 2 мая для Москвы⁸³ читаем: «Из России прибыли для закупки фруктов, томата, пряностей и т.п. прод[овольственные] органы Центрального Московского кооператива, Продпути, Рабочего Союза, петроградского Компрода». Сохранилось обращение Комиссариата продовольствия Ревкома⁸⁴ по этому поводу в Киев и Москву: «Крымский продовольственный комиссариат на первых же порах [своей деятельностью]... встретился с 16-ю (выделено мною — М. В.) организациями центральной России и Украины, имеющими согласно предъявляемых ими удостоверений, право повсеместной самостоятельной закупки всех продовольственных продуктов, кроме того, с военной

79 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 48.

80 Там же, д. 173, л. 9.

81 Там же, л. 13.

82 Известия (Ялта), № 26, 31 мая, с. 2.

83 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 50–51.

84 Там же, л. 61 (исх. 4349 от 25 апреля).

властью, которая самым энергичным образом стала разворачивать свои собственные организации по снабжению армии, сбору и распределению продуктов. <...>

Крымский наркомпрод просит: 1) ввести запрет на самостоятельные заготовки; 2) вывоз проводить исключительно по разрешениям Крымского наркомпрода; 3) утвердить и объявить список продуктов запрещенных к вывозу». Не похоже, что Москва и Киев во всем пошли навстречу представителям крымского Ревкома, но минимальный порядок был установлен¹.

Управление снабжений РСФСР специально направило в Таврическую губернию своего представителя Б.Н. Муравина, чтобы на месте выяснить перечень того, что можно и нужно вывозить. Но по продовольственной части Муравин в своем докладе никаких открытий не сделал, он упомянул лишь те продукты, которые традиционно вывозили, т.е. соль, табак, фрукты, рыба (сушеная). Хлеб он предлагал заготавливать в Мелитопольском и Бердянском уездах². Специальным уполномоченным Совета обороны по продовольственным заготовкам на Украине и в Крыму был назначен Н.П. Брюханов. Удостоверение ему 19 мая подписал В.И. Ленин³.

Озаботившись трудностями с хлебом, в середине мая Краевой Совнархоз организовал две комиссии по вывозу хлеба не только из Таврии, но и из Херсонской губернии. В каждую комиссию входили представители не только Наркомпрода, но и железнодорожников, кооператоров и профсоюзов⁴.

Впечатляет и оперативность новой власти по части обмена продукцией с другими регионами. Первое предложение Крымского губпродкома к Украинскому Центрисполкому об обмене продуктами между Крымом и Украиной поступило в Киев уже через 5 дней после взятия красными Симферополя. Список предлагаемой Крымом продукции был⁵ довольно широк — семена, шерсть, соль, брынза, сельди, рыбные консервы, фрукты, табак, сафьян, вина и пр. Постепенно налаживался обмен и внутри Таврической губернии. Так Мелитополь предлагает Севастополю продукты (хлеб, жиры, картофель), а в обмен просит прислать белую жезь для консервных фабрик. А Ялта в обмен на продовольствие отправила в Евпаторию транспорт древесного угля. Несмотря на непрекращающиеся военные действия, зарубежные представители тоже проявляли интерес к торговле с красным Крымом. Так греческий консул в Севастополе предложил⁶ поставку сукна и оливкового масла в обмен на крымский табак. В начале июня в Симферополе проходил краевой продовольственный съезд. В ходе

1 В первых числах мая в Симферополе состоялось совещание органов, самостоятельно заготавливающих в Крыму продукты по разрешениям Наркомпрода Украины. Среди них: Московский центральный рабочий кооператив, Продонбасса, Рабсоюз и Управление красноармейских лавок. Совещание постановило объединить все заготовительные органы под эгидой «Заготселя» при Губпродкоме в целях единообразия цен и условий работы. [Голос Евпаторийского пролетариата, без №, 4 мая, с. 2.]

2 РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 21.

3 Биографическая хроника В.И. Ленина. т. 7, М., с. 206.

4 Известия (Ялта), № 17, 20 мая.

5 Таврический коммунист, № 16, 29 апреля, с. 4; Прибой, № 444, 13 мая (30 апреля), с. 2.

6 Таврический коммунист № 35, 22 мая, с. 3.

его работы выяснилось, что в Евпаторийском уезде излишки муки достигают 50 тысяч пудов, которые можно использовать для Симферополя, Севастополя, Ялты и других городов. Кроме того в уезде есть еще до 40 тысяч пудов муки, предназначенной для внешнего рынка, но получить ее можно лишь путем обмена. Соответственно, выросла и цена муки — с 9 до 17 рублей за пуд⁷.

Советские источники, по разному освещают ситуацию с продовольствием в Крыму. Так, если М.Ф. Бунегин⁸ утверждал, что все собранное оставалось для питания населения и что за 75 дней, которые существовала Советская власть, «из Крыма в голодающие северные губернии не было отправлено ни одного вагона хлеба», то у Б.М. Яроцкого⁹ читаем: «Крестьяне Крыма обещают без принуждения дать хлеб Великодержавии; ежедневно грузятся до 30 вагонов» — докладывал К.Е. Ворошилов в ЦИК России 2 мая. Далее Яроцкий пишет: «В начале июня отправлен первый эшелон хлеба для Москвы и Петрограда. Хлеб заготовлен продотрядами, подчинявшимися МВД Крыма». В чем же причина такой разногласицы? Нам представляется, что помимо собственно политических задач, которые ставили упоминаемые авторы в разные годы, дело еще в том, что к Крыму, точнее к Таврической губернии относили и три континентальных уезда: Днепровский, Бердянский и Мелитопольский. Именно из этих традиционно хлебобродных уездов и вывозили хлеб в голодные северные губернии России. Дело доходило до того, что на съезде Советов трех северных уездов Таврии было решено просить компетентные органы о выходе этих уездов из Крымской ССР и присоединении их к Украинской республике в качестве самостоятельной губернии, поскольку из-за нарастания продовольственных затруднений в Крыму власти этих уездов боятся насильственных реквизиций со стороны крымских властей¹⁰. Помимо хлеба заготовители намеревались отправить на север огромные партии других продуктов. Так в запросе¹¹ от 24 мая на заготовки «для голодающего Петрограда и Северной Красной армии» фигурировали: овощные консервы 35 000 коробок; компот 30 000 фунтов; томат-пюре 7 500 пудов; повидло 100 пудов; варенье 500 пудов; 1004 пуда изюма; 700 пудов инжира.

Интересно, что прослеживается почти полная аналогия по заготовкам в Крыму для РСФСР с тем, что происходило год назад — в период Советской республики Тавриды¹².

7 Известия (Севастополь), № 35, 7 Июня, с. 3.

8 Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — Симферополь, 1927 — с. 256.

9 Яроцкий Б.М. Дмитрий Ульянов (1874–1943). Серия ЖЗЛ. Изд. 2. М., 1989, с. 188.

10 Известия (Севастополь), № 35, 7 июня, с. 3; Известия (Киев), № 45, 18 мая.

11 ГАРК, ф. р-1901, оп. 1, д. 6, л. 4, 6.

12 Буквально слово в слово, как и весной 1919 г., губернский комиссар продовольствия сообщил о ситуации 28 февраля 1918 года Московскому продовольственному комитету: «Таврида кормит 21 голодающую губернию, 10 железных дорог, Москву, Петроград, Финляндию, целый ряд фабрично-заводских районов, население своих городов и Крыма. <... > Наблюдается наплыв делегатов домовых комитетов, лазаретов, союзов инвалидов и других различных организаций, командированных закупить муку и прочие продукты». [ГАРК, ф. р-1735, оп. 1, д. 3, л. 80.]

Характерные сведения по «хлебному вопросу» для внутреннего потребления находим в заметке под таким названием в газете Таврический коммунист № 33 от 20 мая. Автор, подписавшийся инициалами «З. А.», пишет: *«При нормальных условиях жизни Крым, даже и предоставленный самому себе, не только не должен нуждаться в хлебе, но и мог бы производить значительный излишек, ибо из всех крымских уездов только Ялтинский уезд почти не производит хлеба, — сельскохозяйственная работа ограничивается там специальными культурами, главным образом табаком и виноградом; зато остальные уезды, особенно феодосийский, евпаторийский и перекопский, обыкновенно производят хлеб в изобилии».*

Далее автор переходит к ситуации 1919 года по посевам в Крыму: «Сокращение запашки достигло в текущем году необычайных размеров. Полностью засеян только евпаторийский уезд; значительно сокращены запашки в перекопском и симферопольском уездах, и особенно силен недосев в феодосийском уезде». Автор заметки считал, что при полуфунтовом пайке нужно иметь около полумиллиона пудов хлеба, а запас на 20 мая составлял около 350 000 пудов.

Но не следует забывать, что весьма прозорливым едоком в течение всего второго красного периода была армия Дыбенко, что и усугубляло ситуацию с хлебом. Поэтому пришлось просить дополнительного хлеба у Украины. Для начала был предложен товарообмен. Еще 14 апреля Крымский губпродком обратился к украинскому ЦИКу с предложением наладить обмен продуктами. Как писали харьковские «Известия», Крым со своей стороны предлагал поставлять, в частности, семена, шерсть и соль. Для решения всего комплекса продовольственных проблем 4 мая в Киев поехал С.Д. Вульфсон-Давыдов. Напомним, что он приехал в Крым в конце апреля в составе «поезда Каменева». Конкретные результаты переговоров по обмену нам не известны, но определенная договоренность о поставках хлеба в Крым имела место — в начале июня с Украины получено 420 000 пудов муки¹³. Для населения основных городов (Симферополь, Севастополь, Феодосия и Ялта) в день требовалось 7000 пудов хлеба при норме полфунта на человека. Значит, этого количества хлеба теоретически должно было хватить для городского населения на два месяца, т.е. до хлеба нового урожая. Но еще раз напоминаем об армии — важном потребителе съестного. Объем поставок для армии виден из выступления¹⁴ заместителя Наркомпрода Федосеева на заседании Совдепа 12 июня,

Стремясь создать 6-месячный запас хлеба и мяса для Таврической губернии, в начале марта 1918 г. Ю. Гавен и В. Спиро через военно-революционный штаб провели решение о запрете вывоза хлеба на Север. [Дубко Ю.В. Советская республика Тавриды: авантюра большевистского государственного строительства. — Симферополь, 1999, с. 155–156]. Но Чрезвычайный уполномоченный Советской России на Юге по заготовке хлеба отменил это решение, направив руководителям Крыма телеграмму: *«Именем Совета Народных Комиссаров требую полного подчинения Петроградскому Центру не считаясь с узким сепаратизмом Крымской республики: последняя всегда может достать хлеба — в Таврической губернии достаточно хлеба. Следовательно, постановление преследует только одну цель — оставить Север без хлеба»* [Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Часть II. Симферополь, 1957, с. 72]. И Советской Тавриде пришлось подчиниться: *«...Сознавая тяжелое положение, переживаемое Москвой, принимая меры к срочной погрузке хлеба в счет планового наряда также маршрутными поездами, в течение недели отправлено больше трехсот вагонов»* [ГАРК, ф. р-1735, оп. 1, д. 3, л. 80].

13 Бунегин М.Ф. Указ. соч., с. 256.

14 Крымский коммунист (Симферополь), № 63, 14 июня, с. 2.

заявил: «Из наших небольших запасов нам пришлось для нужд Красной Армии выделить 100 000 пудов». В Москве и Петрограде обычная норма этого времени — 1/4 фунта в день.

Вернулся С.Д. Вульфсон-Давыдов в Крым в 20-х числах мая, и тогда же был назначен главой Наркомпрода Крыма (точнее наркомата продовольствия и торговли). Он оказался еще одним в Крыму представителем Кремля в Крыму (помимо Ю.П. Гавена), что было удобно и для Крыма и для Москвы. В частности, именно к нему обращался В.И. Ленин ¹⁵ с просьбой «отправлять все запасы фруктовых консервов и сыра в адрес Наркомпрода России для питания больных детей севера России». Но хлеб с Украины пришел только в начале июня, а до получения этой поддержки с Украины пришлось обращаться к Ревкому Евпатории с предложением сократить в этом городе хлебную норму с тем, чтобы излишки направить другим районам Крыма. Председатель Симферопольского Ревкома Лаура (Е.Р. Багатурьянц) писала ¹⁶ 28 апреля Евпаторийскому Ревкому: «Евпаторийский район является единственным районом, снабжающим весь Крым хлебом. Положение с хлебом в настоящий момент критическое. Губпродком имеет запасов всего на два дня. Если бы удалось Евпаторийском уезде реквизировать весь имеющийся там в излишке хлеб, то можно было бы продержаться еще дней 30 по полуфунтовой норме. До урожая осталось 90 дней. Точка. Таким образом, соблюдая вышеуказанную норму, его хватило бы на 60 дней. Ввиду этого просим принять экстренные меры по введению в Евпаторийском районе хлебного пайка не два фунта, как Вами постановлено ¹⁷, а фунт на человека, при каковой норме вы будете представлять исключение для всех местностей Крыма». Одновременно предлагалось запретить свободную выпечку хлеба и продажу его.

Еще одним путем пополнения хлебных запасов можно считать изъятие зерна и муки у спекулянтов. Но этот вариант открывал большие возможности для злоупотреблений. Дело в том, что Симферопольский ревком задал очень жесткую норму ¹⁸ на те хлебные запасы, которые разрешалось иметь дома: 13 фунтов (5,2 кг) в месяц на одного члена семьи. Все, что выходило за эти пределы, могли объявить спекулятивными излишками и конфисковать их. Но, судя по сохранившимся документам, такие изъятия производились редко.

В некоторых изданиях ¹⁹ утверждалось, что в течение второго прихода красных в Крым населению выдавался ржаной хлеб пополам с ячменем. На самом деле, этот вариант только планировался с середины июля ²⁰. Но, как известно, в 20-х числах июня красные были вытеснены из Крыма.

Итак, хлебный паек в Севастополе, Симферополе и Ялте состоял из полфунта на человека. Но даже такая норма выдачи по карточкам была не везде — в прифронтовой Феодосии зачастую выдавали по четверти фунта, а в Евпаторийском уезде

15 Ленин В.И. ПСС, т. 50, М., 1974, с. 388.

16 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 31; там же, д. 173, л. 12.

17 Решение Евпаторийского горкома партии о вводе карточек на хлеб по норме: занятым физическим трудом — по 2 фунта в день; остальным — по 1 фунту было принято 27 апреля. [ГАРК, ф. п-1, оп. 1, д. 12, л. 8].

18 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 171, л. 101.

19 В частности: Бунегин М.Ф. Указ. соч., с. 257.

20 Известия (Севастополь), № 35, 7 июня.

наоборот — затруднений с хлебом не было. Мало того, в мае в этом хлебородном уезде было реквизировано 262 829 пудов «излишков» хлеба²¹.

Куда был направлен этот хлеб не совсем ясно — оставлен в Крыму или отправлен на север? По официальной версии «вследствие неурожая зерновых в 1918 г. Крым был включен в состав потребляющих губерний; все собранное оставалось для питания населения». Кроме того, для городского населения хлеба было заготовлено в мае почти двести тысяч пудов в Мелитопольском уезде.

Заметим, что при Краевом правительстве²² в ноябре 1918 года по Крыму норма выдачи хлеба была $\frac{3}{4}$ фунта, а в Севастополе полфунта. Новой красной власти пришлось еще больше урезать продовольственные нормы. Так на май 1919 г. нормы потребления²³ для рабочих и служащих, установленные Крымпродкомом были следующими:

Хлеб — мука пшеничная	0,5 фунта в день на 1 человека
Крупы	4 фунта в месяц
Картофель	3,75 фунта в месяц
Консервы	3 банки в месяц
Фрукты	0,5 фунта в месяц
Сахар	1 фунт в месяц
Табак	30 папирос в день
Мыло хозяйственное	1,5 фунта в месяц
Мыло туалетное	0,5 фунта в месяц
Спички	1 коробка на два дня

Остро стоял вопрос и о снабжении продуктами семей красноармейцев. Планировалось обеспечивать их продовольственными пайками, но на первых порах пришлось ограничиться денежными доплатами. Кроме того, семьи красноармейцев освобождались от квартирной платы и от всех налогов²⁴.

Карточная система распределения продуктов (в первую очередь хлеба) была унаследована от Крымского краевого правительства. Новые власти сделали её однообразной для всех организаций, подведомственных комиссариату продовольствия полуострова. Ввиду недостатка бумаги сначала пришлось использовать продовольственные карточки соответствующих месяцев 1918 г. Только в середине июня заместитель комиссара продовольствия Федосеев сообщил, что напечатаны новые хлебные карточки²⁵. Карточки для всего Крыма были одинаковые, но нормы выдачи хлеба разные: в Севастополе и большинстве других городов ежедневная норма составляла 0,5 фунта. Отдельные города по решению местных Ревкомов вводили свои правила распределения, так в Евпатории сначала²⁶ было решено для работников физического и умственного труда выдавать одинаковое количество хлеба, но поскольку город являлся центром хлебородного уезда, была возможность

21 Таврический коммунист (Симферополь), № 12 (53), 24 апреля, с. 2.

22 Бунегин М. Ф. Указ. соч., с. 231.

23 ГАРК, ф. р-1901. д. 8. л. 4; цитир. по: *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. Часть II. Симферополь, 1957, с. 170.

24 Известия (Севастополь), № 36, 8 июня, с. 2.

25 Известия (Ялта) № 30, 5 июня, с. 4; Крымский коммунист (Симферополь), № 63, 14 июня, с. 2.

26 Таврический коммунист, № 32, 18 мая, с. 3.

выдавать рабочим по 2 фунта, а остальным гражданам по 1 фунту. Феодосия наоборот установила рекорд минимального хлебного пайка — $\frac{1}{4}$ фунта.

Подробнее остановимся на продовольственных проблемах Севастополя. Ситуация с хлебом там стала ухудшаться в конце мая. Дело дошло до манифестации женщин под лозунгом «Дайте нам хлеба!». Вот как описывала²⁷ её корреспондентка московских «Известий» З.В. Рихтер-Дурова: «...Имея впереди детей, манифестация прошла через весь город к Ревкому. Над толпой развивалось красное знамя с надписью «Дайте нам хлеба!». Перед Ревкомом состоялся импровизированный митинг. Требовали обеспечения всех **фунтовым пайком и разрешения вольной продажи хлеба**. Представители Ревкома указали на невозможность выполнения требования вследствие крайне тяжелого положения продовольственного дела. Манифестанты попросили разрешения делать закупки в Мелитопольском районе. В результате митинг избрал десять делегатов, которым предоставлено право участия в заготовке хлеба. Манифестация разошлась с приветственными кликами и с благодарностью Советской власти. Делегатки уже выехали в специальном поезде вместе с продовольственниками в Мелитополь». Со своей стороны городской комиссариат продовольствия²⁸ заявил: «Хлеба осталось только на 10 дней, жиров нет, Севастопольские склады пусты и денег нет. Чтобы получить продовольственное подкрепление из Симферополя нужно 500 тысяч рублей, которых нет». С 30 мая раздача хлеба производилась по категориям²⁹. В начале июня положение стало настолько критическим, что городской Комиссариат продовольствия прекратил снабжение Красной армии³⁰. И хотя 4 июня городским Наркомпродом были получены³¹ четыре тысячи пудов хлеба, местные «Известия» опять писали об угрозе голода 7 июня: «В Севастополе раздается последняя мука. Стотысячное население Севастополя обречено на голод».

В этом же номере газеты приведены возможности натурального обмена с крестьянами: зажигалка с небольшим количеством бензина — пуд муки, поношенный пиджак — два пуда. Особенно ценилась женская одежда.

Для экономии топлива (ситуация с ним тоже была критическая) выпечка хлеба была централизована — все мелкие пекарни были закрыты и работали только 7 крупных³².

Предусматривались и формирование обменного фонда для получения продуктов: в Мелитополь отправили белую жезь для консервных банок, а Севастопольскому портовому заводу заказали³³ изготовление 200 тысяч вилок для крестьян. Попутно приведем некоторые подробности, относящиеся к сельскому хозяйству в севастопольском регионе. Известно, что 18 мая местный совнархоз обратился³⁴ к земельным комитетам, крестьянам и землевладельцам с призывом принять меры к тому, чтобы вся земля была засеяна. Но это была лишь ни к чему не обязывающая

27 Известия ВЦИК (Москва), № 119, 4 июня, с. 2.

28 Известия (Севастополь), № 27, 28 мая.

29 Известия (Севастополь), № 29, 31 мая, с. 3.

30 Известия (Севастополь), № 32, 4 июня, с. 3.

31 Известия (Севастополь), № 34, 6 июня, с. 3.

32 Известия (Севастополь) № 26, 27 мая, с. 4.

33 Известия (Севастополь), № 29, 31 мая, с. 3.

34 Крестьянников, с. 412.

декларация. Но наряду с ней были и серьезные действия. Так местный совнархоз взял в свои руки табачные плантации, брошенные владельцами; агрономический отдел Продкома распределял³⁵ семена, поступившие на склад (около 200 пудов). Организовывал Наркомпрод города и заготовку сена³⁶.

В Севастополе экономия коснулась и молочной продукции. Распоряжением местного Нарокомпрода № 40 на неё устанавливались предельные цены: молоко не свыше 4 руб. за кварту, творог — 4 руб./фунт, сметана — 5 руб./фунт, брынза — 10 руб./фунт. Было воспрещено изготовление мороженого, простокваши и кефира; лактобациллин и кефир отпускался аптеками лишь по рецептам врачей³⁷.

Севастопольские моряки пошли навстречу просьбам Продовольственного комиссариата города — передали³⁸ в его ведение бойню и пекарню. Тогда же «Ввиду продовольственного кризиса Севастополя» командующий флотом разрешил рыбную ловлю во всех бухтах Севастополя³⁹. Взяли на себя моряки и самую главную нагрузку — подвоз муки из Евпатории и Скадовска. Туда, с риском быть захваченными английскими патрульными судами, направлялись⁴⁰ практически единственные суда, которые остались в рабочем состоянии после ухода войск Антанты: парусно-моторное судно «Ольга» и пароход «Гальванер».

Получение хлебного пайка в двух местах рассматривалось как контрреволюционное преступление⁴¹. С учетом этого условия в середине мая в Севастополе проводилась перерегистрация хлебных карточек, поскольку выезжавшие из города часто передавали свои хлебные карточки родным и знакомым. Такой переучет позволил выявить⁴² около 10 тысяч таких «мертвых душ».

В Ялте вводили свои ограничения — запретили выпечку и продажу всякого рода пирожных, печений и других сдобных хлебных изделий⁴³. На уездном продовольственном съезде отмечалось, что поскольку заготовка на деньги малоэффективна, создается Бюро по товарообмену. Так Евпатория готова была поставлять продукты за мыло, дрова, древесный уголь⁴⁴.

В качестве примера приведем распоряжение, характеризующее распределения продуктов по Ялтинскому уезду от 27 мая. Этим распоряжением вводились следующие категории «едоков»:

«1) Все работники тяжелого физического труда, ответственные работники Советских учреждений, работающие без ограничения времени и без всякой оплаты

35 Прибой (Севастополь). № 447, 16(3) мая.

36 Известия (Севастополь), № 32, 4 июня, с. 3.

37 Известия (Севастополь) № 33, 5 июня.

38 Известия (Севастополь), № 32, 4 июня, с. 3.

39 Доклад в ЦК РКП(б) бывшего временно исполняющего должность комиссара водного транспорта гор. Севастополя Борисова Ф.В. (составлен около 30 июля 1919 г.)//Переписка... Т. 8, М., 1972, с. 729.

40 Там же, с. 729.

41 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 171. л. 101.

42 Известия (Севастополь) № 15, 14 мая; Прибой. № 445, 14(1) мая, с. 2; Прибой, № 447, 16(3) мая, с. 2.

43 Известия (Ялта), № 17, 20 мая, с. 1.

44 Известия (Ялта), № 23, 27 мая, с. 2.

сверхурочного труда. Всякого рода специалисты, получающие повышенные оклады, не имеют права на паек 1-й категории.

2) Лица, занимающиеся интеллигентным и канцелярским трудом.

3) Все остальные граждане».

Интересны дополнительные разъяснения: Для рабочих (1 категория) члены их семей имели право снабжения по 2-й категории. Для служащих (2 категория) члены семьи получали снабжение по 3-й категории. Дети до одного года права на хлебный паек не имели⁴⁵. Предусматривалось⁴⁶, что при питании в столовых только дети имели право на рис и сахарный песок.

Картина не слишком сытой жизни рядовых крымчан предстает из бесхитростного дневника⁴⁷ десятилетнего феодосийца Германа Гауфлера:

«9 июня. Как мы теперь живем. Теперь дороговизна и люди мало едят. Но это было бы ничего, если бы давали много хлеба, но его дают мало. Последнее время по ¼ фунта. Это очень плохо, потому что обыкновенно мы и все его много едят. Мама моя очень деликатна и всё отдает другим. И потому она после чрезмерной работы худеет. Яблоки тоже дают по карточке, и потому около лавок стоят длинные хвосты. Вчера была Троица, и тетя спекла пирожки с повидлом. Сначала я их раскритиковал, потому что повидло было кисловатое, но потом они мне понравились. У нас вчера были гости и им понравились пирожки, потому что они долго не ели сладкого». В Ялте, Севастополе и в некоторых других городах был введен жесткий «классовый» паек с тремя категориями. Первые две распространялись на всех трудящихся, объединенных в профсоюзы, и третью, распространяющуюся на всех остальных граждан. Для всех категорий действовали основные одинаковые карточки, а для категорий первой (тяжелый физический труд) и второй (интеллигентский и канцелярский труд) — еще и соответствующие дополнительные⁴⁸.

Однако, как следует из выступления заместителя наркомпрода Федосеева на заседании Симферопольского совдепа 12 июня, в целом по Крыму «классовый паек» ввести не успели⁴⁹, якобы, из-за отсутствия «соответствующего аппарата». Но главная причина была не в этом. Запасы прошлого урожая были на исходе, и просто невозможно было еще делить мизерный хлебный паек. Население и власти с нетерпением ждали нового урожая, до уборки хлебов оставались считанные недели. А урожай ожидали очень обильный. Тогда бы власти и смогли развернуть в полной мере «классовый» подход распределения хлеба — кому вдоволь, а кому лишь чтоб с голоду не умер... Но неожиданное наступление белых со стороны Керченского полуострова смешало все планы. В 20-х числах июня красные срочно покинули Крым. Так урожай 1919 года достался денкинцам.

45 ГАРК, ф. р-2424, оп. 1, д. 31, л. 23.

46 Там же, л. 20.

47 Гауфлер Герман. Тревожные дни. Дневник феодосийского гимназиста. // Крымский альбом 1999. Феодосия-Москва. Издательский дом «Коктебель». 2000. с. 196.

48 Известия (Ялта), № 21, 24 мая, с. 2.

49 Крымский коммунист, № 63, 14 июня, с. 2.

* * *

Завершаем серьезную тему продовольствия двумя довольно забавными документами, сохранившимися в фонде Комиссариата национальных имений архива ГАРК, и лишь формально относящимися к теме.

10 июня, № 813. Управляющий Массандровским национальным имением пересылает в Главный комитет по обслуживанию Красной Армии счет⁵⁰ за вино на 866 рублей отпущенное из массандровского подвала. «Цены по счету поставлены по преysкуранту от декабря 1918 года и в настоящее время предположены к повышению не менее как на 100%».

2 июня, № 815. В Комиссариат национальных имений в Крыму от управляющего⁵¹ Массандровским имением:

«1-го сего июня, по словесному распоряжению комиссара т. Россина, отпущено из Главного Массандровского подвала для отправки Совету Народных Комиссаров в Москве нижеследующее количество вина, упакованного в один ящик:

№ 80 — 10 бутылок, № 81 — 10 бутылок, № 83 — 10 бутылок, № 85 — 5 бутылок и № 89 — 5 бутылок, итого 40 бутылок.

Покорнейше прошу Комиссариат национальных имений дать мне письменное распоряжение об отпуске этого вина и указать, в какой стоимости и на чей счет отнести отпущенное вино и к кому направить соответствующий счет на него». От руки дописано: «расписка в получении этого вина не оставлена».

* * *

Какие же выводы напрашиваются из материалов этой главы?

Во-первых, о том что жизнь во время второго прихода красных в Крым была не слишком сытная — немного голоднее чем при Краевом правительстве, но несравненно сытнее чем во время голода 1921 года после победы над врангелевцами.

Во-вторых. У крымского населения было два основных конкурента на «общий каравай» — голодный север России и армия Дыбенко. Оба конкурента отламывали существенные куски от этого каравая.

Третье. Введенная почти повсеместно система распределения дала существенные преимущества двум группам граждан: рабочим, которых в Крыму было очень немного, а в еще большей степени — бурно разраставшемуся административно-партийному аппарату.

Крым самостоятельно не мог решать вопрос с хлебом. Это выяснили еще в 1918 году немцы, оккупировав Крым⁵². Они же тогда способствовали тому, чтобы именно Украина подключилась к решению этого вопроса.

⁵⁰ ГАРК, ф. р-2424, оп. 1, д. 30, л. 23.

⁵¹ Там же, л. 19.

⁵² Федюшин О. Несостоявшаяся Украинская Держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России. 1917–1918. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2014, с. 231.

ЭКОНОМИКА И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

§ 1. ЭКОНОМИКА

Перед новой властью стояло множество задач, но первоочередными приходилось считать продовольственное снабжение населения и армии Дыбенко (подробнее см. в главе 2 «Продовольственный вопрос» этой панорамы). Не менее важным было проведение весеннего сева, а также обработка садов, виноградников, табачных плантаций. Многие табачные плантации были брошены своими хозяевами, бежавшими из Крыма от преследований со стороны большевиков. Брошенные земли и имущество необходимо было срочно взять на учет, дабы избежать разграбления, и срочно обрабатывать. Одновременно приходилось решать множество вопросов в сферах здравоохранения, соцобеспечения и народного образования.

Немало предстояло сделать по восстановлению народного хозяйства. Здесь в первую очередь пришлось восстанавливать консервные фабрики, соляные промыслы, заводы сельскохозяйственных машин, кожевенные производства, табачные фабрики. Помимо хозяйственных задач этим решалась и проблема сокращения безработицы⁵³.

В дореволюционном Крыму было сравнительно немного крупных промышленных предприятий, а в ходе Гражданской войны большая часть их была или закрыта, или разграблена. Стояли Керченский металлургический завод, аэропланый завод Анатра в Симферополе, едва вытягивал треть своей мощности Севастопольский морской завод. Сказался ряд факторов: разрыв производственных отношений со смежниками, уход с предприятий наиболее квалифицированных кадров, отсутствие сырья и т. д.

Затрудняла восстановление промышленности в Крыму и ситуация с топливом. Потребность Крыма в топливе выражалась в 3 миллиона пудов каменного угля и около 4 миллионов пудов нефти. Получение угля из Донецкого бассейна было весьма затруднено, а бакинской нефтью распорядились англичане. Создавалось

53 Шишко Е.А. Крымская партийная организация в период второго установления Советской власти в Крыму (апрель 1918 г. — июнь 1919 г. //Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. Симферополь, Крымиздат, 1967. с. 195.

катастрофическое положение, запасы топлива ограничивались 20–30 тысячами пудов¹.

Особенно тяжелая обстановка сложилась в Севастополе. Уже с начала мая была проведена регистрация запасов топлива даже у частных лиц². Торговлю нефтепродуктами и маслами пришлось прекратить. Проводился строжайший режим экономии топлива и электроэнергии. Сокращалось освещение улиц, устанавливался строгий порядок освещения в домах³.

Выход, однако, был найден в том, что приступили к добыче угля в Бешуйском районе. Производственный план был рассчитан на добычу 2 миллионов пудов угля, кроме этого была организована заготовка дров с расчетом на доставку 4–5 миллионов пудов дров⁴.

Несмотря на полное отсутствие опыта хозяйствования у представителей новой власти были достигнуты и положительные результаты в этой сфере. Так в мае с Северном доке Севастопольского морского завода началось изготовление вагонов и платформ⁵. С в начале июня начались работы по отведению водопровода к поселку Рудольфова гора в Стрелецкой бухте⁶.

Характерным примером умелого хозяйствования новой власти служит ситуация в национальных имениях. В частности, для повышения доходности на свободных угодьях Массандры намечалась закладка плантаций лекарственных культур: мяты, шалфея, лаванды, Melissa, опиумного мака, конопли, розмарина⁷. Не были забыты и текущие нужды населения. Выделение 3,5 десятин земли в Ливадии под разведение огородов позволило полностью удовлетворить потребности ее населения в овощах и зелени. С целью сохранения поголовья племенного скота и обеспечения его более дешевыми кормами было произведено объединение Юсуповской и Ливадийской молочных ферм⁸.

Но чаще звучали более тревожные сигналы. Мягко говоря, удручающую картину о работе отдела СНХ Евпатории сообщил⁹ инспектор МВД, которого трудно заподозрить в предвзятости: *«Между прочим, в Евпатории сотни миллионов пудов соли лежат неподвижно, несмотря на крайнюю нужду в ней на севере. Имеются и расхищаются громадные запасы шерсти, так нужной для обмундирования Красной армии. Из-за того, что Совнархозом не организованы районные кожевенные комитеты, богатые запасы кожи расхищаются спекулянтами, и прочее и прочее»*.

1 Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). — Симферополь, 1927 — с. 257.

2 ГАГС, ф. р-523, оп. 2, д. 8, л 2 об.

3 Известия (Севастополь) № 7, 4 мая; История города-героя Севастополя, с. 108.

4 Бунегин М. Ф. Указ. соч., с. 258.

5 Прибой (Севастополь). № 447, 16(3) мая, с. 2.

6 Прибой, № 460, 1 июня (19 мая), с. 2.

7 ГАРК, ф. р-2424, оп. 1, д. 29, л. 13 об.

8 Андросов С. А. Национальные имения Крыма в 1917–1920 гг. // Историческое наследие Крыма, 2006, № 12–13, с. 41.

9 ГАРК, Ф. Р-1733, оп. 1, д. 194а, л. 146.

Весьма скромные успехи в хозяйственном строительстве имели и субъективные причины — ощущался острый недостаток в квалифицированных управленческих кадрах как на местах, так и на самом верху. Возглавлял нарком народного хозяйства Я.Ф. Городецкий, который не имел ни специального образования, ни умелых помощников. Только в июне Москва начала присылать в помощь крымчанам своих специалистов. Но они уже не успели всерьез помочь делу.

Между тем в городах Крыма большевики пытались добиться справедливости в оплате труда граждан. Так уже 7 мая была введена тарифная сетка для всех работающих. Все трудоспособное население было разбито на три категории, в каждой — по четыре группы. Максимальная зарплата по этой сетке составляла 1300 рублей (1-я группа 1-й категории); минимальная — 600 руб. (4-я группа 3-й категории). Иными словами, предусматривался лишь примерно двукратный разрыв между максимальной и минимальной ставками¹⁰.

Через несколько дней после формирования Временного рабоче-крестьянского правительства Крыма председатель Совета Народного Хозяйства Крыма Я.Ф. Городецкий подписал специальное постановление, касающееся кооперации. В нем предписывалось «*всем органам Советской власти не разрушать кооперативных организаций, не чинить никаких препятствий к свободной и необходимой деятельности кооперативов*». Постановление свидетельствует о том, что новое руководство Крыма было крайне обеспокоено продовольственной и хозяйственной разрухой края и старалось изыскивать пути её преодоления¹¹.

В некоторых источниках советской поры утверждалось, что в рассматриваемый период частные банки были национализированы. Вместе с тем документально подтверждается¹², что предпринимательская деятельность самого разного уровня

¹⁰ Таврический коммунист (Симферополь), 1919, № 22, 7 мая, с. 4.

¹¹ Фрагмент упомянутого постановления:

Всем Совдепам, Ревкомам, Продкомам

Временное рабоче-крестьянское правительство Крыма

Совет Народного хозяйства

Постановление № 13 от 9 мая

<...> При современной продовольственной и хозяйственной разрухе на кооперацию возложена огромная работа общегосударственного значения и потому Совет Народного хозяйства Крыма впредь до проведения мероприятий в области кооперации в общегосударственном масштабе предлагает всем органам Советской власти не разрушать кооперативных организаций, не чинить никаких препятствий к свободной и необходимой деятельности кооперативов. Все имевшие место национализации, реквизиции, контрибуции и всякого рода запреты, препятствующие свободной деятельности кооперативов, должны быть немедленно отменены. <...>

Член Временного Рабоче-Крестьянского правительства Крыма,

председатель Совета Народного Хозяйства /Я. Городецкий/

Заведующий Финансовым отделом [Совнархоза] /А. Галлоп/

[ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 204.]

¹² Объявление в газете Известия (Ялта), № 26, 31 мая, с. 2:

«Отдел финансов [Ялтинского ревкома] проводит регистрацию всех кредитных учреждений: обществ взаимного кредита, городских общественных банков, городских кредитных

не была в исследуемый период запрещена. Судя по ситуации в Ялте, все кредитные учреждения Крыма проходили регистрацию в комиссариате финансов и могли функционировать на законных основаниях. К таким учреждениям относились общества взаимного кредита, городские общественные банки, городские кредитные общества, земские кассы мелкого кредита, кооперативные банки, ссудно-сберегательные и кредитные товарищества, а также объединения и союзы указанных учреждений и бывшие сословные учреждения мелкого кредита. Более того, сообщалось также, что «все суммы, которые с 26 мая будут вноситься частными лицами и учреждениями на текущие счета в местные кредитные и казначейские учреждения — будут выдаваться последними вкладчикам беспрепятственно без ограничения суммы и без особых разрешений Финансово-бюджетного отдела Совнархоза». Тем самым облегчалась предпринимательская деятельность отдельных граждан¹³.

Есть и косвенные подтверждения того, что частная предпринимательская деятельность в красном Крыму была разрешена. Так 25 мая газетой «Известия Севастопольского революционного комитета», № 25 было заявлено: «Финансово-бюджетный отдел Совнархоза доводит до общего сведения, что все суммы, которые с 26 мая будут вноситься частными лицами и учреждениями на текущие счета в местные кредитные и казначейские учреждения — будут выдаваться последними вкладчикам беспрепятственно без ограничения суммы и без особых разрешений ФБО Совнархоза». Кроме того, известно, что на территории красного Крыма не были экспроприированы счета крупных коммерсантов.

Проблема безработицы осталась в наследство новой власти от предыдущих режимов. Для периода правления Крымского Краевого правительства характерна неутешительная динамика показателей занятости. В частности известны данные по Севастополю: если в декабре 1918 г. городская управа оценивала число безработных в 8–9 тыс. человек, то в феврале их было уже около 13 тысяч¹⁴. Не лучше обстояли дела и в Евпатории. Так отдел труда города сообщал, что в июне из 10 тысяч человек членов профсоюзов три четверти безработные¹⁵.

В целом по Крыму профсоюзы приводили следующие цифры безработных среди своих членов на 27 февраля 1919 г.: в союзе табачников — 90%, сапожников — 90%, металлистов — 90%, деревообделочников — 90%, портных — 80%, строительных рабочих — 80%. По Симферополю безработица составляла¹⁶ не ниже 50%, в целом по Крыму — 60%. Сравнительно благополучной была ситуация только в профсоюзе печатников — 20–22%. Особенно низким был спрос на работников неквалифицированного физического труда. Комиссариат труда вынужден был констатировать,

обществ, земских касс мелкого кредита, кооперативных банков, ссудно-сберегательных и кредитных товариществ, а также их объединения и союзы, бывшие сословные учреждения мелкого кредита.

Заведующий финансовым отделом Ревкома Ялты /Гольдин/».

13 Известия (Севастополь), № 25, 25 мая.

14 Прибой, 1918, 26 декабря; Прибой, 1919, 28(15) февраля; Крестьянников, с. 348, 363.

15 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 194а, л. 149.

16 Там же, ф. р-1000, оп. 4, д. 5, л. 4.

что на биржах труда нет заявок на таких работников и эта категория населения фактически голодает¹⁷.

Согласно постановлению Комиссариата труда биржи труда учреждались, если население города или поселка превышало 20 тысяч человек. Они содержались на средства местных отделов труда с субсидией от крымского Наркомата труда¹⁸. Самой первой в Крыму открылась Биржа труда в Феодосии; она действовала с 7 мая¹⁹.

Системам бирж труда в Крыму существовала и при Краевом правительстве, но новый режим пытался ее реорганизовать. Симферопольская биржа теперь разместились в здании бывшего Офицерского собрания, она подчинялась и финансировалась Отделом труда Совета рабочих депутатов. Возглавлял Биржу Полозов. Штат сотрудников был невелик — порядка 10 человек, включая технический персонал. За весь период Биржей израсходовано около 21 тысячи рублей; основные затраты — реклама и переписка по вопросам найма с действующими предприятиями²⁰. Судя по газетной заметке в партийной газете, население было «не очень довольно» работой симферопольской биржи труда. Этому способствовали огромные очереди и традиционные приемы работы персонала. А главное — Биржа не могла предложить широкий спектр свободных мест, особенно для малоквалифицированных работников²¹.

О некоторых достижениях в деле ликвидации безработицы сообщали ялтинские «Известия» в начале июня. Уже были пущены завод Лангемана (400 чел.) и Корсинова в Джанкое. Вскоре должен был заработать завод Тиссена. Планировались работы по строительству канализации, которые займут до 400 человек. Начали работу некоторые кожевенные предприятия. Прошли переговоры с Украиной об обмене крымской подошвенной кожи (около 4 тысячи пудов) на мягкую. Однако возникло неожиданное затруднение в Севастополе: местный кожевенный завод Ноофити был передан военному ведомству, хотя он был единственным крупным поставщиком обуви для гражданского населения²². Для консервных фабрик Украина обещала 10 вагонов жести, пущена ящичная фабрика Стамболи в преддверии сезона. Планировалось, что в ближайшие 3 месяца будут запущены черепичные и кирпичные заводы²³, но красная власть по понятным причинам не успела эти планы осуществить. По не вполне достоверным данным Ф.С. Загородского, в мае было восстановлено 5 заводов сельскохозяйственных орудий, восстанавливались соляные промыслы; запас соли составил 30 миллионов пудов²⁴.

Немалую загрузку малоквалифицированных безработных могли бы дать консервные заводы, но они не были пущены в ход, т.к. еще не наступил сезон сбора

17 Таврический коммунист, № 20, 4 мая, с. 4.

18 Известия (Севастополь) № 24, 21 мая.

19 Известия (Феодосия), № 12, 10 мая.

20 ГАРК, ф. 63, оп. 2, д. 681, л. 1–3.

21 Таврический коммунист, № 39, 27 мая, с. 1–2.

22 Прибой, № 460, 1 июня (19 мая), С. 2.

23 Известия (Ялта) № 30, 5 июня.

24 Загородских Ф.С. Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму, с. 83.

фруктов. Урожай овощей и фруктов ожидался хороший. Консервные заводы способны были переработать до 500 тысяч пудов при условии получения сахара, масел и тары. Дополнительно к переработке планировалось организовать и сушку овощей, ибо вывоз на иностранные рынки в условиях экономической блокады и интервенции был совершенно невозможен²⁵.

На заседании Симферопольского Совдепа 26 мая ассигновано 150 000 руб на пуск авиационного завода «Анатра». Там же решено организовать мастерские по изготовлению тарных ящиков для фруктов и овощей²⁶. На организацию этих мастерских для безработных комиссариату труда ассигновано 100 000 рублей²⁷. Кроме того, по инициативе меньшевистской фракции симферопольского Совдепа было предложено обеспечивать безработных бесплатными обедами²⁸.

В правительстве проблемами снижения безработицы занимался наркома труда во главе с И.М. Полонским. В помощь ему был придан меньшевик Л.П. Немченко. Но успехи наркомата были слабы, поскольку промышленность в Крыму продолжала бездействовать.

§ 2. ФИНАНСЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Накануне прихода в Симферополь красных 10 апреля на свое первое легальное заседание собрался Симферопольский Ревком. В нем главенствовали большевики, но так получилось что финансовый комиссариат (вскоре комиссариаты стали называть отделами) все время существования красной власти возглавляли не они: сначала единственный дашнак в Ревкоме Д. Бешевли, а затем меньшевик А. Галлоп. Оба они были профессиональными финансовыми работниками. Заметим, что в начале мая Д. Бешевли убрали из Ревкома, посчитав, что партия Дашнакцутюн не социалистическая, а националистическая; таким образом финотдел возглавил меньшевик А. Галлоп.

Комиссариатом финансов Ревкома были признаны обязательными к приему «все денежные знаки: российские, украинские, ростовские, крымские». Все эти знаки²⁹ «охотно принимались населением». Причем украинские карбованцы приравнивались к рублю, хотя при Краевом правительстве 1 карбованец ценился³⁰ по 75 копеек.

На заседании Ревкома 16 апреля выяснилось, что его финансовые возможности весьма ограничены (около 1 миллиона рублей), и это при том, что Ревкому почти сразу пришлось заниматься не только проблемами Симферополя, но и всего красного Крыма. На том же заседании к Симферопольскому Ревкому с неожиданной

25 Бунегин М.Ф. Указ. соч., с. 258.

26 Известия (Симферополь), № 17, 8 июня].

27 Штейнбах Е.М. Профсоюзное движение в Крыму. Крымиздат. Симферополь. 1927, с. 45.

28 Известия (Симферополь), № 12, 3 июня, с. 2.

29 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 50.

30 Постановление № 1 Комиссариата Финансов // Известия Севастопольского революционного комитета, 29 мая 1919, № 28, с. 3.

просьбой³¹ обратился Я.Ф. Городецкий — на тот момент глава Ревкома Севастополя: «Севастопольскому Ревкому необходимо около 100 000 руб., которые он просит заимобразно от Симф. Ревкома. Деньги эти будут возвращены, ибо Ревком, действуя через Городское Самоуправление, задержал ценности, которые добровольцы и Краевое правительство хотели вывезти. Краевое правительство, пытавшееся увезти ценности, по требованию Ревкома арестовано французами». Севастополь просил деньги лишь заимобразно, поскольку французы передали³² Севастопольскому Ревкому ценности, которые пытались вывезти за рубеж члены Краевого правительства. Решено было оказать помощь Севастополю в размере 50 тысяч рублей.

Заметим, что далеко не последнюю роль в торможении экономики того или иного региона во время Гражданской войны играл денежный голод. Не исключением был и Крым, Подробнее на этом остановимся ниже.

На том же заседании Симферопольского ревкома для преодоления стремительно надвигавшегося финансового голода было предложено³³ действовать в трех направлениях:

1) провести контрибуцию; 2) допечатать номера крымских знаков, изготовленных Краевым правительством и выпустить эти знаки в обращение; 3) обратиться за помощью в Москву и Киев. Все три варианта были использованы:

Начали с контрибуции. Ревком постановил контрибуцию для горожан установить в 10 млн рублей. А. Галлоп подсчитал, что контрибуция будет складываться из следующих сумм: торгово-промышленный класс — 4 млн, домовладельцы — 2 млн, землевладельцы — 4 млн, заметив при этом: «Престиж власти диктует необходимость требовать столько, сколько возможно получить. И еще его замечание: «Важно не столько достать требуемые миллионы, сколько способ их доставания — задача ВРК строго следить за справедливостью обложения: беспощадно для богачей и, соответственно, уменьшая долю для середняков». Было предложено также расширить полномочия Симферопольского ревкома в финансовой сфере на всю территорию Крыма занятую красными войсками.

Постановление о контрибуции действовало до 15 мая. В этот день Симферопольский Ревком выпустил специальное постановление³⁴ по этому вопросу:

31 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 13; Борьба за советскую власть в Крыму, 1961, с. 118–119.

32 Известия Севастопольского революционного комитета сообщили 29 апреля, что ревкому возвращены французским командованием ценности, увезенные при эвакуации крымским правительством и задержанные броненосцем «Жан Бар» по ходатайству бывшего городского головы В.А. Могилевского. Пока будут возвращены 24 тыс. золотом и все золото. Вынутое из казначейских ящиков Симферополя, 9 мешков серебра, 10 тыс. руб. меди и на 4 миллиона обязательств Сулькевича. В счет долга г. Севастополю, сделанного французским командованием, будет долговое обязательство на сумму 400 тыс. рублей с правом немедленного получения из правительственного банка в Константинополе. [Крестьянников В.В. Севастополь: Хроника революций и гражданской войны 1917–1920 годов. — Севастополь: Крымский Архив, 2007, с. 402].

33 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 9.

34 Там же, ф. п-150, оп. 1, д. 51 л. 113, 118; ф. р-1733, д. 10, л. 144, 145.

«Всем ревкома Крыма.

В связи с крайней необходимостью в средствах местными революционными организациями почти повсеместно наложены контрибуции на имущие классы населения. Причем взыскания таковых производились сплошь и рядом без определенного плана и системы. Точка. Ввиду того, что такой неудовлетворительный способ обложения может вредно отразиться на налоговой платежеспособности населения и даже в корне подорвать поступление прямых налогов, Отдел финансов Крыма постановляет:

1) Со дня опубликования настоящего постановления в «Известиях» Симферопольского и других ревкомов, **наложение каких бы то не было контрибуций местными органами власти без предварительного разрешения Отдела финансов Крыма воспрещается** (выделено мной — М. В.).

2) Местным Ревкомам предлагается немедленно собрать и представить в Отдел финансов Крыма сведения о том, где и какие были наложены контрибуции в каких суммах, сколько поступило в уплату, куда внесены подлежащие суммы, и по какому счету зачислены.

3) Дальнейшее взыскание уже установленных местными Ревкомами до опубликования настоящего постановления контрибуции может быть продолжено, причем собранные средства должны быть зачислены в фонд общегосударственных доходов. № 53.

Заведующий Финотделом Крыма Галоп».

Второе финансовое мероприятие Ревкома: допечатали и выпустили в обращение на 3,7 млн рублей 25-рублевых крымских знаков с номерами, допечатанными нумераторами.

Третий шаг: для переговоров о финансовой помощи Крыму сначала предполагалось послать А. Галлопа, но потом было решено совместить две задачи: и финансовой и продовольственной помощи, и в Киев поехал другой меньшевик Б.И. Гельман из Продовольственного отдела.

* * *

6 мая было декларировано создание Крымской ССР и Временного правительства Крыма. Начался переходный период: Ревком постепенно сдавал финансовые дела правительству, а 20 мая закончил деятельность, передав остальные сферы деятельности Городскому Совету депутатов³⁵. Ломки управленческого аппарата при этом почти не было — Финансовый отдел плавно перекочевал в распоряжение общекрымского Совнархоза. Но проблем от этого не уменьшилось. Ситуация с наличием денежных знаков стремительно ухудшалась. И это несмотря на то, что были признаны обязательными к приему и охотно принимались все денежные знаки: российские,

35 Таврический коммунист, № 36, 23 мая, с. 4.

украинские, ростовские (т.е. деникинские), крымские³⁶. Первый сигнал о «недостатке денежных знаков» последовал уже 8 мая³⁷.

Новая власть на местах изобретала свои способы пополнения пустой казны. Так Алуштинский волостной Ревком отправил всем сельским комитетам своей волости 8 мая, следующее³⁸ распоряжение № 332:

«Волостной комитет г. Алушты предписывает Сельскому Комитету в суточный срок представить в кассу Волостного Комитета заимообразно...» Далее перечислены пять деревень и суммы, которые каждая деревня должна внести в зависимости от числа проживающих. Общая сумма разверстки составляла около 11,5 тысяч рублей. В конце следовало разъяснение: «Если таковой суммы в Сельском комитете не окажется, то таковые занять у зажиточных граждан Вашей деревни».

Со своей стороны, Симферопольский ревком тоже санкционировал взыскание контрибуции на местах. Так в заседании от 29 апреля было предложено³⁹ Джанкойскому ревкому «составить список всех буржуа, представить эти списки во все города, куда по сведениям выехала буржуазия Джанкоя и взыскать с них контрибуцию в этих городах».

А Ново-Царицынскому Ревкому 27 апреля последовало⁴⁰ такое указание: «Взимание контрибуции в размере 50 тысяч рублей с состоятельных граждан разрешается». Председатель Багат[урьянц]».

Еще более жесткими мерами пользовались чекисты из Прифронтовых Чрезвычайных комиссий. Привожу одно из объявлений⁴¹ этой организации. Объявление отпечатано в типографии, пунктуация (вернее ее отсутствие) сохранена.

«Пунктовая № 1 Прифронтовая Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюционной спекуляцией и преступлениями по должности

Доводит до сведения деревни _____ Симферопольского уезда и его окрестностей что у кого имеется звонкая монета как-то золото, серебро и медь доставить в трехдневный срок со дня опубликования настоящего объявления в вышеуказанную комиссию на обмен кредитных билетов. По истечению срока если будут обнаружены таковые виновные будут оштрафовываться и объявляться врагами советской власти

Комиссия помещается на станции _____».

Печать: Пунктовая Прифр. Чрезвыч. Ком. по бор. с контр-рев. и т. д.

Что подразумевало «и т. д.», т.е. с чем еще должна была бороться «Пунктовая ЧК», остается неясным...

Подробнее о взыскании контрибуций см. в главе I в данной панораме.

Одна из причин замедленного восстановления местной промышленности — жесточайший денежный голод. Так уже 10 мая за подписью Председателя Совнаркома

36 ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 51, л. 50–51.

37 Известия (Харьков) № 110, 11 мая, с. 2; сообщение из Ялты от 8 мая.

38 ГАРК, ф. р-1613, оп. 1, д. 1, л. 75.

39 Там же, ф. р-1733, оп. 1, д. 169, л. 40.

40 Там же, д. 178, л. 7.

41 Там же, д. 169, л. 420.

Крымской ССР Дмитрия Ульянова и заведующего финотделом Крымского Совнархоза А. Галлопа было выпущено специальное обращение ко всем ревкомам Крыма о том, что в связи с «катастрофическим положением финансов Крыма», необходимо максимально сократить все расходы, а главное — отказаться от развития имеющихся предприятий и создания новых ⁴².

* * *

После исчерпания возможностей контрибуций и выпуска в обращение знаков Краевого правительства решено было ввести в обращение суррогаты денежных знаков. По распоряжению финансового отдела Крымского Совнархоза разрешен прием банками суррогатов — всех облигаций Займа Свободы номиналом до 100 руб. и всех Краткосрочных обязательств Госказначейства — как штемпелеванных, так и нештемпелеванных ранее украинскими финансовыми органами ⁴³.

А вслед за этим пришлось вводить в обращение купоны различных ценных бумаг; соответствующие сообщения появлялись в газетах вплоть до начала июня ⁴⁴. Все это явно свидетельствует о наступившем денежном голоде.

Городским служащим была сделана прибавка к зарплате на дороговизну в апреле ⁴⁵, но уже на следующий месяц «ввиду тяжелого состояния советской казны» Финотдел Крыма распорядился не выплачивать майский аванс. Мало того, из-за отсутствия денежных знаков решено было выдавать майскую зарплату по прежним

⁴² Полный текст обращения, подписанного председателем Совнаркома Д.И. Ульяновым и заведующим финотделом Совнархоза А.Г. Галлопом:

«Катастрофическое положение финансов Крыма повелительно требует впредь до получения денежного подкрепления принятия Ревкомами решительных мер к сокращению на текущий месяц всех расходов, ограничиваясь в производстве таковых лишь безусловно необходимыми на поддержание существующих учреждений и предприятий, отказываясь от каких бы то ни было расходов, направленных на развитие или образование новых. Точка. Ввиду остроты положения настоящее распоряжение подлежит строжайшему и неукоснительному исполнению Ревкомами».
[ГАРК, ф. р-2467, оп. 1, д. 13, л. 20].

⁴³ Из газеты Прибой (Севастополь). 1919, № 448, 17(4) мая, с. 2:

«Севастопольский Совет народного хозяйства на основании отношения Финансового отдела Крыма от 22 мая с.г. № 3477, настоящим доводит до всеобщего сведения, что наравне с денежными знаками имеют хождение и обязательны к приему всеми правительственными, советскими и частными учреждениями и частными лицами: Облигации (листы) Займа свободы в 20, 40, 50 и 100 р как штемпелеванные так и нештемпелеванные и притом безразлично с купонами при них или без купонов. Обязательства Государственного казначейства без пробивных знаков (пробивка «ГБ») Государственного банка всех достоинств как штемпелеванные, так и нештемпелеванные. Обязательства Государственного казначейства с пробивными знаками б. Государственного банка, но только достоинством в 1000 и 5000 руб. и обязательно снабженные штемпелем Народного (государственного) банка о хождении обязательства наравне с кредитными билетами».

Логично предположить, что денежных знаков из центра к этому моменту в Крыму еще не было.

⁴⁴ Известия (Ялта), № 19, 22 мая, с. 2; Известия (Севастополь) № 32, 4 июня, с. 4.

⁴⁵ Известия (Севастополь), 1919, № 21, 21 мая, с. 2.

ставкам (без учета прибавки на дороговизну). Предполагалось, что после ликвидации денежного голода разница будет возмещена⁴⁶. Последний косвенный сигнал о неблагоприятном состоянии с денежными знаками был подан 8 июня: «Совнарком Крыма: из-за недостатка денежных знаков все взаиморасчеты между советскими учреждениями осуществлять только безналично»⁴⁷.

Но время полумер заканчивалось, дело неизбежно шло к печати собственных знаков. Решение о начале работ над советским тиражом крымских знаков было принято 11 мая, когда на очередном заседании Ревкома А. Галлоп сообщил о «катастрофическом положении с финансами: напечатанные крымские кредитки исчерпываются»⁴⁸, в то время как приближается время заработной платы, для которой даже по заниженным досоветским ставкам Симферополю потребуется 2,5 млн, а всему Крыму 6–7 млн рублей. Решено было наладить срочное печатание крымских кредиток. Пришлось даже предусмотреть сверхурочные работы.

С этого момента можно отсчитывать начало организационных мероприятий по тиражированию новых, чисто советских, крымских знаков. А через неделю было заявлено, что работы над знаками закончатся 26 мая. Открытым текстом сообщение о печати крымских знаков прозвучало из уст председателя Крымского Совнархоза Я.Ф. Городецкого⁴⁹, участвовавшего в заседании Ялтинского Ревкома 19 мая. «...в Симферополе **продолжается** печатание крымских денег, которые **не позже чем через неделю** будут выпущены».

Отличить выпуск Краевого правительства от советского выпуска очень просто: в первом случае банкноты нумеровались нумератором в Краевом банке после изготовления знаков в типографии (серия печаталась вместе с банкнотой), а при Советской власти и серия, и номер являлись частью печатной формы т.е. в этом случае номер был контрольным, а не серийным⁵⁰.

Помимо указанных знаков готовился еще один — 250 рублей Крымской ССР, автором которого был симферопольский гравер М. Л. Грабовецкий⁵¹.

46 Известия (Ялта), 1919, № 18, 21 мая, с. 3.

47 Известия (Ялта), 1919, № 33, 8 июня, с. 3.

48 Протокол заседания Ревкома № 18 от 11 мая // ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 116.

49 Известия (Ялта), 1919, № 18, 21 мая, с. 3.

50 *Истомин М.И.* Выпуски Крымского Краевого правительства Самуила Крыма (Неймана) // Нумизматика и фалеристика, 2005, № 1; Крымский коллекционер (Симферополь), 1923, № 1.

51 **Грабовецкий Мордух Лейб** (Марк Львович) (ок. 1876 – 13.12.1941). Родился в Вильно, где получил образование по специальности гравер-литограф. В начале XX века переехал в Симферополь. Там женился на Марии Розенфельд. У них было трое детей. Накануне Первой мировой войны заказал в Германии станки для типографии. В начале революции жена заболела, семья переехала в Феодосию. Там М.Л. работал в частной литографии. В 1918 году жена умерла и семья вернулась в Симферополь. М.Л. остался с тремя детьми. Создал собственную небольшую типографию, которая изготавливала этикетки и рекламные проспекты для местной продукции (табачных фабрик, винодельческих заводов и пр.). В типографии помимо М.Л. работали его дети и наемные помощники. В июле 1919 года (уже при деникинцах) он был арестован по подозрению в «приготовлении к изготовлению фальшивых денежных знаков». Конечно, основной причиной его ареста была работа над денежным знаком для Крымской ССР. Одновременно с ним

В ряде современных каталогов денежных знаков фигурируют изображения лицевой стороны этого знака, а в Крымском госархиве сохранились эскиз и пробный оттиск оборотной части. Ранее Гарбовецким были подготовлены изображения знаков Краевого крымского правительства номиналами 10 и 25 рублей.

Относительно помощи Крыму из Киева и Москвы можно заметить, что о ситуации в Крыму знали и в Москве и в Киеве. И не только знали, но и спешили на помощь. Какие денежные знаки могла направить в Крым советская Украина? Во-первых, это купюры в 10 карбованцев советской печати, декрет о выпуске которых был подписан 15 мая Х. Раковским и заместителем наркомфина УССР Э. Матчем⁵². А в конце мая в Харьков прибыли из Москвы так называемые «пятаковские» знаки — кредитные билеты образца 1918 года с подписью Г.Л. Пятакова⁵³. Значит не ранее начала июня «пятаковские» были отправлены в Крым. Также вполне возможно, что в Крым поступали и украинские «лопатки» — знаки в 25 и 50 карбованцев, печатавшиеся в красной Одессе с апреля по июнь 1919 года⁵⁴. Косвенным подтверждением справедливости этого предположения служит распоряжение Киева одесскому окружному Нарбанку выслать в Крым 50 млн руб. Сообщение об этом поступило⁵⁵ в Крым 3 июня.

Из Москвы было отправлено в Крым 300 млн руб., но эти деньги по выражению председателя крымского совнархоза Я.Ф. Городецкого на заседании Ялтинского Ревкома 18 мая «затерялись исключительно вследствие неурегулированности транспорта». Из того же сообщения⁵⁶ следовало, что Киев тоже обещал прислать

был арестован Лев Матульский — служащий частной литографии Якубовича. Следствие установило, что *«Лев Матульский, в целях извлечения собственной выгоды, оказал посреднические услуги в продаже литографического станка, принадлежащего на правах личной собственности граверу М. Грабовецкому, лицам, следствием не установленным»*. При обыске на квартирах подозреваемых лиц найдены литографические материалы, «пригодные для печатания денежных знаков». Далее в деле следует фраза о том, что собственно интересует нас: **«при аресте у Грабовецкого изъяты один оттиск и две гравировки денежного знака 250-рублевого достоинства КССР...»**.

Кроме того у Грабовецкого были изъяты разные денежные знаки на сумму 51610 рублей, которые по выводу следствия «могли служить образцами для изготовления фальшивых денежных знаков». Хотя по объяснению самого Грабовецкого, они являлись его сбережениями за 25 лет работы. Избежать сурового наказания М. Грабовецкому помогло лишь ходатайство управляющего Таврическим отделением Крестьянского банка Н.Л. Грандмезона, заступившего за Грабовецкого, как за опытного эксперта по определению подлинности денежных знаков.

Когда в 1941 году началась война, его сын Эммануил писал ему с фронта о зверствах фашистов и просил эвакуироваться, но М.Л. не захотел. У него в доме много лет жил немец-литограф, с которым М.Л. очень дружил. И, считая немцев культурной нацией, которая не допустит никаких зверств, М.Л. эвакуироваться не захотел. 13 декабря 1941 года его, а также нескольких его родственников расстреляли как евреев в пригороде Симферополя.

52 Известия (Киев) № 42, 15 мая, с. 2; Известия (Харьков), № 114, 16 мая, с. 2.

53 Известия (Харьков), 31 мая.

54 Артемьев Ю. Эмиссия украинских «лопатонок» в Советской Одессе. Первый выпуск советских «лопатонок» (06.04.1919–24.08.1919 г.) // Коллекционер № 38–39. 2003. с. 307–315.

55 Известия (Севастополь), 1919, № 32, 4 июня, с. 4; Известия (Ялта), 1919, № 32, 7 июня, с. 2–3.

56 Известия (Ялта), 1919, № 18, 21 мая, с. 3.

30 млн руб. Ялтинские «Известия» писали 7 июня, что глава Совнархоза Крыма Я.Ф. Городецкий направлен в Киев и Москву «для окончательного выяснения экономических взаимоотношений» Попутно должен быть решен вопрос о Севастопольском порте и заводе.

В отчете о пленуме Крымского Совнархоза⁵⁷ проходившего 11 июня есть сообщение заведующего подотделами Совнархоза Козлова. Он, в частности, сообщил «о доставленных из Харькова 105 млн руб. которые на время помогли справиться с денежным голодом». Скорее всего, харьковская партия состояла уже из пятаковских знаков, поскольку известно, что в Харьков они поступили не позже 31 мая⁵⁸.

Последняя известная нам партия денег для Крыма объемом 20 млн руб. была отправлена из Москвы около 12 июня⁵⁹. О сроках ее поступления в Крым сведениями не располагаем, не исключено, что ее вообще не успели доставить в Крым до эвакуации красных из Крыма, которая началась 20 июня.

По-видимому, только около 10 июня денежный голод в Крыму закончился. Произошло это как благодаря выпуску в обращение крымских 25-рублевек советской печати, так и благодаря поступлению затерявшихся в пути 300 млн пятаковских рублей.

Похоже, «Пятаковские» поступили в Симферополь 10–11 июня. Кризисная ситуация с деньгами и с продуктами обострилась особенно в Севастополе. Не следует забывать, что там находился крупнейший в Крыму завод — около двух тысяч рабочих. За май зарплата пошла пятаковскими — по Севастополю и вообще на периферии где-то около 15 июня; по Симферополю дня на три раньше (11–12 июня).

Косвенным сигналом окончания денежного голода в Крыму можно считать следующую⁶⁰ заметку: *«Финотдел Крымского СНХ сообщает, что финансовая коллегия признала выпуск в обращение наравне с кредитными билетами майских и июньских купонов процентных бумаг, освобожденных от пятипроцентного сбора, нежелательным».*

57 Известия (Севастополь), 1919, № 38, 12 июня, с. 2.

58 Известия (Харьков), 1919, № 125, 31 мая.

59 Об отправке этой суммы в Крым сохранился следующий документ:

«12 июня, Москва № 6196/6198 В Финансово-счетный отдел

Копия: Департамент Государственных казначейств № 14/39

Президиум В.С. Н.Х. предлагает Вам срочно перевести 20 000 000 руб. в Крым, по адресу Крымского Совета Народного Хозяйства на его операционные и производственные нужды, списав эту сумму по ст. 14 параграфа 55 сметы В.С. Н.Х. первого полугодия 1919 г. Председатель Высшего Совета народного хозяйства [Рыков А. И.]

Член коллегии Финансово-Экономического отдела / *подпись* /

Секретарь / *подпись* / [Печать ВСНХ]»

[РГАЭ, ф. 2324 (Народный банк), оп. 9, д. 33а, л. 215.]

Для сравнения укажем, что на второе полугодие 1919 г. Наркомфином РСФСР выделено: Волынской губ. — 77 млн руб., Черниговской губ. — 70 млн руб., Донской области — 150 млн. [Там же, д. 5, л. 67 об, 68.]

60 Известия (Севастополь), № 37, 11 июня, с. 2.

* * *

Появились в крымских городах и отделения Народного банка, точнее Московского Народного Банка. Но произошло это в самом конце советского периода (извещение о начале работы датировано 18 июня⁶¹) и, практически, они не успели приступить к работе, поскольку с 20 июня началась спешная эвакуация советских учреждений.

Поскольку денежный голод закончился буквально накануне отступления красных из Крыма, то это обстоятельство не способствовало серьезным экономическим достижениям.

* * *

Особая ситуация с деньгами сложилась в Феодосии, которая по сути была в то время прифронтовым городом, т.к. Ак-Монайский фронт находился в 20–30 км от города. Положение можно проследить по воспоминаниям В.В. Вересаева⁶². В то время он работал в местном отделе народного образования.

В этом городе денежный кризис продолжал свирепствовать почти до возвращения белой власти, что произошло 20 июня. В местном отделе просвещения «с утра до вечера толпились голодные народные учителя и учительницы, съехавшие со всего уезда за получением жалования. Денег не было — все ждали из Симферополя, а их не привозили. Наконец привезли несколько миллионов, но с деньгами обратно не пришли требовательные ведомости, а без них отдел финансов отказывался выдавать деньги». Далее из текста его воспоминаний следует, что выдача этих денег происходила между 18 и 20 июня, т.е. по сути, уже в ходе эвакуации красной власти.

61 Извещение о начале работы Московского народного Банка в Симферополе:

Циркулярно

Штамп типографский: Симферопольское Отделение

Штамп мастичный черный: Московского народного Банка МОСКОВСКИЙ (Кооперативное отделение № 12962 18 июня 1919 НАРОДНОГО БАНКА) НАРОДНЫЙ БАНКЪ [Симферополь], Салгирская, 21. Июнь 1919 г.

У.Т. [Уважаемые товарищи]

Настоящим Уведомляем Вас, что Симферопольское Отделение Московского Народного Банка (ныне Кооперативное Отделение Народного Банка) открыло свои действия и производит операции разрешенные уставом.

Управляющим отделения состоит Евгений Николаевич Афанасенко, бухгалтером Александр Сергеевич Артемов и кассиром Федор Ананьевич Гололобов.

Все денежные обязательства Отделения должны быть снабжены подписями Управляющего, Бухгалтера и Кассира, а все письма и прочие документы за подписью Управляющего и Бухгалтера.

Ниже помещенные подписи просим заметить.

Кооперативное отделение Народного банка в Симферополе /Бывший Московский Народный Банк//А.С. Артемов/

Будут подписывать: Е.Н. Афанасенко, А.С. Артемов, Ф.А. Гололобов [РГАЭ, ф. 2324, д. 132, оп. 4, л. 7].

62 В. Вересаев. Воспоминания. М., «Правда», 1982, с. 540.

В качестве курьеза заметим, что в Феодосии «временным комиссаром финансов» был назначен управляющий местного отделения Госбанка Н.А. Лукашевич, конечно, никакого отношения к большевикам не имевший⁶³.

* * *

Известно, что после прихода деникинцев в Крым запасы местного казначейства на треть состояли из пятаковских, и на треть из керенок советской печати, причем знаки эти к моменту смены власти успели получить широкое распространение⁶⁴. Скорее всего, июньскую зарплату рабочим и служащим выдавали в основном уже пятаковскими знаками. На счетах местных коммерсантов также зафиксированы денежные средства в основном в пятаковских знаках.

Перед эвакуацией Совет обороны красного Крыма предоставил полтора миллиона рублей на подпольную работу парторганизаций⁶⁵. Из этой суммы пол-миллиона было распределено между севастопольской, евпаторийской и ялтинской организациями. Миллион рублей был оставлен в распоряжении руководящей группы, которая по мере надобности должна была снабжать денежными средствами местные парторганизации⁶⁶. Однако в первые же дни занятия деникинцами Крыма советские («пятаковские») деньги были аннулированы. Таким образом, подпольная работа большевиков в Крыму усложнилась из-за отсутствия средств⁶⁷. При эвакуации красных из Крыма довольно значительные суммы были большевиками оставлены. И вновь пришедшая «белая» власть не сразу однозначно определилась с судьбой этих сумм. В конечном счете, эти суммы были переданы уездным земствам, причем с лиц, вносивших контрибуцию, не снималась обязанность уплаты текущих сборов и недоимок⁶⁸.

Нам удалось выявить еще один знак, имевший отношение к рассматриваемому периоду. Ранее считалось, что денежный знак Управления национальными именными в Ливадии и Массандре относится к более⁶⁹ позднему периоду — 1921 г. или к более раннему⁷⁰ — 1918 г. Обратимся к архивным документам.

63 Приказ № 4 // Известия Военно-Революционного комитета Феодосии № 9, 1919, 7 мая.

64 19 июня (ст. ст.) 1919 года Таврический губернатор Никита Алексеевич Татищев докладывал в Финансовый отдел (Управление Финансов) Особого Совещания: «... В настоящее время общая наличность Отделения Государственного Банка и Казначейства в Симферополе не превышает 3 800 000 рублей, из них 1 900 000 керенскими, 1 300 000 советскими кредитными билетами образца 1918 г. [т.е. «пятаковскими» — М. В.] и приблизительно 600 тысяч Крымскими Краевыми денежными знаками». [ГАРК, ф. р-2235, оп. 1, д. 24 л. 3].

65 Переписка. Т. 8, М., 1972, с. 582.

66 ГАРК, ф. п-150, оп. 150, д. 158, л. 57.

67 Чирва И.С. Большевицкое подполье в Крыму в период деникинщины и врангелевщины. // Борьба большевиков за упрочение советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма. Крымиздат. Симферополь. 1958. с. 87.

68 Южные ведомости (Симферополь), № 102, 31 июля (13 августа), с. 2.

69 Рябченко П. Ф., Бутко В.И. Полный каталог бумажных дензнаков и бон России, СССР, стран СНГ (1769–1999 гг) К., 1999, т. 2, с. 227.

70 Истомин М.И. Каталог денежных знаков гражданской войны в России. Т. III. Харьков, 2009, с. 171–172.

В связи с острейшим денежным голодом и необходимостью выплатить зарплату сезонным рабочим, Ялтинский Комиссариат национальных имений сообщает⁷¹ 19 мая 1919 г Ялтинскому Военно-революционному комитету, № 746:

«Управления национальными имениями Массандра, Айдалиль, Кучук-Ламбат и Чукурлар испытывают громадную недостачу денег для оплаты труда поденно-рабочих. Невыплата денег грозит остановкой работ и гибелью доходных культур.

Дабы избежать этого необходимо временно прибегнуть в спешном порядке к выпуску чеков-бонов, обеспеченных доходами этих имений, которые прошу разрешить в срочном порядке выпустить для оплаты поденно-рабочим чеков-бонов на сумму до 500 000 рублей.

Боны будут образца банковых чеков, снабженных подписью и печатью. Выпуск обставлен будет всевозможными предосторожностями для предохранения от подделок».

Управляющий [А.П. Никифоров]. Бухгалтер [А. Корляков]

22 мая Комиссариат национальных имений получил уведомление⁷² Ялтинского Военно-революционного комитета о том, что *«вопрос о выпуске бонов рассматривается».*

В свою очередь сообщила об этом предложении и местная газета — Известия Ялтинского Военно-Революционного комитета (Ялта), № 21, 24 мая, с.4: *«Управление национальными имениями предлагает ввести из-за денежного кризиса чеки-боны, обеспеченные доходами национальных имений. Объем эмиссии — до 500 тысяч руб. в форме банковских чеков с соответствующими подписями и печатью; необходима и защита от подделок».*

Однако почти одновременно с этой публикацией, Отдел Управления Ялтинского Ревкома распорядился⁷³ «ни в коем случае не делать без ведома Отдела Управления и его санкции никаких самостоятельных имеющих характер государственного значения распоряжений, как то: выпуск бон на право хождения...». Поэтому дальнейшая работа над знаками для национальных имений была прекращена.

К тому же, в последних числах мая из Советской России поступили наконец значительные суммы новых денег, главным образом «пятаковских». В связи с этим отдел Советских хозяйств Крымского комиссариата земледелия начал отчислять средства национальным имениям. Так 30 мая первая сумма в 25 000 рублей была направлена в Ливадию, 31-го мая — 25 000 рублей в Массандру. Затем этим и другим имениям последовали дополнительные выплаты. К 21 июня вся задолженность в 500 000 рублей была погашена⁷⁴ и надобность во временных денежных знаках отпала.

В делах Ялтинского ревкома и Комиссариата национальных имений ГАРК не сохранилось ни самого знака, ни каких-либо сведений о художнике, выполнившем эскиз знака.

71 ГАРК, ф. р-2424, оп. 1, д. 28, л. 19.

72 Там же, л. 22.

73 ГАРК, ф. р-1613, оп. 1, д. 1, л. 100.

74 Там же, л. 34.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Симферопольский ревком начинал свою работу, не имея в своем составе ответственного лица за образование и культуру. Считалось, вероятно, что перед ревкомом задачи стояли более важные. Но во главе Ревкома стояла Е. Р. Багатурянц, не только большевичка (подпольная кличка «Лаура»), но и профессиональный преподаватель. Поэтому первоочередная задача «взять на учет и сохранить в целости все культурные и художественные ценности Таврической губернии» решала она лично. И решала эту задачу вполне профессионально. Достаточно взглянуть на перечень объектов, намеченных передаче под охрану. Уже 17 апреля, т. е. менее чем через 10 дней после формирования Ревкома, было намечено⁷⁵ взять под защиту Ревкома библиотеку графа Капниста в Судаче, библиотеку графа Канкринна, галерею Айвазовского, Керченский и Феодосийский музеи древности, Херсонесский музей в Севастополе, библиотеку Таурика, библиотеку и музей Архивной Таврической Ученой комиссии, библиотеку Водных изысканий в Симферополе и все библиотеки и художественные ценности в Ялте, Симеизе, Кореизе (библиотеки князя Юсупова).

Но что Лаура могла противопоставить анархизирующим повстанцам Дыбенко — «гуннам», по образному выражению писателя И. С. Шмелева? Бумажные директивы для местных Ревкомов явно мало помогали, хотя Симферопольским Ревкомом и была предусмотрена специальная сумма⁷⁶ (10 000 рублей) «для объезда культурных центров Крыма в целях обеспечения их от расхищения достаточной охраной».

К тому же другая напасть ждала художественные ценности Крыма — их вывоз в центральную Россию. Об этом свидетельствует⁷⁷ крымский большевик М. Ф. Каплан: «Много властвовать в Крыму нам не удалось, только месяца 2½. Нам удалось взять много ценностей. Я и тов. Л. получили работу по изъятию всех ценностей и отправлению их в Москву.

Помню такой эксцесс. Заведующий дворцом Юсупова (отец) в Кореизе нам оказал большое сопротивление, нам пришлось выдержать чуть ли не целую атаку, пока

75 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 102.

76 Там же, д. 173, л. 37.

77 Каплан М. Ф. Воспоминания // ГАРК, ф. п-150, оп. 1, д. 423, л. 5.

мы смогли взять ценности. Он не хотел давать, как будто это его ценности. Так было и со всеми дворцами <...> На следующий день в имени Фальцвейн я догнал комиссию по эвакуации ценностей под председательством тов. Турецкого-Чистова, где я сдал часть ценностей, которые имел с собой и нас эвакуировали в Каховку...».

Тем не менее, вслед за распоряжением Симферопольского Ревкома были назначены ответственные за организацию охраны культурных ценностей. Так комиссаром Воронцовского дворца в Алушке был назначен художник-символист, член объединения «Голубая роза» Н.Д. Миллиоти. Работа по линии Наркомпроса была предметом постоянной заботы Е.Р. Багатурьянц. «Помню, как удивился дружеским приемом и заботой о нем со стороны Е.Р. художник Миллиоти, утонченный эстет и индивидуалист, ставший потом эмигрантом» — вспоминал П.И. Новицкий⁷⁸. В заметке⁷⁹ З. Рихтер-Дуровой в московских Известиях ВЦИК сообщалось, что в качестве комиссара дворца Миллиоти приходилось «отбивается от попытки военно-санитарной организации занять дворец». И происходило это при том, что других свободных зданий было более чем достаточно.

Соответствующие мандаты были выписаны Константину Андреевичу Треневу и Абраму Лазаревичу Белсмапу, которые уполномочивались⁸⁰ «Симферопольским Военно-Революционным Комитетом принять все необходимые меры к обследованию и организации охраны культурных ценностей Тавриды». С писателем С. Сергеевым-Ценским, проживавшем в Алуште, произошло все наоборот — ему пришлось лично «организовывать» себе охранительный мандат. Постоянно подвергаясь угрозам местного Чека, он, не дожидаясь действий сверху, сам отправился 8 мая в Симферополь. Через председателя Ревкома Лауру и была им получена⁸¹ нужная бумага: «На основании предписания Симферопольского комиссариата просвещения от 25 апреля 1919 года за № 4 Алуштинский военно-революционный комитет сим удостоверяет, что гражданин Сергей Николаевич Сергеев-Ценский, как великий представитель русского искусства и замечательный русский писатель, находится под высоким покровительством советской власти». Кроме того, на имя председателя Алуштинского Ревкома Лаура послала уведомление, что Ревкому следует «беречь личности писателей С. Сергеева-Ценского и Ив. Шмелева». Записку от имени обоих писателей на имя Лауры с «живейшей признательностью за эту заботу» отправил Сергеев-Ценский⁸². Невольно возникает предположение — не помогла ли эта «охранная грамота», выданная И.С. Шмелеву в мае 1919 года выжить во время голода в Крыму в 1921 году?

Известно, что 4 мая Симферопольский ВРК объявил дом А.П. Чехова в Ялте национальным достоянием и назначил М.П. Чехову пожизненной хранительницей дома. Произошло это «по докладу члена коллегии наркомата просвещения П.И.

78 Новицкий Павел. Товарищ Лаура // ГАРК, ф. п-849, оп. 2, д. 307, л. 19.

79 Известия ВЦИК, № 116, 31 мая, с. 1: (сообщено из Алушки, 27 мая).

80 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 117, 119.

81 Степанов Г.Г. Дорогой длиною. Документальная повесть. Краснодар. 1978, с. 193.

82 Старков А.Л. Лаура // Сильная душа. Очерки. Библиотека «Огонек» № 40, 1961, с. 5.

Новицкого». Сохранение культурных ценностей требовал от рабочих и служащих национальных имений приказ № 1 от 25 апреля управляющего А.П. Никифорова¹.

В конце апреля в Ревкоме появилось ответственное лицо за культурно-просветительский фронт — временным комиссаром просвещения с 29 апреля была назначена меньшевичка Галкина². К сожалению, ни о ней, ни о ее недолгой деятельности на этом посту, мы ничего не знаем. По просьбе большевистского Обкома появился при Ревкоме и отдел советской агитации, составе коллегии которого вошли Шульман (секретарь большевистского Обкома), и сотрудники Обкома Меерсон и Хайкевич³, т.е. это направление оставалось за Обкомом, и лишь формально было закреплено за Ревкомом.

В первых числах мая было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство, в котором комиссаром просвещения был назначен матрос-большевик И.А. Назукин⁴. И хотя небольшой опыт в этом направлении у него был — он возглавлял культурно-просветительскую секцию Севастопольского Совета депутатов зимой 1917–1918 гг., конечно портфель наркома просвещения был ему не под силу. Но у него сразу же появились два помощника — недавняя председатель Ревкома Е.Р. Багатурьянц⁵, а также филолог и историк с университетским образованием П.И. Новицкий⁶. При наличии таких помощников Назукин мог чувствовать себя вполне уверенно. В коллегию Наркомпроса входили также: преподаватель литературы Симферопольской гимназии К.А. Тренев — отдел средних школ коллегии,

1 ГАРК, ф. р-2424, оп. 1, д. 17, л. 292, 294.

2 Там же, ф. р-1733, оп. 1, д. 173, л. 90.

3 Там же, л. 6.

4 **Назукин Иван Андреевич** (1892–1920). Из крестьян Пермской губернии, работал кузнецом в Перми. В 1913 г. призван во флот. Окончил школу рулевых подводного плавания, служил помощником штурмана подлодки «Судак» Черноморского флота. С мая 1917 г. большевик; с декабря 1917-го по апрель 1918 года член Севастопольского Совдепа (культурно-просветительская секция) и председатель Балаклавского Совдепа. Тогда же получил известность коммунистическими экспериментами. Делегат 5-го съезда Советов, член ВЦИК. В конце 1918 г. направлен на подпольную работу в Севастополь. Во время второго прихода красных в Крым совмещал три должности: председатель Балаклавского ревкома, член Крымского обкома РКП(б) и нарком просвещения. С ноября 1919 г. — член подпольного ревкома и секретарь союза металлистов Феодосии. Там же был арестован и расстрелян.

5 См. биографию Е.Р. Багатурьянц в приложении 2, главы 2 политической панорамы (стр. 154).

6 **Новицкий Павел Иванович** (1888–1971). Не вдаваясь в подробности его бурной политической деятельности, отметим лишь основные вехи его жизни в гуманитарной сфере. Окончил Петербургский университет и Курский пединститут — филолог и историк. С 1913 года — преподаватель в Симферополе, член Учительского союза. В комиссариате просвещения КССР 1919 года занимался проблемами трудовой школы. После Гражданской войны заведовал отделом среднего образования в Наркомпросе Крымской АССР. Первый редактор газеты «Красный Крым», потом преподавал в Таврическом университете. В дальнейшем — критик, театровед, член Союза советских писателей. Автор книг: Театральные мемуары (Л. 1927), Маскарад, Дон Кихот, Хмелев, Щукин, Театральные системы, Московские государственные театры.

Я.И. Френкель, будущий профессор по теоретической физике — отдел высшей школы, художественный критик Я.А. Тугенхольд — отдел изобразительных искусств⁷.

«Развернуть культурно-просветительскую работу так, чтобы поднять культурный уровень каждого гражданина на должную высоту». Такой вполне корректный лозунг выдвинул председатель Крымского Совнаркома Д.И. Ульянов на собрании по случаю открытия работы Совета депутатов⁸.

Для предотвращения расхищения и порчи имущества в национализированных имениях 19 мая была образована особая комиссия⁹. В нее вошли представители от комиссариатов национальных имений, здравоохранения, просвещения, комиссии по охране памятников, союза художников, местных ревкомов. Им предстояло произвести опись имущества имений и организовать их перемещение в подведомственные учреждения.

Уже в апреле-мае шла активная перестройка в духе времени в работе культурных учреждений Симферополя. Так в бывшей гостинице «Метрополь» был организован «Дом просвещения», в котором имелся клуб, театр, библиотека-читальня и мастерская прикладных искусств. При «Доме просвещения» заработали секции музыкальная, театральная, литературная и художественная¹⁰. По случаю юбилея М. Горького 8 мая в Советском театре прошла «с выдающимся успехом» его пьеса «На дне». В том же театре 24 апреля состоялось открытие коммунистического клуба им. Ленина. В этом клубе для взрослой аудитории проводилась серия бесед по вопросам пролетарской культуры под руководством А.М. Коллонтай. В программе занятий были намечены вопросы:

- 1) понятия о первобытной, феодальной и буржуазной культурах
- 2) картина строительства пролетарской культуры
- 3) критическая переработка пролетариатом всего материального и духовного наследия буржуазии
- 4) достижения и образцы пролетарского творчества
- 5) будущее пролетарской культуры¹¹.

Вот что писала¹² по горячим следам (в 1921 г.) о своей деятельности в сфере культуры и просвещения масс в красном Крыму 1919 года сама Александра Михайловна: «...Из Харькова я направилась в Крым, где была назначена председателем Политуправления Крымской Республики, начала там налаживать журнал, школу политработников, взялась за сплочение интернационалистов и установление сношений с рабочими южных государств Европы. Эвакуация из Крыма прервала начатую работу. Последнее воззвание к населению от сов. власти в Крыму написано мною

7 ГАРК, ф. п-849, оп. 2, д. 307, л. 18.

8 Загородских Ф.С. Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму, с. 82.

9 ГАРК, ф. р-2424, оп. 1, д. 22, л. 23.

10 Таврический коммунист (Симферополь): № 13 от 25 апреля, с. 4 и № 22 от 7 мая, с. 4.

11 Крымский коммунист (Симферополь), № 46, 5 июня, с. 1–2.

12 Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. Одесса. 1921. с. 53.

ночью накануне эвакуации. Разумеется, и в Крыму я вела работу среди трудящихся женщин».

Не отставал и Севастополь — 25 мая в здании бывшего Зимнего городского собрания был открыт¹³ первый пролетарский клуб «Третий Коммунистической Интернационал». В конце мая Наркомпрос провел серию художественных митингов-концертов; первый¹⁴ прошел в театре «Ренессанс». А в июне Отдел искусств наркомата просвещения объявил об открытии бесплатных рабоче-крестьянских студий по следующим направлениям: пение хоровое и сольное, игра на народных и классических инструментах¹⁵. Тоже по линии Наркомпроса в Севастополе был организован музей геологии, минералогии и палеонтологии. Основные экспонаты этого музея были предоставлены геологом И.Д. Лисевичем, который создал и возглавил этот музей¹⁶.

Военная ситуация вынуждала правительство прежде всего заниматься укреплением обороноспособности. Так здание, в котором размещался Ялтинский естественно-исторический музей, было реквизировано для военных нужд. Хозяйственный комитет Ялтинской мужской гимназии предоставил музею во временное пользование помещение своего пансиона из пяти залов и шести комнат, правительство КССР выделило «на обустройство на новом месте и поддержание деятельности музея» 20 тысяч рублей. Самым значительным приобретением Ялтинского музея того времени явилась принадлежавшая великому князю А.М. Романову археологическая коллекция из 2000 предметов, перевезенная из имения Ай-Тодор.

В Евпатории местом концентрации изъятых у буржуазии предметов искусства и археологических находок из Керкинитиды стал учрежденный ревкомом Дворец науки. Однако часть культурных ценностей не попала в музейные фонды, оказавшись попросту расхищенной¹⁷.

Вопросы культурной жизни и просвещения приходилось решать в условиях жесточайшего дефицита бумаги. Полиграфический отдел Совнархоза сообщил, что из Харькова получена следующая телеграмма: «Симферополь. Бумагу получить надежды мало. Ее нет. Необходимо соблюдать большую экономию». Ряд крупных типографий¹⁸ была национализирована Крымским совнархозом (22 мая). А в Севастополе комиссариат печати распорядился об учете и ограничениях продажи: «Всем магазинам, не исключая кооперативов, подчиняться учету тетрадной бумаги и немедленно прекратить продажу таковой. Продавать тетрадную бумагу и тетради можно только с особого разрешения¹⁹ комиссариата народного просвещения». Мало того, учету подлежали картон, рисовальная и промокательная бумага. Продажу этих

13 Известия (Севастополь), № 26, 27 мая.

14 Известия (Севастополь) № 27, 28 мая, с. 3.

15 Известия (Севастополь) № 37, 11 июня, с. 2.

16 Прибой (Севастополь). № 448, 17(4) мая, суббота с. 2.

17 Андросов С.А. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма, 2004, № 3–4, с. 134.

18 Известия (Симферополь), № 12, 3 июня.

19 Известия (Севастополь), № 33, 5 июня.

материалов тоже можно было производить лишь с особого разрешения комиссариата народного просвещения²⁰.

Удивительно, но вопреки бумажному голоду, второй красный период оставил после себя довольно большое газетное наследие. Помимо трех основных газет, выходило еще полтора десятка менее значимых и менее тиражных. Подробнее см. Приложение 1.

В период Красного Крыма-1919 продолжала работать Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК). Состоялись четыре заседания ТУАК 11 мая, 5 июня, 12 июня и 18 июня. Сведения об этих заседаниях приведены в Приложении 2. Причем, к чести крымского Наркомпроса, 18 июня заседание происходило в самом Наркомпросе Крымской ССР. Благо было посвящено оно было открытию в Симферополе Таврического центрального архива²¹. Однако Известия ТУАК в этот период не издавались. Характерна ремарка²² историка Г.В. Вернадского на эту тему: *«Несмотря на гражданскую войну и трудные условия жизни, в Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни. Даже под властью большевиков (конец марта — начало июня 1919) при университет в Архивной комиссии устраивались лекции и собеседования на научные темы»*.

Новый красный режим успел отметиться и в кинематографии. Конечно, речь не шла о съемке новых большевистских фильмов. Зато в деле национализации кинопроизводства Красный Крым даже опередил РСФСР, где декрет о национализации был подписан В.И. Лениным лишь в конце августа 1919 года. В Ялте, где в основном и действовали крупные кинофабрики, были национализированы студии Ханжонкова,

²⁰ Известия (Севастополь), № 15, 14 мая.

²¹ В конце мая 1919 года по инициативе ТУАК, поддержанной новыми властями, в Симферополе был открыт Таврический центральный архив. В отчете ТУАК за 1919 год специально оговаривалось, что советские власти отнеслись к мысли об открытии этого архива сочувственно. Новый архив разместился в здании бывшего пансиона 1-й Симферопольской мужской гимназии. Были предусмотрены средства на содержание штата архива. Основу Центрального архива составил архив Таврического дворянского депутатского собрания, которому грозил полный разгром и уничтожение, а также половина архива Симферопольского уездного полицейского управления.

После ухода красных из Крыма деникинцы ликвидировали архив. Так по инициативе губернского предводителя дворянства архив Таврического дворянского депутатского собрания вернулся на прежнее место в здание Дворянского собрания, архив Симферопольского уездного полицейского управления тоже был возвращен по принадлежности, а занятое архивом помещение было передано в распоряжение заведующего учебными заведениями Таврической губернии. Белой властью решение вопроса об открытии Центрального архива было отложено в ожидании распоряжения «в общем законодательном порядке об учреждении центральных архивов в России» [Отчет о деятельности ТУАК за 1919 год // Приложение к Известиям ТУАК № 57, с. 70].

Таврический центральный архив возобновил свою деятельность уже в советское время — в ноябре 1920 г. Далее существовал под разными названиями [Государственный архив Крымской области. Дополнение к путеводителю. Киев, 1989, с. 90].

²² *Вернадский Г.В.* Крым. Воспоминания // Крымский архив, 1994, № 1, с. 33.

«Русь», И. Крамольева²³. Управление студиями было передано коллегии из представителей совнархоза, местных властей и кинороботников²⁴. Еще дальше пошел в своем рвении Севастопольский ревком: его постановлением № 8 предусматривалась регистрация и учет не только всего кинематографического имущества, но и фильмов²⁵. Ясно, что с возвращением в Крым деникинцев все эти декреты красной власти были отменены.

Для Советской России того времени характерно, что организацией празднеств зачастую занимался Всеобуч. Крымскому ревкому инструкции накануне праздника 1 мая тоже последовали²⁶ по линии Всеобуча из Одессы:

«Симферополь, Губвоенкому, отделу Всеобуча.

Принять самое широкое участие в первомайских торжествах с целью агитации идеи всеобуча, организовать шествие отрядов спорта и юных коммунистов, устроить спортивные состязания между командами рабочих и трудовой интеллигенции, показательные программы гимнастических обществ, водного спорта. Выступить на митингах, выпустить листовки, плакаты. Участие непременно под флагом Всеобуча для ознакомления масс [с] задачами и работой отделов. Все расходы оплачиваются из специальных сумм, отпущенных комиссариатом Наркомвоен. № 20. 26 апреля. Начокротдела Махин».

Для полноты картины привоюдим яркий образчик цензуры того времени. В редакцию севастопольской газеты «Прибой» поступило следующее предостережение комиссара по делам печати Я. Сосновского: «В №№ 450, 451 от 20 и 21 мая был призыв к тайному голосованию, что противоречит постановлению Ревкома, в заседании которого участвовали и члены Вашей партии (имеются в виду меньшевики — М. В.)». Редакции газеты предложено воздержаться от подобных выступлений, иначе комиссариат будет вынужден принять соответствующие меры²⁷.

А в глобальном масштабе Комиссариат народного просвещения заботился и об искоренении идеологически чуждых настроений. В связи с этим все учреждения и организации по внешкольному образованию, как-то: библиотеки, курсы для взрослых, музеи, выставки, народные университеты, клубы и т.п. обязаны были предоставить в комиссариат свои уставы, учебные планы, сметы, отчеты для решения вопроса о продолжении деятельности. Отдел искусств брал под свой контроль и репертуар театров, цирка, концертов. Если в программу выступления входили куплеты, песенки, шутки, рассказы и т. п., то текст таковых обязательно передавался на проверку²⁸.

Для будущих историков оказалось важным еще одно распоряжение Наркомпроса. В соответствии с ним, все учреждения, имевшие документы по истории

23 Известия (Ялта), № 19, 22 мая, с. 3.

24 Известия ВЦИК (Москва), № 120, 5 июня, с. 2.

25 Известия (Севастополь), № 23, 22 мая.

26 ГАРК, ф. р-2264, оп. 1, д. 14, л. 32.

27 Прибой (Севастополь). № 452, 22(9) мая, с. 1.

28 Известия (Севастополь) № 42, 14 июня; Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. «Телескоп». Севастополь. 2004, с. 231.

Крыма, в том числе и в период революции, должны были сдавать эти дела в архив исторической части бывшего морского ведомства²⁹.

Другим важным моментом работы Крымского ревкома и правительства была перестройка системы образования. Неимущие граждане были освобождены от платы за обучение детей. Конкретнее это было сформулировано в виде постановления Наркомпроса от 31 мая³⁰: «*Дети граждан освобождаются от платы в средних школах по особым прошениям родителей с предоставлением свидетельства о состоянии от родительского и домового комитета*». Для взрослых в Крыму тоже водилось всеобщее образование, с этой целью открывалось 75 специальных школ³¹. Для подготовки к поступлению в Таврический университет был организован рабфак³². Буквально накануне падения красного Крыма проходил съезд работников народного образования. Рассматривались многие вопросы, в частности, вопросы внешкольного обучения, создание дополнительных курсов и библиотек, формирование школьной сети среди татар и немцев³³.

В Феодосии местный отдел просвещения постановил считать латинский язык для учащихся необязательным³⁴. В городе продолжала работать вечерняя гимназия для взрослых, открывшаяся осенью 1918 г. В ней за год можно было освоить программу двух классов, включая философию, марксизм. Там же нелегально велась пропаганда и подрывная работа. Существовала до лета 1919 г. Сейчас в этом здании расположена школа имени В. Коробкова³⁵. Вместе с тем имел место и определенный национальный колорит. В период Красного Крыма прекратил свою деятельность Феодосийский народный университет. На его базе пытались создать Феодосийский Еврейский Народный университет³⁶. Этот город вообще стоял особняком, поскольку был практически прифронтовой — Ак-Монайский фронт проходил в десятке километров восточнее. Несмотря на злобствования местной Чека, о чем позже напишет В.В. Вересаев в своей повести «В тупике», а мы остановимся несколько позже, троим главным действующим лицам местного отдела Народного образования, удалось сделать многое. В первую очередь следует упомянуть руководителя отдела — генерала Н.А. Маркса. Вот что вспоминал о нем В.В. Вересаев³⁷: «Мне выпало счастье работать вместе с Никандром Александровичем в коллегии феодосийского отдела наробразы весной 1919 года в течение тех двух-трех месяцев, которые продержалась в Крыму вторично утвердившаяся в нем Советская власть. Работник и организатор

29 ГАРК, ф. р-2129, оп. 1, д. 12, л. 1; цитируем по: Волков В.П. За власть Советов! Симферополь. 1963, с. 124.

30 Там же, ф. р-2252, оп. 1, д. 6, л. 12.

31 Известия (Севастополь), № 38, 12 июня, с. 2.

32 *Надинский П. Н.* Очерки по истории Крыма. Часть II. Симферополь, 1957, с. 178.

33 Известия (Симферополь), № 21 от 14 июня и № 26 от 20 июня.

34 Известия (Феодосия), № 12, 10 мая, с. 3.

35 *Бобков А.А.* Разворот солнца над Аквиллоном вручную. Феодосия и феодосийцы в Русской Смуте. Год 1918. — Феодосия — Симферополь, 2008, с. 273.

36 Там же, с. 274.

37 *В. Вересаев.* О Н.А. Марксе // Воспоминания. М., 1982, с. 539–540.

он был удивительный. Под его умелым руководством на глазах росло и развивалось сложное дело перестройки народного просвещения на новых, демократических началах. Он сам работал много и примером своим заставлял так же работать и своих сотрудников».

После возвращения в конце июня деникинцев в Крым Н.А. Маркс за свою деятельность при большевиках был арестован и отдан под суд. А в августе корреспондент симферопольских «Южных ведомостей» сообщил из Екатеринодара, что генералу Н.А. Марксу 4-летнюю каторгу заменили разжалованием в рядовые...

Другой интересной фигурой, также участвовавшей в феодосийском Наробразе, был М. Волошин. О нем В.В. Вересаев писал³⁸:

«Когда Советская власть в 1919 году овладела Крымом, я заведовал в феодосийском наробразе отделом литературы и искусства и пригласил в репертуарную комиссию Волошина. В политическом отношении он [Волошин] не считал себя ни большевиком, ни белым. Где-то в стихах писал, что ему равно милы и белые и красные, и воображал, что стоит выше их, тогда как в действительности стоял только в стороне. <...> У власти были красные — он умел дружить с красными; при белых — он дружил с белыми. И в то же время он всячески хлопотал перед красными за арестованных белых, перед белыми — за красных. Однажды при белых на одной из дач был подпольный съезд большевиков. Контрразведка накрыла его, участники съезда убежали в горы, а один явился к Волошину и попросил его спрятать. Волошин спрятал его на чердаке, очень мужественно и решительно держался с нагрянувшей контрразведкой, так что те даже не сочли нужным сделать у него обыска. Когда впоследствии благодарили его за это, сказал: — Имейте в виду, что когда вы будете у власти, я также буду поступать с вашими врагами». В этом отрывке речь идет о Бела Куне. Это позволило М. Волошину избежать ареста чекистами в 1920 г., но публиковать его перестали.

Наиболее радикальная реформа образования была намечена в Севастополе.

Постановлением местного Ревкома № 32 от 24 мая³⁹ декларировано, что «*внутренняя жизнь школы в рамках постановления центральной и местной власти переходит в ведение школьных советов*». При этом вводилась выборность руководства школы. Отменялись переходные, вступительные и выпускные экзамены и отметки для оценки познаний и поведения учащихся, обязательное ношение формы, а также всякого рода кокард и знаков учителями и учащимися⁴⁰. Перевод из класса в класс и выдача свидетельств предполагалось производить на основании успехов учащихся, по отзывам школьного совета о выполнении учебной работы. Были намечены выборы училищных советов и хозяйственных комиссий для школ 1-й ступени⁴¹. Начался прием заявлений в бесплатный Севастопольский социально-юридический институт⁴².

38 Там же, с. 530–532.

39 Известия (Севастополь) № 24, 24 мая.

40 Крестьянников, с. 414.

41 Известия (Севастополь), № 33, 5 июня.

42 Известия (Севастополь), № 30, 1 июня, с. 1.

Не были обделены вниманием и взрослые севастопольцы. Так при севастопольском военкоме был создан Агитпросвет, силами которого проводились не только летучки и лекции в деревнях Карань (Флотское), Кадыковка (северная часть Балаклавы), Камары (Оборонное), Чоргунь (Чернореченское), но даже был показан спектакль-митинг в Балаклаве. Пьеса называлась «Однажды вечером» и рассказывала о жизни политических ссыльных⁴³.

В конце мая Наркомпрос неожиданно решил перевести в Севастополь Таврический университет. В связи с этим город посетила делегация университета. «В сопровождении наркомпроса И.А. Назукина делегация осмотрела библиотеку, биостанцию, Морской кадетский корпус»⁴⁴. Однако переезд университета из Симферополя в Севастополь не состоялся.

Дело культурного обогащения взрослого населения Севастополя также ставилось под строгий контроль революционных властей. Например, всем владельцам книжных магазинов и складов предписывалось 28 мая 1919 года быть готовыми к прохождению учета наличных книжных запасов. В дальнейшем торговля книгами без разрешительных ордеров книжного отдела воспрещалась. Учету подлежало и имущество кинематографов, музыкальных и нотных магазинов, «впредь продажа музыкальных инструментов и нот без разрешения отдела искусства воспрещалась». Даже частные владельцы роялей, пианино, фисгармоний должны были в семидневный срок предоставить сведения о местонахождении инструмента и профессии владельца, в противном случае грозило наказание по всей строгости революционного закона⁴⁵.

43 Алтабаева Е.Б. Смутное время: Севастополь в 1917–1920 годах. «Телескоп». Севастополь. 2004, с. 232.

44 Известия (Севастополь) от 25 мая; цитируем по: Крестьянников, с. 414.

45 Постановление Наркомпроса № 25//Известия (Севастополь), № 17, 16 мая.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

КРЫМСКИЕ ГАЗЕТЫ ВТОРОГО КРАСНОГО ПЕРИОДА (1919 ГОД)

К основной тройке газет я отношу:

ТАВРИЧЕСКИЙ КОММУНИСТ. с 30 мая «КРЫМСКИЙ КОММУНИСТ» — главный партийный орган. Редактор С.М. Мирный⁴⁶. Газета начинала выходить с 30 марта 1919 г. в Мелитополе как орган Мелитопольского партийного бюро. Затем редакция газеты переехала в Симферополь и с № 9 от 18 апреля работала в здании Обкома (бывшего Дворянского Собрания) на Дворянской улице. Последний адрес редакции: Симферополь, Александро-Невская, д. 12. В конце 1920 г. издание возобновилось под названием «КРАСНЫЙ КРЫМ».

СИМФЕРОПОЛЬСКИЕ «ИЗВЕСТИЯ». Полное название: «ИЗВЕСТИЯ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА», с начала июня: «ИЗВЕСТИЯ ВРЕМЕННОГО РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КРЫМА И СИМФЕРОПОЛЬСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ». Предшествующее издание: в 1918 г. выходили **ТАВРИЧЕСКИЕ СОВЕТСКИЕ ИЗВЕСТИЯ** № 1 (25 января) — № 24 (7/22 марта). Главный редактор В.М. Хайкевич⁴⁷.

46 Мирный Семен Максимович, член КПСС с 1918 г. Член подпольного обкома в Крыму, в 1919 г. редактор газеты «Таврический коммунист». В 1921–1923 гг. учится в Военной академии. С 1923 до 1937 г. на работе в Советском дипломатическом представительстве в Турции, Норвегии, Венгрии (первый секретарь посольства) и в Швеции (советник посольства). С 1955 г. главный библиограф Государственной библиотеки имени В.И. Ленина, с 1961 г. персональный пенсионер.

47 Газету и ее главного редактора образно (но не совсем точно) охарактеризовал журналист А. Гурфинкель.

«Над Симферополем взвились и повисли красные флаги. В опустевшую редакцию кадетско-помещичьего органа, каждодневно анафемствовавшего большевиков, пришли новые люди. Пришли делать газету: делать неумело, спотыкаясь, топорно-коряво, ибо не было опыта, не было знания <...> Редактор (в кабинете его прислоненной в углу стояла винтовка) изливал весь свой революционный темперамент в буйно-разящих передовицах, написанных «под Стеклова», с огнем испепеляющим, с едким сарказмом. <...>

Газета (называлась она «Известия») выходила суровой, не улыбочливой, не умевшей, не желавшей быть веселой, быть занимательной.

Газета была — один сплошной лозунг, набатно кричавший.

Газете были начертаны короткие строки. Прогрохотали пушки, и опустела редакция. Редактор вскинул на плечо винтовку и пошел в строй сражаться и бить — как сражался и бил он в передовицах своих... — бить врагов, обступивших страну Советов» [Ар. Гурфинкель. Недавнее // Красный Крым (Симферополь), 1924, № 101, 6 мая, с. 5].

Приводим некоторые анкетные данные партийной переписи 1922 года В.М. Хайкевича: Родился в 1899 г. (22 года в 1922 году при заполнении анкеты в Севастополе)

Отец — купец 1-й гильдии, еврей.

Партийная работа: РСДРП: май-июль 1917; РКП с августа 1917: секретарь парткома Симферополя, секретарь парткома Феодосии; Два раза участвовал в партийных конференциях.

Подполье: Феодосия, Евпатория, Севастополь, Одесса — 4 года и 7 месяцев

Образование: гимназия — 8 лет, закончил; университет — 1 год, не закончил;

№ 1 вышел 13 апреля. Адрес редакции: Александро-Невская, д. 11а.
Последний номер Известий Временного правительства — № 23 от 17 июня.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ «ИЗВЕСТИЯ». Полное название: «ИЗВЕСТИЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА», затем (с № 37 от 11 июня) «ИЗВЕСТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА РАБОЧИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ И МАТРОСКИХ ДЕПУТАТОВ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ».

Газету выпускала «Редакционная коллегия Севастопольского революционного комитета»; ответственный редактор К. Ольнер, члены редакционной коллегии: С. Тетин (он баллотировался в Горсовдеп от большевиков) и Н. Стернин.

От большевиков в редколлегию 14 апреля были выдвинуты Крупчицкий-Торба и Занько⁴⁸. Предшествующие издания: МАЯК КОММУНЫ (1917); ИЗВЕСТИЯ СОВЕТА ВОЕННЫХ И РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ (1918). Адрес редакции: ул. Чесменская, д. 2, во дворце, т.е. в бывшем дворце командующего Черноморским флотом, где размещался Ревком.

* * *

Сведения об остальных газетах почерпнуты мною в основном из работы братьев В.Г. и А.Г. Зарубиных о периодике Крыма⁴⁹, дополнены мною и сгруппированы по городам издания.

ЕВПАТОРИЯ

ГОЛОСЕВПАТОРИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА. № 1 вышел 15 апреля. Ответственный редактор Б.В. Нерослов. Опубликовано несколько статей Д.И. Ульянова о курортах Евпатории.

КРЕСТЬЯНСКАЯ БЕДНОТА*⁵⁰, газета выходила по выходным дням.

КЕРЧЬ

Керченский полуостров контролировался деникинцами.

ВОЛНА 1918–1919, газета меньшевистского направления.

СЕВАСТОПОЛЬ

ПРИБОЙ (Севастополь). Орган Севастопольского и Крымского областного Комитета Российской Социал-демократической Рабочей Партии [меньшевиков]. Редактор

Социалистическая академия — 1 год, не закончил.

Трудовая деятельность: В Феодосии — партком с декабря 1917 по апрель 1918. Затем Москва — 1918–1919 — секретариат ЦК РКП (6 месяцев), заведующий столом печати; далее редактор газеты («Известия...» (Симферополь) и секретарь Крымского Обкома — 9 месяцев. С декабря 1921 по январь 1922 — в редакции газеты «Маяк коммуны» (Севастополь).

В армиях не служил, проходил Всевобуч. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 8, д. 490].

48 РГАСПИ, ф. 17, оп. 6, д. 139, л. 1, 2.

49 Зарубин В. Г., Зарубин А. Г. Периодические издания Крыма (март 1917–ноябрь 1920) // Клио (СПб), 2000, № 1(10), с. 54–64.

50 В центральных библиотеках и архивах Москвы, Петербурга и Крыма не сохранилось ни одного номера из газет, помеченных звездочкой (*).

А.Г. Каменков-Павлов. Выходила на одном листе (2 страницы). Апрель-июнь (выходила и ранее, выпуск неоднократно приостанавливался). Адрес редакции: Большая Морская, 12.

КРЫМСКИЙ ВЕСТНИК — закрыт в середине апреля 1919 г. как орган буржуазии.

ИЗВЕСТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ. № 1 (12 мая).

МОЛОТ. Газета рабочих и служащих металлообрабатывающих производств г. Севастополя.

№ 1, 10 июня.

СИМФЕРОПОЛЬ

БАХЧИЭЛЬСКИЙ КОММУНИСТ* (Симферополь). Орган фракции коммунистов-большевиков. № 1 вышел 4 мая⁵¹. Бывшее село Бахчи-Эль ныне находится в черте г. Симферополя.

БОРЕЦ ЗА КОММУНИЗМ. Орган Политотдела Крымской армии. Начала выпускаться не позже марта 1919 г., так газета от 23 мая имеет № 91. До Симферополя редакция размещалась в городах северной Таврии.

В шапке газеты помещены четыре характерных призыва:

Силой красной винтовки — к социализму!

Все для Красной Армии!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарии всех стран — к винтовкам!

Редактор в апреле-мае Б. Астахов.

БОРЬБА* — орган Симферопольского комитета с.-р., начала выходить в 20-х числах апреля.

ФЕОДОСИЯ

ИЗВЕСТИЯ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА Г. ФЕОДОСИИ. Конец апреля-май. Редактор Х. Гильдин (он же — председатель ВРК). Далее — **ЮЖНАЯ КОММУНА** (5–17 июня), адрес редакции: Итальянская ул., д. Хаджи.

ГОЛОС ЮНОГО КОММУНИСТА* (Феодосия) первая комсомольская газета Крыма; № 1 — 1 июня.

ЯЛТА

ИЗВЕСТИЯ ЯЛТИНСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА. Редактор И. Слуцкий. Первый номер вышел 25 апреля. Последний № 44 вышел 22 июня.

НАША ГАЗЕТА*, орган Центрального бюро местных профсоюзов, находившегося под влиянием меньшевиков, первый номер вышел 25 апреля, закрыта в июне. Редакторы С.Л. Сосновский и В.А. Афанасьев. Один из ведущих авторов газеты — меньшевик-интернационалист В.А. Базаров. С 13 по 23 июня выходила под редакцией коммунистов.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА, орган Ялтинского уездного Военного комиссариата. Первый номер вышел 25 апреля. № 2 (26 апреля) — № 4 (29 апреля). Ответственный редактор Я. Сладкевич; редколлегия Д. Быков, А. Дубровский.

⁵¹ Фрагмент обращения к трудящимся в связи с выборами в Горсовдеп Симферополя из этого номера см. Борьба за советскую власть в Крыму, 1961, с. 143–144.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 2

ПРОТОКОЛЫ ТУАК ЭПОХИ КРАСНОГО КРЫМА 1919 ГОДА ⁵²

11 МАЯ ⁵³

Соединенное заседание ТУАК и «Общества философии, истории и социологии при Таврическом университете.

Сообщения:

А.И. Маркевич. На смерть А.С. Лаппо-Данилевского (Архивно-археологическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского).

Б.Д. Греков. Об ученой и учебной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского.

Г.В. Вернадский. А.С. Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века.

Протоиерей *А.Г. Назаревский.* О Лаппо-Данилевском как воспитатнике Симферопольской гимназии.

А.И. Маркевич. Благодарность директору Симферопольской гимназии Л.В. Жирицкому за гостепеимное предоставление зала гимназии для устройства заседания Комиссии ТУАК.

5 ИЮНЯ ⁵⁴

Сообщение *А.Н. Деревницкого* об умершем профессоре Ю.А. Куликовском.

А.И. Маркевич. Памяти Ю. А. Куликовского и Л.А. Шихуцкого.

профессор *Н.К. Гудзий.* Мотив усеченной главы в татарской легенде об Азисе.

А.Л. Бертъе-Делагард. Недоуменные вопросы средневековья в Тавриде (1-я часть сообщения).

«Заслушано письмо художника Малышко на имя председателя ТУАК с изложением обстоятельств снятия памятника имп. Екатерины II и барельефов с памятника князю В.М. Долгорукову. К подобному заявлению побудило автора письма, принимавшего участие по предложению Ревкома в снятии обоих памятников, побудило «желание реабилитировать себя перед высокими учреждениями науки и искусства». — принято к сведению.

А.И. Маркевич. Об учреждении в г. Симферополе Центрального архива и об отводе для него помещения в здании бывшего пансиона 1-й Симферопольской мужской гимназии.

⁵² Сведения почерпнуты из издания: Отчет о деятельности ТУАК за 1919 год // Приложение к Известиям ТУАК № 57.

⁵³ Там же, с. 40–41.

⁵⁴ Там же, с. 41–42.

12 ИЮНЯ

Протокол заседания не опубликован (по-видимому, по цензурным соображениям, поскольку издание Известий ТУАК № 57 происходило при белых в начале 1920 года).

Об этом заседании сообщил председатель ТУАК А.И. Маркевич в ходе заседания 18 июня.

Заседание 12 июня состоялось в Комиссариате по народному образованию по случаю открытия в Симферополе Центрального архива. — Тогда же было сделано сообщение: — *Г.В. Вернадский*. «Тавельский архив Поповых и значение его для истории».

18 ИЮНЯ⁵⁵

Доложено отношение подотдела гражданских зданий и сооружений Отдела промышленности Совета Народного Хозяйства Временного Рабоче-Крестьянского правительства Крыма от 10 июня за № 30 с препровождением протокола по снятию памятника императрице Екатерине II, находившегося в городском саду г. Симферополя.

Постановлено: принять к сведению и обратиться в Комиссию по охране памятников старины при Военно-революционном комитете с просьбой о перенесении фигур императрицы Екатерины II и ее сподвижников, а равно бюстов в закрытое помещение, так как они выброшены из сарая, в котором находились, свалены во дворе духовной семинарии и подвергаются порче от сырости и невежественного с ними обращения за отсутствием надзора.

Кроме того были сделаны сообщения:

Вторая часть сообщения: *А.Л. Бертъе-Делагард*. Недоуменные вопросы средневековья в Тавриде, а именно глава III. О Фуллах и Фульской епархии.

Два доклада *Г.В. Вернадского*: «Стихи князя Г.А. Потемкина на основании Екатеринослава», «Письмо М.А. Гарновского князю Г.А. Потемкину-Таврическому».

Сообщение председателя Комиссии ТУАК *А.И. Маркевича* «Об учреждении в Симферополе Центрального архива», и о заседании 12 июня (см. выше).

Примечание:

Следующее заседание прошло **3 июля** уже при новой власти под председательством «непременного попечителя» Комиссии ТУАК Таврического губернатора Н.А. Татищева⁵⁶.

А.И. Маркевич от имени Комиссии «приветствовал «непременного попечителя» с вступлением в должность правителя Тавриды, «измученной бесправием и беззаконием и давно уже жаждавшей порядка, закона и покоя».

Добавим к этому, что в сентябре 1919 года в Симферополь приезжал А.И. Деникин. Тогда в торжественной встрече его принимали участие председатель ТУАК Арсений Иванович Маркевич и товарищ председателя Борис Дмитриевич Греков⁵⁷.

55 Приложение к Известиям ТУАК № 57, Симферополь, 1920, с. 42–44.

56 Там же, с. 45.

57 Там же, с. 72.

МЕДИЦИНА И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Медицинскую тему начинаем с распоряжения Симферопольского ревкома от 16 апреля. Вытеснение деникинцев с Крымского полуострова к тому времени еще продолжалось и этим распоряжением врачи, медсестры и фельдшеры направлялись в ведение заведующего Санитарным отделом группы войск Перекопского направления⁵⁸. Для этой же цели Ревком занялся добыванием и учетом медикаментов и перевязочных средств⁵⁹.

В мае новая власть занялась национализацией некоторых аптек⁶⁰ и назначила в них «своих» заведующих. Поскольку медикаменты в Крыму подходили к концу, были направлены специалисты для закупки в Одессе⁶¹. Особенно тяжелая ситуация с медикаментами сложилась в Севастополе, поэтому там запрещался отпуск медикаментов из аптек, без ведома комиссариата здравоохранения, а аптекам надлежало вести точные записи расходуемых медикаментов и предоставлять в комиссариат ежедневные ведомости⁶².

В середине мая нарком здравоохранения Крыма Д.И. Ульянов подписал постановление об освобождении от призыва по мобилизации врачей и других медработников. Но из-за григорьевского мятежа действие этого постановления была задержано до начала июня⁶³. А в середине мая произошло обратное событие — готовилась частичная мобилизация врачей в помощь частям Крымской армии, воевавшим с григорьевцами⁶⁴.

Свою специфику для Крыма имела и тема курортного лечения. Еще 18 апреля председатель Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровский и секретарь ЦИК С.В. Косиор обратились⁶⁵ к новым властям (тогда это был Симферопольский ревком) со следующей телеграммой: *«С занятием побережья Черного моря происходит расхищение курортов и разорение их. Всеукраинский ЦК требует принять надлежащие меры охраны всенародного достояния, беспощадно преследовать расхитителей. Об исполнении сообщить»*. Побудила их проявить обеспокоенность телеграмма В.И. Ленина

58 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 76–78.

59 Там же, д. 169, л. 1–2.

60 Известия (Ялта), № 17, 20 мая, с. 1.

61 ГАРК, ф. р-2467, оп. 1, д. 10, л. 10.

62 Известия (Севастополь) от 10 мая и от 1 июня.

63 Известия (Симферополь), № 12, 3 июня, с. 1.

64 ГАРК, ф. р-2467, оп. 1, д. 19, л. 1.

65 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 129.

аналогичного содержания⁶⁶. Со своей стороны, из Симферополя на места 20 апреля было грозно предписано⁶⁷: «*Всем, всем, всем. Военно-Революционный комитет города Симферополя предписывает всем Революционным комитетам Крыма немедленно принять меры для охраны курортов и оставленных имений и имуществ. За все хищения и злоупотребления Революционные комитеты отвечают лично. За председателя Бурмистров, секретарь Беловицкий*». На этом, собственно, все охранные действия Симферопольского ревкома и закончились, а в Киев поспешили⁶⁸ доложить: «*Председателю ВсеукрЦИК Петровскому. № 712. Меры охране курортов приняты. Председатель Симферопольского Ревкома*».

В ходе формирования Временного правительства Крымской ССР Наркомздрав возглавил Д.И. Ульянов, а в силу возникших обстоятельств он также оказался временно исполнявшим обязанности председателя Крымского совнаркома. Складывается впечатление, что Дм. Ульянов явно с большей охотой и, естественно, со знанием дела, занимался вопросами здравоохранения, чем своими обязанностями председателя правительства Крыма. Более подробно деятельность его на посту председателя Крымского Совнаркома освещена в разделе «*Политическая панорама*».

В фонде Симферопольской городской управы сохранился почти полностью журнал заседаний Курортного съезда, проливающий свет не только на курортные дела, но и на некоторые аспекты здравоохранения в Крыму в целом в тот период и на деятельность Дмитрия Ульянова. Съезд этот проходил 12 и 13 мая. Главными организаторами съезда были сам Д. Ульянов и его давний друг, заведующий санитарно-курортным отделом А.А. Дзевановский. По окончании съезда копии его журнала были направлены для обсуждения в санитарно-курортные отделы и профсоюзы врачей⁶⁹.

Д.И. Ульянов резонно призывал⁷⁰ не торопиться «*производить освидетельствование на предмет посылки в курорты и санатории, пока не будет разрешен вопрос об открытии курортов так как всякое освидетельствование внушает больному уверенность, что он попадет в специальное лечебное заведение, и отказ в посылке всякий раз вызовет понятное недовольство и пререкания. Когда вопрос о курортах Совнаркомом разрешится, будет открыт немедленно распределитель и при нем организована комиссия для освидетельствования нуждающихся в курортном лечении*». Кроме того съездом было решено направить⁷¹ в Москву и Киев «*представителя хорошо знакомого с положением дел у нас на месте и в Москве, чтобы он оттуда привез вполне ясный ответ по поводу наших предложений и соответствующие руководящие материалы*». Некоторые материалы Курортного съезда приведены в Приложении.

Между тем крымские курорты постепенно оживали — открылась грязелечебница в Саках, готовились к приему 5000 детей евпаторийские детские лагеря⁷². Наркомпрос предполагал открыть летом детские «*полуколонии* в пригородах Симферополя, где дети должны были находиться по 8 часов. Для детских групп начался набор руководителей⁷³.

66 Ленин В.И. ПСС, т. 50, с. 381–382.

67 ГАРК, ф. р-1733, оп. 1, д. 191, л. 126.

68 Там же, л. 128.

69 ГАРК, ф. 63, оп. 2, д. 882, л. 9.

70 Там же, л. 22.

71 Там же, л. 12.

72 Таврический коммунист (Симферополь), № 28, 14 мая, с. 4.

73 Таврический коммунист № 37, 24 мая, с. 1.

Не обходилось и без казусов разного рода. Некоторым горячим головам хотелось превратить Крым в пролетарскую здравницу незамедлительно. Так в резолюции съезда партячек Крымской дивизии, проходившего в Ислам-Тереке обращалось «самое серьезное внимание» рабоче-крестьянского правительства Крыма на отсутствие отдыхающих рабочих и красноармейцев в курортных городах, в частности, в Ялте. При этом предлагалось¹ немедленно «удалить буржуазию из этих городов». Пытались военные занять под свой санаторий Воронцовский дворец в Алушке. Это при том, что «других свободных зданий более чем достаточно», а во дворце хранилось огромное собрание художественных произведений. Художник Н.Д. Миллиоти, курировавший здания дворцов крымского побережья, с трудом смог отстоять Воронцовский дворец².

Помимо здравоохранения на ведомство Д.И. Ульянова были возложены функции социальной защиты населения. Об этой деятельности известно немного, но, похоже, серьезных нареканий она не вызывала. Круг деятельности в этом направлении был традиционен: организация выдачи пайков и пособий, презрение «увечных воинов», охрана материнства и младенчества³. Но это только общий перечень направлений деятельности. Ясно, что в тех тяжелейших условиях приходилось и деньги для собеза с боем добывать⁴ и детские кровати для приютов изыскивать⁵ и делать множество других вещей. Известно, что за короткий период красная власть успела открыть специальный приют для детей-подкидышей⁶, а также «первое в Севастополе убежище для престарелых»⁷. Кстати, на Курортном съезде Д.И. Ульянов в ходе дискуссии о создании детских колоний высказался вполне определенно и здраво: «В России масса детей гибнут от недоедания. Наша задача — найти им помещение и уход»⁸.

Средства для социального обеспечения формировались из отчислений для лиц и граждан, пользующихся наемным трудом 4% для постоянных и 6% для сезонных работников⁹.

Из следственного дела бывшего городского головы Симферополя С.А. Усова известно, что в 1919 году в день вступления в Симферополь Добровольческой армии, Усову были переданы доктором А.С. Залмановым¹⁰, приехавшим в Крым для организации курортного дела, 700 000 руб. казенных денег. Деньги эти, вместе с документами, компрометировавшими Залманова, Усов опечатал печатью Городской Управы и сдал на хранение в кассу последней. Впоследствии деньги эти были возвращены Залманову, когда последнему представилась возможность скрыться из Симферополя¹¹.

1 РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 156, л. 250.

2 Известия ВЦИК (Москва), № 116, 31 мая, с. 1.

3 Известия (Ялта), № 30, 5 июня, с. 4.

4 Известия (Севастополь), № 25, 25 мая.

5 Известия (Ялта), № 31, 6 июня, с. 3.

6 Таврический коммунист, № 29, 15 мая, с. 4.

7 Крестьянников, с. 409.

8 ГАРК, ф. 63, оп. 2, д. 882, л. 11 об.

9 Таврический коммунист, № 37, 24 мая, с. 3.

10 **Залманов Абрам Соломонович** (1875–1965), врач-курортолог. С 1918 г. — начальник Главного Курортного управления РСФСР. Личный врач Н.К. Крупской и М.И. Ульяновой. По рекомендации В.И. Ленина в 1921 году выехал в Германию для повышения квалификации. Работал в клиниках Германии и Франции, оставался гражданином СССР. Умер в Париже.

11 **Филимонов С.Б.** Тайны крымских застенков. Симферополь, 2003, с. 132.

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ КУРОРТНОГО СЪЕЗДА¹²

В фонде Симферопольской городской управы сохранился почти полностью журнал заседаний Курортного съезда¹³, проливающий свет не только на курортные дела, но и на некоторые аспекты здравоохранения в Крыму в целом в тот период. В нашем нынешнем понимании, это скорее был не съезд, а семинар, поскольку число его участников было невелико — несколько десятков человек. Съезд этот проходил 12 и 13 мая. Главными организаторами съезда были нарком Д. Ульянов и его давний друг, заведующий санитарно-курортным отделом А.А. Дзевановский. По окончании съезда копии его журнала были направлены для обсуждения в санитарно-курортные отделы и профсоюзы врачей¹⁴. Кроме того съездом было решено направить в Москву и Киев «представителя хорошо знакомого с положением дел у нас на месте и в Москве, чтобы он оттуда привез вполне ясный ответ по поводу наших предложений и соответствующие руководящие материалы»¹⁵.

* * *

Комиссариат здравоохранения. Отдел санаторно-курортный
23 мая 1919 г., № 123, г. Симферополь. Циркулярно

При сем препровождается копия журнала Заседания Курортного съезда 12–13 мая с.г. для сведения и исполнения. Ввиду желательности дальнейшей разработки и более подробного освещения вопросов, затронутых на съезде и для получения материалов для следующего съезда, просит отдел здравоохранения обсудить журнал Съезда и затронутые Съездом вопросы в Совете при вашем отделе и переслать журнал для обсуждения в местный профессиональный союз врачей. Доклад об ассигновании денег на открытие санаторий внесен в Совет Народных Комиссаров, но пока еще не разрешен. По ассигновании Совнаркомом денег на открытие курортов Комиссариат немедленно уведомит все отделы.

Народный комиссар *Дм. Ульянов* [автограф]
Заведующий отделом *Дзевановский* [автограф]
Делопроизводитель /подпись.

* * *

А.А. Дзевановский, заканчивая обсуждение вопроса о курортах в Крыму, предложил совещанию: «Просить Совнарком через д-ра Ульянова командировать в Москву и Киев, в центр представителя хорошо знакомого с положением дел у нас на месте и в Москве, чтобы он оттуда привез вполне ясный ответ по поводу наших предложений и соответствующие руководящие материалы». Совещание единогласно постановило поручить исполнение Наркомздраву и Совнаркому. <...>

Ульянов: Как видно из заслушанных докладов с мест, единого плана в организации дела нет. Нет у нас в этом отношении и инструкции Центра, а потому дело надо

12 ГАРК, ф. 63, оп. 2, д. 882, л. 9, 12, 15 об., 44, 45.

13 ГАРК, ф. 63, оп. 2, д. 882, л. 11–17.

14 Там же, л. 9.

15 Там же, л. 12.

наладить нам самим согласно требованиям самой жизни. При этом у нас появляются два рода вопросов: 1) вопросы момента, выдвигаемые жизнью и (2) вопросы будущего. То, что налажено в медико-санитарном деле целыми десятилетиями, что постепенно сложилось благодаря работам специалистов, необходимо сохранить и затем расширить соответственно нашим целям и нуждам населения. Вопросы второго порядка — это наши мечты, и их надо постепенно наметить и подготовить разработкой применительно к условиям жизни.

Организацию Краевого Управления я представляю себе в таком виде. Оно должно быть разделено на следующие три отдела. Первый отдел должен объединить судебно-медицинских врачей в городах и уездах и наладить это специальное дело. Второй отдел должен быть разделен на подотделы городской медицины, сельской медицины и специально гигиенический. Сюда же надо отнести пока и курортный подотдел, который впоследствии придется преобразовать в особый отдел. Третий — фармацевтический отдел должен объединять работу всех соответствующих отделов на местах и в первую очередь заняться организацией центрального склада медикаментов, перевязочного материала, предметов по уходу за больными. Кроме этих трех отделов по моему глубокому убеждению должен быть создан особый отдел — просветительский. Всем хорошо известно значение народного невежества в деле громадного развития эпидемиологических болезней у нас, высокой смертности и т.д. Раньше на это дело обращали мало внимания, теперь надо его поставить наряду с другими. По моему мнению, для заведывания им не нужно врача, надо пригласить опытного и знающего работника, который поставил бы это дело громадной важности. Необходимо развить сеть выставок, музеев, организовать лекции и т. п.

Медицина военная, железнодорожная, тюремная должны входить в общую организацию. Во главе сего дела должна стоять коллегия при народном комиссариате здравоохранения. Через нее должны проходить все дела принципиального характера и более важные. Задачи социального обеспечения — руководство этим делом поручено также мне по той глубокой связи, которое оно имеет с медициной. Я полагаю выделить его в особый комиссариат, оставив в моем ведении. <...>

* * *

22 мая. Заведующему Симферопольским отделом здравоохранения.

«...Вопрос об открытии санатории в Крыму еще не разрешен, а до разрешения этого вопроса и отпуска денег на содержание санатории, грязелечебницы и других специальных лечебных заведений производить освидетельствование на предмет посылки в курорты и санатории комиссариат считает преждевременным и даже нежелательным, так как всякое освидетельствование внушает больному уверенность, что он попадет в специальное лечебное заведение, и отказ в посылке всякий раз вызовет понятное недовольство и пререкания. Когда вопрос о курортах Совнаркомом разрешится, будет открыт немедленно распределитель и при нем организована комиссия для освидетельствования нуждающихся в курортном лечении.

Народный комиссар здравоохранения *Дм. Ульянов*
Заведующий санаторно-курортным отделом *А. Дзевановский*

Аналогичный ответ был дан на запрос о грязелечебнице.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Севастопольский «Крымский Вестник», вновь издаваемый после второго прихода красных, писал: *«Недолгий период хозяйничанья большевиков поставил долговременность нового порядка вещей под большой знак вопроса. Власть, чуждая какой бы то ни было тени демократизма, построенная на неограниченной диктатуре, сопровождаемая безудержным произволом отдельных лиц, эта власть быстро потеряла симпатии даже в рабочих массах, возлагавших большие надежды на ее приход. При таких условиях ликвидация ее в Крыму совершилась почти с волшебной легкостью»*. Позволю себе не согласиться насчет «неограниченной диктатуры» и «безудержного произвола отдельных лиц». Не совсем корректен автор и относительно «волшебной легкости» ликвидации красной власти. Что же происходило на самом деле — вот вопрос, на который и была призвана ответить моя работа.

Как известно, история любого региона не имеет конца, ее продолжение бесконечно. В полной мере эта нехитрая сентенция относится и к Крыму. Новая власть, пришедшая на смену красным, в меру своего разума стала руководить вновь обретенной территорией. Перечислим лишь некоторые из распоряжений новой власти. По части сельского хозяйства: один из первых приказов А.И. Деникина предписывал крымским чиновникам «Немедленно озаботиться подготовкой полей к осеннему севу». Урожай 1919 года должны были убирать те, кто засеивал поля, даже если земля была незаконно захвачена. Но при этом вводилось правило «третьего снопа», т.е. треть урожая должна была передаваться государству. По части финансовой: все бывшие отделения Госбанка, попавшие при предыдущих режимах под управление Крымским краевым банком, возвращались в подчинение Государственному банку. По части судебной: судебные действия Крымского краевого правительства признавались законными, а дела находившиеся в производстве до «захвата власти большевиками» подлежали завершению по дореволюционным законам. По части культуры: работавший при большевиках Таврический университет решено было «заново открыть», на что выделялись специальные средства.

Что касается борьбы со сторонниками большевизма, то характерной иллюстрацией может послужить отношение начальника Уголовно-розыскного управления полковника Астраханова к Таврическому губернатору. Астраханов пишет, в частности: «...Работа большевиков, как известно, ушла в подполье и руководящую роль в ней играют комитеты из небольшого количества вполне надежных партийных лиц. Во избежание провала работа комитетов ведется при

весьма конспиративной обстановке: заседания проходят тайно, распоряжения отдаются устно, все письменные доказательства работы, а также запасы оружия и взрывчатых веществ хранятся вне квартир, зарываются в землю или прячутся по разным потайным местам...»

Работа членов небольшевистских партий (в первую очередь меньшевиков и эсеров) в советских учреждениях пагубно отразилась на их личной судьбе после прихода в Крым деникинцев. Так были арестованы П.И. Новицкий, Б.Я. Лейбман, А.Г. Галлоп, С.А. Орловский, Афанасьев, Любимов, С.С. Кнорус. За освобождение этих лиц ходатайствовали целые делегации, вполне обоснованно заявляя, что «благодаря участию названных лиц в советских учреждениях, в Крыму был значительно смягчен террор советской власти и многие общественные и государственные учреждения были спасены ими от разгрома». Помимо индивидуальной травли пострадали и некоторые организации, подозреваемые в пособничестве большевикам. Так подверглись закрытию несколько крупных кооперативов («Рабсоюз», «Кооперация» и «Центросоюз»).

Приходится с грустью констатировать, что эти перечисленные и многие другие события, последовавшие после Красного Крыма-1919, заслуживают подробного описания и анализа и... просятся в новую книгу.

В заключение хочу искренне поблагодарить дорогих крымчан — специалистов по истории Гражданской войны в Крыму В.Г. Зарубина (Симферополь) и В.В. Крестьянникова (Севастополь), без ценных советов которых не могла бы состояться эта книга. С благодарностью вспоминаю высокий профессионализм и доброжелательность сотрудников архивов, в которых мне довелось поработать — РГАСПИ, ГАРФ, РГАЭ, РГВА, ГАГС и ГАРК. Помощь этих замечательных людей облегчила и сделала приятной мою работу над книгой.

Автор будет благодарен за отзывы и замечания.

Направляйте их по адресу:

bl11003000@rambler.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВСЮР	Вооруженные силы на юге России
ГАГС	Государственный архив города Севастополя
ГАРК	Государственный архив Республики Крым
Крестьянников	Крестьянников В.В. Севастополь: Хроника революций и гражданской войны 1917–1920 годов. – Севастополь : Крымский Архив, 2007.
Переписка	Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными организациями. М., 1972
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГВА	Российский государственный военный архив
ЦГАООУ	Центральный государственный архив общественных организаций Украины

Примечание: в этой работе библиографические описания газет имеют следующие отклонения от принятых библиографических правил:

- Все газеты, начинающиеся со слова «Известия», как то Известия Революционного комитета, Известия Совета депутатов и т.д. описываются одним словом «Известия» с указанием города. Например: Известия (Ялта).
- В ссылках на газеты не указывается год выпуска, если это не оговаривается особо. Отсутствие года выпуска означает, что газета выпущена в 1919 году.

Михаил Васильевич Владимирский
Красный крым 1919 года

Научно-популярное издание

Верстка *А. Савастеева*
Редактор *О. Макеев*

Книга выпущена издателем Олегом Пахмутовым
info@pakhmutov.ru
pakhmutov.ru
+7-916-675-6735

Изд. номер 160406.

Тираж 100 экз.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография» филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.
+7-499-270-73-59
www.chpd.ru, sales@chpd.ru

